ISSN 1816-8280

КАМЧАТСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ «УЧЕБНО-НАУЧНЫЙ ЦЕНТР»

ВЕСТНИК КРАУНЦ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

JOURNAL COLLECTION
OF SCIENTIFIC WORKS OF KRASEC

The Humanities

2012 № 2 (20)

Министерство образования и науки Российской Федерации
Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга
Вестник КРАУНЦ
(Камчатской региональной ассоциации «Учебно-научный центр»)
Серия «Гуманитарные науки»
2012 № 2 (20)

г. Петропавловск-Камчатский
Журнал основан в декабре 2002 г. Выходит 2 раза в год
Научное издание

ISSN 1816-8280 (печатная версия)
ISSN 1816-2580 (электронная версия)
http://www.kamgu.ru/kraunc_journal

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ФС 77-21258 от 8 июня 2005 г. выдано Федеральной службой
по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного наследия

Иллюстрация на обложке: В сером. В.В. Кандинский, 1919

© Камчатский государственный
университет имени Витуса Беринга, 2012
© Камчатская региональная ассоциация
«Учебно-научный центр», 2012
© Редакция журнала «Вестник КРАУНЦ.
Гуманитарные науки», 2012

Ministry of Education and Science of Russian Federation
Vitus Bering Kamchatka State University
Journal Collection of Scientific Works of KRASEC
(Kamchatka Regional Association «Scientific-Educational Centre»)
Section «The Humanities»
2012 № 2 (20)

Petropavlovsk-Kamchatskiy City
Semi-annual edition founded in December 2002
Scientific publication

ISSN 1816-8280 (Print)
ISSN 1816-2580 (Online)
http://www.kamgu.ru/kraunc_journal

Mass Media Registration Certificate № ФС 77-21258 issued June 8, 2005
by Mass Media and Cultural Heritage Protection Legislation Regulation Federal Service

Cover illustration: In Gray. V.V. Kandinsky, 1919

© Vitus Bering Kamchatka
State University, 2012
© Kamchatka Regional Association
«Scientific-Educational Centre», 2012
© Edition of Journal Collection
of Scientific Works of KRASEC
(The Humanities), 2012

СЛОВО РЕДАКТОРА

THE WORD OF AN EDITOR

Журнал «Вестник КРАУНЦ» серия «Гуманитарные науки» издается с 2002 г. За годы издания определились основные области научных интересов журнала, сложилась его структура, оригинальное оформление. Публикуемые авторские работы проходят серьезную процедуру рецензирования, что способствует поступательному качеству публикаций журнала, занимающего вполне достойное место среди периодических научных изданий.

Вашему вниманию представлен очередной номер журнала, который выходит в новом формате. Новая структура журнала обусловлена существующей тенденцией интеграции различных областей научного знания. Междисциплинарность современных гуманитарных исследований в нашей стране и во всем мире становится все более очевидной. Приоритетный в настоящее время принцип междисциплинарности позволяет синтезировать научные направления и теоретические подходы разных гуманитарных дисциплин, всесторонне учитывать накопленный опыт исследований, что делает изучение «человеческого» в общественных науках и жизни человека в целом более масштабным и фундаментальным.

Структура данного номера представлена пятью разделами — «Философия», «Педагогика», «Филология», «Психология», «Научные события», каждый из которых вобрал в себя разнообразные научные направления: философия образования, социальная педагогика, этнолингвистика, литературоведение, фольклористика, экстремальная психология, политическая психология, психология труда и др.

В фокусе обсуждения находятся методологические проблемы формирования экологического образования, профессиональные аспекты ценностного единства группы, процессов социально-психологической адаптации мигрантов, обоснование субъектно-средового подхода в психологических исследованиях качества жизни, актуальные вопросы реформирования современного образования, проблема структурных констант лирического текста, становление жанров русской поэзии, классификация жанров фольклора восточных палеоазиатов и так далее.

Широкий спектр проблематики статей, с одной стороны, создает возможность для саморазвития и самореализации ученых в своей отрасли науки, а с другой — содействует интеграции современного социально-гуманитарного знания, создавая на страницах журнала пространство для интеллектуального взаимодействия профессионалов, принадлежащих к различным областям современной гуманитаристики.

В номере публикуются работы ученых Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Владимира, Пензы, Кемерово, Петропавловска-Камчатского и других городов. Среди авторов журнала — не только маститые ученые и многоопытные практики, но и начинающие молодые исследователи — преподаватели вузов, аспиранты и соискатели ученых степеней.

В статьях журнала читатель найдет оригинальные идеи, новые подходы к решению актуальных проблем, выполненные на основе многолетних эмпирических исследований и практического опыта. Проблематика журнала представляет несомненную ценность для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся актуальными проблемами современного гуманитарного знания. Выражаем надежду, что опубликованные в данном номере статьи вызовут интерес, найдут свое продолжение в дальнейших исследованиях, окажутся полезными в практической деятельности.

Поскольку данный выпуск журнала выходит в преддверии Нового года, редакционная коллегия желает всем читателям и авторам нашего журнала новых научных идей, творческих успехов и дальнейшего активного сотрудничества с Вестником КРАУНЦ!

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Мамедов Н. М. Экологическое образование: социокультурный контекст 6

Давыдов В. В. Натурализация субъективности в когнитивно-эволюционных исследованиях 14

ПЕДАГОГИКА

Степанов С. А. РИО +20 и модернизационный потенциал России: образовательный аспект 25

Ефименко В. Н., Стафеева Ю. В. Адаптивно-развивающая среда учреждения интернатного типа как фактор социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей 35

ФИЛОЛОГИЯ

Гончарова А. А. Предания в несказочной прозе ительменов (камчадалов) и коряков 43

Каргина А. П. Бытийные глаголы в говорах камчадалов 60

Пастушенко Л. М. Становление жанра дружеского послания в русской поэзии конца XVIII века (М. Н. Муравьев, Н. М. Карамзин) 78

Сибирцева Е. И. К вопросу о специфике модуса художественности в рассказах О. Генри 87

Токарева Г. А. О лирическом сюжете в связи с проблемой структурных констант лирического текста 91

ПСИХОЛОГИЯ

Капцов А. В. Информативность определения ценностного единства группы методиками ценностей личности 101

Кондрашенкова С. В. Феномен качества жизни с точки зрения субъектно-средового подхода 107

Константинов В. В. Адаптационный процесс у мигрантов и их психологические характеристики (на материалах Приволжского федерального округа) 114

Косова У. П. Мотивация волонтерской деятельности 123

Кулик А. А. Исследование взаимосвязи качества жизни личности с субъективной оценкой региона 128

Паукова А. Б. Специфика осуществления психотерапии «вне кабинета» (*Outdoors therapy*) 133

Свешникова Н. О., Соловьева М. А. Психологические аспекты гражданской социализации: к постановке проблемы 139

Серкин В. П. Специфика реализации функций семьи при работе мужа вахтовым или сезонным методом 146

Чернышева Н. С., Маркова Д. М. Шкала самооценки компетентности и социального принятия дошкольника (С. Хартер и Р. Пайк) 155

Чуева Е. Н. Специфика проявления профессионального стресса у представителей социономических профессий 165

Яницкий М. С., Серый А. В., Проконич О. А. Особенности временной перспективы личности представителей различных ценностных типов массового сознания 175

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

XI ежегодная межрегиональная научно-практическая конференция «Человек в истории: Северо-восточный фронтир России в контексте политических, экономических, этносоциальных и этнокультурных процессов (XVII — начало XX в.)» 181

II Всероссийская научно-практическая конференция «Личность в экстремальных условиях» 184

Межрегиональная научно-практическая конференция с международным участием «Восток — Запад: проблемы межкультурной коммуникации» 186

ОБЗОР ИЗДАНИЙ

Научные и учебные издания КамГУ им. Витуса Беринга 2012 года 188

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 195

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 197

CONTENTS

PHILOSOPHY

Mamedov N. M. Ecological Education: Socio-Cultural Aspect 6

Davydov V. V. Naturalization of Subjectivity in Cognitive-Evolutional Researches 14

PEDAGOGICS

Stepanov S. S. RIO +20 and Modernization Potential of Russia: Educational Aspect 25

Efimenko V. N., Stafeyeva Yu. V. Adaptive-Developing Environment of Boarding-School as Socialization Factor of Orphans and Children Remaining without Parents' Custody 35

PHILOLOGY

Goncharova A. A. Legendry in Non-Fairy Prose of Itelmens and Korayks 43

Kargina A. P. Verbs of Being in Kamchadals' Dialects 60

Pastushenko L. M. Formation of Friendly Message Genre in Russian Poetry of the Late XVIIIth Century (M. N. Muravyov, N. M. Karamzin) 78

Sibirtseva Ye. I. Specifics of Art Modus in Short Stories of O. Henry..... 87

Tokaryeva G. A. Lyrical Plot and the Problem of Structural Constants of Lyrical Text 91

PSYCHOLOGY

Kaptsov A. V. Informativeness of Determination of Group Value Unity by means of Personality Values Methodics 101

Kondrashenkova S. V. Life Quality Phenomenon from Subjective-Environmental Approach 107

Konstantinov V. V. Migrants' Adaptation Process and their Psychological Characteristics (on the example of the Volga Federal Okrug) 114

Kosova U. P. Motivation of Volunteers' Activities 123

Kulik A. A. Interrelation of Life Quality Parameters with Subjective Assessment of the Region 128

Paukova A. B. Specifics of Outdoors Therapy Process 133

Sveshnikova N. O., Solovyova M. A. Psychological Aspects of Civil Socialization 139

Serkin V. P. Specifics of Family Functions in Conditions of Husband's Seasonal or Rotating Work 146

Chernysheva N. S., Markova D. M. Competence Self-Assessment Scale and Social Acceptance of Preschool Children (S. Harter & R. Pike) 155

Chuyeva Ye. N. Specifics of Professional Stress Manifestation among Representatives of Socionomic Professions 165

Yanitskiy M. S., Seriy A. V., Prokonich O. A. Peculiarities of Personality Temporal Perspective among Representatives of Different Value Types of Mass Consciousness 175

EVENTS

XIth Annual Interregional Research and Training Conference "Human in History: North-Eastern Frontier of Russia in the Context of Political, Economic, Ethno-Social, and Ethno-Cultural Processes (XVIIth — beginning of XXth centuries)" 181

IInd All-Russian Research and Training Conference "Person in Extreme Conditions" 184

Interregional Scientific Conference with International Involvement "East — West: Problems of Intercultural Communication" 186

PUBLICATIONS REVIEW

Research and Educational Editions of Vitus Bering Kamchatka State University in 2012 188

AUTHORS GUIDELINES 195

INFORMATION ABOUT AUTHORS 197

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

УДК 17.023.4 (502 : 37.02)

Н. М. Мамедов

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

В статье обсуждаются социальные и культурные аспекты формирования экологического образования. Раскрывается роль образования в историческом процессе, в трансляции культурных ценностей, становлении культуры устойчивого развития. Особое внимание уделяется роли образования в разрешении социальных, экономических, экологических противоречий. Рассматриваются актуальные вопросы реформирования современного образования в интересах устойчивого развития.

Ключевые слова: сознание, социализация, образование, культура, экологическое образование, образование для устойчивого развития

N. M. Mamedov

ECOLOGICAL EDUCATION: SOCIO-CULTURAL ASPECT

The article outlines the main social and cultural aspects of ecological education formation focusing on the fundamental role of education in historical process, transmission of cultural values, and formation of sustainable development culture. Special attention is given to the role of education in the resolution of social, economic, and ecologic contradictions. The author analyzes the current issues of modern education reformation for the benefit of sustainable development.

Key words: consciousness, socialization, education, culture, ecological education, education for sustainable development

Феномен образования

Принято считать, что образование — это процесс усвоения систематизированных знаний, умений и навыков, необходимый для адаптации человека к природной и социокультурной среде, гармоничного развития человека и общества. Образование можно оценивать с разных позиций, но главная его ценность заключается в социализации индивида. Социализация — основа передачи культурного опыта от одного поколения к другому, благодаря этому произошло развитие культуры от наивных до современных форм.

Однако образование призвано выступать также средством формирования границ дозволенного в общественном сознании. В этом плане экологическое образование предстает как путь формирования ответственного отношения к природной среде на основе знаний закономерностей экологических систем, понимания допустимой меры их изменения. Экологическое образование призвано содействовать пониманию самоценности природы, необходимости ее сохранения для будущих поколений [8].

Известно, что противоречия, с которыми сталкивается общество, неизбежно сказываются на образовании. Откликаясь на них, образование способно оказывать конструктивное влияние на разрешение этих противоречий. В масштабе исторического времени это проследить не сложно. Не представляет труда подобрать примеры, подтверждающие и раскрывающие данную *диалектическую* связь. И сейчас большинство проблем образования являются производными от наметившихся социальных, политических, экономических, экологических противоречий. Важнейшей предпосылкой их решения является продуманная трансформация образования, его содержания, методологии, технологии. В этом плане государственная политика в сфере образования

сейчас должна учитывать приоритетность устойчивого развития, безопасность страны. *Содержание образования, соответственно, должно быть нацелено на раскрытие духовного богатства человека, формирование интеллектуальных основ устойчивого развития, укрепление и совершенствование гражданского общества, основ правового государства.*

Общее и особенное в системе образования

Образование является важнейшим показателем культуры. Оно не только отображает уровень культуры, но и развивает ее. Если учесть, что каждый народ имеет свою неповторимую культуру, то системы образования отдельных стран имеют свою специфику. Правда, светское образование, помимо связей с социокультурной сферой, имеет глубокую связь с наукой, а наука интернациональна, ее содержание инвариантно во всех обществах. Кроме того, есть общие черты в психологии восприятия людей, в методике преподавания отдельных дисциплин и других педагогических вопросах. Все это обусловливает единство общечеловеческого и национального в системе образования. И при определении целей, содержания образования важно учитывать на самых различных уровнях общепланетарные запросы человечества, связанные с гуманизацией, экологизацией, информатизацией образования.

В зависимости от специфики понимания кардинальных вопросов человеческого бытия возможны различные философии образования и, соответственно, различные концепции подготовки будущего специалиста. Однако целевая установка этих концепций имеет ряд общих черт. С одной стороны, любое образование всегда в той или иной степени соответствует времени, отражает уровень и структуру общественного сознания и воспроизводит ее. С другой,— всякое образование ориентировано на будущее и призвано создавать интеллектуальные предпосылки для социального развития, проявления новых граней сущностных сил человека.

Выбор соответствующей концепции образования, в общем и целом, зависит от доминирующих ценностно-мировоззренческих установок, многообразия духовных потребностей общества. Сложность заключается в том, что не всегда однозначна и равносильна структура этих детерминирующих факторов. Неизбежно возникает, поэтому проблема выбора, определения приоритетов как в выявлении общей стратегии, методологии образования, так и в многочисленных частных, методических вопросах преподавания отдельных дисциплин. В этом отношении разработка целостной концепции образования, его содержания, структуры сама по себе предстает как фундаментальная и комплексная научная проблема.

Переживаемое нами время характеризуется как вхождение в эру постиндустриального общества. Основными отличительными чертами этого общества, судя по всему, будет его ориентация на гармонизацию социально-экономического и экологического развития, высокий уровень информатизации и экологизации образования.

Вместе с тем кардинальное значение имеет то обстоятельство, что решение глобальных проблем зависит и от того, какой тип человека сформирует общество для их преодоления. Уровень развития индивидуального сознания, нравственных представлений человека, характер и широта его межличностных связей, степень включенности в социальную жизнь определяют ценностные установки, мотивы жизнедеятельности людей. Эти составляющие, необходимые для формирования так называемого «ответственного сознания» личности, общество может задать посредством воспитания и образования. Другими словами, образование должно содействовать развитию *социального капитала*, т. е. формальных и неформальных норм и ценностей в обществе, которые усиливают доверие между людьми и делают возможными коллективные действия [16].

Особенности российского образования

Следует еще раз подчеркнуть, что образование, помимо всего остального, непосредственно связано с естественно-природной, социальной, духовной спецификой страны, ее культурой. В этой связи представляются наивными попытки *однозначно копировать* западный тип образования в России. Образование, не отражающее специфику общества, его чая-

ния будет отчуждаться от общества и деградировать. *Российское образование должно развиваться в контексте мировых тенденций в педагогике, на научной основе, но в соответствии с ценностями российской цивилизации.* В основном содержании российского образования исключительное значение должны иметь гуманитарные, культурологические и экологические образовательные линии. В современных условиях образование должно ориентироваться на решение проблем, обусловленных излишней индивидуализацией, усиливающимся отчуждением людей друг от друга; сосуществованием и определенным взаимодействием различных конфессий, ценностных установок. Соответственно, *должны стать обязательными в содержании российского образования преподавание психологии, этики, культурологи, экологии.*

Становление экологического образования

В 70-е гг. прошлого столетия экологическое образование («образование в области окружающей среды») было выдвинуто ЮНЕСКО и Программой ООН по охране окружающей среды в разряд основных подходов (средств) гармонизации взаимодействия человека и природы.

Главным основанием экологического образования является признанное мировым сообществом право человека на благоприятную среду жизни. Качество окружающей среды определяет здоровье — основное право человека и главную цель развития цивилизации. Экологическое образование должно не просто проникнуть в структуру образования, а должно стать одним из ее важнейших оснований. Если литература и история нужны для усвоения ценностей духовной культуры, естествознание — закономерностей природы, то экологическое образование необходимо для формирования подлинного человеческого отношения к природе, определения допустимой меры преобразования природы, усвоения специфических социоприродных закономерностей и нормативов поведения, при которых возможно дальнейшее существование и развитие человека.

Очень часто противопоставляют экологическое образование и экологизацию образования. Почему-то считают, что важнее и проще реализовать экологизацию образования, чем ввести отдельный интегрированный предмет экологии. Но экологизация может быть лишь производной от экологического образования. Точно так же, как математизация отдельных наук основывается на предварительном математическом образовании.

Экологическое образование должно дополняться различными формами экологической деятельности и неформального экологического образования, но не сводиться (как это часто пытаются сделать) к этому. Дополнительные формы экологического образования и просвещения, разнообразная экологическая деятельность необходимы для закрепления научных знаний, полученных в школе, а также выработки умений и навыков в области экологической деятельности.

Во многих развитых странах сделан значительный шаг по реализации непрерывного экологического образования и формированию экологической культуры населения. В этих странах проблемы экологического образования находятся в центре внимания не только государства, но и соответствующих институтов гражданского общества. Функционируют многочисленные центры экологического образования, проводятся различные конкурсы, викторины по экологической тематике, издается дополнительная учебная литература. Такой подход эффективен, если в стране достаточно развит институт социального партнерства. Отсутствие такого института и отсутствие должной поддержки государства ведут к жалкому существованию дополнительного экологического образования.

К сожалению, в России, несмотря на значительные научно-педагогические разработки, состояние экологического образования не отвечает интересам населения и не соответствует мировым тенденциям в данной области. Особенно катастрофическая ситуация в области экологического образования создалась в последнее десятилетие. В государственных

стандартах образования экологическим знаниям стало уделяться все меньше и меньше внимания. Стал проповедоваться некий свободный, «демократический» принцип в экологическом образовании, когда незнание основ жизни и естественных предпосылок существования человека выдается как альтернативный педагогический путь. На деле это путь, ведущий к вопиющей экологической безграмотности и принятию опасных решений в самых различных областях деятельности.

Между тем, экологическое образование должно иметь приоритетное положение в нашей стране. Сильная зависимость России, ее истории, культуры от естественных факторов, сурового климата, бескрайнего пространства, характера народонаселения в должной мере еще не осознается. Как ни странно, почти все социально-экономические реформы, предпринятые в истории России, должным образом не учитывали и не учитывают не только ее культуру, но и ее природные, экологические особенности. Не здесь ли следует искать причины их фатальных неудач?

Нужно понять, что Россия не только самая большая и богатая горючими ресурсами страна, но и самая холодная страна в мире, где «вечная мерзлота» охватывает более половины территории, где доминирует преимущественно экстремальная экологическая среда, где рождаемость носит неустойчивый характер и в последние годы катастрофически падает. В ближайшей перспективе уменьшение плотности населения (особенно в восточных регионах) будет создавать сложные геополитические проблемы. Этих фактов достаточно, чтобы, не оглядываясь на предметную структуру образования, принятую в других странах, незамедлительно вводить непрерывное экологическое образование в России.

Особый смысл и особое значение экологического образования в условиях России дают основания для его закрепления на законодательном уровне. Иначе непрофессионализм чиновников, как показала жизнь, приводит к необдуманным последствиям: экологические знания то вводятся в содержание образования, то по субъективному усмотрению выводятся из него. Собственно, на почве непонимания современных социально-экологических процессов в конце 1990-х гг. экология была снята Министерством образования с Федерального учебного плана. Это негативно отразилось на состоянии экологической культуры в стране, послужило предвестником многих непродуманных решений, обусловивших целый ряд экологических катаклизмов.

Однако, судя по всему, время уничижительного отношения в России к экологическому образованию заканчивается. Сейчас наметились новые административные предпосылки к его возрождению. Так, определенный оптимистический настрой придает Указ Президента РФ № 889 от 4 июня 2008 г. в котором подчеркивается «необходимость включения в государственные стандарты образования экологических знаний». Данный Указ продемонстрировал реальность в условиях гражданского общества целенаправленно влиять на государственную образовательную политику, ориентировать ее на основе всестороннего анализа не только на нынешние, но и на будущие интересы и потребности страны. Сейчас научно-педагогическая общественность ждет не схоластических обсуждений данного вопроса в многочисленных совещаниях, которые выдаются за поиски путей реализации Указа Президента, а конкретных практических шагов от Министерства образования и науки.

В принципе у нас есть глубокие, многогранные духовные и научно-теоретические основания создать полноценную, эффективную систему непрерывного экологического образования. Ее создание может быть подлинным вкладом в обеспечение будущего не только России, но всей мировой цивилизации.

Наука и экологическое образование

Характер связей между передним краем научных поисков и системой образования в последние годы существенно изменился. Считается, что освоенные в процессе образования знания нуждаются в обновлении каждые пять лет. В наши дни ЮНЕСКО поддерживает реализацию идеи «Образование в течение всей жизни», которая направлена, кроме всего остального, на уменьшение разрыва между образованием и наукой.

В этом отношении отставание экологического образования от развития экологии должно стремиться к минимуму. Объясняется это единством в экологических знаниях объяснительных и нормативных функций. Новое в экологии без промедления должно учитываться в многогранной преобразующей деятельности человека. Не случайно развитие экологии сопровождалось формированием таких прикладных, интегративных областей знания, как экологическое право, экологическая экономика, инженерная экология.

В целом вопрос о связях экологического познания и образования заслуживает особого внимания. Без преувеличения можно сказать, что во второй половине XX в. необходимые потребности общества в экологических знаниях, экологической грамотности существенно определили характер развития экологии. Надвигающийся глобальный экологический кризис заставил людей обратить пристальное внимание на среду своего существования. Время на исследование, разработку теоретических положений диктовалось состоянием биосферных процессов. Реальной стала дилемма: успеет ли человечество адаптироваться к биосферным процессам или погибнет, не сумев кардинально изменить характер своей преобразующей активности. Впервые в истории был поставлен вопрос, который четко сформулировал академик Н. Н. Моисеев: «Быть или не быть человечеству?» [12].

Таким образом, к началу XXI в. стала очевидной беспрецедентная актуальность экологических знаний, отражающих многогранные связи живой природы с окружающей средой, динамику социоприродных процессов. Особый смысл и особое значение приобрели мировоззренческая, методологическая и, особенно, аксиологическая функции экологии. Это был тот самый случай, когда практика подстегивала науку, когда образование, просвещение нуждались в новых объяснениях, в новых установках.

Следует отметить, что современная экология (особенно такое ее направление, как социальная экология) привносит новые моменты в понимание прошлого, нынешнего состояния общества и в становление эколого-безопасной стратегии развития цивилизации. Она содействует созданию научно-теоретических предпосылок устойчивого развития. В этом смысле экология «связана» с будущим. Именно экологическая проблематика содействовала появлению идеи опережающего образования [7, 8], которая впоследствии стала основой новой концепции философии образования [15].

Реализация идей экологического образования предполагает как новое прочтение традиционных предметов, так и введение новых дисциплин, раскрывающих целостное представление о взаимосвязях природы и человека. На школьном уровне речь должна идти как об экологизации традиционных предметов, так и о новом интегративном предмете «Экология», объединяющем на основе ключевых понятий такие направления экологии, как биологическая экология, геологическая экология, экология человека и социальная экология [11].

Экологическое образование связано не только с наукой. Его содержание целесообразно дополнять также образами искусства и литературы. Осуществляемая в процессе экологического образования интеграция научных знаний о взаимодействии человека и общества с природой и соответствующих художественных образов направлена на преодоление разрыва между логической и образной формами познания действительности и служит гуманизации образования.

Экологическое образование и гуманизм

В последнее время ЮНЕСКО поддерживает идею становления нового гуманизма. Обоснованно считается, что современный мир нуждается в конкретных действиях по достижению этого высокого социального идеала [1]. Экологическое образование может внести существенный вклад в формирование нового гуманизма.

Гуманизм, в общем и целом, означает в представлении человека высшую ценность, действие в интересах людей, их будущего. Но почему сейчас речь идет о новом гуманизме?

Истоки гуманизма восходят к древним временам. Считается, что человек вырвался из животного мира благодаря осознанию необходимости табу — «не убий!» [12]. Развитие

разума, зарождение основ нравственности, подавление диких первобытных инстинктов определило становление человека.

Классический гуманизм восходит к эпохе Возрождения, к антропоцентризму, пришедшему на смену средневековому, теоцентрическому мировоззрению. Гуманизм стал пониматься как утверждение ценности личности, которая стремится к самореализации посредством творческой деятельности.

Однако классический гуманизм выводит человека из природы и ставит его над нею, как того, кто может (а значит, имеет право) ее преобразовать и устроить по своему (человеческому) образу и подобию. Это, как известно, имело как позитивные, так и непредвиденные, негативные последствия.

Абсолютизация индивидуализма, начиная с Нового времени, привели к торжеству агрессивно-потребительских ценностей. Это впоследствии усилило социально-экономическое расслоение и насилие в обществе, обусловило возрастание экологической опасности.

Для преодоления сложившейся ситуации возникли различные альтернативные концепции гуманизма. Это, например, концепции, развиваемые либерализмом, марксизмом, экзистенциализмом. Каждая из этих концепций абсолютизирует отдельную грань идей гуманизма: равенство, справедливость, право на жизнь и т. д.

Однако спасти замысел гуманизма может только реализация идей ненасилия как в социальных отношениях, так и в отношениях человека с природой [3].

Экологическое образование для устойчивого развития

Экологическая реальность как бы замкнулась на самого человека, на его умение взять под свой контроль и регуляцию все основные процессы в биосфере. Осознание того, что люди не просто существуют на Земле ради самих себя, а что они должны выполнять определенную биосферную функцию, составляет главную парадигму экологического мировоззрения и основную ось культуры устойчивого развития. Если культура, как социальный феномен, «творение человеческих рук», всегда противопоставлялась природе, то культура устойчивого развития должна стать способом гармоничного соединения человека с природой на основе глубокого познания и понимания сущности природы. Сейчас перед мировым сообществом поставлена задача: осуществлять социализацию индивида на основе ценностей культуры устойчивого развития.

На саммите ООН по устойчивому развитию «РИО + 20», проходившем в июне 2012 г. в Рио-де-Жанейро, особо подчеркивалось, что образование должно обеспечить становление устойчивого информационно-экологического общества с высокой гуманистической, технологической и экологической культурой, традиционная модель экономического развития потеряла свою эффективность и человечество обязано вступить в эпоху «зеленой экономики». Итоговая декларация саммита «РИО+20» получила символическое название: «Будущее, которого мы хотим». Декларация призывает начать работу по уточнению целей устойчивого развития, снизить зависимость мировой экономики от ископаемых энергоносителей и уменьшить уровень загрязнения окружающей среды.

Еще в 1992 г. в Рио-де-Жанейро на конференции ООН по окружающей среде и развитию было принято решение — таким образом содействовать просвещению, информированию населения и подготовке кадров, чтобы превратить задачи гармонизации социально-экономического и экологического развития в систему духовных и профессиональных установок устойчивого развития.

В целом приоритетными задачами перехода к устойчивому развитию сейчас считаются:

– поддержание на глобальном и региональном уровнях социальной гармонии;

– развитие «зеленой экономики», высоких технологий и альтернативных источников энергии;

– формирование культуры устойчивого развития;

– содействие толерантности, взаимопониманию в различных регионах мира;

– соответствующее реформирование системы образования; и целый ряд других задач.

Эти требования носят преимущественно характер целей, которые должны лежать в

основе региональных и глобальных действий в области социально-экономического развития. В широком смысле эти требования — условия трансформации культуры современного общества, ее перехода к качественно новому состоянию. *Соответственно, способность к быстрым и эффективным изменениям становится необходимым условием для современного образования, которое, по сути, должно ориентироваться на запросы не только сегодняшнего дня, но и будущего.* В эпоху классического образования учились у прошлого, сейчас очевидно, что необходимо учиться у будущего. Целесообразно поэтому говорить о необходимости опережающей модели образования, которая может описываться в категориях долженствования.

Методология образования для устойчивого развития, кроме всего остального, предполагает:

– в той или иной форме и степени правовое обрамление данного процесса;

– обоснование для каждого уровня образования соответствующих целей, содержательных линий;

– разработка педагогических подходов, методов на основе информационных и других технологий;

– соблюдение принципов преемственности и соответствия между отдельными уровнями образования;

– необходимость разработки системы индикаторов, отражающих меру соответствия различных уровней и направлений образования интересам устойчивого развития;

– обеспечение адекватности между уровнем образованности индивида и реалиями окружающей природной и социальной среды;

– всесторонний контроль и эффективное управление качеством образования;

– поддержание толерантного духовного климата в обществе и др.

Очевидно, что образование для устойчивого развития многогранно, оно нацелено на решение целого ряда других вопросов и не может быть сведено только к экологическому образованию. При этом сложная структура образования для устойчивого развития должна быть тесно связана с экологическим образованием, в целом ряде отношений исходить из него. Можно сказать, что экологическое образование в свете концепции устойчивого развития приобретает статус интегрирующего фактора образования, определяя стратегию его ведущих направлений. Экологическое образование, содействуя познанию сущности, масштабности взаимодействия человека и природы, призвано выполнять существенную роль в переориентации всех сфер человеческой деятельности на решение проблем устойчивого развития.

Следует отметить, что на Саммите ООН по устойчивому развитию, проходившем в Йоханнесбурге в 2002 г., было уделено пристальное внимание проблемам реформирования образования в интересах устойчивого развития. В документах Саммита подчеркивается, что образование является ключевым фактором глобальных перемен и речь в данном случае должна идти об интеграции вопросов устойчивого развития в структуру образования на всех уровнях. Генеральной Ассамблеей ООН была объявлена «Декада образования для устойчивого развития» (2005–2014).

Сейчас подведены итоги первой половины Декады «Образование для устойчивого развития». Исполнительный Совет ЮНЕСКО, проходивший в мае 2011 г. в Париже, уточнил основные цели и задачи Декады на ее вторую половину. При этом были учтены интенсификация процессов глобализации, неоднозначность социально-политических и экономических трансформаций в мире, зачастившие масштабные естественно-природные и техногенные катастрофы, наметившиеся изменения климата и другие факторы. Предстоит выяснить: в какой мере раскрываются в содержании современного образования такие понятия, как социальная гармония, экологические потребности, оценка технических нововведений, ценность жизни, закономерности биосферы и др.

Однако, несмотря на осознание важности реформирования систем образования в интересах устойчивого развития, этот процесс не идет должным образом. Отчасти это связано с тем, что педагогические традиции основаны на усвоении известных знаний, воспроизводстве

реальных связей и отношений, нашедших отражение в общественном сознании. Будущее же всегда в той или иной степени неопределенно. И его размытые контуры, расплывчатое содержание педагогам трудно представить в качестве основы образования. Данное обстоятельство определяет, по существу, постановку принципиально новых педагогических проблем, от адекватного решения которых во многом зависит переход человечества к устойчивому развитию.

Итак, реализация стратегии устойчивого развития предполагает экологизацию различных сфер человеческой деятельности, становление экологического сознания. Данный процесс призван изменить способ мышления людей, усилив его эко-гуманистические, прогностические качества. Экологическая компетентность становится одной из сущностных характеристик человека будущего, потому что ущерб природе наносится не только умышленно, но и по незнанию. Владея экологическим знанием, человек начинает понимать значение многих, раньше казавшихся второстепенными, связей и отношений в природе. В связи с этим экологию считают предвестницей постнеклассической науки, ее положения призваны изменить нормы поведения современного человека, привести их в соответствие с закономерностями природы. В этом случае можно считать, что «человек разумный» становится «человеком мудрым».

Библиографический список

1. *Бокова И.* Новый гуманизм в XXI в. // Курьер ЮНЕСКО. — 2010.
2. *Мамедов Н. М.* Гуманизм: постнеклассическая концепция // Современная философия, наука и культура: постнеклассическая эпистемология. — Баку,2011.
3. *Мамедов Н. М.* Культура как фактор развития // Вестн. МГАДА. — 2011. — № 3.
4. *Мамедов Н. М.* Культура, образование, экология. — М., 1996.
5. *Культура* устойчивого развития // Охрана природы и природные ресурсы. — М., 2006. — № 1.
6. *Мамедов Н. М.* От экологического образования к образованию для устойчивого развития // Материалы XIII Междунар. конф. по экологическому образованию. — М., 2007.
7. *Мамедов Н. М.* Социально-гуманитарное образование: новый взгляд на старую проблему // Высшее образование в России. — 1993. — № 3.
8. *Мамедов Н. М.* Экологический контекст современного образования // Педагогическое образование. Вып. 10. — М., 1993.
9. *Мамедов Н. М.* Экологическое образование: новый взгляд на старую проблему // Вестн. экологического образования в России. — 2010. — № 3.
10. *Мамедов Н. М.* Экологическое образование: сущность и принципы организации // Философские проблемы образования. — М., 1996.
11. *Мамедов Н. М., Суравегина И. Т.* Экология. — М., 2006.
12. *Моисеев Н. Н.* Быть или не быть… человечеству? — М., 1999.
13. *Моисеев Н. Н.* Восхождение к Разуму. — М., 1993.
14. *Печчеи А.* Человеческие качества. — М.,1986.
15. *Урсул А. Д.* Модель опережающего образования // Философские проблемы образования. — М., 1996.
16. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. — М., 2006.

УДК 159.9.018.2

В. В. Давыдов

НАТУРАЛИЗАЦИЯ СУБЪЕКТИВНОСТИ В КОГНИТИВНО-ЭВОЛЮЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Автор рассматривает два сложившихся в когнитивно-эволюционных исследованиях подхода к феномену субъективно опосредованного доступа к психическим процессам. Первый подход актуализирует эффект субъективности в ряду эффектов адресованных к интерпретатору функциональных состояний сложных систем. Субъективность человека (рассмотренная без квалитативной характеристики) здесь понимается в итоге как эффект адресованных мозгу функциональных состояний организма. Второй подход генетически возводит субъективность к функции психического контроля сложной протосоциальной среды когнитивно эмансипированной особью. При допущении редукции многообразных «квалиа» к непосредственным реакциям организма на внешние раздражители (автор принимает возможность такого допущения, следуя Н. Хамфри) первый и второй подходы могут быть объединены в один когнитивно- эволюционный проект.

Ключевые слова: субъективность, когнитивная эволюция, проблема «другого сознания», «модель психического», адаптация, происхождение сознания

V. V. Davydov

NATURALIZATION OF SUBJECTIVITY IN THE COGNITIVE-EVOLUTIONAL RESEARCHES

The author examines two approaches developed in the cognitive and evolutional researches to the phenomenon of subjectively mediated access to psychic processes. The first approach makes actual the effect of subjectivity in the row of effects addressed to the interpreter of complex systems functional states. In this case human subjectivity (considered with the exception of qualitative characteristic) is finally recognized as the effect of organism functional states addressed to the brain. The second approach genetically raises subjectivity to the function of psychic control of complex proto-social environment by cognitively emancipated individual. In case of possible reduction of various “qualia” to the immediate organism reactions upon the external irritants (following N. Humphrey the author accepts the possibility of such assumption) both approaches can be combined into one cognitive-evolutional project.

Key words: subjectivity, cognitive evolution, the problem of “other mind”, “model of psychic”, adaptation, origin of consciousness

В современной философии сознания сильны позиции сциентизма, сильны ожидания фундаментального теоретико-методологического прорыва в вопросе о сущности сознания, о его генезисе и месте в природе. Залогом и подкреплением этих ожиданий являются успехи когнитивных наук, постепенно приближающихся, как кажется, к разгадке тайны сознания и, в частности, к такой ее составляющей, как субъективная реальность. Но, вместе с тем, не имея доверия к рациональности ученого-когнитивиста в мере, какую имеет научная рациональность, например, физика, всегда можно (когнитивисты сами часто указывают на эту возможность) подозревать актуальные натуралистические концепции сознания в тенденциозности, видеть в них признаки одного из многих гуманитарных проектов человечества. Когнитивистские и философские исследования ключевых в актуальном видении феномена сознания проблем (в их число входят проблемы «другого сознания», доминирующего когнитивного формата субъективности, функции субъективно опосредованного доступа к содержанию психики) осуществляются сегодня попутно с моделированием условий, в которых результаты этих исследований могли бы не выглядеть очередной гуманитарной спекуляцией. В каких условиях субъективная реальность обнаруживает себя в сущностных для науки и полезных для продуктивного философского синтеза признаках — вот ключевой методологический вопрос когнитивистики, без предполагаемого ответа на который всякий проект натурализации сознания, возможно, обречен на едкую критику.

Генетический аспект проблемы актуализации субъективной реальности (связь проблемы природы субъективного с проблемой антропосоциогенеза) как будто позволяет игнорировать ряд не сдвигающих с мертвой точки проблему сознания логических аргументов

в пользу наличия субъективной реальности в «другом Я». Эти аргументы возникли в рамках философских методологических установок, естественным образом полагающих сознание как психический феномен, актуализируемый в сущностных признаках с позиции «первого лица». Если обратиться к мысленно смоделированному комплексу условий, в которых сознание возникло, то число предположений относительно источника и природы субъективности, возможно, существенно сократится. По крайней мере, должны исчезнуть из поля зрения рассуждения, подобные следующим:

- «У животных нет сознания, потому что поведение этого животного не похоже на мое поведение» (или «похоже» и, соответственно, «есть»);
- «Я могу заключить, что у этого человека есть сознание, потому что это логически вытекает из тезиса о том, что сознание есть у меня» (или «не могу», потому что «не вытекает»);
- «Сознание в другом, безусловно, присутствует, поскольку я нахожу в своем сознании некоторые его условия возможности, которые должны быть общими с другими сознаниями» (или «не присутствует», поскольку «не нахожу»).

Эффект доступа к сознанию с позиции «первого лица» сегодня становится предметом специального рассмотрения в науках о человеке. А наличие этого эффекта у некоторого субъекта как будто уже не является гарантией возможности полезных философских рассуждений о сознании. Требуется новая исходная точка. Искомый минимум условий реальности субъективного можно обнаружить, обратившись к когнитивной эволюции.

Поскольку когнитивная эволюция — объективный процесс (представима без действия субъективного фактора), есть возможность естественного полагания субъективной реальности без естественного полагания реальности «своего» или «другого сознания». Обозначилась тенденция говорить об условиях возможности сознания, апеллируя к эволюционной необходимости. В сущности, данная тенденция реализуется *тоже* преимущественно в спекуляциях — только теперь контрагентом субъективности исследователя выступает рациональность эволюции, заявленная на правах «научных данных». Субъективность вообще может быть реальной, поскольку это разумно (возможно, целесообразно и пр.) в когнитивной эволюции. И здесь сохраняется опасность актуализации, либо неявного присутствия элементов рефлексивных, интеракционистских, трансценденталистских моделей сознания. Хороший для философии ответ на вопрос, что может дать сегодня философия для исследования сознания, кроме очередной порции разумных предположений о «природе» субъективной реальности, зависит от того, открываются ли какие-то новые возможности перед самой философией сознания благодаря помещению ею своего предмета в новую перспективу.

Одна из возможностей связана со следующим обстоятельством разумных рассуждений о сознании. Если говорить именно о позиции *доступа* к субъективному опыту сознания (отвечать на вопрос, почему человеческие существа стали осознавать свои действия и таким же образом осознанные действия «другого»), то для ее объяснения необходимо найти условия, которые актуализируются как естественные. Задача странная: показать, как возможен субъективный опыт сознания в качестве позиции в природе без известного исследователю природы субъективного доступа к нему. Ранее эта задача неоднократно в разных видах формулировалась в аналитической философии как вопрос: может ли субъективное качество опыта сознания быть доступно каким-то иным образом, нежели это дано человеку? Чтобы ответить на него, нужно понять, как «это дано человеку» (и тут выход на проблему функций человеческой субъективности, который мы сделаем далее). Отделив привнесенное в сознание человеком, философ-когнитивист надеется остаться с тем, что есть сознание для природы, в «природном Дизайне». Если бы вопрос «что значит быть летучей мышью?» сменился лишь вопросом «что значит быть первобытным человеком?», мы бы вряд ли могли говорить об открытии новых перспектив для философии сознания. Когнитивно-эволюционные исследования требуют, скорее, задаться вопросами «что значит *быть мозгом* первобытного человека?», «что значит *быть телом* первобытного человека?». Это и есть тот новый образ «другого», относительно которого можно строить «теорию» его сознания (новая область приложения *«theory of mind»*).

В аналитической философии дорога к «другому сознанию» (сознанию как таковому) упиралась в проблему «квалиа». Субъективность психических процессов является тем их аспектом, который делает психику человека уникальной, отличающейся от психики других существ. Это утверждение будет верным при условии представления субъективности как *непосредственного* квалитативного переживания. Иные аспекты представления субъективности могут позволить приписывать ее и другим существам. Например, некоторым (способным к психическому отражению) живым существам. На основании анализа их поведения им можно приписывать способности к самосознанию и построению моделей психических процессов других существ, способность к опыту различения определенных сенсорных модальностей и пр.

Как обойти проблему «квалиа»? В когнитивно-эволюционных исследованиях сознания складывается тенденция понимать субъективность как своеобразный актуализированный субъектом «фокус» функциональных состояний организма. И в таком случае нет препятствий желанию исследователей наделить субъективностью всю функционально организованную материю: от примитивных живых существ, неспособных к качественной дифференциации внешних воздействий, до не имеющих психики сложных компьютеров, работа которых опосредована имеющим признаки виртуальной реальности интерфейсом. Такой «фокус» не должен обязательно быть дан субъекту как его психический опыт. «Фокусом» функциональных состояний организма могут быть и непосредственная реакция способного к раздражимости существа, и некоторая диспозиция персонального компьютера по отношению к его пользователю. Наконец, таким «фокусом» может быть неосознаваемый опыт непосредственной реакции на внешние сигналы правого полушария мозга человека (или — при определенных условиях — «правополушарной личности»). При том, что это не опосредованная сознанием (субъективностью) реакция, она не теряет статуса психической реакции и к тому же в принципе ничем не отличается от реакций, которые доступны в опосредованном субъективностью виде «левополушарной личности». Перед нами «зомби» из мысленных экспериментов аналитической философии (напомню, что «зомби» аналитикам был интересен как условное существо, не имеющее доступа к сознанию (к своему и к сознанию «другого»), но не теряющее ничего при этом в поведении или физиологии).

Связывая субъективность с «квалиа», философия сознания ограничивает число путей ее исследования. Некоторые другие субъективности (доступа к «квалиа» которых у человека нет) оказываются закрытыми не только для исследования, но и даже для надежной актуализации. В этих условиях философия может обращаться к эволюционно-антропологическому измерению субъективной реальности для того, чтобы попытаться найти начальные условия возможности человеческих «квалиа» в природе, а, возможно, и отменить статус «квалиа» как чего-то существенного при рассмотрении субъективности (по крайней мере, на уровне поведенческих реакций). Такое измерение поможет найти те свойства и отношения субъективной реальности человека, которые можно будет транслировать к иным возможным субъективным реальностям (поможет представить специфику человеческой субъективности без апелляций к «квалиа»). Рассмотрение специфики субъективности человеческой психики будет оправдано не только с позиций самого человека (ссылками на «квалиа»), но и с позиций других существ (ссылками на сравнение характеристик разных субъективных реальностей), а возможно — и в контексте эволюции (ссылками на принципы и законы развития жизни на Земле). Первой возможностью уже сполна воспользовалась аналитическая философия сознания. Последняя из трех указанных возможностей является очень масштабным и амбициозным проектом. И наконец — вторая возможность. В каких признаках можно будет представить субъективность человека, если востребовать ее на отношении к *другой* условной субъективности? Другая субъективность, иные возможные субъективные реальности, упомянутые ранее, не имеют никакого метафизического смысла. Их полагание обеспечивает эвристическую силу новым разумным предположениям о природе сознания (Т. Нагель назвал эту эвристику «объективной феноменологией, не зависящей от отождествления или вооб-

ражения», задачей которой «будет хотя бы частичное описание субъективного характера опыта в форме, доступной для существ, неспособных к этому опыту» [6, p. 448]).

Границы понятия «субъективность» в эволюционно-антропологической перспективе, таким образом, становятся неясными. Но неясными они являются в *определенных* отношениях. То есть в когнитивно-эволюционном подходе уже сложился ряд признанных эвристик, с помощью которых можно пробираться к субъективности, минуя «квалиа» сознания «от первого лица». Способ актуализации субъективной реальности через непосредственный доступ позволяет иметь в виду при обсуждении феномена субъективности все непосредственные данные субъекту функциональные эффекты — и диспозиции машины, и аромат, распространяемый цветком, и многое другое (человек легко приписывает психические состояния машине или цветку по аналогии со своими психическими состояниями; возможно, когда-то он имел в виду их в одном континууме). Одно из самых общих эвристических предположений таково: все функциональные состояния, к которым человеческий субъект имеет доступ непосредственно, в определенном отношении равны. Они могут быть актуализированы как «субъективные» и человеком, имеющим представление о «своей» субъективности, и человеком, который не имеет представления о субъективности как о «своей». И, конечно, могут быть не актуализированы вообще. На начальном этапе когнитивной эволюции человеческие существа, еще не приватизировавшие непосредственные переживания в пользу «Я», могли достаточно свободно распоряжаться элементами психического опыта (если, вообще, имели доступ к этим элементам). Ясно, что доступ к функциональным состояниям машины или цветка опосредован психикой субъекта (субъект не переживает их так, как их *могли бы* переживать машина или цветок). Но, учитывая критику «народной психологии» с ее установкой на прямой доступ субъекта к содержанию собственной психики, можно сказать, что и к своей психике субъект имеет опосредованный доступ: собственные функциональные состояния человеческий субъект представляет с определенной долей условности, в определенном временном интервале и пр. Можно сказать, что вера человека в реальность «своего Я», в реальность «своих желаний», «своих чувств» и «мыслей», с точки зрения эволюции, столь же условна, как и вера в реальность «самости» цветка, ветра, зверя и пр. Потому спор о возможности или невозможности прямого доступа к неким «объективным» психическим процессам, как и указание на специфику различных непосредственных переживаний человека, в общем, непродуктивны: на ранних стадиях онтогенеза, в измененных состояния сознания субъект легко отчуждает какой-то переживаемый им психический феномен в пользу «другого сознания», формирует иллюзорные «самости», легко меняет статус психического феномена с «непосредственно данного» на «опосредованный». В этом смысле известная человеку субъективность есть определенный способ представления функциональных состояний (как определенных диспозиций) живой и неживой материи: «я грущу», «компьютер не хочет работать», «цветок хочет, чтобы его полили». И этот способ хорош во всяком отношении в масштабах «природного Дизайна». Вера в то, что этот способ хорош и действителен только в отношении «психических процессов, которые происходят внутри самости», как полагают радикальные когнитивисты,— наивна (один из самых последовательных и остроумных критиков этой философской наивности — Д. Деннет).

Рассуждая таким образом, можно прийти к следующей конечной позиции. Конечной она является для когнитивистов, без профессиональной целевой установки совершающих философские обобщения. Для иллюстрации приведенной ранее позиции можно обратиться к обобщениям, сделанным такими авторитетными когнитивистами, как М. Газзанига [7] и Р. Грегори [1]. Психологические методы обнаружения субъективно опосредованного сознания являются частью субъективной реальности. Человек как «самость» является, скорее, некоторым вариантом субъективности, продуцируемой мозгом во всех полезных для него (мозга) отношениях как совокупность «фокусов» функциональных состояний материи. Субъективное сознание как психический феномен — это один из возможных эффектов, создаваемых мозгом. Этот «эффект» важен для поддержания функциональных состояний живой системы. Но его функциональная польза

определяется мозгом априорно для субъекта. «Виртуальный» субъект может принимать участие в работе мозга благодаря механизму обратной связи. Но такое участие субъекта («личности») в мозговых процессах не является для него действительным как процесс: субъект пребывает в иллюзиях, связанных с непосредственным и произвольным участием своего «Я» в физической и социальной реальности. Статус этих иллюзий будет общим со всеми непосредственными (квалитативными) психическими феноменами (перцептивными гипотезами, эмоциями). Имеет место низведение субъективности до условного сигнала, который должен иметь качество для того, чтобы быть отличенным от другого сигнала того же порядка: мозг позволяет субъектам отличать себя от других так же, как позволяет им различать цвета. Мышление же имеет другой статус. Мысль, только состоявшись, может быть приватизирована «Я» как непосредственно данная. Мышление — это процесс, который осуществляет мозг. Функцию мышления мозг реализует на таком специфическом органе тела как «виртуальный субъект» (раньше предполагали обратное — субъект использует мозг; но основанием для этого предположения была лишь некоторая «интеллектуальная интуиция»). Субъективность имеет более низкий статус, чем мышление. Субъективность сродни ощущению цвета, вкуса, боли, вере в то, что стол тяжелый, а камни с горы будут падать вниз и т. п. Субъективность человек получает от мозга так же легко, как все перечисленное и подобное. Затрагивающие феномен субъективности работы когнитивистов (М. Газзаниги, Р. Грегори, Д. Деннета) ведут к мысли, что субъективность — не более чем орган (виртуальный), которым оснастила организм эволюция и который действует в интересах другого гораздо более сложного и «информированного» органа — мозга. *Действительно* субъективен мозг, а человеку дан только эффект собственной субъективности, кажущийся ему полезным в некоторых отношениях — этическом, эстетическом и, что особенно иронично со стороны природы, когнитивном. Здесь когнитивисты хорошо объясняют, зачем субъективность понадобилась мозгу, но не могут предполагать ничего убедительного, отвечая на вопрос, зачем субъективность понадобилась-таки еще и человеку.

Итак, возможно, исходно существовало генетическое родство всех непосредственных переживаний человека, определяющее сходство некоторой части психических феноменов в свойстве актуальности (независимо от того, какого это рода актуальность — рефлексивная, нерефлексивная или интерактивная). Всякая попытка связи субъективности с определенным реализующим ее носителем («Я») условна: условием будет актуализация другого носителя сходной субъективности (вплоть до «второго Я»). Приватизированная субъективность — это феномен включения субъекта посредством психического отражения в сложную систему функциональных состояний природы, ни одно из которых не дано субъекту как таковое, но только через виртуальную реальность «другого» (роль «другого» могут играть любые мнимые «самости»). Это «включение» может быть более или менее удачным для существа, актуализирующего через субъективность систему функциональных зависимостей (например, в базовом состоянии сознания эффект субъективности один; иной в измененных состояниях сознания).

Рассматривая эти рассуждения на фоне философской традиции, отметим следующее. Утверждения новой онтологии обеспеченных «объективными процессами» в мозге когерентных состояний «виртуальных самостей» имеют пока, в общем, довольно тривиальный характер, если иметь их в виду на фоне философской традиции объективного идеализма (предполагая, что функциональные зависимости состояний организма реализованы объективно (субстанциально подкреплены), нет никаких препятствий считать субъективность человека проявлением «движений» объективного духа, либо какого-то другого «тонкого» аспекта действительности). И в когнитивно-эволюционых исследованиях их избегают. Диспозиции определенной функциональной системы при рассмотрении их в системе диспозиций других систем здесь деперсонализированы настолько, что нужна новая «точка сборки» реальности. Пока в качестве таковой условно заявлены «демонизированный» мозг (мозг, который «хочет», «чувствует», «мыслит» до того, как появляется «Я») и материя, сходная по своим свойствам с субъективной реальностью. Продвижение субъективности в глубь материи может осуществляться по раз-

ным сценариям. Но в итоге пока всегда происходит возвращение к «самости» по умолчанию, к субъективности как позиции доступа, имевшей место быть до того, как сформировались феномены психической жизни современного человека. И в этом случае последняя оказывается не просто закрытой для исследования, но очень условной в качестве принципа реальности (онтологически фиктивной), при том что понятной в «природном Дизайне». В итоге исследователю остается просто иметь в виду бóльшую значимость для *не понимания* или *понимания* субъективной реальности ее функциональных характеристик, нежели феноменологических. Последние же приходится условно проецировать как на состояния психики, так и на состояния мозга. Признавая условный характер феноменологии сознания (критикуя «народную психологию»), приходится делать следующий шаг. Когнитивисты задаются вопросом: не меркнут ли как свершения этика, право, искусство и другие проявления человеческой природы на фоне впечатляющей работы мозга, использующего субъективность человека в качестве инструмента, необходимого для решения задач адаптации? Различные аргументы в пользу утверждения немеркнущего статуса способностей человеческого духа приводятся самими когнитивистами. Их обобщение можно представить так: «если эти способности человека развились вследствие действия» какого-то естественного принципа, тогда «наша человеческая оценка их», согласно действию того же принципа, «должна быть неуязвимой для любых научных объяснений, направленных на снижение исключительности их статуса» [5, p. 427]. Здесь, конечно, хочется обратить внимание на странное обособление «научных объяснений» от других приложений человеческой субъективности. Если вера человека в себя как в «самость» прошла отбор, то она будет неуязвима для любой научной критики и может быть сохранена для поддержания социальных процессов, например. Но, с другой стороны, и «научные объяснения» прошли отбор (а может быть еще не прошли?). Ведь не мозг же объясняет нам, людям, как он устроен? Значит и научные объяснения неуязвимы по той же причине, что и этика, право, искусство. Рассуждая таким образом, нельзя прийти к какому-то продуктивному решению относительно эволюционной цены феноменального аспекта сознания. Попытки представить субъективность как эффект, полезно сопровождающий функциональную диспозицию, ведут к ее торжественной передаче от «Я» к «природе», но «природа» охотно возвращает ее обратно. Этот возврат, с одной стороны, очень неудобен для когнитивистики (объяснительная процедура пока не доведена до конца), но с другой — снимает с нее бремя социальной ответственности (хотя когнитивисты часто позиционируют себя как популяризаторы науки и выражают готовность помогать обществу решать его проблемы, они все же достаточно схематично и обще видят включение когнитивной науки в идеологию, этику, право современного общества). Новая «точка сборки» натурализированной онтологии, возможно, выведет когнитивистику из этого двусмысленного положения.

Выход может быть и более простым. Можно в рамках эволюционной психологии попытаться определить функции человеческой субъективности, понятой как эффект доступа к психическому опыту. Здесь широкое представление о субъективности как об условном «фокусе», актуализирующем функциональные состояния природы, остается без внимания, поскольку важным является внимание к квалитативному аспекту субъективности.

Как произошла когнитивная эмансипация индивида, закончившаяся появлением уникальной внутренней среды опыта, и в чем специфика когнитивных программ эмансипированного индивида? Отвечая на эти вопросы, разумно сделать два допущения: первое — когнитивная эмансипация индивида (особи) произошла на базе сложившихся ранее более масштабных когнитивных программ (видовых и популяционных); второе — индивид может актуализировать специфику собственных когнитивных практик. Первое допущение кажется разумным. А второе может быть оспорено и определено как иллюзия со ссылкой на герменевтический круг, в который попадает исследователь когнитивной эволюции, пытаясь понять природу субъективности без ясного представления о границах и формах собственной субъективности в процессе познания. В данном выступлении я хотел бы обратиться к одному из возможных направлений рассуждения о феномене субъективности в эволюционной перспективе. Это направление под-

разумевает как свое условие допущение о естественной преемственности субъективной реальности по отношению к когнитивным практикам, обеспеченных действием генетических программ. А другой характеристикой этого направления является некритическое отношение к вопросу о состоятельности допущения, о способности когнитивно эмансипированного индивида актуализировать специфику собственных когнитивных практик.

В качестве базы, используемой для формирования субъективных когнитивных программ, можно полагать метод проб и ошибок вместе с механизмом обратной связи. Они позволяют популяции накапливать опыт в пользу вида. Видовой «опыт» направляет популяцию к определенным аспектам среды путем действия «врожденных программ» и, в частности, обеспечивает исследовательское поведение — элементарные эвристики, организующие исследовательское (поисковое) поведение. Действие таких эвристик *в сложной динамичной среде* может вести к постепенному расширению видового опыта, благодаря запускаемому на уровне популяции механизму обратной связи, закрепляющему успехи исследовательского поведения. Механизм обратной связи может действовать и на уровне индивида (поведения отдельной особи). При этом индивида можно считать эмансипированным от когнитивной стратегии популяции (в которую он может включаться в силу генетически заданных установок, в том числе установок на исследовательское поведение) постольку, поскольку он нашел возможность хранить информацию для себя, не ставя в известность природу, так сказать. Вербальный язык и орудия с заложенными в них актуализируемыми индивидами принципами действия — это способы хранения индивидуально значимой информации. Хотелось бы обратить внимание на то, что *некоторое* действие может быть эффективным, *только потому*, что особь найдет возможность каким-то способом хранить результаты действия. Произвольные, как они сейчас нам, людям, видятся, действия — это, в сущности, действия, которые предпринимает индивид, во-первых, и которые гарантированно результативны, так как их модель сохраняется индивидом понятным ему способом, во-вторых. Среди этих действий могут быть и ошибочные, и бессмысленные — они, повторю, имеют место быть в числе ценных только потому, что индивид может сохранить их результаты. Потом эти — случайные — результаты могут быть использованы в рамках индивидуальной когнитивной программы с большой пользой: индивид может использовать случайно сохраненные результаты собственных опасных и бессмысленных действий для обмана другого индивида, например. Но индивидуальные когнитивные практики проблематичны и ненадежны по сути: при использовании вербального языка и орудий индивидом, очевидно, возникает какой-то предел информационной емкости сообщения или действия. Он устанавливается в обоих случаях по различным объективным причинам. Например, в случае с языком — индивид ограничен возможностями своей генетически определенной когнитивной системы (разные индивиды могут различным образом абстрагировать обстоятельства одной и той же ситуации); а во втором случае — ограничения связаны с субстратом, на котором реализован принцип действия и функция орудия (смена субстрата может увеличивать информационную емкость орудия). Сами эти ограничения тоже могут быть актуализированы как условия возможности результативных действий индивида. Определенная информационная избыточность или «органов» популяции (языка и техники) по отношению к когнитивной системе и практикам индивида порождает эффект уникального произвольного действия.

Здесь, соответственно, нужно предполагать, что сложные коммуникации и практики посредством вербального языка и орудий предшествовали субъективной реальности, либо существовали параллельно без прямых условных отношений. Участие в этих коммуникациях могло быть обеспечено чем-то вроде «коллективного разума» животных: некоторое время предки человека были «существами-зомби», в мозгу которых еще не появилась «левополушарная самость», контролер и интерпретатор индивидуальной истории участия субъекта в деятельности популяции относительно среды. Предположение смелое (понятие «коллективный разум» также не оптимально для обобщения феномена когерентности, координированности коллективных действий животных): с одной стороны, мы имеем индивида, потенциально способного актуализировать нефизические феномены и искусственные аспекты фи-

зической среды (хотя это возможно: эволюционное накопление видом множества потенций не обязательно ведет к их полной реализации), а с другой — сложную систему связей этого индивида с другими индивидами и роскошь времени для неспешного освоения этой системы методом проб и ошибок, либо каким-то другим опробованным в эволюционном процессе «простым». Иными словами, у каких-то существ сформировался орган, функциональная нагрузка которого вариативна, отсрочена, формируется с запасом времени на проверку в заданных обстоятельствах. Это полифункциональный орган, который может быть задействован индивидом по усмотрению, по случаю, может быть вообще не задействован в процессе адаптации. В появлении такого органа нет никакого чуда — освобожденная прямохождением рука здесь может быть примером. Удивительны и уникальны те обстоятельства, в которых он сохраняется, в которых формировалась его функциональная нагрузка. Эти обстоятельства обеспечили нагрузку органа по индивидуальной когнитивной программе. «Тепличные» условия жизни, которые дали предкам человека возможность индивидуальных когнитивных практик, сложились, видимо, благодаря действию специфических популяционных когнитивных стратегий. Последние были направлены на создание материальных и идеальных структур, относительно независимых от телесности и психики составляющих популяцию особей; в качестве носителей информации такие структуры оказываются более эффективными, более емкими, чем сформированные генетически органы и психика. Поскольку эти условия именно *уникальны*, требуется какой-то уникальный же механизм их поддержания. Одно только отсутствие репрессивного давления среды не может поощрять сложную когнитивную практику — должен быть психический механизм, обеспечивающий постоянное включение в такую среду. Субъективность со всеми ее атрибутами могла бы быть этим «механизмом». Иллюзия свободы духа — эффект, полезный для поддержания «тепличных» условий, в которые волей случая попали ближайшие предки человека.

Можно предположить и другой — «стрессовый» — режим формирования субъективности. Коммуникации предков человека, возможно, были, напротив, интенсивны, ограничены во времени и к тому же опосредованы сложными находящимися в коллективном пользовании предметами. Здесь метод проб и ошибок оказывается неэффективным для обнаружения сложных аспектов специфической среды; здесь особь не может себе позволить действовать независимо от видовых и популяционных адаптационных программ. Орган для обнаружения сложных и нефизических аспектов среды сформировался, но нет условий для его функциональной нагрузки; точнее — условия стрессовые. Разрешением такой ситуации может быть нерегулярный характер сложных субъективных интенций. Они не должны быть регулярными в том смысле, что они вытесняются на периферию видового опыта, но при этом сохраняются как возможные на уровне особи или популяции, благодаря формированию специального механизма их развертывания. Субъект не может строить «теорию» психики другого или пользоваться орудием, полагаясь на некоторые регулярные («врожденные») программы организма. Запуск нерегулярных программ определяется действием факторов искусственного характера, т. е. они запускаются отчасти случайным и нецелесообразным образом (это в итоге обеспечивает огромное разнообразие уникальных «историй субъективности»). Это происходит, поскольку программа может давать сбои (по причине сложности обеспечиваемых ею действий относительно сложной среды). Ценность ее определяется именно нерегулярностью: отсутствие гарантии успеха адаптационного действия компенсируется необязательным характером самого адаптационного действия. Интересен сам механизм развертывания такой программы (человеку он понятен как «свобода воли»). Ведь именно с ним генетически связана субъективная реальность. Формирующаяся культура (половые и пищевые табу, например) могла координировать случайные и нецелесообразные (с точки зрения вида или популяции) действия и интенции индивидов таким образом, что придавали им системный характер, гарантирующий, в какой-то степени, экономию витальной энергии сообщества, состоящего из потенциально эмансипированных индивидов. Собственно рефлексивные и исследовательские практики индивидов складываются уже на следующем этапе когнитивного развития популяции — после того, как система

координированных нецелесообразных (не имеющих очевидного в эволюционной перспективе адаптационного значения) действий индивидов начинает оказывать давление на физическую среду и систему биологически обусловленных отношений внутри популяции.

Предложенный ход рассуждений в современной натуралистически ориентированной философии сознания является приемлемым. В когнитивистике сложился ряд продуктивных эвристик (разумных предположений) о природе и генезисе субъективности, которые пока себя оправдывают. Причем субъективность здесь может быть востребована и как сложная интенция, и в квалитативном аспекте. Чтобы понять, как эти эвристики актуализируются, обратимся к когнитивно-эволюционным построениям Николаса Хамфри [2, 3, 4].

В числе факторов, обеспечивающих эволюционный «скачок» от психики животных предков человека к субъективности сознания, Хамфри заявляет демографический фактор. Этот фактор предполагает обращение исследователя когнитивной эволюции к усложнению структуры действий в условиях увеличения «моральной плотности» сообществ гоминид, обуславливающему появление сложных интенций, психический контроль которых ведет, в свою очередь, к появлению феномена «коллективного разума» (обеспеченного со стороны составляющих сообщества индивидов их способностью к подражанию, эмпатии), а затем — феномена сознания на уровне эмпирического субъекта. Хамфри, представляющий человеческие интеллектуальные способности (отличающие, по его мнению, человека от животных) результатом протосоциальных практик, исходит из того, что начальным условием здесь должна быть практика коллективной жизни (она, в свою очередь, складывается на базе чисто биологических предпосылок). Действие особой протосоциальной адаптационной стратегии «умных обезьян» выступает причиной появления социального времени и технологий, обеспечивающих сообщество социальным (здесь значит — свободным от противостояния вызовам «внешней среды») временем. «Внутренняя среда» сообщества насыщена проблемами и сложными, колеблющимися отношениями. Учесть их — значит быть умным по-человечески. Хамфри указывает и на возможность перенесения этих протосоциальных психологических стратегий на «внешнюю среду». И отмечает, что такое перенесение иногда может быть удивительно эффективным для задач адаптации к «внешней среде». Закрепляя свои успехи в этом («внешнем») отношении, человек формирует основы культуры. Субъективность как сложная интенция, по Хамфри, возникает по причине появления внутренней жизни субъекта, сотканной из мыслей, ощущений и эмоций, о которых не должны догадываться окружающие (в условиях сложной непостоянной «внутренней среды» сообщества это необходимо). Этот опыт (реальный не через «внешние» реакции, а через «внутренние») и составляет особенность человека (социального животного). Перевод интенций из «внешней» среды в среду «внутреннюю» в качестве эволюционной причины появления разума индивида, ситуативного и произвольного осознания внутренней среды опыта — это достаточно общая мысль. При указании на естественные условия, в которых этот перевод произошел, и при ссылках на эмпирию и методологию этологии, эволюционной психологии эта общая мысль становится более привлекательной.

Субъективность в квалитативном аспекте объясняется Хамфри, соответственно, иным образом. Это объяснение не связано прямо с демографическим и технологическим факторами. Но в системе эволюционно-психологических представлений и методологии самого Хамфри эту связь легко можно актуализировать. Объяснение сознания в эволюционной перспективе начинается с напоминания о проблеме приватного характера квалиа. Если нет возможности частные квалиа понять общим для всех образом, то возникает вопрос: как объяснить квалиа с эволюционной точки зрения? Как могло быть отобрано природой данное субъекту ощущение красного, если оно приватно и никак в своем качестве не транслируется во внешний мир? Сейчас красное, данное субъекту непосредственно, могло бы быть в принципе зеленым другого субъекта. Красное, данное субъекту непосредственно, могло бы быть данным ему же зеленым. Было ли раньше ощущение красного менее приватным, чтобы

оно могло подлежать отбору? Если было, то чем оно могло быть, не будучи «внутренним» квалиа, и как оно стало из «внешнего» эффекта «внутренним»? Подобные вопросы, по Хамфри, должны возникнуть у каждого, кто хочет понять сознание, оставаясь дарвинистом. Хамфри объясняет появление квалитативного аспекта сознания просто. Отбору непосредственно подвержены только внешние реакции (ответы на стимулы). То, что отбору не подлежит, приватизировано как частный опыт существа, которое проецирует реакцию на стимул не к «точке» относительно «точке входа» возбуждения и не к самой «точке входа» возбуждения, а проецирует ее на саму передающую сигнал извне «нить» нервной сети (слова «точка», «нить» используются здесь, поскольку сам Хамфри прибегает к наглядным схемам). Исходно реакция имеет место как состояние осведомленности об определенном состоянии организма в среде. Затем — как состояние осведомленности о состоянии нервной системы (исходящая реакция направлена на сенсорную кору, где сопоставляется с сигналами, поступающими с сенсорной периферии). Мысль тоже привычная и достаточно общая. Хамфри же ищет ответ на сложный вопрос, как был отобран квалитативный аспект субъективности.

Он считает, что квалитативный аспект психики генетически прямо связан с качественной дифференциацией сенсорной периферии, которую с определенного момента эволюции можно представить как множество специализированных органов. Качественная дифференциация опыта живого существа складывается благодаря отбору как множество специфических реакций. Но потом, будучи сохраненной в некоторой исходной определенности и изменив статус (став «закрытой» внутри тела по причине появления механизма проекции ответной реакции на саму передающую сигнал сеть), действию отбора непосредственно она уже не подвержена. Хамфри рассуждает, в общем, так. Раньше ощущение красного, вызванное объективными физическими причинами, было «реакцией красного» (отличной от, например, «реакции зеленого»; так же, как реакция погруженного в соль существа будет отличаться от реакции этого существа при погружении, скажем, в кислотную среду — существо будет различным образом, например, извиваться). Вопрос, какой витальный запас прочности организма позволил существам заменить реакции как «внешние» состояния нервной системы ее же «внутренними» состояниями, — очень сложный вопрос (Хамфри считает, что этот запас прочности обеспечен протосоциальными практиками). Но, даже не отвечая на него, можно принять логику Хамфри: качественная дифференциация опыта сложилась до того, как появился доступ к качеству на субъективно-личностном уровне. Непосредственное переживание качества красного, кислого и пр. как приватное переживание кажется появившимся вдруг и без всякой эволюционной необходимости, хотя появилось оно не вдруг и с необходимостью; появляется внутренняя среда опыта, элементы которой можно ошибочно, не видя генезиса, считать непосредственно данными субъекту — и только.

На вопрос, почему человек ходит и бегает на двух конечностях, а не на четырех, можно построить ответ со ссылкой на отбор. И при ответе на вопрос, почему красное я вижу как красное, оказывается, тоже можно делать эту ссылку: мое ощущение красного — это переведенная во «внутреннюю» среду отобранная реакция на красное; само ощущение красного, заменяющее «внешнюю» реакцию на красное, отбору уже не подлежит, но без отбора «внешних» реакций оно бы как приватное качество не появилось. Эта схема, безусловно, имеет эвристическую силу. Можно ставить вопрос об исходном (в филогенезе) составе человеческих квалиа, можно искать в онтогенезе соответствия определенных поведенческих реакций квалитативным внутренним состояниям, прослеживая их генезис. Можно предположить, что, эволюционируя, человек переведет какие-то возможные сейчас только как «внешние» поведенческие реакции во «внутреннюю» среду (некоторые поведенческие реакции станут квалитативными состояниями нервной системы с доступом к ним только с позиции первого лица). Эволюционируя, существа начинают оснащать себя «виртуальными органами», доступ к которым возможен в психическом пространстве как их осознание. Можно предположить, что, видимо, до и по мере того, как эти «органы» формируются,

имеет место простое соотношение физических органов существа со средой с учетом сложившегося благодаря описанной Хамфри (в опоре на концепцию квалиа, предложенной Р. Грегори) «петле» субъективного настоящего. Последнее, не совпадая с физическим настоящем, в котором живет тело, дает существу преимущество возможности отсроченных реакций. Со временем виртуальные органы становятся основными. Продолжить наглядный сюжет Хамфри можно так: приватизировавшие опыт существа будут утрачивать непосредственно включенные в среду органы — такие существа будут пользоваться только «виртуальными органами», будут управлять внешним миром с помощью орудий разума и во имя разума. Чем больше аспектов среды становится известно такому существу, тем значимей становится установка на избавление от специализированных органов тела в пользу «виртуальных» органов разума. Такому существу нужно экономить поверхность тела, задействованную в отношениях с природной средой; нужно переключить тело в «искусственную» среду, составляющие которой не могут быть актуализированы непосредственно органами тела.

Концепция Хамфри хорошо иллюстрирует оптимистические ожидания в когнитивно-эволюционных исследованиях сознания. Традиционно субъективно-личностный способ хранения информации было принято считать «внебиологическим»: предполагалось, что особь отчуждает полезные результаты исследовательского поведения в свою пользу и начинает жить «своими интересами», превосходя интересы природы, диктуемые генетическими программами вида и когнитивными стратегиями популяции. Сейчас обозначается тенденция считать этот «способ» специальным органом популяции, который позволяет ей решать задачу «жить» с некоторой степенью независимости от эволюционной истории вида, но в интересах вида (который может быть даже персонифицирован как «эгоистичный ген», например). Действие видовых когнитивных предпочтений нельзя отменить в отношении адаптационных практик популяции, а популяционные предпочтения никак нельзя не иметь в виду на уровне особи. Произвольный характер действий особи (их осознание) объясняется или оценивается как полезная (или, по крайней мере, невредная) иллюзия особи, допустимая с точки зрения природы, и только в статусе эволюционно допустимой имеющая какое-то значение.

Подход, иллюстрированный концепцией Н. Хамфри, представляет субъективность (при определенной доле риска для практикующей ее особи), безусловно, полезной когнитивной установкой (практикой). И, главное,— понятной в таком статусе человеку (когнитивисту, например).

Библиографический список

1. *Gregory R.* What do Qualia do? // Perception. — 1996. — Vol. 25.
2. *Humphrey N.* The Privatization of Sensation // The Evolution of Cognition / eds. L. Huber, C. Heyes. — MIT Press, 2000. — P. 241–252.
3. *Humphrey N.* The Social Function of Intellect // Growing Points in Ethology / eds. P. P. G. Bateson, R. A. Hinde. — Cambridge University Press, 1976. — P. 303–317.
4. *Humphrey N.* The Society of Selves // Philosophical Transactions of the Royal Society. — Vol. 362. — P. 745–754.
5. *Miller G.* The Mating Mind: How Sexual Choice Shaped the Evolution of Human Nature. — N. Y., 2001.
6. *Nagel T.* What is it like to be a bat? // The Philosophical Review. — 1974. — Vol. 83. — P. 4.
7. *The Neuronal* Platonist. Michael Gazzaniga in conversation with Shaun Gallagher // Journal of Consciousness Studies. 19985. — № 5. P. 5–6.

ПЕДАГОГИКА

PEDAGOGICS

УДК 316.422 : 37

С. А. Степанов

РИО + 20 И МОДЕРНИЗАЦИИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Проблема устойчивости глобальной экономики, обострившаяся в ходе недавнего мирового финансового кризиса, определила на всемирной встрече на высшем уровне в РИО + 20 разработку новой концепции развития через «зеленую» экономику, которая в условиях России приобретает особый характер, экономика и социальный уклад которой требуют глубокой модернизации. Понимание и реализация этих задач невозможны без перестройки национальной системы образования. Показан вклад МНЭПУ во главе с академиком Н. Н. Моисеевым в теорию и методологию экологического образования для устойчивого развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие, глобализация экономики, модернизация, «зеленая» экономика, экологическое образование для устойчивого развития, индикаторы развития, экологический и нравственный императивы

C. A. Stepanov

RIO +20 AND MODERNIZATION POTENTIAL OF RUSSIA: EDUCATIONAL ASPECT

The problems of global economy sustainability strained in the source of the recent world crisis forced the participants of summit RIO + 20 to start the formulation of the new conception of development by means of “green” economy which takes the specific importance for Russia where economics and social life need deep modernization. Understanding and implementation of these goals are impossible without reconstruction of national system of education. The article demonstrates the contribution of MNEPU headed by academician N. N. Moiseyev into the theory and methodology of ecological education for sustainable development.

Key words: sustainable development, economy globalization, modernization, “green” economy, ecological education for sustainable development, indicators of development, ecological and moral imperatives

Устойчивое развитие с оглядкой на будущие поколения

Известно, что всемирной встрече на высшем уровне в Рио-де-Жанейро «Осуществление Повестки дня на XXI в., Программы действий по дальнейшему осуществлению Повестки дня на XXI в. и решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию» предшествовал глобальный финансово-экономический кризис 2008–2010 гг., поставивший под сомнение концепцию устойчивого развития[1], выработанную в предыдущие несколько десятилетий. Базовые позиции отражены в ряде документов, таких как: «Стокгольмская декларация по окружающей среде» (1972), «Доклад комиссии ООН под руководством Х. Брунтланд «Наше общее будущее» (1986), «Повестка дня для XXI в.» и другие документы РИО-92 (1992), «Декларация тысячелетия ООН» (2000), «Хартия Земли» (2000), «Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию» (2002), «Стратегия Европейской Экономической Комиссии ООН для образования в интересах устойчивого развития» (2005), «Образование для инновационных обществ в XXI в. Заявление „Группы восьми“» (2006). В то же время, для преодоления глобального экономического кризиса международные организации предприняли действия и выработали для правительств стран мира свое видение проблемы и путей выхода из кризиса на перспективу.

[1] При устойчивом развитии (от англ. *sustainable development* — поддерживаемое развитие) удовлетворение потребностей осуществляется без ущерба для будущих поколений, а охрана окружающей среды становится неотъемлемой компонентой процесса развития.

Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) предложила в 2009 г. Концепцию «Глобальный «зеленый» новый курс», предусматривающую поощрение инвестиций в низкоуглеродную экономику (наиболее доступные технологии, энергоэффективность, экологической транспорт, развитие возобновляемых источников энергии и др.). Ключевая цель «зеленой» экономики — осознание значимости экосистем и их центрального места в национальной и глобальной экономике. Концептуальные положения такой экономики базируются на трех принципах:

а) оценка и выдвижение на первый план природных услуг на национальном и международном уровнях;

б) обеспечение занятости населения за счет создания «зеленых» рабочих мест и разработки соответствующей политики;

в) использование рыночных механизмов для достижения устойчивого развития.

Организация ООН по промышленному развитию (ЮНИДО) в 2009 г. выступила с Монреальской декларацией по модернизации современной экономики мира и в регионах на основе низкоуглеродной экономики и принципах «зеленого» промышленного развития.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) также приняла в 2009 г. декларацию о «зеленом» росте с конкретными целевыми установками: экономический и «зеленый» рост совместимы; необходим отказ от экологически неприемлемой политики развития; «зеленый» рост должен сочетаться с обеспечением занятости, а устойчивое производство — с экоинновациями. Была провозглашена задача разработки междисциплинарного проекта «Стратегия зеленого роста». В 2010 г. под эгидой Экономической и Социальной комиссий ООН для региона Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) состоялась конференция с центральной темой «Устойчивая финансовая система и «зеленый» рост в целях достижения Целей развития тысячелетия в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [12, с. 14–17].

Конференция ООН по устойчивому развитию «РИО + 20» завершилась в Рио-де-Жанейро 22 июня после полутора лет подготовки, трех дней выступлений лидеров стран, рассмотревших 1 млн печатных листов документов. Однако многие участники саммита разошлись в оценках его результатов. Сами страны-участницы заявляют о готовности продолжать путь к «будущему, которого мы хотим», в то время как представители большинства неправительственных организаций, участвовавших в саммите, считают, что будущее, описанное в итоговом документе, им совсем не нужно.

В результате долгого и напряженного обсуждения проекта итогового документа приняты решения о запуске процесса разработки Целей устойчивого развития, которые в 2015 г. должны «сменить» «Цели развития тысячелетия», о создании нового форума высокого уровня по устойчивому развитию при Генеральной ассамблее ООН. Данный документ призвал Статистическое управление ООН разработать новые индикаторы устойчивого развития, которые бы дополнили показатель ВВП (валового внутреннего продукта).

В своем выступлении на саммите руководитель делегации Российской Федерации, премьер правительства Д. А. Медведев подчеркнул: «Общество, экономика и природа — неразделимы. Именно поэтому нам нужна и новая парадигма развития, которая способна обеспечить благосостояние общества без избыточного давления на природу. Интересы экономики, с одной стороны, и сбережение природы, с другой стороны, должны быть сбалансированы и должны ориентироваться на долгосрочную перспективу. При этом необходим инновационный рост и рост энергоэффективной, так называемой, „зеленой“ экономики, который, безусловно, выгоден всем странам» [6]. Выдвинутая лидером России идея *параллельного роста* — роста экономики, энергоэффективности и «зеленой» экономики обостряют проблему модернизации в нашей стране. Речь идет не только о технической и технологической модернизации в обычном понимании этого явления, как представляют это в СМИ и на разных уровнях власти, а именно в социально-экономическом, цивилизационном.

«Зеленая» экономика и модернизации для повышения качества жизни людей

Известно, что современное развитие России осуществляется в условиях сложных процессов глобализации и цивилизационных изменений. Под глобализацией понимается новый всемирный процесс социальной трансформации политики, экономики, технологий, коммуникаций, культуры. Модернизация рассматривается как локальный процесс той же социальной трансформации и в тех же областях, но включающий в себя в то же время:

– ориентацию на инновации и преобладание последних над традицией;

– светский характер общественной жизни;

– поступательное (нецикличное, устойчивое) развитие;

– демократическую систему власти;

– наличие отложенного спроса, т. е. способность производить не ради насущных потребностей, а ради будущего;

– капиталистический экономический, индустриальный характер;

– массовое образование;

– активный, деятельностный психологический склад характера индивидуумов;

– преобладание универсального над локальным и др. [4, с. 176].

Отсюда складывается понятие современной цивилизации как синонима культуры, как некой системы ценностей, традиций, символов, ментальности и образа жизни современного сообщества людей и даже целой эпохи, основанных на новых знаниях, информации и информационных технологиях. Речь идет о цивилизации информационного общества, к которому движется современная Россия. При этом следует учитывать, что задача развития «зеленой» экономики и модернизации страны осуществляются со значительным цивилизационным отставанием России, исторически заложенным прежними социально-экономическими системами ранее, в XIX и XX вв. Это видно из ретроспективного обзора международных документов, к которым Российская Федерация присоединилась, но реально — фактически отстранилась от их выполнения (см. перечень выше), что подтверждают также данные международной статистики:

– индекс экономики знаний (10-е место среди ведущих странах мира);

– расходы на образование (последнее место среди ведущих стран);

– доля стран в производстве высокотехнологичной продукции (последнее место среди ведущих стран);

– международное сопоставление наукоемкости и наукоотдачи (последнее место среди ведущих стран);

– природоемкость ВВП (последнее место среди ведущих стран);

– рейтинг благосостояния (63-е место);

– влияние государственной политики на инвестиции в инфраструктуру (последнее место в мире);

– показатели продуктивности сельхозпродукции (ниже показателей стран ЕС) [1, 2].

При этом суть и главное направление российской модернизации определяется ее конечной целью, которой, при всей важности экономического роста, технического совершенства и конкурентоспособности, является *улучшение условий жизни* ***каждого*** *человека уже* ***сегодня*** *и обеспечение благоприятных условий для* ***будущих*** *поколений*. Эта задача акцентируется в настоящее время как обеспечение устойчивого развития на основе принципов «зеленой» экономики, т. е. экологизации производства и потребления, исходя из того, что экология сегодня — это и есть экономика. Основные показатели «зеленой» экономики (в частности, энергосберегательные технологии, энергоэффективность, производство и использование возобновляемых источников энергии (ВИЭ), использование наилучших доступных технологий (НДТ), вторичное использование ресурсов, снижение природоемкости производимых продуктов и услуг, уменьшение накопленного экологического ущерба, снижение отрицательного воздействия на окружающую среду и др.) должны отражаться в отечественной статистике и соотноситься с международной статистикой, а также органически интегрироваться в программном материале общеобразовательной и профессиональной подготовки будущих специалистов[2].

Таким образом, понимание модернизации в российских условиях определяется как обеспечение технологического прогресса для экономического развития и поддержания благоприятной окружающей природной среды (экологической безопасности, которая становится определяющей для экономического роста и самого существования человека) и качества жизни людей. Эта задача в мире рассматривается как реализация принципа «декаплинга» (удовлетворение растущих потребностей в ресурсах при минимизации обеднения природного капитала), что предполагает снижение энергоемкости и природоемкости в целом, экономического роста, широкое использование возобновляемых источников энергии, модернизацию производства на основе инноваций.

---

[2] Учитывая переход России на двухуровневую подготовку (бакалавриат — магистратура), в данном случае, термин «специалист» используется как расширительное понимание квалифицированных кадров в различных отраслях современной индустрии материального и нематериального производства товаров и услуг.

Подчеркивая цивилизационную парадигму нынешнего этапа развития России, выдающийся российский ученый и общественный деятель академик Н. Н. Моисеев (1917–2000) указывал: «Новая цивилизация должна начинаться даже не с новой экономики, а с новых научных знаний и новых образовательных программ. Именно так я понимаю первый и важный шаг СТРАТЕГИИ «*sustainable development*» [10, с. 100]. Совсем не случайно уже в первый день своего президентства (7 мая 2012 г.) новый глава Российской Федерации В. В. Путин подписал указы «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» и «О президентской программе повышения квалификации инженерных кадров в 2012–2014 гг.». При этом второй указ и указанная в нем программа изданы по итогам работы комиссии при Президенте РФ по модернизации и технологическому развитию экономики России от 30 марта 2011 г. В программе указывается, что для решения задач инновационного развития России определены следующие основные *приоритеты модернизации экономики*:

– повышение энергоэффективности и ресурсосбережения;

– развитие ядерных, космических, медицинских и стратегических информационных технологий.

Этим важным документам предшествовало утверждение Президентом РФ «Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г.» (от 30 апреля 2012 г.). Необходимо отметить, что в числе основных положений этой политики сформулирована задача формирования экологической культуры, развития экологического образования и воспитания, которая должна быть решена с использованием следующих механизмов:

а) формирование у всех слоев населения, прежде всего, у молодежи, экологически ответственного мировоззрения;

б) государственная поддержка распространения через средства массовой информации сведений экологической и ресурсосберегающей направленности, а также проведения тематических мероприятий;

в) включение вопросов охраны окружающей среды в новые образовательные стандарты;

г) обеспечение направленности процесса воспитания и обучения в образовательных учреждениях на формирование экологически ответственного поведения, в том числе посредством включения в федеральные государственные образовательные стандарты соответствующих требований к формированию основ экологической грамотности у обучающихся;

д) государственная поддержка деятельности образовательных учреждений, осуществляющих обучение в области охраны окружающей среды;

е) развитие системы подготовки и повышения квалификации в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности руководителей организаций и специалистов, ответственных за принятие решений при осуществлении экономической и иной деятельности, которая оказывает или может оказать негативное воздействие на окружающую среду;

ж) включение вопросов формирования экологической культуры, экологического образования и воспитания в государственные, федеральные и региональные программы.

Переход Российской Федерации на принципы устойчивого развития и «зеленой» экономики, а также обеспечение экологического благополучия в пределах параметров, определенных Указом Президента РФ «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г.» невозможны без раскрытия человеческого потенциала российских граждан.

Российский интеллект и образование для модернизационного рывка страны

Общепризнанно, что сегодня Россия находится на труднейшем этапе своего исторического развития. Но, как ни странно, осуществление стратегии устойчивого развития мира в условиях глобальных процессов и катаклизмов многие аналитики-прогнозисты ведущих зарубежных исследовательских центров видят в возрастающей роли России. И речь идет не о ее огромных запасах природных ресурсов. Вот некоторые тезисы из предисловия к русскому изданию последнего доклада Римскому клубу «Фактор четыре»:

– «единая мировая экономика XXI в. будет в относительно меньшей степени, чем раньше, зависеть от физических ресурсов;

– Россия, как никогда раньше, может использовать свой уникальный ресурс, который во все большей мере будет определять ее особую и значительную роль в глобальном развитии. Этот ресурс — внутренняя сила и одаренность россиян;

– преимущество России в формирующейся мировой информационной экономике, строящейся, в основном, на людских ресурсах,— в ее людях. Их природная одаренность, обогащенная историей и одной из наиболее продуманных и эффективных систем всеобщего образования, представляет собой уникальный вклад. Этот вклад может послужить основой новой российской экономики — стабильной, всеобъемлющей и глубокой, потому что она будет опираться не на нефть… не на сталь… не на осетров… а на самый драгоценный капитал, более необходимый и более уважаемый в мире — капитал, который представляют собой уверенные, хорошо образованные, одаренные люди с их вековой культурой» [3, с. 11–12].

В связи с этим высказыванием примечательно утверждение Н. Н. Моисеева: «Я не настолько ценю мудрость соседних цивилизаций, чтобы поверить в то, что они способны понять, сколь важно для всей планеты иметь сильную Россию, интеллект и ресурсы которой могут сыграть выдающуюся роль в утверждении нового равновесия человечества и природы» [9, с. 44].

Но для раскрытия этого интеллекта в целях устойчивого развития России имеется существенное препятствие — отсутствие взаимосвязи политики устойчивого развития и политики образования и науки. Патерналистская и протекционистская политика руководства страны в отношении государственного сектора образования, попытка притормозить массовое развитие высшего образования[3] и включить старые госплановские механизмы регулирования численности выпускников вузов той или иной специальности (направления), наконец, грубое объединение и укрупнение учреждений образования не могут скрыть истинного намерения государства снизить давление системы образования на бюджет страны.

Указ Президента РФ «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» представляет собой очередной набор малосвязанных, «пожарных», концептуально не обоснованных мер (выделены математика, общественная аккредитация профессиональных программ по экономике, юриспруденции, управлению, социологии). И ни слова не сказано о совершенствовании образования и опережающей подготовке кадров для решения стратегических задач России — инновационной модернизации экономики, повышения ее энергоэффективности, перехода от преимущественно сырьевой экономики к высокоиндустриальной, повышения конкурентоспособности отечественных товаров на мировом рынке, наконец, повышения конкурентоспособности образовательной системы России на мировом рынке образовательных услуг. Несмотря на то, что Российская Федерация присоединилась к Стратегии ЕЭК ООН для образования в интересах устойчивого развития, образовательное ведомство страны не принимает практических мер к реализации этого документа, как и не выполняет ФЗ «Об охране окружающей среды» в части реализации задачи по формированию у молодежи и граждан страны экологической культуры.

Озабоченность мирового сообщества нарастанием тенденций глобального экологического кризиса, неуправляемым сокращением природных ресурсов и биоразнообразия, увеличивающимся разрывом в уровне жизни богатых и бедных стран мира и регионов в самой России не учитываются Минобрнауки России при формировании образовательных стандартов различных уровней образования. И это происходит, несмотря на рекомендации многочисленных международных соглашений, научных конференций, большого объема наработанных в мире и в России теоретических и методологических разработок в области экологического образования и образования для устойчивого развития[4].

---

[3] Вспоминается высказывание в телеинтервью японского премьер-министра 1980-х гг. Накасоне: «Пока русские готовят полуграмотных пэ-тэ-ушников, мы дадим каждому молодому японскому рабочему высшее образование».

[4] В российском образовательном сообществе принята формулировка «экологическое образование для устойчивого развития», так как парадигма устойчивого развития — *sustainable development* (или постоянно поддерживаемое развитие) состоит в сохранении природно-ресурсных и инвайронментальных (экологических — в смысле сохранения окружающей среды) условий для нормального проживания будущих поколений людей.

Важный вклад в развитие теоретико-методологических основ этого образования внес Н. Н. Моисеев. Его методологические и педагогические принципы современного (в т. ч. экологического) образования выступают ответом на вызовы и проблемы глобализации и направлены на социально-экономические преобразования в России.

Академик Н. Н. Моисеев о судьбах страны, мира и образования

Рис. 1. Н. Н. Моисеев

Никита Николаевич Моисеев (1917–2000) академик РАН, специалист в области общей механики и прикладной математики (рис. 1). Много лет возглавлял аэродинамический факультет МФТИ; многие годы работал заместителем директора ИВЦ АН СССР, занимался проблемами взаимодействия биосферы и общества. Один из авторов, открывших феномен «ядерной зимы». Возглавлял комиссию АН СССР по выработке научных рекомендаций по ликвидации последствий ядерной аварии на Чернобыльской АЭС; в 1992–1993 гг. возглавлял экспертный совет при Правительстве РФ по оценке кризисных ситуаций, консультировал председателя Правительства РФ перед российско-американскими переговорами по СНВ-2. Президент Российского Зеленого Креста, президент ЮНЕПКОМа — комиссии содействия деятельности ЮНЕП в России, один из основателей и президент Международного независимого эколого-политологического университета (МНЭПУ), основатель и главный редактор журнала «Экология и жизнь», основатель и научный редактор аналитического ежегодника «Россия в окружающем мире», главный редактор журнала «Экологическое образование в России».

Основные работы последних лет его жизни: «Восхождение к разуму» (1993), «Система „УЧИТЕЛЬ“ и современная экологическая обстановка» (1994), «Современный рационализм» (1995), «Историческое развитие и экологическое образование» (1995), «Время определять национальные цели» (1997), «Мировое сообщество и судьба России» (1997), «Судьба цивилизации. Путь разума» (1998), «Размышления о современной политологии»(1999), «Универсум. Информация. Общество» (2001).

Н. Н. Моисеев сформулировал и ввел в научный оборот понятие «экологический императив», которое весьма важно и обозначает «ту границу допустимой активности человека, которую он не имеет права переступать ни при каких обстоятельствах» (рис. 2). И этот императив, как закон, требование, безусловный принцип поведения, имеет объективный характер, так как «…не зависит от воли отдельного человека, а определяется соотношением свойств природной среды и физиологических и общественных особенностей вида *homo sapiens*. Но реализация этого отношения зависит от воли человека! Вот почему,— утверждал Н. Н. Моисеев,— использование термина, аналогичного кантовскому императиву, совершенно не случайно» [9, с. 8].

Рис. 2. Экологический императив Н. Н. Моисеева в видении свободного художника. Коллаж проф. А. М. Тарко

Таким образом, экологический императив как «система ограничений человеческой деятельности, система запретов, выполнение которых необходимо для продолжения процесса развития общества» [7, с. 245], является базовой категорией, фундаментом нового историко-эволюционного направления философии экологии и ***базовым методологическим принципом*** экологического образования. Экологический императив неизбежно «требует создания,

причем в достаточно короткие сроки, нового нравственного императива, т. е. нового характера взаимоотношения людей между собой и природой» [9, с. 12].

На основе этих методологических положений Н. Н. Моисеева учеными МНЭПУ, Институтом глобализации и устойчивого развития МНЭПУ разработана *функциональная схема* устойчивого развития, позволяющая последовательно структурировать постановку, устанавливать оценку сложности и определять решение вопросов устойчивого развития с учетом международных индикаторов и реальности разрешения проблем на местном и региональном уровнях [15, с. 18].

Данная функциональная схема устойчивого развития (рис. 3), сложившиеся в России формы экологического образования для формирования экологической культуры и мировоззрения, обобщение в этой области теоретико-методологических работ Н. Н. Моисеева и других ученых позволили научным сотрудникам МНЭПУ разработать принципиальную *модель* (стратегическую формулу) экологического образования для устойчивого развития [14, с. 15]. В ней выделены основные принципиальные положения и пошаговые действия, определяющие «развитую личность, способную решать проблемы устойчивого развития» (рис. 4).

Рис. 3. Функциональная схема устойчивого развития

Рис. 4. Стратегическая формула экологического образования в интересах устойчивого развития

Рис. 5. Здание МНЭПУ

МНЭПУ, созданный под научным руководством Н. Н. Моисеева в 1992 г. рядом общественных экологических организаций, как негосударственное образовательное учреждение, является не только *первым* в России научно-образовательным учреждением социально-экологического профиля, получившим поддержку Правительства России (специальные постановления 1993, 1995, 1996 гг.), но и международным научно-теоретическим центром в области экологического образования для устойчивого развития. В МНЭПУ (рис. 5) ежегодно проводятся моисеевский методологический семинар «Универсальный эволюционизм и цивилизационные разломы», международные конференции по проблемам экологического образования для устойчивого развития; издаются аналитический ежегодник «Россия в окружающем мире. Устойчивое развитие: экология, политика, экономика» (аналог американского издания *«State of the World»*), ежеквартальный «Вестник экологического образования в России», научная и учебная литература эколого-политологического, юридического, экономического, лингвистического, психолого-педагогического направлений.

По инициативе и при активном участии ученых и сотрудников МНЭПУ в Государственной Думе ФС РФ в 2006 г. были проведены парламентские слушания «О реализации Российской Федерацией Стратегии Европейской экономической Комиссии ООН для образования в интересах устойчивого развития». Также исследователи МНЭПУ совместно с учеными МГУ им. М. В. Ломоносова и других московских вузов инициировали разработку предложений в рабочую группу и на парламентских слушаниях «О проекте Федерального закона „Об образовании в Российской Федерации“» в части дополнения данного документа положениями системного характера по развитию экологического образования и акцентированию формирования экологической культуры как неотъемлемой части реализации концепции устойчивого развития в условиях России.

Новые реалии глобального мира и быстро изменяющиеся условия проживания людей на земле, необходимость смены парадигмы безоглядного потребительства (и ориентированного на нее экономического роста) на всеобщий экономический принцип «зеленой» экономики требуют постоянного обновления образовательного законодательства, нормативной базы и, конечно, уточнения применения и разработки новых педагогических методов.

Высшая школа должна учить тому, как человек должен учиться новому[5]

Образование сегодня необходимо ориентировать на ознакомление всех обучающихся, специалистов и руководящих работников с материалами и разработками по устойчивому развитию, показателями экологичности отечественной экономики. В высшей профессиональной школе следует систематически знакомить студентов вузов и слушателей курсов последипломного образования с международными документами по проблемам устойчивого развития и «зеленой» экономики, рамочными индикаторами устойчивого развития, комплексными международными индексами, кодексами поведения в деловом сообществе, сравнительными международными и отечественными статистическими данными индикаторов устойчивого развития. Важно вырабатывать у студентов критическое мышление, непредвзятое осмысление действительности как искусство разбирать, сравнивать, исследовать и проверять научную достоверность или подлинность замыслов, явлений. И здесь, как нельзя, кстати, девиз экологов: «Думай глобально, действуй локально!».

Например, проводимая в настоящее время достаточно агрессивная реклама на телеви-

[5] Работая в начале 1950-х гг. на кафедре теории взрыва, которую возглавлял академик М. А. Лаврентьев, Н. Н. Моисеев обратился к своему учителю за советом о том, чему, прежде всего, следует учить студентов. Ответ был примерно такой: «Лет через 20 в технике произойдут такие изменения, о которых мы сегодня и догадываться не можем. И, тем более сказать, что придется знать нашим питомцам. Да и сами мы этого не знаем. Поэтому надо учить классике. Это и есть база: надо учить тому, как человек должен учиться новому» [8].

дении отечественной компании-монополиста «Газпрома», ведущей в мире газодобывающей компании, вызывает критическую и негативную реакцию у 40 % населения страны, не имеющего доступ к отечественному газу. В 2011 г. «Газпром» увеличил поставки газа в страны дальнего зарубежья и в страны СНГ на 5,7 и 16,4 % соответственно, в то время как на внутреннем рынке — только на 1,2 % [5]. Нетрудно подсчитать, сколько еще десятилетий будут ждать российские граждане полного удовлетворения газом в самой великой газодобывающей стране мира.

Показатели отчета Росавтодора о строительстве в стране в 2011 г. рекордного количества дорог федерального значения — 233 км (при наличии 5 тыс. и потребности в 10 тыс. дорог этого профиля) вызывают горечь и недоумение у 10 млн жителей десятков тысяч деревень, сел и малых городов страны, которые в период весенней и осенней распутицы оказываются оторванными от всей страны только из-за отсутствия дорог с твердым покрытием [11].

И, наконец, самого критического осмысления достойно решение о расширении столицы и отвлечении огромных бюджетных средств и внимания руководства страны на строительство офисных комплексов для размещения огромного количества чиновников при наличии в стране проблемы ветхого жилья, в котором проживают миллионы людей, при отсутствии современной автодорожной инфраструктуры, сдерживающей и развитие регионов, и поступлений отечественных и зарубежных инвестиций для этого развития, и низкого качества жизни российских граждан.

Все эти вопросы модернизации страны, «зеленой» экономики национальная система образования должны чутко улавливать, постоянно дополнять содержание образовательных программ, государственные стандарты и требования, обеспечивая тем самым опережающую подготовку специалистов разного профиля. Экологическое образование для устойчивого развития должно ориентироваться на показатели и инструментарий реализации концепции «зеленой» экономики как составной части концепции устойчивого развития.

Основные показатели «зеленой» экономики (энергосберегающие технологии, энергоэффективность, производство и использование возобновляемых источников энергии (ВИЭ), использование наилучших доступных технологий (НДТ), вторичное использование ресурсов, снижение природоемкости производимых продуктов и услуг, уменьшение накопленного экологического ущерба, снижение отрицательного воздействия на окружающую среду и др.) должны войти в программный материал всех дисциплин естественнонаучного, социально-гуманитарного, общепрофессионального и профессионального блоков учебных планов среднего специального и высшего профессионального образования.

Преподавателям и учебно-методическим объединениям образовательных учреждений необходимо активно использовать принцип экологизации и междисциплинарный подход в разъяснении обучающимся (студентам, слушателям) особенностей реализации концепции «зеленой» экономики в условиях модернизации современной России.

Целесообразно разработать и реализовать федеральную программу подготовки, переподготовки и повышения квалификации преподавательских кадров и работников экологического просвещения по проблемам реализации концепции «зеленой» экономики как составной части модернизации современной России. Учреждениям Минприроды и экологии России совместно с Минобрнауки России следует ввести практику регулярной совместной разработки и утверждения федеральных государственных требований к структуре основных образовательных программ и государственным образовательным стандартам по подготовке экологов, других специальностей инженерно-технических направлений, предусматривающих проблемы «зеленой» экономики и модернизации страны. Это же касается и естественнонаучной, и социально-гуманитарной подготовки по всем направлениям бакалавриата и магистратур.

Наконец, необходимо привести в соответствие и согласование «Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 г.» и государственную политику в области образования и науки, ориентируя их на реализацию принципов «зеленой» экономики и задач модернизации страны.

Библиографический список

1. *Бобылев С. Н.* Индикаторы устойчивого развития: региональное измерение: пособие по регион. экол. политике. — М.: Акрополь, ЦЭПР, 2007.
2. *Бобылев С. Н.* Индикаторы устойчивого развития: вызовы кризиса: докл. от 26 окт. 2010 г.
3. *Вайцзеккер Э.* Фактор четыре. Затрат — половина, отдача — двойная: нов. докл. Римскому клубу / Э. Вайцзеккер, Э. Ловинс, Л. Ловинс; пер. А. П. Заварницына, В. Д. Новикова; под ред. акад. Г. А. Месяца. — М.: Academia, 2000.
4. *Глобалистика*: междунар. междисциплинарный энцикл. слов. / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. — М.; СПб.: ЕЛИМА, Питер, 2006.
5. *Куликов С.* Экспорт «Газпрома» растет за чужой счет // Независимая газ. — 2 ноября 2011 г. — URL: http:www.Lenta.ru (дата обращения: 21.06.2012).
6. *Медведев Д. А.* Официальная речь руководителя делегации РФ на саммите РИ0 + 20 [Электронный ресурс] // Портал Правительства РФ. — URL: http: www.special/docs/19427 (дата обращения: 15.09.2012).
7. *Моисеев Н. Н.* О необходимых чертах цивилизации будущего: филос. заметки // Время определять национальные цели / Н. Н. Моисеев. — М.: МНЭПУ, 1997.
8. *Моисеев Н. Н.* Размышления о современной политологии. — М.: МНЭПУ, 1999.
9. *Моисеев Н. Н.* Современный антропогенез и цивилизационные разломы: экол.-политол. анализ. — М.: МНЭПУ, 1994.
10. *Моисеев Н. Н.* Судьба цивилизации: путь разума. — М.: МНЭПУ, 1998.
11. Парламентская газ. — 2012. — 20 апр. — С. 18.
12. *Перелет Р. А.* Направления стратегии «зеленого роста» // Россия в окружающем мире: 2011: аналит. ежегодн. / отв. ред. Н. Н. Марфенин; под общ. ред. Н. Н. Марфенина, С. А. Степанова. — М.: МНЭПУ, 2011.
13. *Снакин В. В.* Экология и природопользование в России: энцикл. слов. — М.: Academia, 2008.
14. *Степанов С. А.* Концептуальные основы экологического образования для устойчивого развития в научном наследии академика Н. Н. Моисеева: попытка систематизации и структуризации. — М.: МНЭПУ, 2011.
15. *Степанов С. А.* Основные методологические и содержательные аспекты экологического образования для устойчивого развития в высшем учебном заведении: моногр. — М.: МНЭПУ, 2010.

УДК 37.018.324 + 37.035

В. Н. Ефименко, Ю. В. Стафеева

АДАПТИВНО-РАЗВИВАЮЩАЯ СРЕДА УЧРЕЖДЕНИЯ ИНТЕРНАТНОГО ТИПА КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

В статье рассматривается проблема социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Данная проблема может быть успешно разрешена посредством создания в учреждениях интернатного типа адаптивно-развивающей среды, которая выступает фактором социализации воспитанников. Погружение детей в адаптивно-развивающую среду образовательного учреждения позволяет сформировать у них компетенции, способствующие полноценной социализации.

Ключевые слова: социализация, дети-сироты, детский дом, школа-игтернат, адаптивно-развивающая среда

V. N. Efimenko, Yu. V. Stafeyeva

ADAPTIVE-DEVELOPING ENVIRONMENT OF BOARDING-SCHOOL AS SOCIALIZATION FACTOR OF ORPHANS AND CHILDREN REMAINING WITHOUT PARENTS' CUSTODY

The article examines the problem of socialization of orphans and children remaining without parents' custody. This problem can be successfully settled by means of formation in boarding schools the adaptive-developing environment which operates as the factor of pupils' socialization. Children's immersion into the adaptive-developing environment of educational establishment allows to form the competences promoting better socialization.

Key words: socializations, orphans, orphan home, boarding school, adaptive-developing environment

Государство и общество предъявляют сегодня к выпускнику школы высокие требования. На выходе из школы ребенок должен быть способным решать проблемы в различных сферах деятельности на основе использования освоенного им социального опыта. С этой точки зрения, если рассматривать учащихся как строителей собственной жизни, задача школы не сводится к их обеспечению строительным материалом в виде знаний. Задача школы — научить «строить дом», ведь современному обществу нужен человек, умеющий реализовать себя как личность, профессионально и социально зрелый, умеющий быстро адаптироваться к социальным изменениям, происходящим в обществе.

Тем не менее, по утверждению И. А. Липского, значительная часть современных молодых людей обладают, как правило, высоким уровнем развития материальных потребностей; необоснованно завышенной самооценкой, амбициозностью; высокими притязаниями при низком уровне культурного развития, компетентности, способности принимать решения в ситуациях профессионального и морального выбора; неготовностью к коллективной работе и стремлением уйти от ответственности; отрицательным отношением к общественной работе; социальной индифферентностью.

Эти же свойства характерны для выпускников интернатных учреждений и проявляются они более ярко, чем у детей, воспитывающихся в семье.

По данным статистики Министерства образования и науки Камчатского края, на 1 сентября 2012 г. в Камчатском крае проживают 1537 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из них детей-сирот — 339 человек; детей, оставшихся без попечения родителей (т. е. социальных сирот), — 1198. Воспитываются в учреждениях интернатного типа (всего таких учреждений — 9 на всей территории Камчатки) 508 детей. Под опекой и попечительством находятся 598 детей, в приемных семьях — 347. Государство, беря на себя материальную заботу об этих детях, достаточно часто формирует потребительское отношение к жизни. Исследования, проведенные Л. В. Байбородовой, Е. Б. Кириченко, Г. В. Семья, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых,

О. В. Бережной и др., подтверждают данный факт. Авторы отмечают, что переход детей-сирот к самостоятельной жизни представляется очень сложным и трудным как для них, так и для окружающих их людей. Трудности дальнейшей социализации детей-сирот обусловлены рядом факторов. Это, прежде всего, неготовность к самостоятельной жизни, неумение управлять своей свободной самостоятельной жизнью, отсутствие значимых людей, под контролем которых они находились долгие годы, невозможность очень быстро адаптироваться к одиночеству, сложности в устройстве на работу, учебу, потеря взаимоотношений с родственниками и др.

Обозначенные проблемы характерны и для выпускников детских домов Камчатского края. Так, педагоги Муниципального казенного образовательного учреждения «Детский дом № 5 для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» с 1999 г. проводили работу по отслеживанию судеб своих выпускников. Результаты данного исследования показывают, что за период 1999–2011 гг. детский дом выпустил во взрослую жизнь 32 человека. Наблюдения психолога и социального педагога детского дома за судьбой выпускников, встречи, переписка с молодыми людьми показали, что каким бы комфортными условиями не обладало бы интернатное учреждение, сама система такого учреждения формирует у выпускников детского дома стойкий комплекс иждивенчества, отсутствие способности самостоятельно решать проблемы.

Анализ полученных данных показал, что выпускники-сироты и лица, оставшиеся без попечения родителей, испытывают проблемы:

– в области жилищных вопросов (постановка в очередь на получение жилья в случае отсутствия жилья, проживания в общежитии, невозможности совместного проживания, расширения жилья и т. п.; ликвидация задолженности по оплате за жилье, оформление субсидии; разделение лицевых счетов по оплате за жилье, с совместно проживающими гражданами, сформировавшими задолженность по оплате за жилье);

– в получении профессионального образования (не соответствие требований выбранной специальности состоянию здоровья обучающегося; разочарование в выборе специальности (как следствие отсутствия сознательной мотивации к обучению, пропуски занятий и т. п.); отсутствие общежития по месту учебы);

– в трудовой деятельности (выпускники не мотивированы на работу, не способны соблюдать режим труда и отдыха, для них характерны: низкий уровень личной ответственности, завышенные требования к заработной плате; они не способны защищать свои личные и профессиональные интересы, недостаточно владеют информацией в сфере трудового права);

– в оформлении документов (трудности в оформлении документов, необходимых для получения статуса матери-одиночки: для получения выплат, пособий, льгот и т. п.);

– в получении мест в дошкольных образовательных учреждениях, что приводит к регулярным пропускам занятий по причине невозможности оставить малолетних детей без присмотра и к невозможность трудоустройства по той же причине;

– в создании и развитии внутрисемейных отношений, так как бывшие воспитанники детских домов не владеют знаниями и опытом проживания в семье, у них не сформирована ответственность за свою семью.

Анализ результатов исследования показал следующее:

– полученного образования для выполнения жизненных планов хватило только 20 % выпускникам;

– желают сменить профессию 60 % выпускников, и половина выпускников сменили ее после шести лет самостоятельной жизни;

– общаются со своими родителями и родственниками только четвертая часть выпускников;

– женаты / замужем (официально) к шести годам после выпуска — 17 %;

– удовлетворены своей семейной жизнью — 15 %;

– имеют проблемные жизненные сценарии «неизвестность», «трагедия», «нарушение закона» — 30 % выпускников.

В связи с этим актуальным становится создание адаптивно-развивающей среды в образовательном пространстве учреждений интернатного типа, которая может стать одним из социальных гарантов полноценного развития детей-сирот и детей, оставшихся без попече-

ния родителей, и будет способствовать их дальнейшей полноценной социализации и успешному вхождению в социум.

Адаптивно-развивающая среда, по нашему мнению, включает в себя следующее:

1) всю жизнедеятельность образовательного учреждения как основного института социализации ребенка-сироты, сочетающего в себе черты семейного воспитания и школьного образования;

2) методы, направленные на принятие ребенком-сиротой как адаптивного поведения по усвоению социокультурных норм, ценностей, установок, так и на развитие, позволяющее проявлять и реализовывать индивидуальность ребенка, выходящую за круг его адаптивных возможностей и нормативных форм поведения.

Последовательное и пересекающееся сочетание этих процессов позволит воспитаннику обрести личностную целостность и успешно интегрироваться в современном обществе, стать его полноценным, конкурентоспособным членом.

Адаптивно-развивающая среда строится на основе гуманно-личностного подхода. Такой подход обращает учреждение к личности ребенка, к его внутреннему миру, к его способностям и возможностям, нравственной потенции свободы и справедливости, добра и счастья. Цель педагогов — разбудить, вызвать к жизни эти внутренние силы и возможности, создать все необходимые условия для более полного и свободного развития личности.

Гуманно-личностный подход объединяет следующие идеи:

– взгляд на личность как на цель образования, личностную направленность учебно-воспитательного процесса;

– гуманизация и демократизация педагогических отношений;

– отказ от принуждения как метода, не дающего результатов в современных условиях;

– индивидуальный подход;

– формирование положительной Я-концепции воспитанника.

Адаптивно-развивающая среда учреждения интернатного типа — это особым образом организованная воспитательная система, которая имеет свои особенности. К таким особенностям можно отнести:

1) сложную структуру (цели, деятельность, субъект деятельности, отношения, среда, управление);

2) специфические функции:

– развивающая — в условиях учреждения интернатного типа данная функция направлена на создание условий для полноценного развития воспитанников, на «гармонию их развития» (Л. Н. Толстой), чего они были лишены в неблагополучных семьях, на стимулирование позитивных изменений в их личностном развитии, поддержку процессов раскрытия и самовыражения их способностей;

– компенсаторная — предполагает создание условий в учреждении интернатного типа для компенсации у воспитанников последствий различных видов депривации и педагогической запущенности;

– защитная — направлена на нейтрализацию негативных воздействий неблагополучных семей и факторов окружающей среды на личность ребенка и его развитие, повышение уровня социальной защищенности воспитанников в условиях их пребывания в учреждении интернатного типа, в экстремальных условиях дезорганизации и деструктивных тенденций в обществе;

– корректирующая — заключается в осуществлении педагогически и психологически целесообразной коррекции развития, поведения, общения воспитанника, испытавшего различные виды депривации, с целью позитивного влияния на формирование его личности;

– регулирующая — связана с упорядочением педагогических процессов и их влияния на формирование личности воспитанника, имеющего серьезные проблемы в личностном развитии, на развитие детского и взрослого коллективов.

3) всю совокупную деятельность учреждения интернатного типа: познавательную внеучебную и внешкольную деятельность детей, деятельность воспитанников по интересам, игровую, трудовую, деятельность по развитию детского самоуправления и другие виды деятельности;

4) основные компоненты воспитательной системы учреждения интернатного типа, к которым относятся: субъекты деятельности, отношения, среда системы.

Воспитанники детского дома как субъект воспитательной системы обладают рядом особенностей личностного развития, поэтому концепции и модели воспитательных систем, программы воспитания, разрабатываемые в учреждениях интернатного типа, должны учитывать специфику становления личности этих детей и быть ориентированы на решение их проблем.

Говоря о системе отношений, следует отметить, что особенно актуальной становится задача обращения педагога к личности ребенка, к его внутреннему миру. Отношения в учреждениях подобного типа должны формироваться по типу семейных отношений на основе любви, заботы, взаимопонимания. Так же, как в хорошей семье, дети должны чувствовать себя, безусловно, любимыми и защищенными.

Воспитательная система учреждения интернатного типа является системой замкнутой, ее связи с внешней средой неустойчивы и недолговечны. При коллективном характере воспитания, высокой степени регламентации жизни детей, отсутствии «свободных зон развития» это негативно сказывается на личностном развитии воспитанников учреждений интернатного типа. Поэтому при формировании воспитательной системы школы-интерната необходимо поставить следующие задачи: сделать систему более открытой, расширить «среду обитания» воспитанников, интегрировать систему во внешнюю среду, установить постоянные и глубокие контакты с социумом.

Учитывая то, что ребенок-сирота живет в особой среде, отличной от среды проживания обычных детей, большое внимание в создании адаптивно-развивающей среды следует уделять особенностям социальной ситуации его развития и среды его обитания в условиях учреждения интернатного типа.

Анализ инновационных форм и методов работы с детьми-сиротами показал, что большим, но недостаточно используемым потенциалом для их полноценного развития обладают различные формы социально-ориентированного обучения и внеучебной деятельности, включая деятельность по интересам.

Адаптивно-развивающая среда учреждения интернатного типа должна обеспечивать процессы вхождения ребенка в мир социальных отношений, предоставлять возможности освоения норм и правил поведения, необходимых как для адаптации человека в микросреде, так и в расширенном социуме. Вместе с тем одной адаптивной активности, усвоения существующих норм и правил, сегодня явно недостаточно для успешного функционирования молодого человека в социуме. Требования и вызовы современного общества побуждают его к освоению новых рубежей личностного развития через приобретение навыков социальной компетенции, необходимых для полноценной социализации. Особенно это важно для ребенка-сироты в силу отсутствия помощи со стороны семьи и близкого окружения.

Адаптивно-развивающая среда, по нашему мнению, позволяет сформировать социальную компетентность. Под компетентностью мы понимаем новое качество субъекта деятельности, проявляющееся в способности системного применения знаний, умений, ценностных установок и позволяющее успешно разрешать различные противоречия, проблемы, практические задачи в социальном, профессиональном и личностном контексте. Компетентность — это уже состоявшееся личностное качество воспитанника (его характеристика), *объективный результат освоения компетенций конкретной личностью.* Под компетенцией мы понимаем способности, основанные на знаниях, опыте, ценностях, склонностях, которые приобретены благодаря обучению; это способность установить связь между знанием и ситуацией, найти процедуру (знания и действия), подходящую для решения проблемы.

Под социальной компетентностью мы понимаем уровень социальной готовности воспитанников, позволяющий им обладать необходимыми правами и обязанностями, знаниями, умениями, навыками и быть конструктивными в основных сферах деятельности личности.

Социальная компетентность воспитанников школы-интерната как формируется, так и проявляется в различных видах деятельности.

Основными видами деятельности воспитанников являются: учебная, трудовая, организация своего свободного времени, выполнение общественных нагрузок, деятельность по формированию культурно-гигиенических навыков и навыков поведения.

Мы предполагаем, что развитию социальной компетентности будет способствовать внедрение в образовательный процесс программ, направленных на развитие эмоциональной отзывчивости, гражданской идентичности, трудолюбия, устойчивости против вредных привычек; формирование знаний о своих правах и обязанностях, о своих личностных особенностях и др.

Результатом создания адаптивно-развивающей среды в учреждении интернатного типа, по нашему мнению, станет сформированная социальная компетентность, которая включает в себя следующие компетенции:

– отношение к своему здоровью: имеет знания о здоровом образе жизни, видит взаимосвязь между своим здоровьем и занятиями спортом, проявляет устойчивость против вредных привычек и имеет потребность в здоровом образе жизни;

– отношение к труду как жизненно-смысловой доминанте: сознательный уровень понимания значимости своей трудовой деятельности в жизни и трудовой активности, реализации своих знаний, умений и навыков практической деятельности, готовность к выполнению любого вида деятельности по самообслуживанию, владение основными орудиями и предметами ручного труда;

– личностное и профессиональное самоопределение: сформированность самосознания (способность сознательно анализировать свои переживания, свои сильные и слабые стороны, познавать себя как личность, отличную от других), наличие системы мотивов и ценностей, временной перспективы и профессиональной направленности;

– наличие качеств, позволяющих успешно адаптироваться в обществе: самостоятельно принимать решения и быть за них ответственным; разделять ценности, нормы и идеалы, на основе которых и в соответствии с которыми живет общество, самостоятельно определять, планировать свою жизнь, свои действия и выполнять их, нести ответственность за свои решения и поступки, позиционировать себя как частичку общества, продуктивно взаимодействовать с людьми — вступать с ними в деловые и дружеские отношения;

– сформированность культуры семейных отношений: понимание функций и ценности семьи для отдельной личности и для общества в целом, правильная мотивация на создание семьи и выполнение супружеских и родительских обязанностей; признание главной обязанностью супругов рождение и воспитание детей; представление о нравственных качествах будущего супруга, осознание функционально-ролевых обязанностей супругов; чуткость к доброте, порядочности, верности; проявление ответственности в дружбе, любви, семейных отношениях; умение владеть собой, управлять чувствами; способность анализировать и принимать решения в жизненных ситуациях, нести ответственность за свои поступки, добросовестно выполнять свои трудовые обязанности в семье.

Адаптивно-развивающая среда также предполагает комплексное сопровождение воспитанников учреждения интернатного типа.

Толковый словарь В. И. Даля определяет понятие «сопровождение» как действие по глаголу «сопровождать» — «провожать, идти вместе с кем-либо для проводов». Соответственно «сопроводитель» — тот, кто сопровождает,— проводник, провожатый». Приставка «со» в слове изначально предполагает реализацию в процессе сопровождения объединения действий и усилий провожатого и сопровождаемого. Сопровождение реализуется непосредственно в совместной деятельности.

Когда ребенок, находящийся в социально опасной ситуации, не может самостоятельно без помощи взрослых справиться с препятствиями, постоянно возникающими на его жизненном пути, когда к кризису возрастному прибавляются социальный и педагогический, ему становится необходимой помощь человека, идущего рядом. Таким проводником или группой провожатых для детей-сирот должна стать команда взрослых наставников, людей, чье желание помочь ребенку, знание и опыт как лучше это сделать, должны реализоваться в специально организованной деятельности по

комплексному сопровождению индивидуального развития личности ребенка в социально-культурном пространстве его детства, отрочества, юности.

Сама идея сопровождения неразрывно связана с ключевой идеей модернизации современной системы образования, а именно: в системе образования должны быть созданы условия для развития и самореализации любого ребенка, при этом полноценное развитие личности должно стать гарантом социализации и благополучия [4].

Комплексный подход в организации сопровождения воспитанников школы-интерната позволяет по определенной системе оказывать разнообразную помощь каждому ребенку, нуждающемуся в социальной, педагогической и психологической помощи, определять его дальнейшую судьбу:

1) создает условия для обучения и воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;

2) осуществляет реабилитацию (педагогическую, психологическую, медицинскую, социальную и т. д.) всех нуждающихся в ней воспитанников.

На наш взгляд, данная деятельность кроме этого должна включать обучение ребенка навыкам социальной компетентности, обеспечивать условия для реализации его творческого и личностного потенциала, удовлетворения базовых потребностей в безопасности, принятии, признании и уважении личности ребенка во всем многообразии ее проявлений.

Комплексное сопровождение включает в себя ряд взаимосвязанных и дополняющих друг друга видов деятельности команды специалистов, таких как:

– помощь воспитанникам в преодолении жизненных трудностей: в учебе и других видах деятельности;

– педагогическая поддержка воспитанников;

– правовая защита воспитанников и оказание им социальной помощи;

– психологическое сопровождение индивидуального развития воспитанников.

Говоря о комплексном сопровождении ребенка как системе социально-педагогической помощи, мы выделяем следующие его особенности:

– сочетание и взаимопроникновение социального, правового и психолого-педагогического аспектов в данной деятельности;

– согласованные действия специалистов из различных ведомств и служб;

– широкий спектр различных видов деятельности, направленных как на решение актуальных проблем развития ребенка, прерывание процесса его дезадаптации, аддиктивного и противоправного поведения, так и на предупреждение возникновения данных явлений;

– особый вид помощи ребенку в решении сложных проблем, связанных со становлением подрастающего человека не только в образовательном процессе, но в других важных сферах его жизнедеятельности;

– выявление и решение конкретных проблем воспитанника, его личностное развитие и помощь в социальном становлении на основе индивидуального и дифференцированного подходов.

Специфика социальной ситуации ребенка-сироты добавляет к данным условиям ряд моментов, связанных с недостатком социального и культурного опыта и возможностей его приобретения в семейном окружении. Таким образом, процесс сопровождения ребенка в условиях интернатного учреждения имеет ряд особенностей и, по нашему мнению, предполагает организацию учреждением деятельности по прохождению ребенком нескольких этапов.

Первым этапом реализации наиболее общей для большинства воспитанников программы позитивного развития является создание атмосферы доверия, уважения, безусловного принятия и любви детей со стороны педагогов и практически всех сотрудников детского дома. Дети должны чувствовать себя, безусловно, любимыми и защищенными так же, как и в хорошей семье. Категорически недопустимы угрозы, окрики, оскорбления, запугивания и прочее негативное отношение к детям, вызывающие тревожность, озлобленность, недоверие, скрытую, а то и явную враждебность детей по отношению к взрослым и другим детям.

Второй этап включает в себя работу педагогов по реабилитации ребенка, направленную на восстановление и укрепление его нового статуса, восполнение сил и веры в свое

будущее, адаптацию ребенка к новым условиям проживания, правилам и нормам школы-интерната. В это же время у ребенка формируется чувство безопасности, воспитанник начинает понимать, что завтрашний день не принесет ему новых испытаний, что его новая жизнь обустроена и в ней можно строить планы на будущее. Данный этап может охватывать время от начала работы по устраиванию ребенка в конкретное учреждение до 5–6 недель пребывания в нем.

На этом же этапе необходимо сформировать у детей четкое и ясное понимание своих прав и обязанностей, знаний и навыков социального взаимодействия и общежития. Здесь необходима четкость, последовательность, требовательность со стороны взрослых при соблюдении всех условий первого этапа. Осознание прав и обязанностей закладывает основы позитивного мировоззрения человека, понятия справедливости и нравственных основ жизни общества. Так же, как и на первом этапе, воспитатели должны быть безусловным образцом поведения и отношения ко всем окружающим и различным сторонам социальной жизни воспитанников.

Второй этап направлен на организацию жизни ребенка в каждом конкретном учреждении и предполагает разработку программы его вхождения в детский коллектив, освоение социальных навыков, активное включение в жизнь детского дома. Данный этап охватывает весь период пребывания ребенка в каждом конкретном учреждении и по длительности продолжается от трех месяцев до самостоятельного выхода в жизнь.

На третьем этапе упор должен быть сделан на формировании навыков самоорганизации, саморегуляции и волевого преодоления жизненных трудностей: в учебе, в других видах деятельности, на основе понимания прав и обязанностей каждого человека, а также на основе теплых человеческих отношений, дружбы и привязанности, сформированных на первом этапе.

Данный этап включает организацию и проведение разного вида реабилитационно-развивающей работы с детьми (медицинской, педагогической, коррекционно-развивающей, психологической, социальной и т. д.). Предполагаются индивидуальные и групповые формы работы с детьми и подростками в течение всего времени пребывания в учреждении. Если на первом этапе реабилитация была направлена на удовлетворение базовых потребностей ребенка, прежде всего в безопасности и физиологическом комфорте, то здесь она направлена не только на восстановление, но и на развитие. Придается импульс к развитию коммуникативных навыков, лидерских и творческих способностей, а также к реставрации таких личностных новообразований, как автономия, инициативность, компетентность, личностная идентичность (А. Маслоу, Э. Эриксон). На этом этапе организуется социально-ориентированное обучение детей через тренинги социальной компетентности, творческого самовыражения, эффективного взаимодействия, а также разрабатываются и реализуются программы индивидуального сопровождения (консультации, психотерапия, индивидуальные занятия по отдельным предметам, правовой всеобуч).

На четвертом этапе акцент делается на собственных интересах ребенка, поддержки его в социально приемлемых увлечениях. Конечно, это необходимо всегда, но особое внимание этому следует уделять после развития качеств, указанных ранее. Формируется мотивация достижения и успеха. Развиваются познавательные, эстетические, творческие потребности. Создаются условия для как можно более разнообразной деятельности: клубы, кружки, походы, коллекционирование, спорт и другие формы свободного включения ребенка в разнообразие культурной жизни общества. Ребенку оказываются все возможные виды поддержки.

На пятом этапе формируется социальная позиция личности, его личностное и профессиональное самоопределение, выбор жизненного пути, допрофессиональное обучение. Если ребенок не получил должного развития на первом или втором этапе, его нормальное развитие на дальнейших этапах будет значительно затруднено. На этом этапе также проходит подготовка подростков к выходу в самостоятельную жизнь. Время его прохождения очень индивидуально, зависит от конкретной цели, которую реализует воспитанник учреж-

дения. Несомненно, в работе с конкретными детьми нужно учитывать особенности их развития и применять разнообразные психолого-педагогические формы, приемы, методы и техники воспитания, адекватные возрастным и личностным этапам развития.

На шестом этапе сопровождения выпускники проходят аттестацию на социальную зрелость. Результаты аттестации могут показать, насколько у выпускника сформирован профессиональный личный план, имеет ли он достаточный социальный и личностный потенциал для самостоятельной жизни и успешной интеграции в современном обществе. Вместе с тем практика показывает, что сопровождение должно быть продолжено за стенами детского дома, так как 15-летнему подростку, не имеющему поддержки со стороны семьи, необходим значимый взрослый, который бы помогал ему решать возникающие после выпуска проблемы, т. е. способствовать процессу постинтернатной адаптации. В качестве вариантов постинтернатной адаптации мы предлагаем передачу выпускника «с рук на руки» учебному учреждению при сохранении и развитии в новом заведении навыков и условий дальнейшего развития молодого человека в изменившемся социальном окружении. Для этого следующим шагом мы видим включение в процесс сопровождения социальных педагогов из учреждений профессионального образования.

Сегодня постинтернатному сопровождению адаптации выпускников уделяется пристальное внимание как на государственном, так и на муниципальном уровнях. Практика показывает, что сопровождение выпускника учреждения интернатного типа значимым взрослым позволяет молодому человеку менее болезненно войти в самостоятельную жизнь и социализироваться. Таким образом, создание в учреждении интернатного типа адаптивно-развивающей среды позволяет сделать процесс социализации воспитанников более эффективным.

Библиографический список

1. *Кибирев А. А., Фарафонова Л. Н., Фатеева О. В.* Организационно-педагогическая модель успешной социализации воспитанников учреждений интернатного типа: теоретические аспекты и педагогические технологии: учеб.-метод. пособие. — Хабаровск: ХК ИППК ПК, 2005. — 77 с.
2. *Преодоление* трудностей социализации детей-сирот / под ред. Л. В. Байбородовой. — Ярославль, 1997. — 196 с.
3. *Прихожан А. М., Толстых Н. Н.* Дети без семьи: детский дом: заботы и тревоги общества. — М.: Педагогика, 1990. — 160 с.
4. *Психолого-педагогическое* консультирование и сопровождение развития ребенка / под ред. Л. М. Шипициной. — М.: Владос, 2003. — 528 с.
5. *Рожков М. И., Байбородова Л. В., Сапожникова Т. Н.* Взаимодействие субъектов постинтернатного сопровождения детей-сирот: метод. пособие. — Калининград: РГУ им. И. Канта, 2010. — 108 с.
6. *Вестн.* ун-та РАО. Спец. вып.: Материалы междунар. конф. по проблемам подготовки выпускников к самостоятельной жизни и постинтернатной адаптации / под ред. Г. В. Семья. — 2004. — № 4.

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

УДК 82-3 (= 551)

А. А. Гончарова

ПРЕДАНИЯ В НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЕ ИТЕЛЬМЕНОВ (КАМЧАДАЛОВ) И КОРЯКОВ

В статье приводится классификация жанров несказочной прозы ительменов и коряков, выявляется жанровая специфика предания. По типу сюжета определены два вида предания, подробно рассматривается один из них. Работа выполнена на основе опубликованных источников с привлечением архивных материалов автора и кафедры литературы и журналистики КамГУ им. Витуса Беринга.

Ключевые слова: жанр, предание, стандартный эпизод, вымысел, достоверность

A. A. Goncharova

LEGENDRY IN NON-FAIRY PROSE OF ITELMENS AND KORAYKS

The article gives the classification of the Itelmens and Koryaks non-fairy prose genera; it specifies the particularity of legendry genre. It also distinguishes two types of legendry according to its plot; one of them is considered in detail. The work is written on the basis of the published materials, the author's and the Literature and Journalism Chair of Vitus Bering Kamchatka State University's archival materials.

Key words: genre, legend, standard episode, fiction, reliability

При всей синкретичности жанров несказочной прозы, характерной для фольклора народов Севера и Дальнего Востока, предания имеют все основания для выделения их в особый жанр. В самом термине отложилось то качество, которое во многом его характеризует.

Термин «предание» неоднократно упоминается в трудах А. Н. Веселовского, но не в значении жанра повествовательной народной прозы. «Предания — это своеобразные «типичные схемы», захватывающие положения бытовой действительности, «схемы», передававшиеся в ряду поколений как готовые формулы, способные оживиться новым настроением. «Это предание… служило когда-то естественным выражением собирательной психики и соответствующих ее бытовых условий на первых порах человеческого общежития» [6, с. 493].

Предание в понимании ученого имеет прямое отношение к преданию как жанру, так как он и формируется на основе «передавания» из поколения в поколение истинности какого-либо события, важного для данного рода, племени, в дальнейшем — этноса. Все это учитывается фольклористами, что без труда просматривается в работах Н. А. Криничной, Е. М. Мелетинского, В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова, Ю. И. Юдина и др.

Жанровыми признаками предания будет непременная приуроченность его к определенному месту, региону, отчетливая локальность его очевидна. Однако это не только не исключает сходства сюжетов и мотивов преданий разных регионов, а, напротив, эта общность и составляет основу жанра. Академик Веселовский объяснял подобную особенность не заимствованием, а «однородностью бытовых условий и отложившихся в них психических процессов» [6, с. 515].

Преданиями занимались такие известные фольклористы, как А. И. Никифоров, В. К. Соколова, С. М. Азбелев, А. И. Лазарев и др. Особое место, на наш взгляд, занимают труды Н. А. Криничной, которая тщательно исследовала этот жанр на обширном материале большого региона Русского Севера. Результатом работы стал «Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий данной местности» [14, с. 278]. Исследователь дает опре-

деление жанра, охватывая все его стороны: «Предания — это устные прозаические произведения, которые своей исторической основой и реалиями связаны с социально-общественной жизнью и историей определенной локально и социально ограниченной общности (род, соседская община, деревня, город, профессиональное объединение), представленной на той или иной стадии общественного развития, а по своей структуре соотносятся с мифом о тотемном предке, давшем в процессе эволюции «многочисленные» разветвления, «отпочкования», модификации и производные от них образования» [14, с. 3].

Миф как особое повествование не входит непосредственно в состав народной прозы, но по своим содержательным и структурным признакам он близок всем ее жанрам, особенно сказке и преданию. Это неоднократно было отмечено исследователем архаических форм фольклора Е. М. Мелетинским. В одной из своих работ он писал: «В самих фольклорных «текстах» мифы присутствуют и в виде архаических представлений о мире и человеке, и в качестве существенных элементов поэтического языка и стиля, и как определенный повествовательный жанр, генетически предшествующий эпическим жанрам» [16, с. 49].

Нередко в работах о культуре аборигенов Камчатки термины «миф» и «предание» употребляются как синонимы. Сошлемся на В. И. Иохельсона. Так, исследуя проблему возникновения оленеводства у коряков, ученый указывает, что по корякским мифам это сделать невозможно. Он поясняет: «Появление домашних оленей трактуется в мифах как особый акт творения… По этим преданиям домашние олени до своего появления на земле по воле культурных героев жили в подземном мире» [10, с. 59]. Здесь термин «предание» употребляется не в значении жанра, а как определение того, что осталось в памяти и связано с «актом творения», а это уже ближе к космогоническому мифу. Но когда речь идет о взаимоотношениях разных этнических групп — чукчей и коряков, коряков и камчадалов, то В. И. Иохельсон всегда точен в употреблении терминологии и пользуется лишь термином «предание», которое он понимает как жанр исторический, хотя и с некоторыми оговорками.

Миф и предание действительно имеют немало сходных черт. В основе их сближения — повествовательность, событийность, важность отображенных событий для рода, племени, народа. Главное же различие, на наш взгляд, состоит в характере событийности и отношении говорящего к сообщаемому. В мифе событию придается священный, сакральный характер, это не всякое событие, а исконное, первоначальное, как бы образцовое, к которому следует возвращаться. В предании же запечатлено событие очень важное для рода, племени, но событие «местного значения», «местной истории», которое было в действительности. Миф, по сути своей, космичен, универсален, по справедливому утверждению А. Я. Гуревича, в нем «события сводятся к категориям, а индивиды к архетипам. Новое не представляет интереса в этой системе сознания, в нем лишь ищут повторения, прежде всего бывшего, того, что возвращает к началу времен» [7, с. 88].

Несмотря на специфику событийности в предании, о чем говорилось ранее, с мифом предание связывается все через ту же событийность, в которой заключена идущая от мифа универсальность. По этой причине сюжеты преданий не могут быть бесконечно разнообразны, так как память сохраняет и передает только самое важное для человеческого сообщества.

Предание ориентировано на сохранность истории конкретного рода, народа, истории определенной местности, ландшафта. Предание — жанр, обращенный к аспектам жизни коллективной, общественной, хотя в нем «историческое освоение мира находится в синкретическом единстве с мифологическим» [15, с. 8]. Предания народов Сибири и Дальнего Востока, а также народов Камчатки дают представление о ранних стадиях развития жанра, а это означает, что в них в особом единстве представлены исторические реалии и застывшие мифологемы.

Мифы не требуют никаких объяснений. Неслучайно их сюжеты бывают очень краткими, без пояснений каких-либо событий или действий героя, так как, в представлении архаического человека, это — истина, закон жизни, понятный всем и принимаемый всеми.

Главная же функция предания, по мнению современных фольклористов, объяснительная, потеря же объяснительного начала означает перерождение предания.

В фольклоре ительменов и коряков, максимально мифологизированном, объяснительная функция в предании оказалась несколько

ослабленной, но, на наш взгляд, подобное обстоятельство не привело к перерождению жанра. Каждый народ «пишет» свою историю. Но эта история, оказывается, имеет так много общего с «историей» других народов.

Можно указать на классификации преданий, которые делались на материале различных регионов. В то же время справедливо считается, что из-за специфичности этого жанра, подвижности его структуры предания еще не имеют четкой классификации. Что же касается преданий народов Камчатки, то мы стоим у истоков его изучения.

Выделяя этот жанр из синкретичной архаической несказочной прозы аборигенов, мы учитываем изменчивость всех фольклорных жанров в процессе их исторического развития [12, с. 105]. Исследуя предания, мы опираемся на «Указатель типов, мотивов и основных элементов», составленный Н. А. Криничной на материале северо-русских преданий (о чем мы говорили ранее). То, что указатель составлен на текстах другого региона, не является препятствием для применения его к фольклору народов Камчатки. Хотя предание как жанр характеризуется особой локальностью, привязанностью к месту, но в сюжетном и тематическом плане предания регионов, далеко находящихся друг от друга, содержат много общего. Причина этого кроется в том, что все народы для продолжения рода, потом этноса сохраняют в памяти то, что очень важно для них.

Н. А. Криничная в процессе работы над проблемами генезиса и структуры русской народной исторической прозы, пришла к выводу, который разделяется нами: «Одни и те же структурные компоненты фигурируют практически во всех преданиях, принадлежащих к различным этнокультурным и локальным традициям, образуя своего рода интернациональный арсенал мотивов. Иначе говоря, мотивы предания — местные по применению и интернациональные по сущности» [15, с. 21]. Предания восточных палеоазиатов подтверждают это наблюдение.

Мы выделяем жанр преданий из устной прозы ительменов (камчадалов) и коряков, основываясь на типе сюжета, комплексе мотивов, учитывая при этом и функции персонажей. Памятуя об особой связи собственно исторического и мифологического в культуре бесписьменных народов, мы называем все предания историческими. Если попытаться сгруппировать исторические предания ительменов и коряков по типу сюжетов, то можно обозначить лишь два цикла: предания о борьбе с внешними врагами (иногда и столкновения внутриродовые) и предания о силачах. Важно указать, что «чистых» сюжетов о силачах немного, чаще всего они объединены с сюжетами, основу которых составляет повествование о борьбе с врагами. Напомним, что в фольклоре других этнокультурных традиций циклов предания намного больше. Например, предания Русского Севера в своем составе имеют восемь циклов: о заселении и освоении края, об аборигенах, о «панах», о разбойниках, о кладах, об исторических лицах, о силачах, о войнах [14, с. 278]. Как видно из этой классификации, предания охватывают «местную историю» со всех сторон, одновременно демонстрируя самое главное качество преданий — связь с социально-экономическими и культурно-историческими условиями.

Рассуждая теоретически, мы должны согласиться с тем, что указанных циклов преданий, кроме двух названных выше, и не может быть в фольклоре ительменов и коряков. Например, первые два цикла (о заселении края и об аборигенах) не имеют оснований для появления, потому что они сами — аборигенные народы, а о том, как они здесь появились, имеются космогонические и этиологические мифы и предания. Совершенно исключаются предания о кладах, «панах», разбойниках — все это факты другой культуры. Предания об исторических лицах (когда подразумевается конкретная историческая личность) здесь тоже не сформировались. В отдельных сюжетах главные герои называются по именам, например, ительменский Тылвал, корякский Мивит, чукотский Кунлелю, но это не совсем исторические личности, а обобщенные образы героев-силачей, возможно, имеющие прототипов.

Когда мы выделяем два цикла исторических преданий, то термин «исторический» применяем с учетом того, что речь идет о культуре архаической, народов, которые долгое время находились в стадии родового общества. Но и в архаическом фольклоре есть место объективно существующей действительности, что сказывается в особом отражении бытовых реалий, примет, хотя и давнего, но уже

не мифического времени. Изображение главного героя, «своего», дается в особом сочетании реалистического и условного.

Предания о силачах мы называем историческими с мифологической основой. Силачи тяготеют к первопредкам и культурным героям, что сказывается в сюжете и мотиве преданий, а особенно в функции героя. Силач, «сильный человек» один может победить противника, он защитник рода, племени, в дальнейшем этноса. Подобно первопредку, свою силу он чаще не всегда приобретает путем физических нагрузок (хотя известны и такие версии мотива силы), а получает ее от рождения. Чаще всего в преданиях с такими сюжетами сразу указывается на силу героя. Но бóльшую часть исторических преданий составляют сюжеты, в основе которых исторические события, пропущенные сквозь призму коллективной народной памяти. В культуре народов Камчатки зафиксированы предания о столкновении между различными народностями. Это предания о столкновениях коряков с чукчами, коряков и ламутов, ительменов и ламутов (эвенов), коряков и ительменов, коряков, ительменов и русских.

Несомненную научную ценность представляют предания, запечатлевшие межплеменные отношения, например, между чавчувенами и нымыланами. Здесь немало подробностей, свидетельствующих об их истории, встречаются и этнографические подробности разного плана. В отдельных сюжетах можно усмотреть и отголоски кровной мести, есть приметы разложения первобытно-общинного строя.

В данной статье мы рассматриваем предания «о войнах», столкновениях, в которых особый сплав исторического и мифологического. Историческую основу составляют запечатленные в памяти народа исторические реалии, но в них также немало мифологических реликтов. К историческим преданиям аборигенов Камчатки можно отнести различные сюжеты о борьбе с врагами. Сюда входят предания о столкновениях между народностями (например, между коряками и чукчами). Другие сюжеты воссоздают межплеменные столкновения, в частности, между чавчувенами и нымыланами, есть и сюжеты о конфликтах с русскими. Нередко именно предания привлекаются в качестве историко-этнографических источников, что в некоторой степени допустимо, если учитывается специфика фольклорного текста со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Так, известный исследователь истории и культуры Камчатки И. С. Вдовин ставит вполне законные вопросы: «В какой степени можно доверять преданиям как историческому источнику?» [5, с. 51]. И. С. Вдовин сразу уловил те жанровые признаки предания, которые и являются препятствием для безоговорочного использования его в качестве научного источника. Он замечает, что «в них нет точно фиксированных указаний на время, а вместо этого «стереотипная фраза» — «Это было давно» [5, с. 58]. Кроме того,— справедливо указывает ученый,— «реальная основа преданий часто обволакивается фантастическими добавлениями» [5, с. 59]. Нужно добавить, что в статье И. С. Вдовина «О научном значении фольклора народов Камчатки» речь идет о так называемых «исторических преданиях», в сюжетах которых улавливаются «исторические и этнографические реалии», нередко запрятанные в их мотивах и версиях.

Особую научную ценность имеют предания аборигенов Камчатки, в которых есть свидетельства кровной мести и признаки разложения родового строя. Таких сюжетов сохранилось немного, что также может послужить основанием для тщательного их изучения. Подобные нарративы отличаются архаичностью, в них очень часто реализуется мотив силы в его различных версиях, сохраняются мифологические оппозиции, в частности, оппозиция «свой — чужой», используется прием гиперболизации. Да и само явление кровной мести уходит своими корнями в глубокую древность, так как его связывают с восстановлением «мистической целостности рода» [11, с. 35]. Интересные размышления в этом ключе содержатся в современном исследовании Д. В. Цыбикдоржиева «Происхождение древнемонгольских воинских культов (по фольклорно-этнографическим материалам бурят)». Исследователь указывает, что каждый род, в представлении предков, обладает некоей «субстанцией», «энергией», которая дана ему свыше, чаще всего от тотема, то, что у бурятов и монголов именуется «сулдэ» рода. «Субстанция *сулдэ* может быть как индивидуальной, так и коллективной. Коллектив, потерявший одного члена, теряет часть общего для всей группы запаса

энергии, но может восстановить ее, нанеся обидчикам ответный урон, ибо совершенное по правилам убийство врага, увеличивает собственное *сулдэ*» [22, с. 48].

И хотя эти наблюдения сделаны на фольклорно-этнографическом материале Бурятии, вполне уместно допустить, что кровная месть там, где она была, связана всегда с необходимостью «уравновешивания рода», а потеря даже одного из ее членов — с ослаблением его. По всей вероятности, и у восточных палеоазиатов (чукчей, коряков, ительменов) было представление о некоей силе рода, идущей от тотема, которую род должен сохранить. Опосредованные доказательства этого содержатся в чукотских сказках и преданиях, где есть отголоски кровной расправы, когда месть проявляется в той же самой форме, в какой, например, совершилось убийство сородича, что, возможно, по представлениям предков, больше способствует «возвращению» утраченной силы рода.

Обратимся к преданию береговых коряков «Месть Рыннынaлпылына» [18, с. 474], которое можно сравнить с ительменскими преданиями о Тылвале на том основании, что в некоторых из их вариантов имеются отголоски кровной мести, повторяется и ситуация: сестра выступает против брата, разрывает кровные связи, стремясь выйти замуж за чужого, этнического врага.

Ранее мы рассматривали цикл преданий о Тылвале и отнесли его к преданиям о силачах. В некоторых из вариантов мотив кровной мести отсутствует. В целом же во всех вариантах есть указания на исключительную силу героя.

Подчеркнем еще раз, что все исторические предания ительменов и коряков, независимо от типа сюжета, этот архаический мотив силы содержат, но в структуре жанра он представлен в разных элементах мотива, которые оказывают наибольшее влияние на его функцию.

В предании «Месть Рыннынaлпылына» первоначально сила старшего брата проявилась в особой выдержке, когда «чужие» (сестра и ее жених-чужеплеменник) устраивают жестокую проверку, определяя, на самом ли деле он мертв. Рыннынaлпылын выдерживает проверку, тогда как младший брат оказался побежденным (здесь убитым), так как не смог вынести физической боли. Это можно назвать своеобразным состязанием с антагонистами, и победа Рыннынaлпылына есть особая выделенность его как героя, что в дальнейшем будет реализовано в поступках.

Предание отчетливо распадается на три сюжетных звена и финальную часть, внутренняя связь которых определена поведением и поступками персонажей, входящих в оппозицию «свой — чужой».

Начало предания указывает на то, как братья приобретают силу, что нередко встречается и в других сюжетах преданий не только коряков, но и чукчей, ительменов. Разница состоит только в том, как герои (герой) становятся сильными. В чукотских и корякских текстах чаще всего они приобретают силу путем физических упражнений, что подтверждается и фактами действительной жизни этих народов. Первоначальная, «мирная» проверка силы также дается в одних и тех же формах проявления, лишь с частичными изменениями. В данном предании говорится, что братья «при стрельбе из луков ломали деревянные пятки стрел. Начали тогда стрелами с костяными пятками стрелять» [18, с. 474].

Разламывание, разрывание предметов как версия мотива силы переходит из одного сюжета в другой, в фольклоре палеоазиатов силачи, как видим, ломают предметы охоты — оружие, что указывает на древние истоки.

Центральным звеном первой части является измена сестры Киливнаут своему роду, ее связь с чужеплеменником и сговор с ним об убийстве братьев. Предание сосредоточено на разрыве родственных связей сестры с братьями, на наметившемся разложении одного рода, но трагизм ситуации усилен напоминанием о вражде разных племен и групп.

В предании «Месть Рыннынaлпылына» измена сестры своему роду дается более укрупненно, нежели в ительменских сюжетах о Тылвале, что нашло воплощение в обрисовке поведения сестры Киливнаут. Чужеплеменник (враг) и сестра Рыннынaлпылына как бы поменялись местами: он уговаривает ее не убивать братьев, а Киливнаут настаивает на расправе с ними. В данном сюжете повторяется и форма обмана («стандартный эпизод» — перерезание тетивы на луках), и время (поздно ночью).

В других сюжетах силачи почти сразу побеждают врагов, здесь же их ожидает вре-

менная неудача: «Притворились братья мертвыми», когда им «нанесли первые раны». Постоянная оппозиция в подобных сюжетах преданий «свой — чужой» в данном тексте представлена единокровными родственниками: сестра с помощью мужа-чужеплеменника убивает своих братьев. Этнически чужой выполняет в этой оппозиции подчинительную роль. Он действует лишь по приказу своей жены, при этом все время пытается уговорить ее не совершать убийства.

В этой части сюжета предание становится похожим на сказку, что вполне объяснимо, так как истоки многих эпических жанров, по мнению ученых, общие — это мифология. Но предание, в отличие, например, от той же сказки, пойдет по пути ослабления мифического, способы воссоздания действительности будут тяготеть к конкретно-историческим.

Испытание героев, характерное для сказочной поэтики, здесь воплотилось в особой форме. Чтобы убедиться в действительной смерти братьев (они притворились мертвыми), Киливнаут приказывает мужу-чужеплеменнику: «Попробуй, верхнюю губу отрежь. Начни со старшего брата. Отрезал муж-чужеплеменник верхнюю губу у старшего брата, но тот не пошевелился. Сказала Киливнаут: «Этот правда умер. А ну-ка, у младшего брата отрежь! Отрезал муж-чужеплеменник верхнюю губу у младшего брата — вздрогнул младший брат: не было у него такого крепкого сердца, как у старшего, молод еще был, очень больно ему показалось». По приказу жены «пронзил чужеплеменник копьем младшего брата Киливнаут, тот сейчас же и умер» [18, с. 471].

Первая часть предания, как видим, завершилась полной победой над братьями-силачами. Она имеет относительную законченность, в ее финале — счастливое объединение сестры Киливнаут с мужем-чужеплеменником, переезд в его дом. Предание сообщает: «Отправились домой, приехали, стали жить вместе» [18, с. 475]. Выдержавший жестокое испытание старший брат предстает героем — заступником своего рода и охранителем его. В силу этого назначения определены и функции его в предании: именно он должен выйти победителем над врагами и, прежде всего, над сестрой-изменницей.

Вторая часть предания, небольшая по объему, насыщена этнографическими деталями и топонимическими приметами, которые указывают, как и принято в этом жанре, на локальную его принадлежность. Эта часть может быть обозначена как подготовка героя к мести. Сначала он сжег своего брата (соблюдает обычаи предков), затем собрался к родственникам в Алюторку, чтобы поправиться и отомстить сестре. Этот эпизод предельно сжат, но в нем есть две детали, важные для дальнейшего развития сюжета. Подчеркнуто, что «десять лет жил Рыннынaлпылын у родных, еще сильнее стал». Как видим, мотив силы остается ведущим и в дальнейшем развитии сюжета, именно ощущение вновь обретенной силы явилось основанием для определения времени мщения. Другая важная деталь: Рыннынaлпылын собирает для расправы с сестрой мужчин своего рода (двоюродных братьев, племянников), так как измена одного члена рода касается всех, что и выявляет предание.

Третья часть предания — собственно месть брата и его дальнейшая судьба. Напомним, что первая часть заканчивается «смертью» братьев и счастливым соединением сестры и чужеплеменника. Появление живого старшего брата — полная неожиданность для Киливнаут. Это привносит в структуру сюжета сказочное «неузнавание».

Разрушение юрты сестры — начало мести Рыннынaлпылына. Предание изображает этот эпизод с достоверной точностью, тем самым особо подчеркивая, что это случилось в действительности: «Подошел к юрте, набросил аркан на сплетения верхних концов жердей, которые остов юрты держат, потянул сильно и опрокинул юрту набок. Вскочила его сестра и сказала мужу: «Эй, с какой стороны на нас нападают, какие враги?» [18, с. 475].

Из документальных источников известно, что именно так нападали чукчи на оленных коряков (вероятно, и коряки поступали подобным образом), главное здесь было — ошеломить противника, не дать ему опомниться и убежать, как правило, это происходило рано утром, когда в юрте все спали. Но если в действительности юрту разрушали с помощью аркана несколько человек, то в предании это оказалось под силу одному, но этот один — силач и герой Рыннынaлпылын.

Действия брата-силача сестра принимает за нападение множества врагов, но слова его о «безгубых врагах» заставили ее вспомнить

о жестокой расправе с братьями. Происходит узнавание, и сестра надеется на спасение, взывая к родственным чувствам Рыннынaлпылына.

Кульминационный эпизод предания — месть сестре. Формы расправы с изменившими своему роду в фольклоре палеоазиатов часто однотипны. Как и в цикле ительменских преданий о Тылвале, сестру-изменницу разрывают бегущие в разные стороны олени. Описание мести в этом предании изобилует подробностями. Например, говорится, что олени были необученные (но старые!), что указывает на их особые качества бега. Дается картина приготовления сестры к этой жестокой расправе. Два эпизода: в первой части предания — расправа сестры с братьями, в третьей — брата с сестрой — оказываются в таком случае приравненными друг к другу, но месть брата воспринимается как справедливое наказание. Это подтверждается и участием родственников в мести сестре. Соединив свою жизнь с чужеплеменником, сестра, таким образом, изменила своему роду, нарушила его целостное единство, обеднила его, унеся в чужое племя часть «силы» своего рода. Предательство Киливнаут усилено еще тем, что она, родив детей от чужеплеменника, «растворила» свой род, еще больше ослабив его. Известно, что внутри одного рода не было кровной мести, а в данном предании сестра в оппозиции «свой — чужой» занимает место «чужого», а роль «чужеплеменника», собственно врага, оказывается менее значительной. Неслучайно Рыннынaлпылын не убивает его, обвиняя во всем сестру.

Враги-чужеплеменники расплачиваются за содеянное лишь половиной стада оленей, которых Рыннынaлпылын берет с собой вместе с половиной работников врага. Предание отразило ситуацию, которая неоднократно упоминалась в фольклоре других палеоазиатов, когда обида удовлетворялась не только местью, но еще и отнятием у обидчика стада или иного имущества. Вероятно, подобное случалось и в действительности.

Финал предания — возвращение домой Рыннынaлпылына, о прошлом напоминает лишь его прозвище Авамылкаки — Безгубый.

Как видно, предание «Месть Рыннынaлпылына» может быть отнесено к историческим, в котором запечатлено разложение кровнородственных связей. В отличие от преданий, изображающих войны с внешними врагами, в них не выделяются постоянные «стандартные эпизоды», они не имеют такой жесткой структуры, хотя можно заметить, что в подобных сюжетах повторяются два звена: измена сестры (есть вариант — жены), расправа, месть брата.

Мотив силы и его различные версии во многом определяют сюжетную направленность разных типов преданий народов Камчатки. В анализируемом тексте наличие силы Рыннынaлпылына делает его единственным защитником своего рода, мотивом силы дважды определяется его функция как героя. Не имея силы и выдержки, он не смог бы вынести жестокой проверки врагов и умер бы от боли, как его младший брат. Предание использует прием гиперболизации, часто имеющий место в архаическом эпосе, но сказители не воспринимают это как преувеличение, веря в действительность происходящего.

Данное предание, как и другие, имеет локальную принадлежность: названо место, где Рыннынaлпылын набирает силу, чтобы отомстить изменнице-сестре, это Алюторка, здесь жили родственники героя. Упоминание топоса усиливает достоверность жанра.

Приведем другое предание, записанное недавно, и на его примере посмотрим, в каких взаимоотношениях явлено в нем историческое и мифологическое, насколько устойчивы жанровые признаки предания [3, 2008 г.]:

Сказка про Рыннынылг´ына

Давно это было. Рыннынылг´ын жил на Чертовом ключе. У него была дочь Рг´ои и сын Тальпиткын. Однажды Рг´ои встретила американца, и решили они пожениться. Тальпиткыну жених не понравился, и он им всячески мешал: то оленя убьет, то юрту подожжет. Американец не выдержал и сразился с братом Рг´он, убил его. Рыннынылг´ын узнал про убийство сына и решил отомстить американцу. Он поймал американца и Рг´ои, его привязал к дереву, а ее, за руки и за ноги, привязал к оленям и погнал их. Рыннынылг´ын на глазах американца разорвал свою дочь на две части, а потом убил и американца.

Предание сохраняет свои основные качества: указание на давность (оно всегда о прошлом) и на достоверность — прикрепленность к определенному месту, поименование героев. В основе сюжета та же конфликтная ситуация, что и в предании, которые мы анализировали, а именно измена и месть. Заметим также, что у главного героя то же имя — Рыннынылг´ын

и все та же любовная коллизия, знакомая по другим вариантам. Текст записан в том же Олюторском районе. Форма расправы с изменницей (сестрой, дочерью) повторяется. Хотя данный сюжет может показаться неким слепком с действительности, но это не так. Устойчивость структуры — это качество, свидетельствующее о традиции, да и начало предания подчеркивает, что «давно это было». Любой слушатель или читатель обратит внимание на то, что избранник дочери — американец. Мы видим, что оппозиция «свой — чужой», имеющая истоки в мифологической эпохе, остается, но «чужой» этнически определен.

«Свой» в преданиях может лишь менять имя, но всегда остается героем, силачом, известным в этих местах, чужой часто не выделяется даже этнически, самое главное, что он — «чужой». И этим все сказано. Время внесло свои коррективы, и «чужим» оказался американец, но нужно понять, что здесь нет никакой исторической точности.

В исторических преданиях о войнах, когда противник этнически не назван, затруднительно точно определить, идет ли речь о межплеменных столкновениях или о вражде между народностями (чукчи, коряки, эвены и др.).

Предания о корякско-чукотских войнах, а также о межплеменных столкновениях между коряками, на наш взгляд, можно разделить на несколько групп (сюжетных модификаций), основываясь на типе «своего».

Функции персонажей в преданиях, имеющих истоки в мифологии, «могут быть дифференцированы по трем семантическим категориям: хозяйственной, военной, жреческой» [15, с. 221].

Когда речь идет о типе мотива — столкновение с врагами, то мы вправе полагать, что все функции героя (своего) мотивируются защитой от чужих (врагов), т. е. военной. Среди преданий о борьбе с врагами мы выделяем группу преданий, где главным героем называется охотник, обладающий особой силой. Иногда его называют по имени, например, силач Кэчгынтакыв. Это предания о столкновениях с врагами, сохранившие архаический мотив силы, напоминающий о связи с культурным героем, с предком-родоначальником. Архаичность этой группы преданий проявляется и в том, что герой (свой) охотник выполняет и функцию «воина». Обе эти функции (хозяйственная и военная) реализуются одним персонажем. В исследованиях об архаическом искусстве неоднократно указывалось на связь охотничьих и воинских культов.

Интересно отметить, что в группе преданий этого типа начало всегда одно и то же: герой уходит из дома за добычей, чтобы обеспечить семью (как видим, здесь добавляется и хозяйственная функция). В некоторых преданиях (например, «Охотник») сразу указывается, что у «охотника-чавчувена», «силача», есть жена, дети.

Выход из дома предпринимается с одной единственной целью: «Поохотиться за дикими оленями» («Повествование о живших прежде»). На будущую встречу с врагом здесь нет и намека. Но, учитывая значимость каждого действия героя как сюжетообразующего элемента, мы понимаем, что выход из дома — в пространство, хотя и освоенное охотником (горы, тундра), но все же незамкнутое, как дом, где нужно вступать в поединок со зверем, будет именно тем самым, что создаст возможность для возникновения различных мотивов, в том числе и таких, как опасная встреча.

В этом типе преданий следующим звеном будет неудача, которая подстерегает охотника. Неудача как препятствие может быть отнесена к группе «стандартных эпизодов», (не отмеченных Стебницким), которые, сцепляясь с другими, вызывают ответные функции героя. Напомним, в какой форме представлена «неудача» в подобных сюжетах. В предании «Охотник» [18, с. 488] «ловкий и сильный охотник», который «хорошо из лука стрелял» при встрече с дикими оленями «никак не мог пустить в них стрелу». А когда выстрелил, то не смог убить, а только ранил оленей, и они уходили все дальше в лес. Уходя, они заманивали охотника, которому непременно нужна была добыча.

Данный эпизод интересен двумя моментами. Во-первых, слушатель понимает, что неудача не связана напрямую с качествами героя как охотника. Какая-то мистическая сила препятствует ему. Наличие этого таинственного, мистического начала осталось в предании от прежней связи с мифом (в котором эта мистичность человеком не ощущалась), но рассказчик на это именно «намекает». Во-вторых, указывается, что охотник «долго гнался за добычей», следовательно, он углублялся в чужое пространство, и приближалась ночь —

время, когда только и может произойти нежелательная встреча с врагом.

В другом предании «неудача-препятствие» как стандартный эпизод дается более правдоподобно: «Проливной дождь пошел. Хорошо, что еще дождевик с собой захватил». Упоминается также, что он до самой ночи ничего не добыл. Затем — удача: «на горного барана наткнулся и заколол» [18, с. 489].

Оппозиция «свой — чужой» представлена следующим образом. «Свой» имеет точное этническое обозначение — «чавчувен» (коряк оленный), а «чужой» назван «врагом», «тангом» (возможно, чукчи или эвены, но это лишь предположение). В «чужом» нужна не этническая определенность, а обобщенное явление врага, антагониста.

Удача на охоте как эпизод предания требует дальнейшего действия героя, которое направлено на сохранение добычи. Возвращение домой невозможно. Всегда указываются одни и те же причины: далеко ушел, уже наступила ночь, тяжелая ноша. Далее идет постоянный эпизод: охотник решает разжечь костер и зажарить мясо, «чтобы с собой больше взять» [18, с. 413]. Из этого видно, что охотник не думает о встрече с врагами. Хотя в более поздних записях в предание входит комментарий рассказчика, который дополняет сюжет уточнениями относительно ситуации: «В прежние времена люди на Камчатке жили семьями, каждая семья отдельно. Селений не было. И каждая семья сама себя защищала. Бродили тогда по тундре небольшими группами враги…» [18, с. 413].

Эти слова рассказчика предваряют дальнейший эпизод — встречу с «тангами». Но и в тех случаях, когда рассказчик ничего не уточняет, все же ясно, что ночь в тундре (в лесу) опасна и полна неожиданностей. Но это не просто бытовое наблюдение. Во всех жанрах несказочной прозы (да и в сказках) этот хронотоп (ночь и лес) имеет закрепленную содержательную наполненность: с ним связано появление антагонистов («нечистой силы», зооморфных вредителей, врагов в человеческом облике).

В анализируемой группе преданий нет внезапного нападения врагов. Но встреча с ними неизбежна. И врагов должен обнаружить охотник. Следует особо сказать, что в преданиях этого типа все внимание сосредоточено на действиях «своего», и даже то важно, что он должен сам обнаружить «чужого», антагониста. Эта функция своего также имеет истоки в мифологическом сознании, так как «свой» (в архаические времена — предок-родоначальник, вождь, культурный герой) выполняет роль защитника выработанных всеми норм, а «чужой» — их нарушитель. Герой непременно останется победителем.

В устной прозе палеоазиатов сюжеты преданий, когда случайная встреча с врагами предопределена выходом героя из дома, встречаются часто. Как правило, в них не будет открытого боя как одного из мотивов, который есть в других преданиях о войнах. Все внимание будет сосредоточено на том, как герой обнаружит врага и что при этом будет им предпринято. Предания палеоазиатов содержат материал для осмысления в плане особого присутствия в них мифологического и конкретно-исторического. Интересно сочетание в них бытовых, локальных и исторических реалий, которые встречаются в преданиях всех народов, но у различных этнических групп их содержательная наполненность будет зависеть от специфики исторического развития и географической расположенности. Имеются, конечно, и другие причины.

В преданиях палеоазиатов не так разнообразны приметы, по которым узнается присутствие врага, но они характерны для жизни северных народов. Это, например, дым от костра, крик разбуженных птиц — куропаток, куликов. В этих приметах налицо бытовые реалии. Наблюдения охотников складывались веками, это «народная наука», знание которой необходимо для выживания. На костер героя (а это уже другая версия мотива) идут и враги, но он уже предпринял все, чтобы спастись и победить.

В преданиях народов Севера, включая и Камчатку, особенно разработанным оказался мотив избавления от врага хитростью. Здесь он представлен, как уже известными версиями, так и новыми, но и версии, зафиксированные в преданиях других народов, здесь оказались достаточно специфичными.

Что же предпринимает охотник, в антагонистической паре представляющий своего, героя, будущего победителя? Из сюжета в сюжет переходит «стандартный эпизод» — обман посредством сделанных человеческих фигур.

Это самая распространенная версия мотива хитрости. Она отмечена в фольклоре многих народов, но в преданиях палеоазиатов является преобладающей, что подчеркивает ее несомненную архаичность. Вот как об этом рассказывается в одном из преданий: «Подошел охотник к костру, торопится. Сделал из второй, легкой кухлянки чучело, вместо лица кусок сала подвесил, отошел от огня и спрятался в темноте» [18, с. 489]. Чаще всего герой прячется и наблюдает за поведением врагов, выжидая удобный момент для расправы с ними. Приведем другой пример, уже из чукотского предания: «Набил запасную кухлянку чем попало, даже мешок для одежды туда сунул. Сделал из оленьего легкого лицо и приладил к одежде. Посадил чучело у костра — точь-в-точь человек у костра сидит, дремлет» [там же]. Если же не делается чучело, то враги принимают «мясо на вертеле» за человека (чавчувена).

Подобный обман всегда удается, противники не распознают хитрости и начинают активно нападать «на врага», который оказывается мнимым. Здесь можно вести речь о снижении образа врага, так как настоящего боя при появлении врагов не происходит, они стреляют в мнимых противников. Инициатива в подобных сюжетах исходит от героя.

Мотив избавления от врагов посредством хитрости представлен и другими версиями, которые чаще всего в корякско-ительменском и чукотском фольклоре даются в одинаковой форме.

Охотник, герой, пытается создать шум, «колотит по плащу-дождевику, дождевик гремит, а Ванкачкор кричит во все горло: «Гэй! Накидывайтесь на них! Накидывайтесь!» [18, с. 44]. А вот еще похожий пример: «Стал чавчувен шуметь, закричал» «Много нас, давайте скопом накинемся, всех перебьем!» [18, с. 489]. Герой имитирует этим шумом множество врагов, а на самом деле здесь ему неоткуда ждать помощи. Это тоже работает на снижение образа врага. Чтобы подчеркнуть превосходство героя, обязательно указывается, что «врагов большой отряд», а он один.

В данной группе преданий нет иных версий мотива хитрости. В других группах преданий этого типа нам встретилась и версия мотива — мнимое гостеприимство (часто это связано с женскими образами).

Хитрость, обман, разные его версии — это лишь первоначальное избавление от врагов. Но враг, антагонист, должен быть побежден. Окончательное избавление от них — непременное условие для подобных преданий. Открытого боя, как мы указывали, в этой части сюжета нет. Победа героя тем более значительна, что он на них нападает неожиданно, а враги часто даже не чувствуют опасности.

Меткий и сильный охотник расправляется с ними, как правило, в то время, когда враги наслаждаются пищей. Постоянной деталью, снижающей образ врага, является указание на их чрезмерный аппетит, обжорство.

Мотив избавления от врагов бегством в преданиях палеоазиатов встречается намного реже, чем указанные выше.

Среди преданий о войнах данной разновидности (с выходом героя из дома) есть сюжеты, когда необходимость покинуть «дом» вызвана не желанием поохотиться, а другими обстоятельствами. В таких преданиях причиной столкновения между племенами будет борьба за обладание оленьими стадами. В них обязательно указывается этническая принадлежность героя (он — чавчувен, оленный коряк), а противники называются просто «нападающими» или «нападающий отряд». Чаще всего, это «оседлые приморские охотники» (как их называет Стебницкий), а возможно, и оленные чукчи. В качестве примера можно привести предание «Олений пастух». Для него характерно указание на давно прошедшее (мифическое) время: «Давно было кочевье» [19, с. 40].

Герой предания — «олений пастух» уходит в табун пасти оленей. В этом сюжете бытовые приметы и локальные реалии создают почти достоверную картину происходящего. Упоминаются бытовые подробности, например, пастух «на тундру пришел, там жить начал», «из дома к нему изредка приходили» [19, с. 39]. Место, где произойдет встреча с нападающими, «тундра», «кедровник, здесь прячется пастух». Как видим, локальные приметы вполне реального свойства и отличаются точностью. Антагонистическая сторона — «нападающий отряд» находится в том же, естественном для них пространстве, и это объясняется их целью: они ищут в тундре оленей. Подобные реалии уже более позднего времени, однако они орга-

нично сочетаются со «стандартными эпизодами», которые свидетельствуют о более ранней стадии восприятия мира.

Мотив избавления от врагов хитростью как один из постоянных в данных преданиях составляет основу сюжета. Указание на то, что пастух один в тундре с табуном оленей, очень важно. И хотя здесь «олений пастух» не обладает особой физической силой, как в сюжетах, которые нами рассматривались ранее, все же он как свой, выделен тем, что «один». Таким образом установлена архаическая связь с предком, хотя здесь она может лишь улавливаться, если учитывать контекст всей устной прозы как явления мифологического.

Здесь обе стороны («свой» и «чужой») пытаются достигнуть желаемого посредством хитрости.

Мотив избавления от врага посредством хитрости реализуется в этом сюжете несколькими версиями, кстати, тоже постоянными, применительно к подобным преданиям. Одна из них — попытка спрятаться, скрыться от нападающего. Вторая, объединенная с первой версией,— обман врага посредством шума, крика, когда имитируется большое количество своих, что уже встречалось в преданиях о войнах, да и шум производится все тем же способом: «Спрятавшийся в кедровнике пастух принялся греметь сухой кожей с криком». «Сухая кожа» — кусок от старого плащадождевика. Это и решило исход события: «Нападающие в испуге убежали туда, откуда пришли» [19, с. 43].

Несколько раз подчеркнуто, что враги были «во множестве», а победил «олений пастух», этим подчеркнуто превосходство «своего» над «чужим».

В сюжетах, где стадо оленей похищается у пастуха врагами, должен быть эпизод об их возвращении, в этом варианте стадо осталось, следовательно, этот эпизод выпал. Но вознаграждением за победу явилось то, что «долго с тех пор стояло там это кочевье. И свой табун долго те чавчувены совместно пасли. И сильно умножился тот табун» [19, с. 46]. Умножение, прибавление табуна — свидетельство полной победы над чужим, превосходство «своего» над чужим. В финале частично реализован и мотив «оставления следов», что проявилось в указании на «кочевье», которое с тех пор там стояло.

В устной прозе палеоазиатов можно найти предания о войнах, которые имеют иную структуру. Так, некоторые из них начинаются не «выходом из дома» (как правило, в таких сюжетах во встрече с врагами больше случайности), а дается описание постоянного места «своих» или кратко указывается, что они здесь живут всегда. В таких преданиях непременно реализуется мотив внезапного нападения врага. И «вызывающий» его мотив — избавления от врага. Ранее указывалось, что это парная функция, уходящая своими корнями в древность. В этих сюжетах часто повторяются те же стандартные эпизоды, составляющие основу предания, и объединенные в один мотив — избавление от врагов посредством хитрости. В качестве примера можно привести предания «Оленные туши», «Ремнями связанный» [19, с. 45–49]. Эти предания отражают борьбу за обладание оленными стадами между племенами или между народами (коряками и чукчами). Они начинаются однотипно: «Жил один оленевод-чавчувен», или «Два оленевода жили при своем табуне». А вот начало одного из чукотских преданий: «Был богатый оленевод. Жил все время один. И стадо сторожил в одиночку» [18, с. 315]. Важно подчеркнуть, что герой, «свой» — оленевод и дается всегда при своем деле. Часто указывается, что враги нападают не первый раз.

В таких преданиях к уже известным версиям мотива избавления от врагов хитростью прибавляется еще одна, которая объясняется тем, что герой-оленевод. Он спасается от противников, «прячась в середину стада». Но это первый шаг к избавлению от врагов. В преданиях палеоазиатов один из самых любимых элементов этого мотива — помощь животных (оленей), которые «топчут врагов и их оружие» [18, с. 316]. Если герой представлен в одиночестве (как в этом сюжете), то он непременно силач (что напоминает о связи с первопредком), соответственно и его способ расправы с врагом. Нередко в преданиях, отражающих корякско-чукотские столкновения (сюжеты почти идентичны), оленевод «поймает годовалую важенку, начнет ею размахивать, как пращой. Так всех врагов и перебьет» [18, с. 317]. Это устойчивый элемент мотива избавления от врагов в чукотских преданиях.

Олени могут «сбрасывать врагов с обрыва», загонять их в труднопроходимые места, в общем, они самые главные помощники в победе над врагом.

Интересно отметить, что чукотский герой-силач оленевод Ванкачкор (полугодовалый теленок), даже именем своим связан с оленями — священными животными для кочевых чукчей и коряков-чавчувенов. Он побеждает врагов в открытом бою. Эта версия мотива присуща и другим сюжетам преданий восточных палеоазиатов. Сила героя подчеркнута неоднократно: она в том, что «он одной стрелой сразу трех врагов убивал, мог сражаться любым оружием: луком, копьем, годовалой «важенкой». А зимой — и мерзлой тушей оленя» [18, с. 315]. Не скрывая своего удивления перед силой и ловкостью героя, рассказчики часто включали эпизод, как он сражается с врагами мерзлой тушей оленя. Описание состоит из подробностей этнографического характера, которые работают на правдоподобие: «Одним концом аркана мерзлую тушу по грудной части обвяжет, другой конец к шее туши привяжет. В середине аркана петли сделает, чтобы удобно держать. Бросятся на него враги с копьями, а он начнет эту мерзлую тушу, как пращу вращать. Одной мерзлой тушей всех врагов уничтожит. Еще и до копья не дотронется — а уже все враги перебиты» [18, с. 317].

Мы обратили внимание на эпизоды предания, где упоминается олень, совсем не случайно. Олени помогают «своему», они выступают в преданиях в особом единстве с человеком. Олень для чавчувенов и чукчей — животное, особо почитаемое, от которого зависела вся их жизнь. И войны между ними были из-за оленьих стад, как об этом уже говорилось. Но необходимо напомнить о ритуальной стороне явления. В литературе о палеоазиатах неоднократно упоминалось, что чукчи, например, приносили в жертву оленей перед боем. Для коряков олень тоже был особым животным. Во время обрядового праздника встречи оленьего стада и первого осеннего убоя оленей животных убивали для жертвоприношения. «Кровью жертвенных оленей наносятся особые знаки на лица детей, которые считаются наиболее подверженными нападению нин'витов» [19, с. 186].

Когда герой-оленевод сражается живой важенкой как пращой, побеждает таким образом врагов, это своего рода и жертва, принесенная для дальнейшей мирной жизни и благополучия.

Эти сюжеты преданий заканчиваются полной победой над врагом. Не все предания о войнах имеют такую структуру, которая складывается из устойчивых элементов — повторяющихся сюжетных ходов и эпизодов и их различных комбинаций. Есть предания о войнах с включением других мотивов. Это предания с мотивом «трудной задачи». Чаще всего он связан с эпизодом женитьбы, когда невесту берут из стана врага. В этом плане интересно предание «Оседлые и оленеводы». Оно явно распадается на две смысловые части, каждая из которых могла бы быть самостоятельной.

В первой части отражены столкновения между оседлыми коряками и «оленеводами». В ней нет развернутой картины нападения, защиты от врагов. Многократные столкновения даны в обобщенном виде и с окончательным выводом-сообщением: «Чавчувены оказались слабым народом. И поэтому в конце концов были почти уничтожены» [18, с. 471].

Спасение от будущих столкновений с оседлыми находит старый чавчувен: «А туда, к нашим врагам, к оседлым жителям пойди посвататься. Туда пойди, где десять сыновей и одна дочь. Ее и начни сватать» [там же].

Нам интересны здесь два момента. Во-первых, предложение отца. Это один из мотивов избавления от врагов хитростью. В фольклоре палеоазиатов и, в частности, коряков этот мотив встречается часто. Такое поведение ведет к прекращению вражды между племенами, так как враги становятся близкими родственниками. Между бывшими антагонистами устанавливается мир.

Во-вторых, в первой части предания «Оседлые и оленеводы» можно наблюдать наличие сказочных элементов. Отметим мотив трудной задачи. Проверка жениха (кстати, «проверка» в типичной форме для ительмено-корякского фольклора) проходит перед женитьбой, что характерно больше для сказочной прозы. Имеется в виду угощение жениха «мясом с человеческим пометом», которое должен съесть жених, не подозревая об этом.

Что же касается других действий жениха, как «отработка за невесту», то здесь предание воспроизводит это этнографически точно, повторяет то, что зафиксировано об обрядах сватовства и женитьбы. Возвращением домой (счастливый сказочный конец) заканчивается первая часть предания.

Вторая часть включает столкновения между чавчувенами и чукчами, какие действительно были. Предание будет развиваться по типу мотива — избавление от этнических антагонистов. Здесь оппозиция «свой — чужой» представлена двумя враждебными этносами, которые в течение многих столетий враждовали из-за территории и оленьих стад. В преданиях, записанных во второй половине XX в., антагонисты обозначаются этнически, и здесь это «враги-чукчи», забравшие у семьи чавчувенов стадо оленей. Предание отразило примирение (посредством женитьбы) оседлых и оленных коряков и их совместную борьбу уже как родственников за возвращение оленей, угнанных чукчами. В этой части сюжета реализован мотив избавления от врагов в открытом бою с включением таких известных эпизодов, как поединок силачей из враждующих лагерей. Но поединок силачей дан лишь в форме спора старших — силачей. В соответствии с особенностями жанра должно быть указано место пребывания антагониста, указан и путь, который избирают «свои». Так как чужой этнически определен — это чукчи, то и уточнение, что они «совсем недалеко живут» вполне достоверно. Путь же «своих» в северную сторону и точное географическое название «Талкапская тундра» способствуют созданию действительно происходящего, «привязывая» сюжет к данной местности. Словесный «поединок» двух силачей переходит в открытый бой. На силу сопротивления «чужих» указывает длительность боя: «Бились два дня, однако чукчей победили» [18, с. 473]. Финал предания включает известный по другим сюжетам «стандартный эпизод» — возвращение стада оленей и указание на полную победу над этническим врагом: «Чукотских женщин в плен взяли. Бедняков, молодых людей тоже всех в плен взяли» [18, с. 475]. Заметим, что возвратились победители в дом старика-оленевода. Таким образом, первая часть предания с центральным эпизодом — сватовством и примирением двух камчатских племен, подготовила вторую, в основе которой — открытый бой всех родственников (бывших врагов) против чукчей как основного противника коряков.

Финалы преданий, рассматриваемых нами, могут заканчиваться не только описанием полной победы над врагом, но и общим примирением враждующих сторон. Одна из форм примирения — вступление в брак: невеста и жених соответственно из антагонистических лагерей. Одно из исторических преданий с подобным финалом включает первый корякский писатель Кецай Кеккетын в заключительную главу повести «Последняя битва». Комментируя этот эпизод, С. Н. Стебницкий пишет: «Этим актом, упоминание о котором повторяется чуть ли не во всех корякских преданиях о войнах с чукчами, закрепляется мир между чавчувенами на вечные времена» [19, с. 45].

Можно предположить, что в таком случае, народная память запечатлела больше желаемое, нежели происходящее на самом деле.

Встречаются и другие ситуации, которые частично подтверждаются историческими источниками. В них тоже речь идет о примирении антагонистов. В одном из них говорится: «Однако начали биться. Весь тот вражеский отряд уничтожили. Одного только врага оставили в живых, домой отпустили. Вернулся он домой, стал рассказывать товарищам, говорить: «Больше никогда в тот поселок не пойду воевать. Враги наши очень сильные и к тому же ловкие» [18, с. 470].

Здесь можно заметить, что причиной прекращения столкновений послужил страх перед силой врага. Но в финалах этих сюжетов рассматривается и мотив раскаяния врага, что свойственно и преданиям других народов. Объяснение этому часто дается в почти закрепленных словесных формах: «Если долго воевать, то оставшимся в живых и детям нашим плохо будет после войны: ни друзей, ни земли, ни мужчин у них не будет… Вот с тех пор войны прекратились [18, с. 312]. А вот другой пример: «Если будем еще воевать, совсем не станет мужчин… В войне ничего хорошего нет. Одно только плохое. Пусть с этих пор все мужчины будут друзьями! А то жены, дети, мальчики от голода умирают, когда воюют отцы. Так прекратились войны» [там же].

Все приведенные примеры финалов указывают на такую версию мотива, как примирение антагонистов. Речь идет о сюжетах, в которых отражены межплеменные и межэтнические столкновения, в первую очередь между этносами, живущими в едином географическом пространстве (имеется в виду Камчатка).

Коряки, воевавшие с чукчами с незапамятных времен, вероятно, этого врага все же вос-

принимали по-особому. Межплеменные войны, хотя и жестокие, приносящие разорение антагонистическим сторонам, имели оттенок «домашности», они были частью «бытовой» жизни. Общность языка, культуры, хозяйственного уклада коряков и чукчей играли также не последнюю роль в выделении именно этого противника, с которым возможны не только столкновения, но и временные союзы против общего врага. Возможны и примирения, в том числе и в форме образования новых семей, о чем свидетельствуют предания и жизненные примеры. Не забудем и о том, что у этих народов — общий мифологический предок — Ворон (Куткынняку, Куркыль), что на уровне генетической памяти их могло также объединять.

Как уже было сказано, преданий о столкновениях между различными группами коряков (таких групп С. Н. Стебницкий насчитывал 9, ошибочно включая сюда кереков) [20, с. 32] зафиксировано немного. Следует указать, что среди них известны сюжеты о столкновениях между алюторцами и карагинцами. Варианты их похожи, часто лишь меняются местами победители и побежденные. Иногда различается и содержательная наполненность «стандартных эпизодов, версии хитрости врага.

Карагинцы и алюторцы живут друг с другом в непосредственном соседстве, хотя по языку и специфике хозяйственного уклада существенно отличаются. «Олюторцев» (алюторцев) как особую народность различали уже во второй половине XVII в. казаки «в своих отписках» [20, с. 34].

В настоящее время в прессе Камчатского края неоднократно поднимался вопрос об алюторцах и алюторском языке [1, с. 3].

На наш вопрос, обращенный к жителям с. Вывенка, были ли в этой местности войны, получили следующий ответ: «Были столкновения давным-давно, войны даже в этой местности, где сейчас село стоит. Пришли карагинцы и их поубивали, и тела в озера покидали, неизвестно, зачем они пришли, делать нечего было» [3, 2008 г.]. Информант сообщает, что здесь «Были войны, с Олюторки приходили сюда воевать. Ну, они хотели территории побольше себе» [там же]. Здесь уже указано на столкновение между самими алюторцами.

Из бесед с информантами, проживающими в других районах Камчатки, можно заключить, что в их памяти осталось не так много о самих столкновениях, но сама местность порой хранит эти следы в названиях и различных «находках».

Из преданий, записанных в 50-е гг. XX в. И. С. Вдовиным большой интерес представляет сюжет «Истребление карагинцев» [13, с. 71]. Как и другие предания, записанные этим ученым, оно достаточно развернуто. События предания даны в восприятии враждебной стороны, вероятно, алюторцев. В начале предания названы их антагонисты — карагинцы, у которых было «довольно многочисленное население. А юрта Кирумси стояла (= была) отдельно, немного позади (от поселка). У Кирумси был один сын по имени Умкамак (т. е. «теплый жучок»).

Далее идет развернутое сюжетное звено: решение култушинцев, алюторцев и вывенцев идти на карагинцев с определенной целью: «Настичь бы нам тремя поселками карагинцев, чтобы сразиться, может быть, мы бы захватили ту местность карагинского поселка, потому что звериная она: моржей много там, китов, сами всегда выбрасываются (остаются, выброшенные волнами). Сюда включаются описания, как все они договариваются о нападении на карагинцев. «Документированность» предания укрепляется именами старшин, указанием на географические места (Култушино, Алюторка, Вывенка) [13, с. 79].

Один из стандартных эпизодов подобных сюжетов — внезапное нападение — здесь перебивается встречей с «чужим», карагинцем-разведчиком, который увидел приближающийся «байдарный отряд». Обнаружение нападающей стороны врагами повлекло изменение в поведении «байдарного отряда». В предание включается «версия обмана». «А култушинцы, алюторцы, вывенцы не пришли на байдарах, (а) оставили байдары на краю верхней земли. И те три военных отряда стали пешком приближаться к островитянинам» [13, с. 79]. Главное событие предания — уничтожение противника подробно не дается, вероятно, потому что победа над карагинцами предопределена двумя условиями: огромной силой врага и внезапным нападением. Идет перечисление: сначала уничтожены карагинские воины, затем перебиты женщины, вступившие в бой, оста-

лись одни (= только) детишки, уничтожили островитянское население. Кончили биться… Приехали домой три военных отряда, стали говорить домашним: «Теперь мы уничтожили карагинцев и начнем на ту землю ездить, охотиться на моржей, теперь нашей стала эта небольшая земля карагинцев» [13, с. 81].

По сути дела сюжет предания исчерпан, финал указывает на полную победу над антагонистом, однако уже за пределами этого финала идет еще одна смысловая часть. В начале предания был упомянут Кирумси, живущий вместе с сыном отдельно от поселка. Теперь новый эпизод связан с его действиями. Здесь предание отступает от исторической достоверности и становится похоже на сказку.

В корякском фольклоре, как мы видим, немало преданий о войнах и различных столкновениях. И в наши дни их еще можно записать. По-другому обстоит дело в фольклоре ительменов (камчадалов). Даже знаменитое восстание ительменов 1731 г. против казаков не дало сюжетов преданий, хотя, без сомнения, осталось в памяти камчадалов. А может быть, их просто не записали, ведь так мало было тех, кто путешествовал по Камчатке с целью изучения ее материальной и духовной культуры.

Обратимся к книге К. Дитмара, в которой содержится богатый материал о мифологии и фольклоре народов Камчатки. Ко времени его путешествия по Камчатке прошло 125 лет после этого восстания, такого периода достаточно, чтобы исторический факт стал фольклорным. Но К. Дитмар пишет, что его собеседник «Удачин подтвердил известия Миллера и Крашенинникова о большом восстании камчадалов в 1731 г.» [8, с. 327]. И далее идет рассказ, уже известный по историческим источникам, но не предание.

В 2001 г. исполнилось 270 лет со дня этого исторического события. В местной печати (в частности, в газете «Абориген Камчатки») были отклики на него, предлагалось увековечить память воинов-ительменов и это восстание. И в газете появился рассказ об одном из героев, «Силаче-воине из с. Седанки — Оседлой», Втлвале (Тылвале), уже знакомом нам по другим преданиям. Автор рассказа — наша современница, передает эпизод этого восстания, а именно, героическую смерть Втлвала, упоминая при этом еще одного героя — «Кана» [17, с. 6]. Вероятно, это осталось в памяти жителей Седанки и дошло до наших дней как «действительный факт» устной истории».

Настоящий цикл преданий о славном тойоне и воине Хальхинту приводит в своей книге В. Н. Тюшов [21, с. 272]. Кроме того, здесь есть и другие «рассказы» о войнах силачей со своими противниками. Четыре сюжета о Хальхинту складываются в цикл преданий о столкновениях («войнах»).

В. Г. Богораз в известной работе «Чукчи» приводит интересные сведения о «войнах и воинах». Он пишет: «Сказания о былых войнах очень многочисленны. Они собственно составляют целый раздел чукотского фольклора. Называются они „времен войны вести“. Войны описываются как целый ряд внезапных нападений, ночных налетов и избиений спящих» [4, с. 165]. Ученый употребляет здесь термин «сказание» не в строгом жанровом смысле. Далее на равных будут употребляться им «сказка», «предание». Одна из групп «сказаний» представляет собой описание столкновений оленных чукоч с таньгами. Опираясь на исторические сведения, В. Г. Богораз указывает, что «чукчи-оленеводы принуждены были защищаться против наступления казаков, и им даже удалось разбить отряд майора Павлуцкого. Все же воспоминания об этих войнах сохранились не так прочно, как этого можно было ожидать» [там же].

В сюжетах преданий разных народов среди персонажей, а иногда и в качестве главных героев, встречаются женщины. Предание тяготеет к ограниченному числу персонажей, их увеличение повлекло бы за собой дополнительные функции, что изменило бы его структуру и повлекло разрушение жанра.

Обратимся к преданиям о борьбе с внешними врагами (учитывая архаичность фольклора данного региона, сюда включаем и предания о столкновениях между этническими группами).

Заметим, что в преданиях о войнах женский персонаж — чаще всего «старуха», которая должна первой дать отпор «чужому», «врагу». Сюжетная схема подобных преданий такова: после указания на «давнее время», что характерно для этого жанра, непременно сообщается, что в поселке нет мужчин. Они находятся на промысле, в табуне, в тундре. Мотив внезапного нападения врага в таких преданиях

структурообразующий. Нападение врага вызывает необходимость защиты (нападение — избавление от врага — парная функция).

Основная часть предания — избавление от врагов хитростью. Ранее мы уже отмечали различные версии мотива хитрости, они чрезвычайно разнообразны в ительмено-корякском фольклоре. В тех же сюжетах, где действуют женщины, особенно старухи, хитрость проявляется часто в форме мнимого гостеприимства. Большой интерес в этом плане представляет историческое предание «Карагинцы воюют» [13, с. 74–77].

Версии мотива хитрости в корякских преданиях отличаются разнообразием, введение в сюжет женских персонажей способствует этому. В отдельных сюжетах подобные мотивы сродни сказочным. Приведем один из вариантов сюжета, записанный недавно [2, № 10]:

Однажды на стойбище напали враги-карагинцы. В стойбище остались только женщины, дети и старики, а все мужчины ушли на охоту. Женщины увидели, что на них нападают и растерялись. Тут выходит одна бабка и говорит: «Разденьте меня догола, обмажьте кислой икрой, посадите в старую кухлянку и подвесьте над костром». Сделали, как она сказала, и спрятались. Пришли враги, смотрят, стойбище пустое, никого нет, расположились возле костра и начали пировать. Сидели так, сидели, а в это время кухлянка подпалилась, и оттуда вывалилось черное косматое чудовище. Враги все побросали, луки и стрелы, разбежались кто куда и больше на это стойбище не нападали. Так мудрая старуха обманом спасла всех.

Отметим, что «старуха», обманом спасающая «своих», — один из любимых персонажей в преданиях о столкновениях. Такие варианты широко бытуют, в частности, среди коряков и чукчей.

Можно предположить, что в действиях «старухи» в указанных преданиях содержатся отголоски шаманских знаний. Известно, что у коряков было и семейное шаманство, а главной шаманкой была старшая женщина в семье.

В фольклоре коряков имеются сюжеты преданий о войнах, в финале которых происходит примирение враждующих сторон «на вечные времена». Поводом для этого бывает обмен «женихом» и «невестой» из лагерей врагов. Как правило, в сюжетах таких преданий женский персонаж своей функции не имеет.

В мировом фольклоре отмечены сюжеты, построенные на антагонизме «брата» и «сестры», которые относятся к периоду архаическому. К подобным сюжетам мы уже обращались, в частности, когда рассматривали ительменский цикл о Тылвале, классифицированный нами как предания о силачах. Корякское предание «Месть Рыннынaлпылына» почти полностью исчерпывает мотив мести, как заявлено в его названии. В основе подобных преданий все та же оппозиция «свой — чужой», восходящая к мифу. Сестра всегда представляет сторону «чужого», при этом она свободно (чаще всего тайно) делает свой выбор. Сестра в преданиях ищет себе жениха и находит его среди «чужих», своим выбором присоединяется к «чужим». В этих сюжетах содержатся следы разложения родового строя. Изменяя своему роду, она нарушает «мистическое равновесие» силы, а потому брат применяет к ней закон кровной мести, как именно к «чужому».

В предании о нападении алюторцев на островитян-карагинцев, которое уже рассматривалось нами, указывалось, что после гибели всех мужчин в войну вступили женщины, но все они погибли. Подобное встречается и в преданиях чукчей. В преданиях о силачах есть сюжеты, в которых главные герои-женщины (силачки). В своей основе структура подобных типов преданий содержит постоянные элементы, но женский тип героя часто вносит мотив выбора жениха. В качестве примера можно привести предание «Кахтанинская девушка» [9, с. 155]. Все женихи в сюжете предания выполняют функцию «чужого», претендующего на силу и род кахтанинской девушки. Сиротка же — «ничей», это самый подходящий жених. Вероятно, в этом сюжете сохранились следы наметившегося разложения родового строя. Интересно сравнить это предание со сказками палеоазиатов о сиротке и с русскими сказками о богатыршах.

В фольклоре восточных палеоазиатов существуют предания, в которых указывается на перемену пола. Чаще всего это предания о войнах. В одних сюжетах женщина воюет в мужском платье и лишь после ее победы узнают об этом, но есть предания, когда женщина заменяет мужчину в войне. Она берет на себя его функции защитника. Подобный сюжет записан недавно в с. Карага [3, 2005 г.]. Заметим, что рассказ направлен на описание самой «войны», где главенствует женщина. Противоположная сторона («чужие») дается как неспособная к сопротивлению. Что же

касается Каеуылыт, то она побеждает врага, не прилагая к этому никаких усилий («стреляет и песни поет»). Так идеализируется герой, представляющий своего, что мы наблюдали и в других сюжетах преданий. Народному осуждению подлежит Эмемкут (хотя он и сын Куйкынняку).

Мы рассмотрели разные типы преданий о столкновениях внутри одного этноса, между различными народами, например, между коряками и чукчами. Наше внимание было сосредоточено в основном на специфике различных мотивов и версий в пределах одного типа сюжета.

Нами выявлено следующее: в данных сюжетах нет жесткой структуры, это характерный признак жанра предания, но все же здесь наличествует «схема», поддерживаемая «стандартными эпизодами». «Историческое» в анализируемых примерах предания состоит в том, что сюжеты преданий сохранили память о войнах и столкновениях, происходивших в данной местности, иногда и память о героях (прототипах).

Обязательное распределение персонажей на «своих» и «чужих», выделение «своего» посредством огромной физической силы, наделение его магическими способностями приближает «своего», героя, к первопредку и соединяет «историческое» с мифологическим.

Об архаичности отдельных версий свидетельствует и включение женских персонажей в предания о войнах, которые всегда выполняют функцию «своего», победителя. Материалом для наблюдений послужили как печатные источники, так и записи текстов, которые ранее никогда не публиковались.

Библиографический список

1. *Абориген* Камчатки. — 2009. — 27 февр.
2. *Архив* автора статьи.
3. *Архив* кафедры литературы и журналистики КамГУ им. Витуса Беринга.
4. *Богораз В. Г.* Чукчи. Ч. 1 / авт. пер. с англ. — Ин-т народов Севера ЦИК СССР, 1934. – 240 с.
5. *Вдовин И. С.* О научном значении фольклора народов Камчатки // Краевед. зап. Вып. 3. — Петропавловск-Камч., 1971. — С. 51–59.
6. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. — 2-е изд., испр. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — Ч. 2. — С. 493–515.
7. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. — 2-е изд. — М.: Искусство, 1984. — 350 с.
8. *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 Карла фон Дитмара: ист. отчет по путевым дневникам Ч. 1 / пер. с нем. — СПб.: 1901. — 754 с.
9. *Жукова А. Н.* Язык паланских коряков. — Л.: Наука, 1980. — С. 150–184.
10. *Иохельсон В. И.* Коряки: материальная культура и социальная организация. — СПб.: Наука, 1997. — 237 с.
11. *Кайуа Роже.* Миф и человек: человек и сакральное. — М.: ОГИ, 2003. — 296 с.
12. *Кербелите Б.* литовские народные предания на современном этапе: к вопросу о диффузии жанров // Проблемы фольклора. — М.: Наука, 1975. — С. 100–107.
13. *Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А.* Язык и фольклор алюторцев. — М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. — 468 с.
14. *Криничная Н. А.* Предания Русского Севера. — СПб.: Наука, 1991. — 328 с.
15. *Криничная Н. А.* Русская народная историческая проза: вопр. генезиса и структуры. — Л.: Наука, 1987. — 230 с.
16. *Мелетинский Е. М.* Малые жанры фольклора и проблемы жанровой эволюции в устной традиции // Малые формы фольклора: сб. ст. памяти Г. Л. Пермякова / сост. Т. Н. Свешникова. — М.: Вост. лит. РАН, 1995. — С. 48–64.
17. *Правдошина Л. Е.* В память о великом восстании // Абориген Камчатки. — 2001. — 20 июня.
18. *Сказки* и мифы народов Чукотки и Камчатки / сост., предисл., примеч. Г. А. Меновщикова. — М.: Наука, 1974. — 647 с.
19. *Стебницкий С. Н.* Очерки этнографии коряков. — СПб.: Наука, 2000. — 235 с.
20. *Стебницкий С. Н.* Очерки по языку и фольклору коряков. — СПб.: Наука, 1994. — С. 3–182.
21. *Тюшов В. Н.* По западному берегу Камчатки В. Н. Тюшова с картой // Зап. Император. рус. геогр. о-ва по общей географии. — 1906. — Т. 35. — № 2. — 521 с.
22. *Цибикдоржиев Д. В.* Происхождение древнемонгольских воинских культов: по фольклор.-этногр. материалам бурят / отв. ред. Б. Р. Зориктуев. — Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003. — С. 129–197.

УДК 81’282 (571.66)

А. П. Каргина

БЫТИЙНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ГОВОРАХ КАМЧАДАЛОВ

В статье исследуются особенности функционирования бытийных глаголов в камчатских диалектах. На основе сравнительного анализа диалектного материала и данных литературного языка автор приходит к выводу о том, что общерусские глаголы данной лексико-семантической группы в диалектных системах имеют свои отличительные особенности лексического и грамматического плана. Кроме того, описана семантика собственно диалектных глаголов.

Ключевые слова: диалект, литературный язык, говоры камчадалов, общерусское слово, собственно диалектные слова

A. P. Kargina

VERBS OF BEING IN KAMCHADALS’ DIALECTS

The article studies the operation of the verbs of being in Kamchadals’ dialects. On the basis of comparative analysis of dialectal materials and the data of the standard language the author comes to the conclusion that the standard Russian verbs of this lexico-semantic group have got their own distinctive lexical and grammatical features in dialectal systems. Besides, the article describes the semantics of the dialectal verbs in proper.

Key words: dialect, standard language, Kamchadals’ idiom, common Russian word, dialectal words in proper

Лексико-семантическая группа глаголов бытия включает глаголы как называющие «существование вообще: вне его качественных, темпоральных и локативных характеристик» [12, с. 77], так и содержащие в своей семантической структуре подобные характеристики. В говорах камчадалов к этим глаголам относятся общерусские слова (слова, имеющие идентичную форму выражения в литературном языке (далее — ЛЯ) и в диалекте и функционирующие в этих двух системах, «не являясь в последних заимствованиями из литературного языка или из каких-либо других источников и собственно диалектные (не имеющие соотносительного по форме выражения слова в литературном языке)» [2, с. 29]. Рассмотрим некоторые из бытийных глаголов, функционирующих в говорах камчадалов. Наиболее общим по своей бытийной семантике считается глагол *быть*.

На сложность семантической структуры глагола ***быть***, функционирующего в ЛЯ, и тесную взаимообусловленность его семантических составляющих указывают многие исследователи. Специфика семантики этого глагола заключается в том, что «главный семантический компонент «существовать» выступает одновременно на разных ступенях абстракции» [4, с. 6]. По мнению некоторых исследователей, семантическая структура глагола *быть* и его «место в языке — иные, чем у собственно именующих полнознаменательных многозначных глаголов» [14, с. 12]. Указывая на особое, собственное и единственное положение глагола *быть* в общей системе глаголов и глагольных фразеологизмов, Н. Ю. Шведова рассматривает этот глагол «не как полнознаменательное (полнозначное) слово, а как полифункциональный дейктический глагол, способный означать тот или иной тип сообщения и благодаря этой способности органически вписывающийся в круг других дейктических глагольных единиц и с ними тесно взаимодействующий» [14, с. 6]. В связи с этим целесообразно, с точки зрения автора, выделить функции, реализующие сложный смысловой потенциал глагола *быть* как глагола, способного означать тип сообщения:

– означение реального или ирреального времени;

– означение существования;

– обозначение пребывания, присутствия: собственно пребывания, присутствия, посещения, появления где-н.;

– означение ситуации, события, происшествия: иметь место, поисходигь; делаться; случиться; выйти, получиться;

– означение состояния: о собственном, неотъемлемом внутреннем состоянии, о своей сущности; о модальном состоянии; о случайном состоянии, окказиональном положении [14, с. 7–10].

Все эти функции объединяет «только смысл „быть“, заключенный в глаголе быть как в полифункциональной означающей единице» [14, с. 11], содержательная сторона которого нерасчленима [14, с. 12]. И «именно природой быть как полифункционального дейктического (не называющего, а указующего, означающего) слова объясняется та легкость, с которой многие исследователи награждают его десятками отдельных лексических „значений“» [там же].

Действительно, вопрос об объеме семантической структуры этого глагола остается весьма спорным. В разных исследованиях нам встретилось совершенно разное количество значений и их оттенков, приписываемых семантической структуре глагола *быть*. Мнения исследователей сходятся в том, что этому глаголу присущи экзистенциональное, локативное значения и значение, чаще всего обозначаемое как «Происходить, случаться». Но лингвисты по-разному определяют объем этих значений в пределах семантической структуры слова *быть*. В «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (далее — МАС) этот глагол включает 2 блока «значений» [11, т. 1, с. 130–131]:

1) как самостоятельный глагол:

1. Существовать. // Иметься. 2. Находиться, присутствовать где-л. // Располагаться, размещаться, находиться / на ком. Об одежде // В сочетании с отвлеченными существительными обозначает действие или состояние (по значению существительного), участие в чем-л. и т. п. 3. Происходить, совершаться, случаться. 4. Приходить, приезжать куда-л., посещать кого-л.

2) как вспомогательный глагол:

1. Употребляется в значении связки между подлежащим и именным сказуемым (в наст. вр. опускается, но в книжном языке иногда употребляется 3 л. ед. и мн. ч.). 2. Употребляется для образования сложных форм страдательного залога. 3. Формы будущего времени с неопределенной формой глаголов несовершенного вида употребляются для образования будущего времени изъявительного наклонения[1].

Авторы «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова (далее — БТС) посчитали нужным более детально классифицировать значения самостоятельного глагола *быть* — приведены 9 значений и их оттенки [1, с. 107–108].

Е. В. Падучева замечает [6, с. 426–427]:

…у не экзистенционального быть различается два лексических значения: *быть*$_1$, стативное (ср. *Я был дома / в Москве* и *Меня не было дома / в Москве*), и *быть*$_2$, агентивное (ср. *Я был вчера у Ивановых*, т. е. „пришел, побыл и ушел“, с номинативным субъектом в отрицательном предложении *Я не был вчера у Ивановых*).

Глагол *быть* выражает помимо локализации, наличия и бытия, много других отношений: элемент — множество (*Среди его друзей есть бизнесмены*), обладаемое — обладатель (*У Юдиной была комфортабельная дача*), объект — свойство (*У него есть талант*), объект-состояние (*У нее был грипп*) и, возможно, что-то еще.

Мы в своем анализе будем опираться на значения, данные в МАС, обращаясь при необходимости к данным других словарей. В говорах камчадалов представлены следующие значения глагола *быть*, функционирующего в ЛЯ (нумерация и оттенки — по МАС)[2]:

1. *Есть, видáть, ф прирóде штó-то такóje, што мы и сáми не знájем.* Млк.[3]

В сочетании с субъектом, называющем человека, часто появляется дополнительный оттенок «жить»[4]:

---

[1] В БТС в семантическую структуру слова *быть* также включены случаи его употребления как вспомогательного глагола: «10. Употр. как вспомогательный глагол в составном именном или глагольном сказуемом как часть его. 11. (в наст. и буд. вр.) Употр. как вспомогательный глагол для образования сложных форм страдательного залога. 12. (в наст. и буд. вр.). Употребляется как вспомогательный глагол для образования сослагательного наклонения» [1, с. 107–108]. Другие лингвисты, исследуя семантику глагола *быть*, вообще не рассматривают случаи употребления этого глагола как вспомогательного [9, с. 37–38; 4, с. 13].

[2] Мы не будем рассматривать употребления глагола *быть* как вспомогательного в ходе описания его семантической структуры, хотя в системе диалекта данный глагол активно используется в этом качестве. Например: *Зáмус вúсла, да и фсо, так выходúли, как и сиця́с выхóдят, рáньцэ нé были самовóльны. Тудá потóм, там на байдáре на э́том коря́цкой, у них зи там ни лóтки, а байдáры бы́li от нéрпы ссы́ты. Биткú, пálка bolcája, берёза, э́ту берёзу снимájут з дéрева, битóцьки бýду дélать. Дресвá, песóк, кáмни, гálьки, бýдес гуля́ть по дресвé.* Кмн. *Бардá нé byl тогдá dlúнной.* Сбл. *Ja óчень былá пáмятлива.* Млк. *Кólокол byl bolшóй, тяжólыи, byl на двáцать kiломéтроф слы́шно. Ja-то зе byl рáнен в гólову, былá поврежденá ногá. Спиця́льно былá nolька охóтникоф напúсана. Бýдис пить, курúть, цéрес два гóда умрёс.* Клч. *Оццú нáши бúli вúclаны, так нам дéды говорúli. Давáйти чаjевáть бýдемте.* У-К.

[3] Данное значение (его называют экзистенциональным) «отражает основную идею бытийности на более низкой ступени абстракции в семантической структуре данного слова и проецирует другие значения многозначного глагола быть» [4, 6].

[4] Составители МАС не указывают на этот оттенок, но другие лингвисты, изучая семантику глагола *быть*, отмечают, что в современном русском языке в семантической структуре данного глагола продолжает функционировать оттенок основного значения «существовать» — «жить» [13, с. 48–49]. Здесь и далее мы имеем в виду логический, а не грамматический субъект.

Так получи́лось ф то вре́мя, вот ја говорю́, што нас заста́вило вме́сте бы́ть-то. Нильзя́ ф ста́рости одному́ быть. При жы́вности фсё дела́ју, пра́внуцьке оддала́, што́бы дру́жно по́сле меня́ вы бы́ли, не на́до мне ру́гани. В мо́лодости у миня́ был Арка́шка, дру́жно мы были. Млк.

При субъекте, называющем животное (зверя, рыбу, птицу, насекомое), появляется собственно диалектный оттенок значения «обитать, водиться».

В говорах камчадалов этот глагол может иметь необычную для ЛЯ сочетаемость с характеризаторами действия:

Ры́бы стра́шно би́ло. У-Б.

Е. В. Падучева пишет, что «несуществование» выражается экзистенциональными глаголами при помощи генетивной конструкции (т. е. конструкции с род. п. субъекта и безличным сказуемым), конструкции же с номинативным субъектом сомнительны, ср. [6, с. 423, 440, 446]:

Сомнений не возникло.
Сомнения не возникли.

Значение «несуществования» выражается глаголом *быть* в говорах камчадалов, в отличие от ЛЯ, как при помощи генетивных конструкций (см. примеры ранее), так и при помощи конструкций с номинативным субъектом:

Ведра́ не́ бы́lu. Кмн. *Не бúl эlектроста́нции. Тра́нспорт не бúl, ф Петропа́влофск на парохо́де увезlú. Ско́lы не́ были, чичulя́ не́ бы́lu.* Квр.

В говорах камчадалов возможно и сочетание глагола *быть* в его экзистенциональном значении «существовать» с характеризатором действия, что не свойственно этому глаголу в ЛЯ:

Так запо́р и был, фсе с приро́ды взя́то. Прт.

Компоненты значения глагола «быть»

«СУЩЕСТВОВАНИЕ»	«НЕСУЩЕСТВОВАНИЕ»
При субъекте, называющем человека	
Прика́сцики бу́lu, они́ скупа́lu. Клч. *Опера́цију dolжны́ бы́lu зде́lатъ, так и не зде́lalu, при́ступы се́рца, је́сли п зде́lalu, то на све́те не́ бúl бы ја* <о женщине>. *Был оди́н старицо́к, он люби́л што́-нибуть рассказа́ть. Ламу́ты — эве́ны, они́ в Э́ссо живёт, там ф Со́поцьном, где ра́ньсе жу́lu, их мно́го бы́lu. Ту́та одни́ ме́сныйе бы́lu.* Квр. *Один хве́льдшер у нас бы́l. Негра́мотный тут наро́т соверсе́нно был.* Тгл. *Пото́м йещё тут ба́пки бы́'lu и поумира́lu.* Сбл. *Стари́к бы́l, на охоте брal ф капка́н фсё.* Пмт.	*Ру́ских-то не́ бы́lo.* Квр.
При субъекте, называющем животное	
Медве́дей мно́го бы́ло, ја не щита́л, но мно́го бы́ло, да и не запи́сывал. Пусни́ны <пушного зверя > *ра́ньсе ма́lo бу́lo, пато́м зверь набиза́l. Зве́ря бу́lo о́цень ма́lo, је́то је́clu хоросо́ за зи́му стук пять убју́т. Ра́ньсе вопсе́ комаре́й мрак стоја́l, дым, ско́лько комара́ би́lё.* Клч. *Вот где сица́с шта́нцийа тиливи́зорнаја, зверь бúl. Ры́ба была́, чють вода́, фся ры́ба бы́ло.* Млк. *Ра́ньше со́боля-то ма́ло бы́ло.* Сбл. *Ра́ньше ко́рюшка одна́ на одно́й стоја́lu, так мно́го бы́lo. Ры́бы тода́ мно́го бы́lo, ф ка́ждом прото́чьке ры́ба идёт, ф ка́ждом клю́чике. Лосо́сь то́lько йе́сть, а не́рпы не́ту. Со́boля мно́го бы́l. Ја на мо́ре насмотре́лся, в 26 лет lovú́l краб, фсе го́ды кра́бы бы́lu.* Квр.	*Рысь поjавú́lься, ра́ньсе не бы́lё.* Клч. *Три го́да хорошо́, сафсе́м комара́ не́ было.* Млк. *Ра́ньше ф Со́болево не́ bylo крыс, мост постро́или, кри́сы поjавú́lись.* Сбл. *Оле́ньйе мя́со суши́ли весно́й, кода́ мух не́ было.* Квр.
При субъекте, называющем неодушевленный субъект	
Ра́дио пе́рвий был, парова́ја была́ электроста́нцийа. Колхо́зы тогда́ бы́ли. Внаця́le арте́ль была́. Ра́ньсе была́ ржана́ја мука́, хоро́сайа така́ја. Тгл. *Дlя дете́й ра́ньсе зы́пки бы́lu, ве́culu на potolо́к и на верёвоцьках. Празничина бу́lu одёжи. Ра́ньшэ би́ли је́ти, вумыва́льники бу́lu, ра́ньшэ пе́чьки з гlи́ны бу́lu.* Клч.	*Мясору́бок не́ было, ни гра́ма не́ было.* Тгл. *Сами стри́гли и причёски не́ bylo, а так са́ми себя́, парихма́херска не́ было. Водопрово́т не́ búlo.* Клч. *А дороги не́ было, тропа́, обыкнове́нная тропа́.* Млк. *Йу́рты, брёвна каг дом, жымlёй кругóм обойдём, по́lа не́ бы́l, покры́та трава́й. На соба́чках кругóм је́здúl до хрепто́ф, тогда́ машы́ны не́ bylo и самоlётоф. Тода шлю́пок не́ bylo, испо́льзовalu ба́ты.* Квр. *Капу́сты одно́ вре́мя не́ bylo.* Кзр.

В сочетании с отвлеченными существительными:

1. *Йа жиl посёlок Пы́мта, сиlо́ Приво́льноjе, там вапщé красоти́шша биlá.* Пмт. *Куlичи́-то стро́иlи на Па́сху, jéта ш быl арома́т.* Клн. *Пиро́к с цяви́цей гато́виl, фкусня́тина быl.* Клч. // *Шаро́мскиjе крутяки́ говоря́т не так свобо́дно, как мы, а по-друго́му наре́чьjе бы́ло, у ка́ждой дере́вни бы́ли наре́циjа. Пи́щи-то не осо́бо бы́ло. Ста́йки бы́ли, там держа́ли коро́ву. Пельме́ни — jéсли мясору́пки нет, то толкли́, избы́ток мя́са бы́ло. Не так си́лы jесь, силёнки, штоп вози́ца. У меня́ с малоле́цва ко́сы бы́lи. Для соба́к дро́вни бы́ли ужэ́ и коро́че, но то́жэ бра́ли поря́дошно. Свои́х дете́й не́ було, они́ друго́во воспи́тывали.* Млк.

2. *Мы бы́ли ф тылу́, мы выла́вливали дезерти́роф, шпио́ноф. Оди́н рас был случя́й, што мидве́ть был в Доли́нофке, он лови́л теля́т молоды́х. Ра́ньсы йа то́зы ф хо́ре била́.* Млк. *У ўойе́ннойе вре́мя, так йа фсё вре́мя на рыба́lке былá.* <Муж> *на охо́ти, на рыба́lке быl. Бы́lо тут, ну ыкшпиди́цыйа зэ, фшэ они́ бы́lи на lосадя́х.* Сбл. *В основно́м ле́том фсэ на пути́не биl. Цё-то ф Пала́не былá у до́чери, там не кlи́мат. Зимой биlá, в Утхоlо́к jéздula.* Квр. *На охо́те мно́го бы́ло гра́мот, на фро́нте немно́шко был.* Клч. *Ф Ключях биl, ф Козрефске биl, тода́ они́ не́ быlи ма́lенькийе.* Кзр.

В говорах глагол *быть* в этом значении может иметь иную лексическую сочетаемость:

Наш возраст быl. Нас собира́lи, уци́ли петь. Млк. // *Испоко́н веко́ф jа́мы бы́ли недалеко́ от реки́. На голове́ клуб был, завора́чивали во́лосы, они́ дли́нныйе бы́ли. Была́ Мильково́шка, засо́хла, была́, где да́мба. О́коло гор jесь река́ Китилгина́, мно́го мест, по ним охо́тяца.* Млк. *В два́цать четвёртом учи́lась, шко́lа у нас би́lо ф Со́поцьном. У нас ф Со́поцьном це́ркофь былá, ф трица́том году́ закры́lи йейо́. Во вре́мя войны́, осо́бенно здесь вот, celó би́lo рыба́цкойе.* Квр. *Ф куличи́ изу́м был. Где клуп, це́ркофь былá. Оча́г внизу́ был, а вверху́ ды́рка. Там бы́ли земля́нки.* Тгл. *Бе́рек от нас далёко́ был, мо́ре далёко́ ад бе́рега бы́ло.* У-Б. *Кохтачки́ бу́lо по Пе́нзиной там, туды́ верх, цветёт зе́lено.* Кмн. / *Они́ ходи́lи в них рыба́цить и зимо́й, и ле́том, фсегда́ в этих бро́днях бы́lи. Свекро́фка-та на восьмо́jе-то ма́рта фся ф со́lковом чёрном са́lе биlá, подари́lи, а jа так nlа́тьjе сталь́но́ва цве́та биlá.* Клч. *Руба́ха атла́снаjа, в э́той руба́хе жэнихо́м был.* Млк. *На ногах торбаза́ бы́lи, сё ис с^{ш}кур бы́lо.* Квр. // *Ра́ньсе бы́ли заво́зы от Аме́рики.* Клч. *У нас па́па конфе́ты jа́щиками покупа́л, ми фсигда́ в доста́тке би́пи.* Млк. *Кто перейехал, они фее бес домоф биlu.* Квр. *Та́поцьки сы́ли, когда́ былá в дефцёнках.* Нкл. // Быть в неудовольствиях. Сердиться за что-л. — *И так он потом это фшо на мыне так фшо в неудовол'ствиях бул.* М. [10, с. 33].

3. *Слу́чяй не́ быlи ра́нсы, то́lько ста́реньки умира́lu.* Слт. *Вот Ви́ктор у меня́ то́зе фсё вре́мя рыба́к, фсё на воде́ и на воде́ рабо́таl, то́же у ниво́-то быl хинако́к, зыlту́ха вод былá.* Сбл. *Мор биl, ми́сяц фсе болélu. Фсё бы́lо, та́нцы бы́lи до упа́ду. Там ф Со́поцьном фсю доро́гу* <всё время> *разде́тыйэ ходи́lи, жара́ така́йа былá. Сва́дьба не́ биlа никака́йа, бе́lойэ nlа́тьйэ носи́lи и фсё, украше́нийе никако́йэ не́ быl. Мойа́ ба́буска ста́lа меня́ леци́ть, это ка́здии день ба́ню то́пит ве́ником пропа́рит и руко́й пра́вит, и че́рез ме́сяц ницево́ не́ biло. Кода́ война́ биlá, ми ма́lенькийэ би́lu, помога́lu, цем маglú. Ку́рсы бы́lи на зоotéхника. Война́ бы́l-то, ско́lька всево́ положи́lu, што заработа́lu, фсё на хронт. В два́цать девя́том году́ йа заме́тила пе́рвый самолёт, сел пря́мо на ре́цьке, это зимо́й бы́ло.* Квр. *Бы́ли па́сха, роздество́, но́вый гот. Моро́зы си́льны-си́льны бы́ли.* Тгл. *Фчера́ жа́рило, жа́рило, а ве́чером гром како́й был, полосо́й прошо́л. Бу́дет, зна́чит театрализо́ваннойе прецтавле́нийе, приплывёт Атла́соф. У миня́ был тако́й жэ слу́чяй, но это бы́ло в лесу́. До́брый ве́тер заду́йэт, фсё бу́дет. Гроза́ безвре́днайа, у нас за фсю бы́тность не́ было. Ф три́цать седьмо́м году́ былá пе́рвайа комсомо́льскайа конфере́нцыйа, былá пионервожа́тайа, нас напра́вили. Тру́днойе вре́мя бы́ло, дете́й ма́ло ви́дела. А сне́га бы́ло и моро́зы, о, плю́нешь, слюна́ идёт и замерза́йэт на лету́. Булá хоро́шайа пого́да, говори́ли булы́, йа по́мню.* Млк. *Поли́фка вруцьну́йу былá. Охо́та ра́ньсе былá и рыба́lка. А моро́с-та биl пот шися́т ра́ньсе-то здесь. Здесь да́зе америка́нскайа торго́вlя биlá, магази́н биl. Охо́та ра́ньсе былá на соба́ках, фсё это бы́ло на соба́ках. Ра́ньсе фсё бы́ло на вёслах. О́спа быl, скаplати́н быl.* Клч.

4. *Не́сколько рас биlá у враце́й, кода́ опера́цийу délalu, не́скоlько рас lека́рство не поlозу́lu, кото́ройе умертвля́йет* <о наркозе>. Квр. *Йа нигде́ не былá, да́же в го́роде ни ра́зу ни былá.* Квр.

Составители БТС выделяют в этом значении оттенок «прибывать или отбывать в соответствии с расписанием, маршрутом и т. п. (о транспорте)», что представлено и в говорах:

Йэ́сли бу́дет маси́на ф Ковра́не, то прийэ́дет <сын в гости>. Квр.

БТС выделяет значение «наступать (о времени суток, года)» и его оттенок «находиться в каком-л. возрасте, исполняться, отмечаться (о дате со дня рождения, основания, появления кого-, чего-л.)» [1, с. 107–108]. В говорах глагол *быть* отмечен в оттенке этого значения:

// *После́дний рас оцца́ взя́ли ф сороково́м году́, кода́ не́ biло мне йэщё и четырёх lет.* Квр. *Бра́ту бу́дет во́семьдесят, а систре́ в э́том году́ бу́дет девяно́сто оди́н.* Млк. *Она́ за бара́ском ходи́lа, босико́м, йей бу́lо девяно́сто lет.* Крк.

В системе диалекта зарегистрировано и другое значение, отмеченное в БТС, — «Являться кем-, чем-л., представлять собой кого-, что-л.»:

Не син он бу́дет, дет он йему́. Тгл. *Ми фсе вот камцяда́лы тут, у ма́ми ате́ц быl камцида́l, и дет, фсе камцяда́лы би́lu.* Сбл. *В войну́ труди́lись, ребяти́шкой бы́lu. Шоба́ки тра́ншпорт би́lu. Они́ са́мыйэ лу́ццийэ рабо́тники тода́ би́lu.* Квр.

В говорах камчадалов развивается собственно диалектный оттенок этого значения:

// (с предлогом *за*) Являться кем-, чем-л. вместо кого-, чего-л.:

Собáчька и лóшать за машúну бы́lu, oléни тóже, грус рáзный и lec на них возúlu, óчень трýдно бúlo дáже. Квр. *У нас дéрево гнилóйэ бы́ло за мя́со, лебедá каг йáгода бы́ло. Ночь за день былá, поспúш два чясá, три и фсё.* Млк.

В диссертационном исследовании О. В. Шаталовой называется еще одно значение глагола *быть*, функционирующего в ЛЯ, — «Создаваться, открываться, появляться» и оттенок этого значения «Появляться на свет» [13, с. 52]. Глаголу *быть*, функционирующему в говорах, также свойственно это значение и оттенок:

Вы́жарки убрáть, в э́том жирý жáрите мукý, бýдет цвет, как хлеп. И фторóй пластúнкой взять и закры́ть, бýдет цéлайа ры́бина и в духóфке запекáть. Млк. *Жúрник, штоп свет бы́l, délalu так.* Квр. *На слéдуйущий гот хозя́йство мóжэт, бýдет, заведý чю́шэк, курéй.* Квр. <Рыбу с приправами> *перемня́ть рукáми — бýдет telьнó.* Нкл. *Сýку дерз^{ж}álu, она ос^{ш}енúца, кутёнки бы́lu.* Клч.

Глагол *быть* в говоре имеет и собственно диалектные значения:

1) «Доставаться»:

Ры́бу фсю изловúли, а цéрез гот ры́бы и нам не бýдет. Млк.

2) «Функционировать»:

Не ходúla, глáс-то нé бы́lo. Млк. *Пóмню, немнóго kolхóс здесь бы́l.* Клч.

Таким образом, глагол *быть*, функционирующий в говорах и в ЛЯ, имеет разную семантическую структуру (8 : 6): в говорах он включает все значения, свойственные этому глаголу в ЛЯ, плюс собственно диалектные оттенки этих значений и собственно диалектные значения. При совпадении значения может наблюдаться иная лексическая сочетаемость.

В «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой даны следующие значения глагола ***бывать*** [11, т. 1, с. 129]:

1. Случаться, происходить. 2. Время от времени приходить, приезжать куда-л., посещать кого-, что-л. 3. Быть, существовать; иметься, попадаться, встречаться порою, иногда. 4. Употребляться в значении связки между подлежащим и именной частью сказуемого.

Семантическая структура глагола *бывать* в говорах камчадалов включает следующие значения, свойственные этому глаголу в ЛЯ [5]:

1. *А инóй раз бывáло у сóболя, што он одгрызáл не ту лáпу, за котóруйу попáл, а другýйу, то ли од злóсти, то ли йещё, но одгрызáл, бы́ли такúйе слýчаи. Когдá цветёт* <ирис>, *у нийó корóбочка и семенá в ней, мы йэ́ли в дéцтве и ничё не бывálo. Закóнчили мы э́ту* <школу>, *как э́то бывáйэт обы́чно, и срáзу пошлú рабóтать. Кухля́нки адивáли, кадá зимóй пáпа йэ́дит на охóту или кадá пургá бывáйэт, обивáли. Стáвица вдоль, а не поперёк, потомý што выбрáсывайет йэвó* <зверя>, *нóшку выбрасы́вайэт, капкáн щёлкнет, и бывáйэт пролóф.* Млк. *Бывáйэт толчькú небольшы́йэ.* Кзр. *Иногдá léтом зáмороски, картóшку убивáйэт. Зимóй пýрги сúlьныйэ бывáйут. Щас нет лéтом ничевó, хólодно, а бывáйэт в однóй кóфточьке хóдишь.* Квр. *Вот слýцайи исё какú бывáйут.* Клч. *Дивúсник у невéсты бывáйэт вéциром.* Кмн.

2. *Человéку нéчево там дéлать, никтó там не бывáл ф ту пóру, медвéди тóлько лáзят, это щас по рéкам лáзят, ры́бу лóвят. Вúтька не присól, то бувáит, то опя́ть скólько врéмя нет.* Сбл. *Тут веть ф кýхне и кóшки бывáйут, шарáхайуца, лáзайут.* Прт. *У сáмки-то рок не бывáйэт, у лосúхи, у лосúх рогóф не бывáйэт никогдá. Их помнóгу ложáца, чя́сто матýха с пацанáми, медвежáтами, бывáйэт три-четы́ре, матýха, допýстим, с пистунáми, у них жэ бывáйэт до трёх пацанóф. Онú обы́чьно алáсы длúнныйе, где бывáйут увáлы, а мéжду увáлами чúстыйэ местá, поля́ны, зарóшшыйэ кустáрником, хорéмовый áлас. На пáлец жы́ру бывáйэт у йáгодново мидвéдя. Йэ́сли мáленький дóмик, одúн окнó бывáйэт, йэ́сли побóлыиэ, два-три. Нахóдят большóй тóполь, хорóшый, без гнúли, спецáльно хóдят тóпольники, выúскивайут, он жэ обы́чьно, там наверхý бывáйэт сучёк какóй-нибуть, и он начинáйет гнить и фсё. Фся́кийе бáйки бывáйут. Морóшки инóй рас уро-*

---

[5] В говорах камчадалов, как и в ЛЯ [1, с. 106] широко распространены случаи перехода глагола *бывать* во вводные слова со значением «случается, иногда» или «прежде случалось»: *Рúба стоúт, оддыхáйет. Ткнул йейó мáриком — попál, бывáйет, промáжэм.* Прт. *Бывáйэт, как приморóзит, так и не срáзу оцьнёсся. Бывáйэт, хлéба не хватáйэт ф тайгé. Бывáйэт, ф тайгý йэ́деш, подымеца одúн, засы́пal меня́ снéгом.* Клч. *Бывáйут, баты́ переворáчивались, это говоря́т «опрýжить бат в водé».* Квр. *Да жэ, бывáйэт, придýт убóрку здéлайут. Вы́кидыши бы́ли, бывáло, тяжóлойэ носúли, бывáло, слáбый органúзм, вы́кидыши получáлись. Упря́шка двенáцать штук собáк, до товó догоня́йут, бывáйут, што свáливайэмся. Ворóны, орлы́, бывáйут, собирáйуца на убóине на э́той* <место, где убивают зверей, разделывают тушу>, *э́то жэ мéсто воня́йэт, требухá, крофь там.* Млк. На подобные явления, только уже по отношению к глаголу *быть*, указывает М. А. Казазаева, при этом автор поясняет, что глагол *быть* в диалектных системах характеризуется более широким спектром функционально-семантических потенций [3, с. 41–42].

жа́й быва́йэт ф ту́ндре, моро́шку собира́йут, варе́ньйэ ва́рят с ней. Лес быва́йэт сплошно́й, а быва́йэт перешéйки, переле́ски, перебега́йэт из одново́ учя́стка в друго́й <соболь>, *бежы́т обы́чьно по́дле кро́мки ле́са. Быва́йэт шы́шечьный медве́ть, жыр аш та́йэт, ма́слом сласти́т, но горчи́т. Збе́шка — со́боль быва́йэт, а вот кара́сь ужэ́ расплоди́лся, везде́ йэсть. О́вода мно́го быва́йэт.* Млк. *Ф cláнце быва́йэт, ф камня́х* <о соболе>. Прт. *Шатуно́ф почти́ не быва́йэт.* Квр.

// Расти, произрастать (о растениях):

Быва́йэт ряби́на за реко́й, медве́ди хо́дят. Квр. *Наро́сты быва́йут в лесу́ употребля́йут вро́де ча́йа. Ряби́ны мно́го быва́йэт, жы́molости мно́го. Квр. Грибы́ фся́кийе тут быва́йут.* Клч. *Листвя́к начнёца, листвя́к сплошно́й и ёлка, грибо́ф-то у́йма быва́йэт. Быва́йэт ле́то холо́днойэ, йа́гот не быва́йэт, жы́ру не нако́пит и фсё* <о медведе>. *Йэйо́ мо́жно уже́ брать жи́молость, она́ бли́ско быва́ит. Ну она́ ка́ждый гот быва́йэт, бойа́рка.* Млк.

// Получиться, появиться, возникнуть, образоваться:

Не на ка́ждом песке́ тоня́ быва́йэт, на не́которых не стои́т ры́ба. Ле́том поля́ны, и зимо́й дли́нныйэ а́ласы быва́йут. Млк. *В большево́дьйа ylова́ быва́йут.* Прт. *Быва́йут йа́мы у ста́рых рек, там де́ржица вода́.* Пмт.

// Находиться где-л. какое-л. время:

Шы́пко гря́зно, йа фсё вре́мя на у́лице быва́йу. Ле́то-то они́ на ры́бе <медведи>, *пато́м ряби́на спева́йэт, на ряби́не быва́йут, и так и называ́йэца он, йа́годный медве́ть. Йа сяс здесь быва́йу де́нь-то.* Млк.

В ЛЯ глагол *бывать* отмечен как многократный к глаголу *быть*, поскольку обозначает «действие или состояние, повторяющееся постоянно, часто или изредка» [1, с. 106]. В говорах камчадалов часто глаголы *быть* и *бывать* не различаются по признаку кратности, так как *бывать* может не иметь оттенок многократности в значении, сема «время от времени, иногда» часто оказывается неактуальной для говоров:

Со́ли не хвата́йэт, на́до сосльы́к жа́рить, там фсегда́ со́ль быва́йэт. Клч. *Кор́ыто, си́ты быва́йут.* Квр. *Испо́дни йу́пки быва́lu, ис си́цца то́жэ де́лали, што у тибя́ сёдня, распусти́ла, испо́дницу вида́ть си́льно. Ра́ньшэ на у́лице почьти́ у фсех пе́чьки быва́ли. Корьё — это пласти́ны быва́йут, и ра́ньше да́жэ дома́ кры́lu таки́м. Ужэ́ га́льки не быва́йэт, а ка́мни, валуны́ таки́йе, кро́шку найдёт и там пищи́нки, ме́чет икру́. У миня́ никогда́ не быва́ло просты́х воло́с* <прямых>. *Кета́ идёт, вода́ ма́ленькайа быва́йэт, вода́ спада́йэт. Мики́жа ниристо́вайа, када́ икра́ быва́йэт.* Млк. *У нас тро́ица быва́la, ходи́lu, molи́lись.* У-К. *Э́ту пробежа́л рас, вот бежы́т, друго́й рас, выбега́йэт на пе́рвый слет, э́тот учя́сток быва́йэт тро́пка, наби́тайа, на збе́шке стара́йуца ста́вить капка́н.* Млк. *Друго́й рас в бэрlо́ги чэты́ри быва́йэт мэдве́дя, и фсе одина́ковы. Толку́шы ра́зных ви́доф быва́йут.* Сбл. *Висно́й на́сты быва́l, снек потта́йэт, моро́зом скуйо́т, йэ́диш по на́сту. Быка́ жи́рново, на ladóнь са́la быва́йэт.* Сбл. *Ци́рьи, нари́ви бива́ли, зы́лкой постели́, кусо́чки ко́зы с мулóм и прило́зис и завя́зыс.* Кмн. *Да зимы́ фся́кийэ быва́йут.* Клч. *Ста́рой бэрlо́к быва́йит.* Сбл. *Ле́том мно́го ры́бы быва́йэт, фся́кий зверь мно́го быва́йэт.* Квр.

/ В безличном употреблении:

Сва́рят трепущи́ну <еще живую, трепещущую рыбу>, *быва́йэт фку́сно.* Сбл. *Быва́йэт, што медве́ди выхо́дят из берло́ги ра́ньшэ поло́жэнново вре́мени, они́ в ма́йэ выхо́дят, а то выхо́дят среди́ зимы́, жы́ру накопи́л ма́ло, ра́но просыпа́йэца, начина́йэт выходи́ть, снача́ла о́коло бирло́ги тут ла́зит, а пото́м идёт ужэ́ да́льшэ иска́ть по ре́чькам ме́сто.* Млк.

В говорах камчадалов может наблюдаться и не свойственная этому общерусскому глаголу в ЛЯ лексическая сочетаемость:

Висно́й ана́ <утка> *беспоря́дочьно быва́йэт, лита́йэт ф тиче́нийе фсево́ дня́.* Млк. *Сне́га потходя́ще быва́йет.* Клч.

В системе диалекта развиваются следующие собственно диалектные оттенки этого значения:

// Обитать, водиться где-л. (о животных):

В зе́млю то́жэ зака́пываийэца <соболь>, *ко́чька кака́йа-нибуть, вы́воротень-пень, да́жэ под лёт захо́дит зимо́й, вода́ вы́мерзнет, и он в э́тих пусто́тах, там и жывёт, осо́бенно под бе́регом, там йево́ не добу́дет, там быва́йут грызуны́, и в леса́ то́жэ захо́дит. Да не быва́йет тут* <волка>, *йа йево́ на ви́т-то не ви́дел, но следы́ попада́лись, йе́сли па́ра заведёца, уро́ну наго́нит. Горноста́й, по-на́шэму горно́к, он везде́ быва́йэт и ф куста́рнике и в лесу́, везде́, по опу́шкам, ф ту́ндрах мно́го горноста́йа, там йа́годы, мыш, бо́льно фсево́ быва́йет ф ту́ндре. А вот внук там ло́вит да́жэ саза́на, за Ключя́ми, он тако́й све́тлый, как кара́сь, он там, здесь йево́ на ри́бу наме́чешь, ну фсево́ там нало́зиш, lук, це там быва́йэт, пе́рцик, со́льцик, ну, как на котле́ты. Когда́ ду́йет се́верный си́льный ве́тер, из переметённово сне́га образу́йэца мно́го ме́лких бугорко́ф, и ту́ндра ка́жеца волни́стой, на соба́ках йе́здить быва́ло пло́хо.* Сбл.

4. Именная часть — сравнительный оборот:

А ки́бар — это вопще́ тако́й ужэ́ пя́тнами, хвост жо́лтый, почьти́ бе́лый, это ки́бар, кибарёнок, пря́мо све́рху как мох быва́йэт. Она́ <шкура> *лёхкайа. йейо́ фсю одде́лайут скре́пками, она́ фсё равно́ тря́поцька быва́йэт и так шйут, чё хо́чеш, то и зашйо́ш. Она́ кори́чневово тако́во цве́та, как марганцо́фка быва́йет, така́йа и ольхо́вника быва́йэт, ржа́фчина не де́йствуйэт, вот э́та, вот ольхо́вника, та де́лайэт.* Млк.

● Именная часть — прилагательное:

Хýус — это прони́зывайущий тако́й ве́тер, быва́йэт коро́ткий обы́чьно, но вре́мя тако́йэ прони́зывайущейэ, обы́чьно предýтренний быва́йэт. Саранý бра́ли чёрнуйу, у кото́рой цвето́к чёрный, кра́сный быва́йэт, завёрнутый. Медве́ди-то ры́женькийе быва́йут, то бýсенькийэ. У ниво́ подо́швы быва́йут го́лыйэ, у ниво́, у со́боля, как у за́йца обраста́йут. Она́ болта́йэца на нём <на крюке>, *до́лго жыва́йа быва́йэт. Тот раз взя́ли, до́лго пи́ли* <малкинскую>, *она́ ино́й рас нефкýснайа быва́йэт. За хвост берёш, поднима́йэш, колотýшкой и в бат кида́йэш, друга́йа быва́йэт мёртвайа, задо́хнеца. Пото́м нис вот э́тот, нис быва́йэт све́рху ро́вный, йево́ нажмýт тýда́, тече́нийем захва́тит, и они́ вот так фстайýт. Он lадо́м,тýго найэ́сца, зы́рный, спра́вны выхо́дит из берло́ги, а другú, пра́вда, сухú быва́йут.* Млк. *День быва́йэт па́смурный, ва́лит снек.* Сбл. *Вот тако́й толкýша, быва́йэт бэ́lой-бэ́lой.* Квр. *Жэ́нщина здоро́фшэ быва́йэт, когда́ рожа́йэт, рас поло́жэно, так поло́жэно.* Млк.

● Именная часть — существительное:

Когда́ непого́да, ве́тер быва́йэт полудёнка, он крýтит со всех сторо́н, то в однý сто́рону подýйэт, то в другýйу, не односторо́нний, со фсех сторо́н, когда́ лома́йэца пого́да, то дощь, то снек. Млк.

● Именная часть — и существительное, и прилагательное:

Соба́ки ра́зныйэ бива́ли, наприме́р, передови́к. Квр. *А на́рты фся́кийэ быва́йут: грузовы́йэ, дро́вни, lехкавы́йэ, кутарга́.* Пмт.

● Именная часть — числительное с предлогом:

Да́жэ пшэни́ца росла́, а зимо́й холода́ за со́рок тогда́ быва́йэт.

В говорах камчадалов глагол *бывать* может употребляться не только как глагол-связка, выражающая только модально-временные значения, но и как глагол, вносящий, помимо модально-временных, дополнительный оттенок в лексическое значение сказуемого. При этом глагол *бывать* в говорах приближается по значению к глаголам *становиться*, *делаться*:

Пото́м мнут скýры, они мна́хкы быва́йут. Кмн. *Кlадёш вода́ кипячёна, крýтит, бе́lou быва́йэт.* Крк. *Вот тако́й толкýша быва́йет бэ́lой, бэ́lой.* Квр.

Таким образом, глагол *бывать*, функционирующий в говорах и в ЛЯ, имеет равную семантическую структуру (4 : 4): в говорах он включает все значения, свойственные этому глаголу в ЛЯ, плюс собственно диалектные оттенки этих значений. Кроме того, употребляясь в качестве глагола-связки, глагол *бывать* может приближаться по значению к глаголам *становиться*, *делаться*.

Глагол ***расти́*** имеет в ЛЯ следующие значения [11, с. 673]:

1. (сов. вырасти). В результате жизненного процесса увеличиваться, становиться больше, выше, длиннее и т. п. (о человеке, животном, растении и т. п.) // Становиться взрослым, достигать зрелого возраста // Проводить где-л., в каких-л. условиях свое детство, ранние годы // Быть каким-л. в детстве, ранние годы своей жизни. 2. (сов. вырасти). Увеличиваться количественно, в размерах, в объеме // <сов. нет> Приобретать большую силу, крепость; усиливаться // (сов. нет). Становиться сильнее в своем проявлении (о чувстве, свойстве, состоянии и т. п.). 3. перен. Совершенствоваться, развиваться. 4. Иметь распространение где-л. (об отдельных видах растений, породах деревьев); произрастать // Быть, находиться где-л. (о растениях).

Семантическая структура глагола *расти* в говорах камчадалов включает следующие значения, свойственные этому глаголу в ЛЯ:

1. Субъект — млекопитающее (или отдельные органы млекопитающего):

Сеча́с у миня́ чю́шка растёт, а каба́н здох. Кзр. *Торбаза́ коро́тки, потши́ты нечёткой, што пот копи́тами у оlе́ня растёт.* Слт.

● Субъект — рыба (или отдельные органы рыбы):

<О рыбе> *растёт, гот растёт, у ней зýбы растýт, вот така́йа де́лайеца гарба́тайа, ни то́лько гарбýша, и кра́сница тожэ. Йесть ме́лкийэ места́, где ани́ растýт, ко́рмяца, растýт, ры́пка-та ме́лкайа, лю́бит ти́хийэ места́.* Млк.

● Субъект-растение:

На материке́ игурцы́ растýт хоро́шийэ. У-Б. *Кипре́й растёт на зимлú, высо́кий, пол челове́ческово ро́ста растёт. Цэхо́ха растёт, ýзенька, сlа́ткайа, как са́хар, кореsóк, а тра́фка зо́lтайа.* Кзр. *Не фчистýйу поло́ли, то́лько што растёт. Морко́вник как пучькú, большы́йэ растýт. Морко́фь родила́сь, а мы цё, клúмат жа́ркий был, йачьме́нь да́жэ, росла́ пшыни́ца, овёс не выспива́л. Ни вúdеl, как хлеп роштёт, на де́риви или на куштáх.* У-К. *Саморо́дно де́рэво, стоúт оно, никудá, ми говорúм, саморо́дно де́рэво, кото́ро ростёт, хоть како де́рво, а отрýбят йево́, оно узе́ не саморо́дно.* Слт. *Бо́льше растёт карто́шки, тут мо́жно сё посадúть.* Квр.

В говорах камчадалов глагол *расти* в этом значении может иметь иную лексическую сочетаемость. Это выражается в несвойственном этому глаголу в ЛЯ сочетании с субъектами *зерно*, *грядки*, *поля*:

Мно́го зерна́ выра́сивать ста́ли, зерно́ расло́ харасо́. Тут гря́тки с цвета́ми растýт. Клч. *Поля́ росли́, пе́рвый мо́стик — Мякúжа.* Прт.

Кроме того, в говорах камчадалов встречается и необычное для ЛЯ сочетание глагола *расти* с характеризатором действия:

Кипре́й трава́ то́ненько растёт. Млк. // *Малышы́ расту́т, фсё по-но́вому но́шут, пиза́ми про́сют, бру́ки дай и́мя.* Крк. // *Йа рос у де́да, мать померла́.* Пмт. *Ра́ньсе росли́ не так, как сейца́с, ра́зница bolса́йа.* Прт.

В системе диалекта у глагола *быть* в этом оттенке значения актуализируются не только семы «детство», «ранние годы», но и «молодость, юность»:

1. *Вы́шlа вза́муш, жила́, рослá nlóхо, не видála, как мóлодось прошлá.* У-К. // *А босиком нельзя́ бы́lo, йа парни́шкой рос, неlьзя́ бы́lo ходи́ть.* Клч.

2. *Рос kolхóс, хорошó подня́lи kolхóс, зы́lи богáто, хорóшо, дéва.* Млк.

3. *Мишыни́ну, так называ́lся табáк, смéшаный с nénlom од гри́ба, котóрый на дéреве растёт.* Пмт. *А саранá былá, таки́йэ вездé растёт.* Квр. *Мали́на рослá ди́кайа, а сморóдина завезли́ ф трицáтых годáх. Саранá кóрень, растёт на alácах. Даlёка на alác сорона́ ростёт, чи́стом мéсте.* Клч. *Где бирёзник, там э́тот грип растёт. Рослá чёрнайа берёза — камену́шка.* У-Б. *Пáпоротник сйэдóбный, растёт в боровóм мéсте, э́та берёзник, высóкийэ местá, где берёзы расту́т. Тальникóвыйэ опя́та, расту́т на тальникé, йэ́сть мéсто за Камцáткой, где растёт ди́кий лук. Кедрáц растёт по поднóзю гор. Грибы́ не знáли, спокóн векóф расту́т, но мы не знáли. Морóшка хорóшайа, на bolóтах тóжэ растёт. Шэломáйник растёт ф глухи́х местáх, а э́тот* <чингач> *вездé, йевó растирáйэш, он пáхнет огурцáми. Ши́кша растёт на кедрóвой, морóшка растёт, скóро фсё вы́рвут.* Млк. *Витlá ростёт.* Сбл.

К. М. Браславец пишет о сочетании глагола *расти* с существительным *пол* [10, с. 135]:

На полу / по полу / расти. О ягодах травянистых растений. — Чиромуха, ребина — это роштут на диревйах. Жимолош — на куштах. А эти на полу: шикша, клюква, брушниця. И ждёш потом / после извержения вулкана / три года не було ягоды, котора на полу роштёт. А эти на полу ит': шикша, брушника. Эти на, по полу роштут. Е. // Рябúна растёт, где ры́бну бáзу стрóйут. Фсе, котóрыйе растёт, собирálи: жы́молость, брусни́ки, церёмуха, рябúна. Реди́ска прям в грýнте растёт и моркóфь, calát. Шеló, конéшно, краси́во Сóпоцьнойэ, фся́ки йáгоды растýт, вóздух хорóш, ры́ба кипи́т. Квр. Сурéпец растёт в огорóде. Клч. А на ней растёт черемóшина, это на черемóшине растёт йáгода церёмуха. Березни́к — чи́сто оди́н берёзы растёт. Березни́к — место, где берёзы растýт. Под бирёзами трáфка рослá. Млк. Книжни́ка — зимляни́ка по-материкóфски, на листóчьки растёт, два сантимéтра стебелёчок. У-К.

Глагол *расти* имеет в говорах и собственно диалектное значение «Вызревать, выспевать»:

Не софсéм пóлностьйу рослá кукурýза. Млк.

Таким образом, семантическая структура глагола *расти*, функционирующего в говорах и в ЛЯ, имеет равное количество значений (4 : 4), при этом включает в говорах часть значений, свойственных этому глаголу в ЛЯ, плюс собственно диалектное значение. При совпадении значения наблюдается иная лексическая сочетаемость или актуализация других сем.

Глагол ***ночевáть*** имеет в ЛЯ значение [11, т. 2, с. 511–512]:

Проспать (спать) ночь где-л.; расположиться (располагаться) где-л. для сна.

Глагол в этом значении функционирует и в говорах:

Становьйó, это где ночýйем на охóте, Кири́ллово становьйó. И так йа у йэй ноцивála. Сбл. *Ночевáл ф прилýки, прилýк — глубóкойэ мéсто, в изви́лине реки́.* Кзр. *Камчядáлы ночевáть домóй не пускáли, бойáлись, што сурóчят их детéй.* Нкл.

Таким образом, семантическая структура глагола *ночевать*, функционирующего в говорах и в ЛЯ, имеет равное количество значений (1 : 1): в говорах она включает значения, свойственные этому глаголу в ЛЯ.

Глагол ***тели́ться*** имеет в ЛЯ значение [11, т. 3, с. 349]:

Рождать теленка (о корове, а также самке оленя, лося и некоторых других животных).

С этим же значением глагол функционирует и в говорах:

Корóва тélитша, нáдо йэйó подои́ть хорошó. Сбл. *Дóйка-то, йэ́сли рожáйут карóвы тéляца, то разóф пять-шесть. Не тéлица корóва, эту не держáли.* Млк.

Таким образом, семантическая структура глагола *телиться*, функционирующего в говорах и в ЛЯ, имеет равное количество значений (1 : 1): в говорах она включает значения, свойственные этому глаголу в ЛЯ.

Глагол ***роди́ть*** имеет в ЛЯ следующие значения [11, т. 3, с. 724, 726]:

1. (несов. также рождать и разг. рожать). Перех и без доп. Дать (давать) жизнь кому-л. путем родов, произвести (производить) на свет подобных себе // перех. Дать (давать) жизнь кому-л. // (только в форме прич. страд, прош.). Быть предназначенным, созданным для чего-л., обладать от рождения каким-л. свойством. 2. (несов. также рождать) перен.; перех. Дать (давать) начало чему-л., создать (создавать), послужить (служить) причиной появления чего-л. 3. (несов. также рожать) перех. и без доп. Разг. Принести (приносить) плоды, дать (давать) урожай (о почве, растении).

Семантическая структура глагола *родить* в говорах камчадалов включает следующие значения, свойственные этому глаголу в ЛЯ:

1. *Щас она прийэ́хаlа сюда́, бере́менна былá, здесь рожálа, здесь родиlá.* Млк. *Йа рожу́ ра́ньсе, йа узе́ в неде́лю хожу́ по́лностью, фсе рабо́тайу: и со ското́м, и те́сто ка́ждый день. Цуть на у́лицэ не родиlá, йа ко́йэ-как добезálа, йа тут на ко́йке и родиlá. Всех до́ма йа розálа. Йа така моlодá и узо́ перестálа дете́й розáть. Йа одна́ розálа без никаво́, пока́ уйду́т за повевálкой, йа и розу́ одна́.* Клч. *Зена́ сы́на родиlá. У нас вну́чка йесть, родила́ опе́ть.* Сбл. *Йа родиlá двена́цать чеlове́к, вы́растиlа ше́стеро.* Квр.

В сочетании с субъектом, называющим самку крупного рогатого скота, глагол *родить* имеет дополнительный оттенок «телиться», о чем пишет К. М. Браславец:

Теперь трудно ей родить. / Здесь не говорят — «телиться», говорят — родить /. — Родила мертвого олененка, такого же белого, как сама. Косыгин Вл. Оленуха Машка. — «Камчатская правда», 29 июня, 1969 [10, с. 150].

Коро́ва сте́льнайа былá, да́ли траву́, йейо́ ста́ло дуть, на́до пробе́жать йейо́ и родилá. Млк.

// *Зауго́льник* <ребенок вне брака>, *ра́ньсэ не́ быlо, щас дефцёнки рожáйут в одино́цьку. Свёкор-то скажэт: это ласково, заугольницек.* Млк. // 2. —

3. Земля́ хоро́шайа, сама́ роди́т. Млк.

Таким образом, семантическая структура глагола *родить*, функционирующего в говорах и в ЛЯ, имеет разное количество значений (2 : 3): в говорах она включает часть значений, свойственных этому глаголу в ЛЯ, плюс собственно диалектный оттенок значения.

Глагол ***плоди́ть*** имеет в ЛЯ следующие значения [11, т. 3, с. 142]:

1. (сов. расплодить). Размножать, разводить (животных, растения). // (сов. наплодить). Разг. Производить на свет многочисленное потомство. 2. перен. Способствовать появлению, зарождению чего-л.; порождать.

Семантическая структура глагола *плодить* в говорах камчадалов включает следующие значения, свойственные этому глаголу в ЛЯ:

1. — // *Мо́жэт он сам там роди́лся в э́том за́пуске, э́то йэйо́ гнездо́, он таи плоди́т зверько́ф свои́х.* Млк. (сема «многочисленное» неактуальна).

2. —.

Семантическая структура глагола *плоди́ть*, функционирующего в говорах, у́же, чем у идентичного по форме выражения глагола в ЛЯ (1 : 2): она включает часть значений, свойственных этому глаголу в ЛЯ.

Глагол ***сиде́ть*** имеет в ЛЯ следующие значения [11, т. 4, с. 90]:

1. Занимать положение, при котором туловище поддерживается вертикально, опираясь на ягодицы. / С обстоятельственными словами, указывающими на характер, особенности такого положения. // Находиться на чём-л., на какой-л. поверхности, не передвигаясь, не перемещаясь (о птицах, насекомых). // Быть, иметься на какой-л. поверхности, где-л. (о пятне, бородавке и т. п.). 2. обычно за чем, на чем, над чем. Делать что-л., заниматься чем- л., находясь в таком положении. // кем. Разг. Занимать какое-л. место, должность, служить кем-л. 3. Находиться в состоянии бездеятельности или покоя, отдыха. // Находиться где-л. с целью отдыха, развлечения и т. п. 4. Находиться где-л. длительное время. // (со словами: «на земле», «на месте» и т. п.). Вести постоянную, оседлую жизнь или хозяйствовать где-л. 5. (обычно со словами: «в тюрьме», «под арестом», «на гаупвахте» и т. п.). Находиться в заключении, быть лишенным свободы или возможности свободного передвижения. 6. на чем. Быть вынужденным следовать какому-л. режиму, ограничиваться чем-л. // без чего. Разг. Не иметь чего-л. 7. Быть помещенным куда-л. (для обработки). 8. Быть расположенным каким-л. образом, где-л. // перен. Находиться, глубоко таиться в ком-, чём-л.; корениться. 9. Иметь ту или иную осадку (о судне). 10. Будучи надетым, располагаться на фигуре (или частях тела) тем или иным образом.

Семантическая структура глагола *сидеть* в говорах камчадалов включает следующие значения, свойственные этому глаголу в ЛЯ [6]:

1. *Вот ся́дем на дно, поште́лем цё-нибуть, сиди́м и пlывём и ницё, не стра́сно.* Сбл. *Прила́вок, перет амба́ром до́ски, на них сиде́ли. Медве́ть у доро́ги сиди́т, чёрный, ста́ли догоня́ть. Мидве́ть на бирёзе сиди́т и ворчи́т на миня́, каг глуха́рь. Са́ни, там сиде́ньйэ сиде́ть, тут ку́чер. Када́ перешли́* <переехали>, *сиде́ть бы́ло не́где, так на них и сиде́ли* <на вениках> *заме́сто сту́ла. Э́то руба́нок-двухру́чьник, дво́йе сидя́т, до́ски де́лайут, оди́н с той стороны́ сиди́т, друго́й здесь че́шэт. Йа сиде́ть до́лго не могу́, внату́к, внапря́к.* Млк. *Ме́троф сто от нас медве́ть на за́днице сиди́т. Ми игра́lи ф пе́нки, тут сиди́т оди́н, и де́вуски ф круске́ ся́дут.* Клч. *Поп сиди́т и щипа́йэт меня́, вот ы поп.* Крк. *Внутри́* <бата> *скаме́йэчьку де́lат, штоп сиде́ть удо́бно бы́lо.* Квр.

В говорах камчадалов глагол *сиде́ть* в этом значении может необычные для ЛЯ сочетания с наречиями:

А йа́-то сижу́ шы́ре фсех, йа хозя́йка, фсё ме́сто занима́йу <одна на стороне стола>. Млк. / *Сидеть на кукорках — сидеть на ко́рточьках.* Эсс.

---

[6] В БТС дана более удачная, на наш взгляд, формулировка этого значения: «Находиться в вертикальном положении, при котором туловище опирается на что-л. своей нижней частью, а ноги (лапы) согнуты или вытянуты; занимать место для сидения где-л.» [1, с. 1183].

Глагол в этом оттенке значения в говорах имеет иную лексическую сочетаемость, поскольку субъектами выступают не только птицы, насекомые, но и животные вообще. Кроме того, для системы диалекта оказывается актуальной сема «не двигаясь, не перемещаясь», сема «на поверхности» может быть утрачена:

Глуха́рь, куропа́тка сиди́т в лу́нках, ф снегу́ сиди́т, заро́йэца. Прт. *Йэ́сли пти́ца кру́жит, обяза́тельно йэвра́шка сиди́т.* Млк. *А то соба́ки нагóнят, мэдве́ть на де́рово поды́мица, там ы сыди́т.* Сбл. // —

По замечанию Е. В. Рахилиной, для семантики глагола *сидеть* характерны семы «фиксированное положение» или «фиксированное, неизменно неподвижное состояние» [8, с. 75]. Эти составляющие определяет развитие в говорах камчадалов следующих собственно диалектных оттенков первого значения:

// охот. Находиться в капкане (о животных):

А лиси́ца та до́лго сиди́т ф капка́не, терпели́вайа, но то́жэ одгрыза́йэца, одгрыза́йэт почему́, потому́ што когда́ попадёт, отмирза́йэт, фсё, она́ ужэ́ не чю́фствуйэт, нога́-то отмёрзла, она́ йейо́ не чю́фствуйэт, она́ йейо́ одгрыза́йэт. Млк.

// с/х. Высиживать яйца (о птицах):

Насе́тка па́рит — на йа́йца сади́ца, штоп цыпля́т вы́вести. Сиди́т на йайцэ́ два́цать оди́н день, фста́нет, поку́шайэт и опя́ть сади́ца. Смотрю́, а там йа́йчек ужэ́ семь, смотрю́, голо́фка се́ренькайа сиди́т, ну, зна́чит, на́несла. Млк.

2. *Кайуки́ — ма́ленькийэ lо́тки, оди́н сиди́т и гребёт. Кмн. Ра́ньсэ сиде́lи над зы́рниками, огонёк, он ско́ваной, вро́де поворёски.* Кзр. *У нейо́ ш там* <у коровы> *сиди́ш, компре́ссы klя́lя.* Клч. *Вот сиди́т* <внук> *забавля́йэца со мно́й, бума́шку в ни́тоцьку вдива́йэт.* Клч. *Йейо́* <шкуру> *на́до обде́лать, смять, э́то жэ́нщины сиде́ли, они́ и занима́лись. За мото́ром сиди́т рулево́й, у ниво́ ру́чька. Сидя́т цайу́йут, бабу́льки ша́льйу уку́тайуца и сидя́т цайу́йут. Сиди́т и дёргайет го́льчикоф. И мешо́к вот тако́й насу́шывайут и зимо́й сидя́т, грызу́т э́ти лепёшки* <из черемухи>. Млк. // *Телефо́н у нас был оди́н, а где бы́ло правле́нийэ, там специа́льно сиде́л челове́к, а так, по дома́м нет, не́ было. Мла́тшайа з дети́шками сиде́ла.* Млк.

3. *Ф шестьдеся́т тре́тем году́ пушни́ну здава́lи ф kolхо́с, штоп тут охо́тники не сиде́lи.* Квр. *Чи́стайа, све́тлайа вода́, на́до не болтыха́ца, а так сиде́ть. Дет мину́ты не мо́жэт сиде́ть, щас, ви́диш, ку́хню хочю́ де́лать. Дневá́ть — это зна́чит находи́ца на одно́м ме́сте охо́тнику, был снек, сиде́ть на одно́м ме́сте, быть на стойа́нке, в избу́шке сиде́ли, никуда́ не ходи́ли на охо́ту. Се́ли чяйэва́ть, она́* <собака> *бли́ско не подойдёт, ф стороне́ фсё вре́мя сиди́т, фсё, не дай бох кото́райа, йейо́ туд жэ нака́зывайут.* Млк. // *Molодёс во́тку не пи́ли, самова́р, цяй. Bécelo сидя́т, цайу́йут.* Тгл.

4. *Йу́ля до́ма с Валю́шкой сиди́т, ста́ли ф са́дик води́ть, боле́ть чя́ще ста́ла. Йэ́сли йа бу́ду сиде́ть на да́нный моме́нт, вот йа, сиде́ть фшо вре́мя до́ма йа не смогу́, чёкнуца мо́жно.* Млк. // —

5. *Говоря́т, йево́ сын уби́l, син сиде́l ф тюрьме́.* Крк. *А йэ́сли ве́тер попу́тной, па́рус ста́вис, ма́цьта йэсь дlя па́руса, дlя бициви́, тогда́ и соба́ки, и лю́ди сидя́т ф карбасу́, так ра́ньшэ и му́чились лю́ди.* Кмн. *А ф капка́не ви́дит сиди́т, фсё, йэво́ добы́чя* <беркута>. *Он* <зверь> *каг бежы́т и залета́йэт ф капка́н, он там сиди́т, голу́пчик. Дава́й поплывём по Камчя́тке, а ана́ бурли́т, кипи́т, и нас пря́мо на коря́гу гоп, вот сиди́м на коря́ге.* Млк.

6. *Зде́лали опера́цыйу, три го́да сиде́ла на дийэ́те.* Млк. // *Быва́ло бес све́та сиде́ли, де́лали слепа́ч.* Млк.

8. *Брат сиди́т* <о фотографии> *то йэсь фотогра́фийа виси́т.* Млк. // —

В данном примере наблюдается не свойственная глаголу *сидеть*, функционирующему в ЛЯ, лексическая сочетаемость, поскольку субъектом является фотография.

Составители БТС выделяют значение «Находиться, пребывать в каком-л. положении, состоянии (обычно неприятном)» [1, с. 1183]. В говорах зафиксированы примеры употребления глагола *сидеть* в данном значении:

В каждом классе по два-по три раза сидел. Млк.

Сидеть / жить / на крючке. Жить, опасаясь грабежа, разбоя. — Ден' и ноц' на крюц'ке шидели. Фшо время зили на крюц'ке. Е. [10, с. 156].

Глагол *сидеть* в говорах имеет и собственно диалектные значения:

1. Расти, произрастать (о растениях):

В земли́цке цвето́цьки сидя́т. Крк. *У миня́ в огоро́де укро́п, морко́ф сиди́т вон там. Йа одну́ гря́тку морко́фки посади́ла, а тут карто́шэчька сиди́т. Тут сиде́л у миня́ куст жи́молости, прижи́лся, а пото́м тля сйэ́ла. Ирга́ сиди́т у миня́, наподо́бийе жи́молости, но фкус друго́й. Оси́на хорошо́ растёт, сиди́т на у́лице, семена́ вида́ть па́дайут, уста́ла выдира́ть. Мно́го сморо́дины сади́ли, мали́ны мно́го сиде́ло. Э́то морко́фка сиди́т, реди́ска, а это кабачки́, там ты́квы. Сире́нь сиди́т, ака́цийа сиди́т.* Млк. *А́стры на у́lице сидя́т. Вот там сиди́т капу́ста.* Клч. *Грибы́ в лесу́ глубоко́ сидя́т.* У-Б.

Это собственно диалектное значение отмечает и К. М. Браславец. Вот, что он указывает в словарной статье, посвященной этому глаголу [10, с. 156]:

Сидеть. Находиться, расти / о ягодах, грибах /. — Клюква котора, на моху шыдит / Ш. /. Апёнки. лисички ф траве сидят / П. /. От нагрибём эту жэмлю, где это батва шыдит / Кихчик /.

2. Находиться в земле, не давая всходы (о растениях):

Фсё равно́ во́время карто́шку посади́ли в ма́йэ, йэ́сли зима́ тёплайа, быстре́йэ взойдёт, а ф холо́днуйу сунь, она́ до́лго бу́дет сиде́ть. Млк.

3. Обитать, водиться:

*Поцему́ со́бо*l *денни́цайэт, он ф тёмном лесу́ сиди́т, в горе́*lке*, там никто́ не пройдёт, со́бо*l *денни́цайэт.* Клч.

4. Охот. Находиться (обычно длительное время) на тропе зверя, выжидая его:

Ну куда́ пойэ́дем сиде́ть, на сиде́нки, он <медведь> *прихо́дит ку́шать ры́бу, а мы тут йево́ фстречя́йэм. Сиди́м но́чьйу, фторо́й* <медведь> *идёт. Ве́чером ходи́ли сиде́ть, сне́га нет, а за́йэц бе́лый. Не наследи́ть, не нару́шыть, сиди́шь, ждёш. Пойэ́дем на сиде́нку, ми́шка прихо́дит, а мы сиди́м. Рас мы с ним двух уби́ли, сиди́м, то́лько се́ли, идёт он* <медведь>, *а ве́тер хоро́шый, от нево,* <сосед> *чё-то во́зица, ну йа вы́стрелил. На тропи́нке зася́ть, сиди́, а соба́ка должна́ нагна́ть.* Млк. *Сиде́нка, где сидя́т охо́тники, смо́трят, где на йа́году и́щет мидве́ть. Недалёко Ку́мрич — бугоро́к, где сиде́ли два ку́ма.* У-К. *Поста́вис йэво́, лабазо́к на цеты́ре* l*еси́нки, наве́рх нарубля́йэс нака́тник — з де́рева* dl*ино́й ме́тра по́ два, што́бы неопа́сно от мидве́дя сиде́ть, сиди́с, ждёш, когда с ува́*l*у медветь подойдёт.* Кзр.

Таким образом, глагол *сидеть* в говорах и в ЛЯ имеет разную семантическую структуру (11 : 10): в диалекте она включает часть значений, свойственных этому глаголу в ЛЯ, плюс собственно диалектные оттенки этих значений, плюс собственно диалектные значения. Глагол *сидеть* в говорах отличается иной лексической сочетаемостью.

Глагол ***стоя́ть*** имеет в ЛЯ следующие значения [11, т. 3, с. 278–279]:

1. Быть на ногах в вертикальном положении, не двигаясь с места (о людях, животных); занимать место где-л., находясь в таком положении / С обстоятельственными словами, указывающими на характер, особенности такого положения. / Со словами, указывающими на часть тела, являющуюся опорой при таком положении. 2. Выполнять какую-л. работу, заниматься каким-л. делом, связанным с пребыванием в таком положении. 3. Располагаться, размещаться где-л. (на постой, стоянку, отдых) // Разг. устар. Снимать квартиру, комнату, номер в гостинице и т. п. 4. Занимать какую-л. позицию, защищая или обороняя ее (о воинских частях). // Обороняться, защищаться, стойко держаться в бою // перен.; на чем. Держаться какого-л. взгляда, точки зрения, настаивать на каком-л. мнении, утверждении. 5. перен.; за кого-что. Защищать, отстаивать кого-, что-л., держать чью-л. сторону. 6. (сов. постоять) перен.; за чем (с отрицанием «не»: не стоять) Разг. Не скупиться, не жалеть чего-л. 7. Держаться вертикально, принимать вертикальное положение (о предметах), не падать, не лежать. // (обычно со словами: «торчком», «колом» и т. п.). Топорщиться, плохо прилегать. 8. Помещаться, находиться где-л., в чем-л. в вертикальном положении (о предметах). 9. Быть, находиться, располагаться где-л. 10. Перен. Иметься, быть в наличии. 11. перен. Занимать какое-л. место среди чего-л., какое-л. положение по отношению к чему-л. 12. на чем. Быть укрепленным, установленным на каком-л. основании, опоре, держаться на чем- л. // перен.; на ком-чем и кем-чем. Разг. Существовать благодаря кому-, чему-л., иметь кого-, что-л. опорой, основой своего существования. // Быть установленным, укрепленным где-л. // Быть отмеченным, изображенным, напечатанным и т. п. где-л., на чём-л. // Значиться, иметься (в каком-л. перечне, списке и т. п.). 13. Быть неподвижным, не двигаться, располагаться где-л. в неподвижном состоянии. // Прекратить движение, быть, находиться на остановке, стоянке и т. п. (о транспортных средствах). // Не рассеиваться, заполняя какое-л. пространство (о дыме, паре, пыли и т. п.). 14. Быть, сохраняться, удерживаться. // Быть (о времени года, о времени). // Владеть кем-л., наполнять тело, душу (об ощущении кого-л.). // Быть видным, заметным на лице, в глазах и т. п. (о каком-л. выражении, чувстве, слезах и т. п.). // Не выходить из сознания, постоянно быть в памяти, воображении. 15. Держаться, быть на каком-л. уровне. 16. (в составе именного сказуемого). Быть каким-л., находиться в каком-л. положении, состоянии. 17. Быть на свете, существовать. // Разг. Сохраняться неизменным, не портиться. 18. Не действовать, не работать. // перен. Не продвигаться вперед, не развиваться.

Семантическая структура глагола *стоять* в говорах камчадалов включает следующие значения, свойственные этому глаголу в ЛЯ:

1. *Останови́*lся *и стои́ш, пока́ медве́ть ушо́*l. Квр. *За́ды и спе́реди челове́к стои́т и шесто́м отта́лкивались. Снача́ла ко́пны де́*lalu, l*о́жут се́но, а там, наверху́ ч*еlо*ве́к стои́т.* Квр. *О́черэди везде́ таки́йэ большу́щийэ, одны́ же́нщины стойу́т. Йэвра́шка — это камчя́цкий су́слик, стои́т, посви́стывайэт, а над ним скопа́, орла́н. Как этот* <Саша> *стойа́*l, *он так стойа́*l, *как меня́ уви́*dl, *он рот откры́*l, *но то́ко не кричя́*l. Млк. *На горе́ стои́т коро́ва на хранцу́ских каблука́х.* Клч. *Тот, кто до́лжен был жени́ца, стои́т, уста́л и реши́л сесть и сел на пироги́. Шы́пко но́ги боля́т ника́к не могу́ стойа́ть. И йа слы́шал, они́ стреля́йут, стреля́ли до́лго, цэ́лый де́нь стойа́л, стойа́л на одно́м ме́сте, они́ ра́нят, но не мо́гут пристрели́ть, а чё настре́ливайут-та, он ни па́дайет.* Млк. / *Медве́ть пойма́йэт йэйо́* <корову> *и на ней йэ́здит, она фся ф крови́щи, бе́дна мыцы́т, стаи́т на пере́дних* kal*е́нках.* Клч.

2. *Там на ка́мне бара́н стои́т пасёца.* Млк. *Пойэ́деш о́сеньйу ф Ключи́, стои́ш на плёсе, плес — это ро́внойэ ме́сто, ри́бу крючко́м не пойма́йэш, не возьмёш.* Прт. *Цеты́ре целове́ка стойа́т рибаки́, вице́рпивайут рибу.* У-К.

4. *Ни войева́ли, в бойэвы́х поря́тках стойа́л и начеку́.* У-К. // —

5. *Она́* <медведица> *за них* <медвежат> *гаро́й стои́т, она́ стара́йэца их около сибя, никуда.* Млк.

7. *Два́ де́рэва стои́т, па́lочка наверху́ свя́жэш, повэ́сиш пэ́тли.* Сбл. *Се́тку поста́вис, стои́т, а не́вот закидно́й*. Кмн. *Дубодёрник стои́т, то́ко што упадёт, приво́зим домо́й, зата́пливайэм пе́чьку, гори́т отlи́чьно.* Клч. *Стои́т то́поль мэ́троф семь, де́сять, во́семь, шесть, пять.* Квр. *Ко́пны стойа́т, копёшки, шту́ки 3–4 собе́ру́т вме́сте и начина́йут мета́ть, ну ложы́ть. Он* <стог> *так и стои́т до са́мово сне́га.* <О собаке> *Што-то мне не нра́вица, ни у́шки не стойа́т, на офчя́рку бо́льшэ похо́жа, мо́жэт она́ йещё переродица, ду́майу, ла́йэчька.* Млк. // (сема «плохо» не актуальна): *Ну вот выде́лывали шку́ры, очища́йут по́лностьйу, то́лько не михчи́ли си́льна, штоп стойа́ли.* Сбл.

8. *Сахар четы́ре часа́ ва́рют, ло́шка стои́т. Ту́го-ту́го ва́риш, фсё вре́мя миша́йэш, миша́йэш, ло́шка стои́т, мо́жно снима́ть.* Квр.

9. *В ручьйу́ ри́бу не доста́нет, ма́риком коlо́lи, в реке́ далеко́ стои́т, икру́ випуска́йэт, ма́риком зако́лет. Ф кладо́фке стои́т на ко́врике ессе́нцийа.* Прт. *Ни́же запо́ра сплошна́йа стои́т ры́ба. Бозни́ца, по́лочка, где то́лько стойа́т ико́ны, где косяцёк. Пе́уль кру́глый тако́й фпереди́ стои́т, помога́йэт ри́би зайти́ в лову́шку. Ува́л ши́шкинский был, их дом стойа́л. Там вот дома стойа́т, быl аэропо́рт. Конця́йэца как нашэ селó, там сичя́с йэщё стои́т* <мостик>. *Где Це́ркофка стои́т-то, не це́ркофь, а Угрина́-то э́та.* Млк. *Там вро́де ви́шки стои́т така́йа шту́ка.* Тгл. *Посёlок стойа́l от це́нтра ры́бокомбината два́цать пять киломе́троф.* Пмт. *Хоте́ли нефть откры́ть, там вы́шка стои́т до сих пор.* Квр. *С Со́поцьново прийэ́хали в ф тыща девяцо́т пиися́т шесто́м, кода́ домисшки, как во́зле ба́ни стары́й стойа́lи.* Квр. *Там стои́т казано́к, ф кото́рый окуна́ли дете́й.* У-Б. *Вот че́ркафь стои́т, коlоко́lьня хоро́шайа стои́т.* У-К. *Два дни йэ́хаlи, дойэ́хаlи, такой ка́мень стои́т, там мо́ре среди́ э́тих, Доброза́нский о́строф называ́йэца, пря́мо стои́т на среди́не, краси́во таке́.* Кмн. *И там ками́нцик стои́т из жэ́сти.* <Во время землетрясения> *Йэ́сlи стои́т цто-нибуть на по́лках, то фсё бьйо́ц, ницево́ не оста́йо́ца.* Клч.

В говорах камчадалов наблюдается иная лексическая сочетаемость глагола *стоять* в этом значении:

Дома стойа́lи и́зретка. Клч.

10. *Йа прийехал сюда, этот дом срублен быl и печка стои́т.* Квр. *Там в Ковра́не учи́теlца живёт, то́же баlага́н стои́т у нейо́.* Квр.

12. *Балага́н, он на столба́х стои́т.* Млк. // — // *Запо́р стои́т фпереди́, а ззаду́ мо́рда, из де́рева зде́lана.* Прт. *Баlыки́ ве́шайэм на сара́й, йу́колу, там откры́тойэ, без за́мкоф, так и стои́т.* Прт. *Стои́т мо́рда, здесь то́lко наберёт, че́рес определённо вре́мя набира́ли, а пото́м обраба́тывали.* Квр. *Доро́га от избу́шки, где стойа́т капка́ны.* Ктч. *Дымоку́р окол до́ма стои́т, штоп не налета́ли.* Млк. *Вокру́к де́рива, где у нево́ за́пуск, стои́т се́тка, огоро́жэна па́lочьками.* У-К. *Стаи́т про́тиф тече́нийа, ста́вили на дно, штоп гале́ц не подныру́л.* Млк. // — // *Цётверо дете́й, оди́н у́мер, другиийэ рабо́тайут, оди́н на би́рже стои́т.* Млк.

13. *Плёс — это ро́вноийэ ме́сто, ри́ба стои́т, оддыха́йэт. Ри́ба стои́т, оддыха́йэт, ткнул йейо́ ма́риком — попа́l, быва́йэт, прома́жэм. Са́мый поби́тый* <рыба> *— это ки́бар, све́жый нет, а ки́бар стои́т в ре́чьке.* Млк.

В говорах камчадалов развивается собственно диалектный оттенок этого значения «Находиться в неподвижном состоянии вследствие большого количества участников движения (о рыбе)»:

Глубо́кайа йа́ма в ре́чьке, там ры́ба ска́пчивайэца, стои́т. Прт. *Ра́ньше ко́рюшка одна́ на одно́й стойа́lи, так мно́го бы́lо.* Квр. *Тоня́ — это где ры́ба стои́т, собира́йэца, оддыха́йэца, ф курьйэ́ре, в зали́ве, в реке́ иногда́. За́ ночь ско́пица* <рыба>, *пря́мо сплош стойа́ла, за ночь уйдёт фся*. Млк. // — // *Ра́ньсе вопсе́ комаре́й мрак стойа́l, дым, сколько комара́ би́lё.* Клч. *Очя́к в йу́рте, вверху́ ды́рка, дым стои́т на высоте́, сам по сибе́ выхо́дит. Ху́ус — это не ве́тер, а про́сто движэ́нийэ во́здуха, стои́т, как на сквозняке́.* Млк. *Тума́н стойа́l, ви́дно ницево́ не́ было.* Клч.

14. *Пagóда стои́т харо́сайа. Ры́ба бе́гайэт туда́-сюда́, он за ней но́сица, тако́й шум стои́т. Таки́йэ жары́ стойа́lи.* Млк. *В ны́нешнем году́ пого́да стои́т хоро́сайа.* Прт. *Пого́да измени́лась сиця́с, зара́ то́лько до три́цать пя́тово го́да стойа́ла. Зимо́й то́зе си́льныйэ моро́зы стойа́lи.* Клч. //— //—

16. *Дрова́ со́хнут са́ми себе́, ольха́ са́ми себе́, сухи́йэ стойа́т, называ́йут сухосто́й.* Кмн. *Стойа́l стои́т бе́lый, фсё на столе́.* Млк. (не только в составе сказуемого). *Ма́ленькайа да́ча, поперёчьна, поперёк стои́т. На со́лнышке стои́т, пото́м на стол, день-два закваси́ца.* Млк.

В говорах камчадалов глагол *стоять* развивает и собственно диалектный оттенок этого значения:

// (в сочетании на нересте). Нерестовать (о рыбе) [10, с. 164]:

Чявычя на нёристе стоит. Е.

17. *Устаре́фшейэ, дупли́стойэ де́рево, сухо́йэ, одно́й полови́цы ужэ́ нет, другайа ужэ́ стои́т.* Сбл. *Тут лес стойа́l и кусты́ бы́lи.* Млк.

// *Провотки́ б другиийэ зде́лать, э́ти сла́бенькийэ, йэ́сли йэво́ подзаря́жывать, он до́лго стои́т, акумуля́тор-то.* Прт.

18. *На lосадя́х на охо́ту йэ́здulи, а так стойа́lи зиму.* У-К. *И се́но косили, а сейча́с фсё, э́ти сенокосный́йэ угодьйа него́дныйэ ста́ли, их сейчя́с на́до перепаха́ть, а так они стойа́т.* Квр. *Здесь, наоборо́т, вода́ упа́ла ра́но, мы не ста́ли сади́ть огоро́т, ф про́шлом году́ огоро́т стойа́л до 25 ийу́ля, вода́ была́, лу́жы бы́ли, о́зеро, а в э́том году́ ра́но* <посадили>. Млк. // —

В говорах развивается собственно диалектный оттенок этого значения «Не иметь применения»:

Раншэ во́тка стойа́ла, а сейчя́с фсе с ума́ сошлú. У-Б.

Глагол *стоять*, функционирующий в говорах, имеет собственно диалектные значения:

1. Храниться:

Ф сенни́цах, бываlо, стои́т мно́го ри́бы. У-Б.

2. Обитать, водиться где-л. (о рыбе):

Када́ ма́ленькийе ани́, мно́го их пайэда́йет гале́ц, ани́ стайа́т на у́стьйе ре́чьки. Ани ужэ́ берега́ стойа́т <мальки>, *как плеснёт, ани́ на сухо́м ме́сте и фсё, кры́шка.* Млк.

3. Замерзать [10, с. 164]:

Он /озеро/ зимой не стоит, знацыт, ни замирзаит. Кам.

Таким образом, семантическая структура глагола *стоять* в говорах и в ЛЯ является различной (17 : 18): в говорах она включает часть значений, свойственных этому глаголу в ЛЯ, плюс собственно диалектные оттенки этих значений, плюс собственно диалектные значения. При совпадении значения наблюдается: иная лексическая сочетаемость, отсутствие актуализации некоторых сем.

Глагол ***лежа́ть*** имеет в ЛЯ следующие значения [11, т. 2, с. 171–172]:

1. Находиться в горизонтальном положении, быть распростертым всем телом на чем-л. (о людях и некоторых животных) / В сочетании со словами, указывающими на те или иные особенности этого положения. / В сочетании со словами, обозначающими причину или состояние, вызвавшие такое положение. // Разг. Будучи больным, находиться в постели. // (обычно в сочетании со словами: «в больнице», «в клинике» и т. п.) Находиться где-л. на излечении. // (обычно в сочетании со словами: «в земле», «на кладбище», «в могиле», «в гробу» и т. п.). Быть погребенным. 2. Находиться, быть помещенным на каком-л. горизонтальной поверхности (обычно своей широкой частью; о предметах). 3. Покрывать собой что-л., какую-л. поверхность. / О морщинах, загаре, румянце и т. п. // перен. В сочетании с существительными печать, отпечаток, след и т. п. означает: быть заметным, отражаться на ком-, чем-л. 4. Находиться, помещаться. // Не находить применения, быть без употребления. 5. Занимать какое-л. пространство, простираться. // Пролегать, проходить (о пути, дороге, о курсе); иметь направление куда-л. 6. Располагаться тем или иным образом. 7. перен.; на ком. Составлять чью-л. обязанность, долг, занятие и т. п. 8. Устар. Иметься где-л.; содержаться, заключаться в чем-л. 9. В сочетании со словами на душе, на сердце означает: быть предметом затаенных забот, постоянной тревоги, размышлений и т. п.

Семантическая структура глагола *лежать* в говорах камчадалов включает следующие значения, свойственные этому глаголу в ЛЯ:

1. *Свекро́фка lени́вайа, фсё lиза́lа це́лыми дня́ми, ницева́ не де́lalа.* Клч. *Коро́ва ф ста́йке лиза́ла зимо́й.* Ссн. *Заста́фщик lежы́т, это медве́ть, он не пропуска́йэт вверх прото́ки ри́бу, на сиве́ре* <мелкое место в реке> *lежы́т и lо́вит йэйо́. И йа тут lежа́l, тут стойа́lа гниlа́йа берёска, и йа так уда́рul йэйо́, и где мойа́ golова́ lежа́la, она́ на три чя́сти и разломи́lась.* Млк. // <О корове> *Вот она́ у миня́ там, а пото́м ф ста́йку отвёl до зари́.* Клч. *Фсе напова́lуйу лежа́ли, о́шпа-то перехо́цливайа. Сын у нас при́ смерти лежы́т.* Млк. // *Син йэйо́ный пul, в больни́ци lежи́т. Он там в боlьни́це фс^{ш}о lежа́l.* Сбл. *С сотрясе́нийэм мо́зги лежа́l.* У-К. *В больни́це lежа́l, цють концы́ не одда́l.* Квр.

В говорах развивается собственно диалектный оттенок этого значения:

// Находиться в спячке (о животном):

Прове́рите <берлогу> *загрэбlёной, по́сохом ты́кайэм, у́чум, што здэсь лежы́т он* <медведь>. Сбл.

2. *По бэ́регу ри́ба до́хlайа, никуйа́ lёзы́т.* Слт. *Притоло́к, отве́рстийэ, ме́сто ф печи́, где дрова́ lежа́т. А там у меня́ ла́фка былá ф коридо́ре, и под ла́фкой лежа́la мешкови́на. Отку́да морска́йа цепь у нас в до́ме, мо́жэт она́ и lежа́la когда́, дом ста́рый бul.* Млк.

4. *Нато́пlена* <сало> *ф сара́je lезу́т.* Клч. *Сходи́ за солёнкой, солёнка в бо́цьке лежи́т.* Кзр. [10, с. 161].

// *Цэ́ркофь былá, как краса́вица, как lе́беть, и што бу́lo ф цэ́ркви, фсе на цэрдаке́, в райсполко́ме фсё лежа́ло, фсе збу́цило. Кулици́ зде́лала, лижа́т, а на после́дней нидéле помо́йэш их, куличи́, и ново пичёш. Мы з бра́том бат зделали, он там фсё лежа́л, пото́м в музе́й одда́ли, а он йево повёс в го́рот, хоте́л йэво́ коме́рцийу каку́йу-то зде́лать, а говори́ть утащи́ли.* Млк.

5. — // *Прилу́ки — это обры́вистый бе́рек, куда́ бо́льше лежи́т тече́нийэ.* Кзр.

6. *Штабеля́ми в амба́ре лежа́ли, зи́мы холо́дный*э <о рыбе>. Млк.

В ЛЯ, как указывает Е. В. Рахилина, глагол *лежать* используется, когда «объект как бы отделен от своей функции» [8, с. 72]:

Про все, что в шкафу сарае, на полке, на свалке — отложено, сложено до лучших времен или выброшено за ненадобностью,— про все это мы говорим ЛЕЖИТ.

Подобная функциональная составляющая оказывается не основополагающей для говоров, поскольку глагол *лежать* может относиться и к такому положению объекта, которое соответствует его функции. Например, в говорах камчадалов глагол *лежать* имеет собственно диалектное значение: «Расти, произрастать (о растениях)»:

Сморо́дина там лежы́т у ка́ждово во дворе́, и кра́снайа растёт гро́здями, у нас ма́ленькайа, а там дере́вьйами. Млк.

В этом значении глагол *лежать* называет действие нормально функционирующего объекта растения.

Таким образом, семантическая структура глагола *лежать*, функционирующего в говорах и в ЛЯ, имеет разное количество значений (6 : 9): в говорах она включает часть значений, свойственных этому глаголу в ЛЯ, плюс собственно диалектные оттенки этих значений, плюс собственно диалектное значение.

Глагол ***ко́нчиться*** имеет в ЛЯ следующие значения [11, т. 2, с. 98]:

1. Прийти к концу; закончиться <обед> // Иссякнуть, израсходоваться // Достичь границы своего протяжения. 2. чем и без доп. Прийти к какому-л. исходу, результату, завершиться чём-л. 3. Разг. Умереть.

Семантическая структура глагола *кончиться* в говорах камчадалов включает следующие значения, свойственные этому глаголу в ЛЯ:

1. *Не́рест ко́нчица, вы́пустит икру́. Слт. Ну там война́ ко́нчиlась. Пато́м на бе́рек, дни́щем кве́рху, стика́йэт фсё э́то, када́ ко́нчилась рыба́лка, спино́й кве́рху перевора́чивайут. Ко́нчилась рыба́лка, отрыба́чил, бат ополосну́л тем жэ висло́м, нальйу́т во́ду, висло́м шо́ркайут и смесь и крофь, весь э́тот му́сор.* Млк. // *Пушни́на ко́нчиlась, к ним прихо́дят стару́хи, старики́, беру́т спирт и на ба́те иду́т вдоlь бе́рега дней де́сить.* Пмт.

// *Но́выйэ следы́ све́зийэ, вы́сlеdиl следо́к, го́нис, го́нис, пока́ э́тот слет не ко́нцыlся.* Тгл.

2. —

3. *Он мне опера́цийу де́лал, а йэ́сли б не зде́лал, то и ко́нцился бы.* Клч.

Таким образом, семантическая структура глагола *кончиться*, функционирующего в говорах и в ЛЯ, имеет разное количество значений (2 : 3): в говорах она включает часть значений, свойственных этому глаголу в ЛЯ.

Глагол ***роди́ться*** имеет в ЛЯ следующие значения [11, т. 3, с. 724):

1. (несов. также рождаться). Получить (получать) жизнь в результате родов, появиться (появляться) на свет. // кем. Быть кем-л. от рождения по социальному происхождению, национальности и т. п. // Стать (становиться) обладателем какой-л. способности, свойства, дара и т. д. от рождения 2. (несов. также рождаться) перен. Появиться (появляться), возникнуть (возникать). 3. Вырасти (вырастать), произрасти (произрастать), давая урожай, плоды.

Семантическая структура глагола *родиться* в говорах камчадалов включает следующие значения, свойственные этому глаголу в ЛЯ:

1. *Йа роди́lся в Моро́шке. Ф Ковра́не роди́lся итэlьме́нский компози́тор. И́ли ма́lенький ребенок роди́lся и зашо́л кто́-нибуть, то́lко чеlове́к ушо́l, и рибёнок на́чаl пlа́катъ.* Квр. *Йа родила́сь ф семьйэ́ зазы́тоцьной.* Тгл. *Роди́лся в девятшо́т шесто́м в Никола́йэфке. Роди́лся ф Паратýнке. Родиlа́сь в Гана́лах, зиlа́ з де́дуской, ба́баской.* Нкл. *Вади́м роди́lся и бо́lьсэ у миня́ никаки́х дете́й не́ быlо, ни йэди́ново. Роди́тели мои́ то́жэ здесь родиlи́сь.* Клч. *Ма́льчик роди́лся дамно́. Кто на Камчя́тке ради́лся, тот камчядалёночек.* У-Б. *Тólко родиlа́сь, тут ко́клюш схвати́l и умерlа́.* Сбл. *Нас таки́х двойэ тут родило́сь. Йа роди́лся в Ма́lках в три́цать восьмо́м году́. Йа родиlа́сь здесь, в Ми́льково в в два́цать пе́рвом году́ году́ трина́цатово ма́рта. Как ана́ узнайо́т ту ре́чьку, где родила́сь, ана́ понима́йэт фкус э́той воды́, а мо́жэд быть и по́мнит места́. Как роди́ца ребенок, каро́ва отели́лась, ка́ждому по коро́ве.* Млк. *Йа роди́лся киломе́троф шесть от Ми́лькова.* Ссн. *Ви́пороток — это оlе́нь ма́ленькой, то́lко роди́lшя.* Кмн. // *Йа Ма́рковой родила́сь, у тибя́ тата́рскийа — му́зыку тоjому так говорили.* Кмн.

Глагол *родиться* в этом значении в говорах камчадалов имеет иную лексическую сочетаемость, поскольку субъектом становится луна:

Йэ́сли lуна́ родиlа́сь, г зиме́ ве́рхний рок, значит, бу́дит хоро́ший ме́сяц, а йэ́сlи lуна́ родиlа́сь кве́рху ро́гом, то бу́дит плохо́й ме́сяц. У-К.

2. *Ф шо́рок тре́тем урожа́й пшени́цы, зерно́ роди́лшя. Хоро́шайа карто́шка родила́сь. У ма́мы ф ко́мнате они́* <лимоны> *родя́ца, на сле́дуйущий гот узре́йут.* Млк. *Здеш овёс не роди́ца, он не вызрева́йэт.* Крк. *Ма́lенько селе́нийэ, карто́шка родила́сь. Прт. На боло́те клю́ква роди́ца.* У-Б. *Здесь не роди́ца цесно́к. Морко́фь родила́сь, а мы цё, кли́мат жа́ркий был, йачьме́нь, да́жэ росла́ пшыни́ца.* У-К.

Таким образом, семантическая структура глагола *родиться*, функционирующего в говорах и в ЛЯ, имеет равное количество значений (3 : 3): в говорах она включает значения, свойственные этому глаголу в ЛЯ, но при совпадении значения может наблюдаться иная лексическая сочетаемость.

Глагол ***коти́ться*** имеет в ЛЯ следующее значение [11, т. 2, с. 115]:

Коти́ться (сов. окотиться). Рождать котят (о кошке) // Рождать детёнышей (о некоторых самках, например, об овце, козе, зайчихе).

С этим же значением и его оттенке глагол функционирует и в ЛЯ:

Ко́шечька окоти́лась, вот тепе́рь котя́тки бе́гайут. Млк. // *Одна* <коза> *до́йна, фтора́йа должна́ в а́вгусте окоти́ца. Принесла́ четырёх козля́т и двух задави́ла, смотрю́, она хо́чет коти́ца, пока оптира́йу, у нийо́ йещё ме́сто не вы́шло. А о́фцы уш сам зна́йеш,*

да э́та то́лько ф про́шлом году́ окоти́лась. Кро́ликоф не так уш ма́ло, после́дняйа окоти́лась, 5–6, одна обгуля́ла, в ийу́ле должна́ окоти́ца. Млк.

В говорах лексическая сочетаемость шире, поскольку субъектом может выступать и собака:

У них су́чечька окоти́лась, щас йесть щено́к, не зна́йут. Млк.

Таким образом, семантическая структура глагола *котиться*, функционирующего в говорах и в ЛЯ, имеет равное количество значений (1 : 1): в говорах она включает значения, свойственные этому глаголу в ЛЯ, но лексическая сочетаемость оказывается шире в говорах.

Глагол ***семени́ться*** имеет в ЛЯ значение «приносить семена, плодоносить (о растениях)» [11, т. 4, с. 74]. В говорах камчадалов глагол зафиксирован в другом, собственно диалектном значении «Приносить потомство, размножаться (о птицах)»:

Ле́том ани́ начина́йут семени́ца, дите́й производи́ть, ле́том не убива́ли никово́, о́чень стро́го бы́ло, до са́мой о́сени, пока́ птенцы́ не ста́нут на крыло́. Млк.

Таким образом, семантическая структура глагола *семениться*, функционирующего в говорах и в ЛЯ, имеет равное количество значений (1 : 1): в говорах она включает собственно диалектное значение.

Глагол ***нерести́ться*** имеет в ЛЯ значение «находиться в состоянии нереста» [11, т. 2, с. 476]. В этом же значении глагол зафиксирован и в говорах камчадалов:

Ф прито́ках нерести́лась ры́ба, там де́лалась ры́ба, а пото́м в мо́ре. Млк.

Семантическая структура глагола *нереститься*, функционирующего в ЛЯ и в говорах, имеет равное количество значений (1 : 1): в говорах она включает значение, свойственное этому глаголу в ЛЯ. Но в системе диалекта этот глагол имеет более употребимые словообразовательные варианты, отсутствующие в системе ЛЯ:

- ***Нерестова́ть:***

На медве́дя ф шесь часо́ф идёш на карау́lку, на то ме́сто, где ри́ба нэрэсту́йэт. Сбл. *Кара́сь ниристу́йэт обы́чьно в гнилу́шке, где стойа́чяйа вода́, йэво́ ги́бнет о́чень мно́го.* Млк.

- ***Нерестова́ться:***

Э́то уже́ о́сеньйу нерестýйуца, в зи́му они́ ра́но нерестýйуца. Квр. *Перека́ты, где ры́ба нерестýйэца, нерести́ца, на бы́стрых места́х ме́лких.* Млк.

Глаголы *нерестовать* и *нерестоваться* имеют распространенные в говорах приставочные дериваты:

Ара́бучь, она́ кре́пче, жывёт до́лго, да́жэ по́сле тово́, как отниристýйэца, он жэ хо́дит в родников́ыйэ во́ды. У киты́, допу́стим, мно́го тру́поф, като́рыйэ отниристýйут, ну, вы́мичют икру. Она́ отниристýйэт и в ийу́не наза́т ска́тывайеца ф Камчя́тку, не пагиба́йэт, или в мо́ре пагиба́йэт. Ки́барь, или ки́бар — это йэщё жыво́й, но отнерестова́лся, лоща́вый, изби́тый весь. Млк. *О́сеньйу снерестýйэт, а зимо́й живýт — до весны́, в ре́ках, а весно́й то́же нерестýйэт — два́жды, это сёмга.* Квр.

Сопоставительный анализ позволяет выделить в говорах камчадалов следующие типы общерусских глаголов:

1. Семантическая структура глагола в говорах у́же, чем в ЛЯ:

– подтип 1 — она включает часть значений, свойственных этому глаголу в ЛЯ;

– подтип 2 — она включает часть значений, свойственными этому глаголу в ЛЯ, плюс собственно диалектные оттенки этих значений;

– подтип 3 — она включает часть значений, свойственных этому глаголу в ЛЯ, плюс собственно диалектные оттенки этих значений, плюс собственно диалектное значение.

2. Семантическая структура глагола в говорах и в ЛЯ имеет равное количество значений:

– подтип 1 — она включает часть значений, свойственных глаголу в ЛЯ, плюс собственно диалектные значения;

– подтип 2 — она включает все значения, свойственных глаголу в ЛЯ, плюс собственно диалектные оттенки значений;

– подтип 3 — она включает собственно диалектные значения.

3. Семантическая структура глагола в говорах шире, чем в ЛЯ:

– подтип 1 — она включает все значения, свойственные этому глаголу в ЛЯ, плюс собственно диалектные значения, плюс собственно диалектные оттенки значений;

– подтип 2 — она включает часть значений, свойственные этому глаголу в ЛЯ, плюс собственно диалектные значения, плюс собственно диалектные оттенки значений.

При совпадении значения в ЛЯ и в говорах может наблюдаться следующее:

– иная лексическая сочетаемость;

– другой круг объектных распространителей;

– специализация значения;

– различия в семной структуре (актуализация других, по сравнению с ЛЯ, сем в значении слова).

Кроме семантических особенностей, общерусские глаголы в говоре могут иметь и различия грамматического плана. В настоящее время диалектологи выделяют следующие типы различий [2, 5]:

1) в управлении (в формах падежей, которыми управляет глагол);

2) в проявлении категории переходности / непереходности;

3) в сочетаемости с инфинитивом;

4) в проявлении категории вида;

5) в проявлении категории времени;

6) в проявлении категории возвратности / невозвратности.

У бытийных глаголов наблюдаются следующие различия:

1. Различия в управлении. Схемы управления глаголов, отличные от ЛЯ:

● *Быть* + сущ. в им. п. = вин. п. без предлога с локальным значением (находиться где):

Су́ра Созы́кина зыла́, ра́ньцэ она́ была́ Камчя́тска, а сица́с она́ Магада́н. Кмн.

● *Быть* + сущ. в вин. п. с предлогом *за* (ср.: в ЛЯ — сущ. в род. п. с предлогом *вместо*):

Мя́со за го́лову бы́ло: и оле́нь был, и коро́вица была́. Э́то бы́lo на мойэ́й ма́тери здесь, э́то зна́чит она́ прийэ́хalа, у ней, зна́йэте што́-то там или ма́гийа кака́йа или по́рча. Млк.

● *Стоят* + сущ. в тв. п. без предлога (со значением образа действия):

Костра́ми дрова́ стойа́т, костры́ ис пла́вника, пла́вник — это дрова́ сухи́йэ, их на ре́чьке собира́йут. Кмн.

● *Сидеть* + сущ. в пр. п. с предлогом *на* (в ЛЯ — сидеть с чем):

Когда́ мы недоро́сками би́ли, це́лый день на э́тих игру́шках сиде́ли. Млк.

2. Различия в проявлении категории времени — употребление глагола в простом будущем и настоящем времени в значении прошлого:

Бра́ли две то́ненькийэ иго́лки в блю́цце с водо́й, пойдёт спать, йэ́сли сойэдиня́ца, то за́муш вы́йдет, в мо́лодости фсё бу́дет интересно. Млк. *Раньсе деревяны бочьки йесть.* Тгл.

3. Различия в проявлении категории переходности / непереходности. В говорах камчадалов глагол *сидеть* является переходным в одном из своих собственно диалектных значений — «Находиться (обычно длительное время) на тропе зверя, выжидая его», поскольку может иметь объектный распространитель в форме вин. п. без предлога:

Лёха Пано́ф, мы с ним пошли́ у́ток сиде́ть, ре́чьку перешли́, а Лёха забы́л ружйо́. Млк.

4. Различия в проявлении категории возвратности / невозвратности. Значение, свойственное невозвратному глаголу *сидеть* — «Занимать положение, при котором туловище поддерживается вертикально, опираясь на ягодицы» [11, т. 4, с. 90], не имеющему невозвратной соотносительной формы, может передаваться возвратной формой в говорах:

Неве́ста сиди́ца з зениха́м, пла́цет. Кзр.

К собственно диалектным бытийным глаголам относятся следующие:

1. Глаголы, обозначающие «каузирование перехода от биологического несуществования к биологическому существованию» [12, с. 5]:

● ***Кроли́ться***. Давать потомство (о кроликах):

Кро́лики кроля́ца помно́гу. У-Б.

● ***Распложда́ться***. Размножаться вегетативным путем (о клубнике):

Туда́ вода́ не поступа́йэт <в корень> *и он распложда́йэца. Распложда́йэца когда́* <о клубнике> *усы́ дайо́т, они́ ф зе́млю когда́ фпи́тывайуца, вроста́йут, и да́льшэ так э́ти усы́ распложда́йуца, она́ выки́дывайэт пря́мо* <усы>. Млк.

● ***Кустова́ть***. Высиживать яйца в гнезде (о диких птицах):

Ца́ка бе́ла, ла́пки кра́шны, полете́ла куштова́ть, ца́ицька, ца́ицька палите́ла куштова́ть. Елз.

● ***Родива́ть***. Давать жизнь кому-л. путем родов, производить на свет подобных себе:

В трица́тых года́х родива́la. Четы́ре бра́та бы́ло или пять ли, а остальны́йэ дефчёнки, а ра́ньшэ так и родива́ли, ско́лько у тётушки быва́йэт там, сто́лько и родива́ли, фсё так и у фсех помно́гу бы́ло. Ско́лько родива́ла, помно́гу бы́ло, по де́сять, двена́цать. Млк.

● ***Народива́ть***. Родить, произвести на свет в каком-л. (обычно большом) количестве:

Народива́ть — вот народива́ла мать де́сять дите́й. Млк.

2. Глаголы, обозначающие «переход от биологического существования к биологическому несуществованию» [12, с. 5]:

● ***Снуть*** (***уснева́ть***), (сов. ***уснуть***). Умирать, погибать:

Рыба снёт. Погибает. Вся морская рыба, как-то чавыча, горбуша, кижуч, хайко, красная, выметавши икру, утомленная ходом против течения, погибает (снёт). После лощания рыба „снёт“ — умирает. А потом к ошыни ушнёт эта риба. Покудоо вода бол'шая бувайит, так она шнёт, тут и укышнит. Фшё подли бэрик. / Г. / [10, с. 151].

Ры́ба уснёт, вы́бьйэца ис сил, устайо́т, уснева́йэт, подыха́йэт, коро́че. Млк.

3. Глаголы, обозначающие процесс существования в течение определенного времени:

● ***Сенова́ть***. Располагаться на перестой, размещаться во время отдыха (о птицах) где-л.:

Рас пе́рьйа йэсть, зна́цит сену́йут они́, у́тки здесь. Клч.

● ***Пургова́ть***:

Переждать пургу. — Две недели я пурговала у них в палатке [10, с. 146].

● ***Летова́ть***:

Заниматься летним промыслом вне селения. Напр., ловить и вялить рыбу. Проводить лето (о птицах и животных). — Против острожка Енталана есть на море близ берега островок, где жители его летуют. Гуси на озере летовали. Ре́цька Ки́хцик малинькой. Летова́л там. Ры́ба малова́то бул. / Колпаково /. Тундра. Летуют олени там. / Е. /. Гуши жили летом, летовали они ждеш'. / Ковран /. Он там ы летует. / Т. / [10, с. 93].

● ***Денни́чать***:

1. Проводить дневное время (о соболе):

Поцему́ со́бol денни́цайэт? Он ф тёмном лесу́ сиди́т, в горе́lке, там никто́ не придёт, со́бol денни́цаит. Млк.

К. М. Браславец толкует это слово следующим образом:

Дневать (о соболе). — Там березник, соболя там не денничают. Не жыруют, не питаются днём, а тол'ко ноч'йу. Соболь ден'ницит ф тёмном лесу. Сидит в горелке <участок давно выгоревшего и вновь заросшего леса>. Ключи» [10, с. 48–50].

2. Питаться, доставать себе пропитание днем (о соболе):

Йэсли поднима́ца вы́ше г гора́м, то там березни́к, где соболя́ не денни́цайут, то йесть не жыру́йут, то йесть не пита́йуца днём, а только но́чьйу. Клч.

3. Бодрствовать, быть подвижным в дневное время:

Денни́чять — это зна́чит зверь хо́дит днём, обы́чьно про со́боля, денико́м прошо́л. Млк.

4. Глаголы, обозначающие природные состояния:

● ***Морова́ть***:

Становиться пасмурно перед ненастьем. Кузьмищев Пав. Собр. Особ. С. 247» [10, с. 103].

Морова́йэт, ста́ло быть, до́ждь бу́дет. Млк.

● ***Хи́узить***. Тянуть (о слабом ветре):

Хи́уз, хи́узит — в йа́снуйу пого́ду потя́нет к мо́рю све́жый сла́бый ветеро́к прохла́дный. Сбл.

● **Зо́риться**. Светать:

О близком рассвете. — Перед утром начинает Зорина: пора ужэ светат'. Соболево [10, с. 671].

<О рассвете> *зо́рица, ста́ло быть, света́йет*. Млк.

● ***Буси́ть***. Моросить (о мелком дожде).

Буси́т — ме́лкий до́ждик моросит. Сбл.

Бусит. Изморось идёт. Идёт мелкий дождь при постоянно пасмурной погоде. Не дош и не яшно — буш', бушыд', значит. / Т. / [10, с. 33].

Таким образом, общерусские бытийные глаголы, функционирующие в говорах, имея одинаковую со словами ЛЯ форму выражения, обладают семантическими отличиями (имеют разный семантический объем, иную лексическую сочетаемость, различия в семном составе и пр.), грамматическими особенностями (способностью иметь при себе объектные распространители, быть переходными при непереходности в ЛЯ, быть возвратным при невоз-

вратности в ЛЯ, иметь различия в управлении и т. п.). Собственно диалектные бытийные глаголы называют процессы перехода от биологического несуществования к биологическому существованию, и наоборот, а также процесс существования в течение определенного времени. Часть собственно диалектных глаголов включает общерусский корень, но отличается словообразовательной моделью (*нерестоваться*, *нерестовать*, *расплождаться* и т. п.). Другие также включают в себя корни, присутствующие в словах ЛЯ, и образованы по существующим в ЛЯ словообразовательным моделям, но соотносительные с ними по корню слова ЛЯ отсутствуют (*кролиться*, *кустовать*, *сеновать*, *пурговать*, *денничать*, *зориться* и др.). Собственно диалектные бытийные глаголы включают также слова, не имеющие в составе соотносительного с ЛЯ корня (*морочать*, *хиузить*, *бусить*).

Библиографический список

1. *Большой* толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. — СПб.: Норинт, 2003. — 1536 с. — [БТС].
2. *Ильинская Н. Г.* Общерусское слово в лексикологическом аспекте. — Петропавловск-Камч., 2001. — 343 с.
3. *Казазаева М. А.* Функционирование многозначного глагола «быть» в сфере диалектной лексики // Вопросы региональной лингвистики: сб. науч. тр. — Волгоград: Перемена, 1986. — С. 40–43.
4. *Кондратенко Г. И.* Лексико-семангическая группа глаголов со значением бытийности: на материале глаголов нахождения: автореф. дис. … канд. филол. наук. — М., 1985. — 17 с.
5. *Орлова М. А.* Семантика глаголов ориентированного положения в пространстве: автореф. дис. … канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1982. — 24 с.
6. *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. — М.: Яз. славян. культуры, 2004. — 608 с.
7. *Попов В. Н.* Терминология и аспекты исследований по семантике русских глаголов бытия // Глагол в системе языка и речевой деятельности: материалы науч. лингв. конф. / отв. ред. Л. Г. Бабенко. — Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1990. — С. 77–78.
8. *Рахилина Е. В.* Семантика русских «позиционных предикатов»: стоять, лежать, сидеть и висеть // ВЯ. — 1998. — № 6. — С. 69–80.
9. *Сазонова И. К.* Толково-грамматический словарь русского языка: глагол и его причастные формы. — М.: Астрель, 2002. — 656 с.
10. *Словарь* русского камчатского наречия / под ред. К. М. Браславца, Л. В. Шатуновой [и др.]. — Хабаровск: ХГПИ, 1977. — 195 с. — [СРКН].
11. *Словарь* русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Рус. яз., 1985–1988. — [МАС].
12. *Чудинов А. П.* Лексика существования в современном русском языке: глаголы со значением рождения, жизни и смерти: автореф. дис. … канд. филол. наук. — М., 1979. — 16 с.
13. *Шаталова О. В.* Эволюция глагола быть в русском языке: дис. … канд. филол. наук. — М.: МПУ, 1997. — 134 с.
14. *Шведова Н. Ю.* Еще раз о глаголе быть // ВЯ. — 2001. — № 2. — С. 3–12.

УДК 821.161.1 : 82-1

Л. М. Пастушенко

СТАНОВЛЕНИЕ ЖАНРА ДРУЖЕСКОГО ПОСЛАНИЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XVIII ВЕКА (М. Н. Муравьев, Н. М. Карамзин)

В статье рассматривается проблема становления жанра дружеского послания в русской поэзии конца XVIII в. Исследуется типология жанра на примере лирики М. Н. Муравьева и Н. М. Карамзина. Выявляются наиболее устойчивые жанровые признаки на раннем этапе становления жанра дружеского послания.

Ключевые слова: дружеское послание, жанр, типология, образная система

L. M. Pastushenko

FORMATION OF FRIENDLY MESSAGE GENRE IN RUSSIAN POETRY OF THE LATE XVIIITH CENTURY (M. N. Muravyov, N. M. Karamzin)

The article deals with the problem of friendly message genre establishment in the Russian poetry of the end of the XVIIIth century. It studies the typology of the genre on the example of M. N. Muravyov's and N. M. Karamzin's lyrics and distinguishes the most constant genre indicators on the early stage of friendly message genre formation.

Key words: friendly message, genre, typology, system of images

Проблема жанра дружеского послания в современном литературоведении до сих пор остается недостаточно разработанной. Справедливости ради нужно отметить, что с конца 70-х гг. стали появляться статьи в различных сборниках, в которых исследуется жанр дружеского послания в творчестве поэтов начала XIX в. (Жуковского, Батюшкова, Гнедича) [2, 3, 6].

В 1986 г. в сборнике «Проблемы метода и жанра» Томского государственного университета вышла статья И. А. Поплавской «Формирование теории жанра послания в русской эстетике и критике» [8]. Но в статье не дается определения особой разновидности жанра послания: дружеского. Лишь констатируется факт появления дружеского послания в лирике Хераскова, Муравьева, Карамзина. Нам представляется не совсем убедительным утверждение автора о том, что «не разрушая, созданное Ломоносовым учение о трех «штилях», эти поэты предпочитали в целом «средний» стиль, к которому относилось и стихотворное послание» [8, с. 106]. Ко времени появления дружеского послания Ломоносовская теория трех «штилей» практически не применялась поэтами, так как литературный процесс 70–80-х. гг. характеризовался смешением стилей, отказом от нормативности классицизма, выработкой особых стилевых форм.

В монографии М. Ю. Люстрова «Старинные русские послания» выявляется специфика эпистолярной системы XVII–XVIII вв. Автор называет дружеские послания третьим поджанром послания «сохранившими пафос нравоучительных эпистол и писем» [5, с. 119]. Исследователь обозначает дружеские послания родоначальника этого жанра М. Муравьева «эпистолами», не проводя грани между эпистолой, письмом и дружеским посланием [5, с. 120].

Вероятно, в неопределенности жанрового обозначения дружеского послания заключена неоднозначность подхода вообще к типологии жанра, жанровой структуре.

В настоящей статье мы не ставим перед собой задачу включаться в дискуссию о типологии жанра. Существовали и существуют фундаментальные труды, сложились определенные школы, исследующие проблемы типологии и поэтики литературных жанров, роль жанровых категорий в процессе творчества, начиная с Гегеля. Достаточно назвать такие имена, как А. Н. Веселовский, Д. С. Лихачев, М. Бахтин, М. Б. Храпченко, В. В. Кожинов, Ю. Н. Тынянов, Ю. Н. Лотман и др. Для нас важно попытаться определить особенности жанровой модели дружеского послания в контексте типологии жанра в пределах заявленной темы.

Прежде всего, необходимо выяснить роль жанра послания в литературной традиции эпохи. Как отмечает Л. В. Чернец, «одной из важнейших задач типологии жанров является… выявление наиболее устойчивых жанровых признаков в литературном процессе» [9, с. 19]. Писатели первой половины XVIII в. в своих теоретических работах, начиная с Тредиаковского, выделяли жанр послания как жанр стихотворных писем — эпистол. Причем, у Тредиаковского — это эпистола «высокого» слога, у Сумарокова — «среднего», у Ломоносова — соединение «высокого» и «среднего». Но все они отмечают поэтическую природу жанра, наличие в эпистоле дидактичности, эпических элементов.

Русская эпистолярная поэзия конца XVIII в. вносит свои коррективы в природу жанра. Происходит, с одной стороны, размывание границ жанра, с другой — конкретизация поэтической структуры жанра. Это связано с перестройкой лирических жанров вообще. Эстетическая система сентиментализма и предромантизма требовала изменения содержательного своеобразия жанра послания, «соединения лирического стихотворения и дружеского письма» [8, с. 115]. Меняются стилеобразующие факторы жанра. В содержательном плане в дружеском послании появляются новые образы: адресата и адресанта. Это могут быть сам поэт, его друзья, близкие, любимые женщины и т. д. Возникают новые темы: культ любви и дружбы, семья, дом. Появляется новое отношение к природе, выступающей в единстве с человеческими переживаниями. Соединение лирического жанра и письма обнаруживается в поэтической интерпретации интимного разговора.

В стилистике жанра внешний диалог соединяется с внутренним. Новый жанр — это смелый сплав элементов лирики и сатиры, философской оды и бытовых картин.

Признаки жанра дружеского послания дают нам основание говорить о целостном понятии нового жанра. Но, что бы мы ни говорили об общей типологии жанра, следует учитывать влияние творческой индивидуальности писателя на жанр. Дружеское послание Муравьева, Львова, Дмитриева, Державина, Карамзина при соблюдении общих типологических признаков жанра несут на себе отблеск души автора.

С этих позиций, учитывая, естественно, критерии жанра, мы и будем рассматривать дружеские послания М. Н. Муравьева и Н. М. Карамзина.

Первым на путь создания нового жанра в русской поэзии вступил М. Н. Муравьев. Стремление постичь мир порождало разнообразие форм и способов его постижения.

Послания Муравьева посвящены друзьям — поэтам, драматургам, актерам; семье — отцу, сестре.

Стихотворение «К Хемницеру», включенное в сборник «Новые лирические опыты», представляет собой первый шаг от классицистической оды к предромантической поэзии, к жанру дружеского послания. Новаторство его в том, что автор здесь — действующее лицо от начала до конца произведения. Это новое субъективное мироощущение: меланхолия, поэтическая грусть, предощущение близкой смерти (а Муравьеву едва исполнилось 19 лет):

И пусть придет мой день: ты здесь меня спокоишь
И, может быть, еще слезами удостоишь
Прах друга своего.

Здесь мозаичность тем. Из отдельных образов складывается цельная мозаика. Здесь и философские размышления:

Спокойствия пловец желает, бурю видя,
Желает и герой, войну возненавидя,
Спокойству уступить.
Но смутны души их того желают ложно,
Чего ни серебром, ни златом невозможно
Им, Хемницер, купить!

Умиротворяющая, полная гармонии, картина тихого сельского вечера:

А тихий сон селян смыкает очи томны…
……
Спокойна их душа подобием природы…

Одухотвотвено-музыкальные размышления о поэзии:

Я буду петь в свирель у сей волны священной;
Ты будешь спровождать на лире позлащенной
Глас пенья моего.

И вся эта, казалось бы, неоднородная образная структура сливается в доминантном образе — образе друга:

Когда ж со Львовым вы пойдете мимо оба
И станут помавать цветочки сверху гроба,
Поколебавшись вдруг,
Я заклинаю вас: постойте! не бежите!
И, в тихом трепете обнявшися, скажите:
«Се здесь лежит наш друг».

Тематической и хронологической последовательности в изложении нет. Образы даны одновременно и сюжетно связаны местоимениями: «я, мне, меня», но доминирующий образ развивается на протяжении всего стихотворения. Образ друга — образ самого автора, образ поэта. Объект послания — друг Хемницер не сливается с субъектом послания — другом Муравьевым. Слияние происходит на другом уровне: уровне настроения, окрашенного пока в сентиментальные тона. В тексте оно не называется, но присутствует во всем произведении от первой строчки до последней.

Стихотворение «К Хемницеру» еще нельзя отнести к жанру дружеского послания в чистом виде. В нем присутствуют и черты одического стиля, и элегии. Но, ломая межжанровые перегородки, используя мозаичность структуры, свободу тематики, вводя субъективное авторское мироощущение и наличие адресата, поэт закладывает основы нового жанра.

Создавая новый жанр, М. Муравьев безжалостно рушит и границы жанра эпистолы, в создании которой участвовало и его собственное поэтическое перо.

Эпистола Муравьева держалась единством темы: философской («Эпистола к Н. Р. Р.», *** об «Учении природы. К В. В. Ханыкову»), литературной («Опыт о стихотворстве»). Но уже в стихотворении «Успех твой первый возвещая…», посвященном молодому драматургу Д. И. Хвостову, мы увидим признаки нового жанра. Единство темы — театральной — здесь еще сохраняется, но границы жанра раздвигаются. Стихотворение не имеет названия, что вообще характерно для лирики Муравьева конца 70-х — 80-х гг. В то же время адресат обозначен уже во второй строке:

Успех твой первый возвещая,
Питомец Талии Хвостов…

Произведение написано в форме лирического монолога. Автора в первую очередь интересуют внутреннее состояние человека, движение его души и сердца:

А я любил бы чрезвычайно,
Когда бы дар позволил мой,
Входить в сердца, хранящи тайны,
Быть зрителем минуты той,
Как склонность первая зачнется
Во всей невинности детей
И сердце юное проснется
<Под колереттою> своей.

В эпистоле личное авторское местоимение «я» выражало не субъективный характер, а было функционально общим. У Муравьева авторское «я» становится личным, что свойственно поэтике дружеского послания. Тема семьи лишь эпизодически мелькнет здесь:

Меж тем как ты далек от края
Прекрасных невских берегов,
Среди семьи, в Москве пространной…

В дальнейшем эта тема станет постоянной спутницей жанра дружеского послания в поэзии Муравьева.

Дружеское послание разрушало то «одно главное содержание», «один общий предмет или целое» (А. Мерзляков), которым жила эпистола.

Дружеское послание Муравьева ликвидировало тот разрыв между поэтом и читателем, который существовал в эпистоле. Не пассивный слушатель (эпистола игнорировала активную реакцию собеседника), а друзья, родные. Не монолог-наставление, а непринужденный разговор, иногда шутливый и интимный, обо всем и иногда «слегка», диалог, течение которого так трудно предугадать. Если в стихотворениях «К Хемницеру» и «Успех твой первый возмещая…» только намечается поэтическая структура жанра дружеского послания, то в послании «К Феоне» видны практически все конструктивные и поэтические особенности нового жанра.

В послании соединилось все то, что подспудно, постепенно зрело в авторском сознании. В ходе созданий произведений 1776 г. завершилась давняя и долгая внутренняя работа. Появился тот характер и тот ритм поэтических исканий, которые стали основой поэтического видения мира в целом. Послание отличает пластичность формы и легкость слога, непосредственность самовыражения:

Я здесь один, в спокойном зданье,
Прелестных несколько минут
Тебе и музам посвящаю,
Дорогу в Питер нахожу,
Тебя внезапу посещаю,
Между подруг твоих сижу…

Из разговора, из дружеского письма в послание пришло бесконечное разнообразие интонаций, нарушающих единство тона дидактической эпистолы.

Шутливых:

Где я, последуя Елизе,
Семьей почтенной угощен.
Меж тем как сна ленивы маки
Содержат пленных наших дам.

Восторженных:

Вокруг роскошныя природы
Пленяет разностию вид.

Прозаически-бытовых:

Через долины, буераки
Мужчины ездят по лесам
Того часа во ожиданье,
Когда нас к чаю позовут…

Эпистола требовала «порядка», повествования связного и последовательного. Дружеское послание узаконивало «болтовню», свободный переход от одной темы к другой. Переход иногда совершенно непонятный, стремительный и необъяснимый. Вот легкий, с вкраплением изящной иронии, эскизный портрет восемнадцатилетней вдовы:

И с ними милая, живая.
Вдова осьмнадцати годов,
Котора, скорбь позабывая,
Не думает в супружний ров
Вослед за скучной Артемизой
Влачить печальные стопы…
……
Резва, свободна, беспритворна,
Не знает, что такое грусть.

В следующих строчках меняется и поэтическая тональность и тема: дорожное описание и язвительные литературно-полемические колкости по адресу надоевших путешествий «осведомительного» характера:

Но что сказать вам о дороге?
Как вихрь, летя на почтовых,
Мы очутились на пороге
Желанных теремов своих,
Не думавши о наблюденье
Земель, и жителей, и трав.

Новый жанр вбирает в себя описание и повествование, отклики на события дня, размышления моральные и философские, портреты-характеристики и бытовую живопись. И вся эта сложная конструкция покоится на фундаменте «чувствительной души» самого автора. «Чувствительная душа» — постоянный спутник не только поэзии, но и прозы Муравьева. Для поэта нравственная красота связана с культом семьи и семейной жизни. Адресат послания — сестра, для него «предмет… стихов»:

К тебе я обращаю взоры,
Сестра, предмет моих стихов,
Предмет нежнейшего союза,
Природы драгоценный дар!

Предромантические мотивы послания яснее всего прослеживаются в пейзажных зарисовках. Пейзаж в жанре дружеского послания является пластом, прослойкой, связанной и скрепленной в сложное жанровое образование личностью самого автора. По своим преобладающим мотивам пейзажные вставки в послании отражают романтическое мироощущение поэта. Как и у романтиков, природа здесь у Муравьева связана с миром высокого, необыденного, возвышенного, но поэт связывает это высокое и с возвышенными чувствами к сестре. Образы моря, старинного замка, витязя навеяны романтическими образами Оссиана, Юнга:

Вообразите брег крутой
И море, где не видно краю;
Над той наш замок высотой.
……
Отважны парусы летают
По синим яростным волнам,
Явятся мельком, убегают,
Стремятся к дальним берегам.
……
Вблизи свой верх возносит дерзкий
Остаток древности седой,
Старинный замок кавалерский;
Во стены плещет вал морской.
Мне кажется: на них взирая,
Выходит витязь с корабля.

Динамическая, стремительная картина сменяется тонкой остроумной шуткой в духе «легкой поэзии»:

Не похищаем в чистом поле,
Не запираем мы девиц.
У нас они во всей свободе,
И в мызе барышень пять-шесть.

В причудливом переплетении и свободе тематики, течение которых так трудно предугадать, в пластичности и сменяемости образов, в контекстуальной свободе, в смелом перемешивании жанровых границ, в «перерывах» в развитии темы, отступлениях, нередко вырастающих в отдельные фрагменты, наконец, в авторском мировосприятии жизни — про-

должается разрушение жанра эпистолы и становление жанра дружеского послания в лирике Муравьева.

Следующий, еще более значимый этап в становлении нового жанра — послание к А. М. Брянчанинову «Сельская жизнь». Написанное на пятнадцать лет ранее знаменитого державинского послания «Евгению. Жизнь Званская», оно содержит в себе практически все признаки жанра дружеского послания.

Вызванное к жизни культом сентиментальной дружбы, послание рождалось как продолжение дружеской беседы, максимально приближаясь тем самым к частному письму:

Не слава, о мой друг, не шум оружий бранных —
Жизнь сельская зовет согласия мои,
В долинах, муравой цветущею устланных,
Где Лухта льет тебе прозрачные струи.
Где ты из терема, куда ни кинешь взоры,
Повсюду мирное свое владенье зришь.

О разговоре, о письме напоминало многое: начало, неожиданное и неподготовленное, как будто продолжение недавней беседы. Обращения, врывающиеся в ткань повествования:

Так, Брянчанинов, ты проводишь дни спокойны,
Соединяя вкус с любовью простоты…
Параллели, попутные образы,
внезапно всплывающие в разговоре:
Что нужды, что зима, — еще им лето длится,
И счастье годовых не ведает времен.
Момент случайно сопутствующего,
моментального, индивидуально пережитого:
И связи родственны, и нежны воздыханья,
И нужда добрым быть спасали от страстей.

Разговорный тон послания достигается своеобразием синтаксической формы построения, интонационная выразительность которой покоряет плавностью и мелодичностью. Легкость и естественность формы определяются также употреблением довольно простых по конструкции сложных предложений, лексический состав которых выражает непосредственные чувства автора. Заметно целенаправленное стремление к простоте и безыскусственности. Так, если в первых посланиях встречаются условные образы амуров, зефиров, Флоры, то в послании к Брянчанинову эти условные образы исчезают. Изменяется и лексика. Уходят в прошлое такие слова, как «паки», «токи», «сриновенный» Уходят и предромантические образы: моря, стихии старинных замков, так явно подчеркиваемые в послании «К Феоне». Вместо них реальная река Лухта, протекающая близ имения Брянчанинова, песни крестьян, «венки из васильков». Простота и естественность беседы улавливается и в ритме стиха. Уходят из послания мотивы раннего угасания таланта, мотивы смерти, как в послании «К Хемницеру» Они заменяются размышлениями о радостях жизни, приглашением собеседника постичь красоту окружающей непритязательной природы. Но что остается неизменным для всех жанров поэзии Муравьева, в том числе и для жанра дружеского послания, — это «биография души» самого автора.

С письмом связано и в высшей степени свойственное жанру ощущение адресата. Невольное «приспособление» к его психологическому облику, предчувствие его реакции, ориентация на его «точку зрения».

Дружеское послание Муравьева заменило адресата эпистолы, довольно широкого («Наставление хотящим быть писателем» Сумарокова, «К княгине Дашковой» Княжнина) конкретным человеком, дав ему индивидуальную характеристику. Этот поворот подготовлен не только поэзией сентиментализма и предромантизма, но и письмом с его необыкновенно острым чувством адресата. Муравьев превратил свое частное письмо в явление литературы, он же создал и первые образцы дружеского послания в России.

В дружеских посланиях Карамзина, как и во всей его поэзии, особенно сильно развито субъективное начало. Эстетические взгляды Карамзина, как известно, формировались под воздействием масонства. Масонское мировоззрение, отношение к человеку как личности чувствительной, исследование «души», меланхолические размышления о смысле жизни свойственны всей поэзии Карамзина, равно как и дружеским посланиям. Но для посланий в соответствии с законами жанра характерна ориентация на определенного адресата, желание поделиться с близким другом, волнующими автора проблемами. Одно из ранних посланий обращено к И. И. Дмитриеву: «Из письма к И. И. Дмитриеву» (1787). По фактическому объему оно совсем небольшое, по содержательности и глубине мысли — философский трактат о смысле жизни. Приведем его полностью:

Но что же скажем мы о времени прошедшем?
Какими радостьми, мой друг, питались в нем?
Мы жили, жили мы — и более не скажем,
И более сказать не можем ничего.
Уже наш шар земной едва не четверть века
Свершает круглый путь, вкруг солнца обходя,
Как я пришел в сей мир, иль, попросту, родился;
Но всё, мой друг, мне всё казалось время сном —
Бывали страшны сны, бывали и приятны;
Но значат ли что сны? Не суть ли только дым?

Письмо как бы продолжает прерванный разговор, в нем нет ответа. Произведение начинается и заканчивается вопросом. Читатель ожидает продолжения разговора. И это укладывается в рамки жанра. Своеобразие послания в его философской окраске. В нем отражено ощущение зыбкости мира, жизни. Размышления о призрачных границах между явью и сном, реальностью и фантазией, которыми поэт делится с другом. Аллегория сна напоминает нам мотивы пьесы Кальдерона «Жизнь есть сон». Но трагического мироощущения стихотворение не оставляет. Последняя фраза «Не суть ли только дым?» придает посланию оттенок легкой грусти, меланхолии и в то же время надежды.

Уже в первом послании Карамзин использует разностопный ямб, отсутствие рифмы, что придает произведению характер непринужденной беседы, соединения лирики и прозы. Отказывается поэт и от звучных эпитетов, образных метафор, что также создает впечатление разговора.

В 1794 г. Карамзин пишет «Послание к Дмитриеву» (в ответ на его стихи, в которых он жалуется на скоротечность счастливой молодости). Прошло двенадцать лет со времени появления первого послания. Постепенно в поэзии Карамзина появляются мысли о несовершенстве общества, о невозможности изменения существующего порядка. Остается в прошлом высказывание поэта: «Я в душе республиканец, и таким умру». Разочарование в прежних попытках исправить мир и человека в нем — «гордеца, глупца». И поэт спешит поделиться с другом, передать тому чувство щемящей тоски. Структурообразующим стержнем его послания становится личность поэта с переживаниями его «сердца». Жанрообразующий принцип — задушевный разговор с близким по духу человеком как продолжение прежних бесед:

Конечно так, — ты прав, мой друг!
Цвет счастья скоро увядает,
И юность наша есть тот луг,
Где сей красавец расцветает.
Тогда в эфире мы живем
И нектар сладостный пием
Из полной олимпийской чаши;
Но жизни алая весна
Есть миг — увы! пройдет она,
И с нею мысли, чувства наши
Лишатся свежести своей.
Что прежде душу веселило,
К себе с улыбкою манило,
Немило, скучно будет ей.
Надежды и мечты златые,
Как птички, быстро улетят,
И тени хладные, густые
Над нами солнце затемнят,—
Тогда, подобно Иксиону,
Не милую свою Юнону,
Но дым увидим пред собой.

«Хладные тени», «дым» — образы предромантической поэзии, как и само мироощущение, в послании имеет предромантический характер. Особенно характерен повторяющийся в жанре посланий образ «дыма», в котором звучит тема утраченных иллюзий и иллюзорности мира вообще.

Послание рисует тончайшие нюансы человеческих переживаний, настроение, страдание человеческой души.

Счастье и покой человек должен искать в себе. Надо уметь обрести гармонию, уметь «в мире жить с самим собой»:

А мы, любя дышать свободно,
Себе построим тихий кров
За мрачной сению лесов,
Куда бы злые и невежды
Вовек дороги не нашли
И где б, без страха и надежды,
Мы в мире жить с собой могли.

Спасение поэт видит в любви и дружбе, в уединенной от общества жизни, отворачиваясь от мира, где попирается добродетель:

Любовь и дружба — вот чем можно
Себя под солнцем утешать!
Искать блаженства нам не должно,
Но должно — менее страдать;
И кто любил, кто был любимым,
Был другом нежным, другом чтимым,
Тот в мире сем недаром жил,
Недаром землю бременил.

В соответствии с законами жанра Карамзин переходит от меланхолии и философских рассуждений к изящной шутке:

Хотя уж нет цветов весенних
У нас на лицах, на устах
И юный огнь погас в глазах;
Хотя красавицы престали
Меня любезным называть
(Зефиры с нами отыграли!),
Но мы не должны унывать:
Живем по общему закону!..
Отелло в старости своей
Пленил младую Дездемону.
И вкрался тихо в сердце к ней
Любезных муз прелестным даром.

Если в программном стихотворении «Поэзия», в котором уже проявился интерес Карамзина к предромантизму, он высказывает восторженную оценку творчества Шекспира, то в послании то ли в шутку, то ли всерьез дает свою интерпретацию любви Отелло и Дездемоны. Интерпретация, может, и шутливая, но рассказ Отелло о своих странствиях представлен в лучших традициях предромантизма. Здесь и «ревущие, пенные реки», и «густые, дремучие леса», и «львы, и тигры» и т. п.

Заканчивается послание характерной для Карамзина недоговоренностью, ожиданием дальнейшего разговора. Типология жанра проявляется и в структуре «внутреннего диалога», и в стремлении автора строить текст на незаконченности мысли, отсутствии детализации, ассоциативных связях.

В отличие от Муравьева, Карамзин лишает свое послание бытовых деталей, семейных пристрастий. В отличие от Хераскова — нравоучительных нот. Зато мы найдем у Карамзина признаки будущих романтических формул Жуковского. Такова концовка послания:

И ангел мира освещает
Пред ним густую смерти мглу.
Там, там, за синим океаном,
Вдали, в мерцании багряном,
Он зрит… но мы еще не зрим.

Стилеобразующим фактором послания является соединение жанров элегии и дружеского письма. Говоря о послании Жуковского «К Филалету», Белинский писал: «Не Пушкин, а Жуковский первым на Руси выговорил элегическим языком жалобы человека на жизнь» [1, с. 190]. Возьмем на себя смелость сдвинуть хронологию в XVIII в. Не Пушкин, не Жуковский. Первым открыл язык поэзии «для жалоб человека на жизнь» даже не Карамзин, а Муравьев, только в других поэтических жанрах. Карамзин продолжил поиски Муравьева в жанре дружеского послания.

«Послание к Александру Александровичу Плещееву» (1794) — философское рассуждение о нравственном идеале человека, о человеческом счастье, о «суетных желаниях». А. Плещеев — сын друзей Карамзина, и своего молодого друга, только вступающего в «шумный свет», поэт посвящает в тайны своей Музы:

Мой друг! вступая в шумный свет
С любезной, искренней душею,
В весеннем цвете юных лет,
Ты хочешь с Музою моею
В свободный час поговорить
О том, чего все ищут в свете…

Человек слаб, но он может и в этом печальном мире найти свое счастье в семье, среди друзей, жить жизнью сердца, довольствоваться малым:

Кто может быть приятным другом,
Любимым, счастливым супругом
И добрым милых чад отцом…

Послание построено, как и все остальные, на внутреннем диалоге. Беседа друзей происходит в милой для поэта обстановке «под сенью ив», «в любезной музам тишине». Погрузившись в мир чувств, Карамзин в то же время улавливает по-своему большую жизнь, но она полна обмана, стяжательства, гордыни. Но жизнь не есть безысходное страдание:

Каков ни есть подлунный свет…
……
Хотя в нем горесть обитает,—
Но мы для света рождены,
Душой, умом одарены,
И должны в нем, мой друг, остаться…

Послание строится на столкновении противоположных по своей эмоциональности понятий: «унылые и дремучие леса» и «веселый луч солнца», «розы» и «тернии», «тоска» и «блаженство».

В дружеской беседе Карамзин, как мы уже упоминали ранее, развивает свои философские взгляды: ни богатство, ни высокие чины, ни, тем более, безнравственные поступки не принесут счастья. Только для человека «прямого душой», окруженного друзьями, домочадцами, любимыми, «…сей мир не будет адом», и он:

С улыбкой встретит час вечерний
И в полночь тихим сном заснет.

Синкретическая природа жанра явно обнаруживается и в этом послании. Оно не подчиняется какому-то одному ведущему принципу. В жанре послания «поэт смотрит на предметы сквозь призму своего чувства, дает своим созерцаниям и воззрениям живые поэтические образы» [1, с. 50].

Мотив дружбы сливается с мотивом любви в грандиозном по объему стихотворении «Послание к женщинам» (1800). Здесь «легкий слог» Карамзина, «изящество» вкуса проявились в полной мере. В этом послании Карамзин нарушает традицию обращения к конкретному адресату. Адресат послания — «любовь». То она обретает обобщенные черты «красавицы любезной», то конкретные черты «красотки нашего села», «нежного друга Наины». Для послания характерна идеализация любви, любовной страсти. Впервые Карамзин в послании создает образ молодости, беспечной и счастливой:

Тогда еще, как я гонялся
За пестрым мотыльком,
Считал себя богатырем,
Когда на дерево взбирался
За пташкиным гнездом.

Впервые временные рамки послания расширяются — перед нами проходит вся жизнь поэта, но не внешние события, а внутренняя жизнь «чувствительного сердца». Время концентрируется в неустанном движении души, в желании любви от юных лет до «седин»:

Цвети, о нежный пол! и сыпь на нас цветы!
Исчезли для меня прелестные мечты —
Уже я не могу пленять вас красотою,
Ни юностью своей: весна моя прошла;
Зрю осень пред собою,
А осень, говорят, скучна и не мила!
Но всё еще ваш взор бывает мне отрадой
И сладкою наградой…

В послании Карамзин обращается к образу рано умершей матери, что тоже ново для его поэзии, но стилистика образа традиционна для поэта, она превосходно передает меланхолический колорит карамзинского творчества:

Ах, я не знал тебя!.. ты, дав мне жизнь, сокрылась!
Среди весенних ясных дней
В жилище мрака преселилась!
Я в первый жизни час наказан был судьбой!
Не мог тебя ласкать, ласкаем быть тобой!
Другие на коленях
Любезных матерей в веселии цвели,
А я в печальных тенях
Рекою слезы лил на мох сырой земли,
На мох твоей могилы!..

В послании мы отмечаем тематический синкретизм — тема любви переплетается с темой поэта: то шутливого, то философствующего, то галантного, заявляющего, что его целью является «быть писателем, творцом для вас, красавицы, приятным», и с темой природы. Причем, пейзаж здесь носит то сентиментальную окраску — «резвые мотыльки, «кристальные ручейки», всевозможные птички и цветочки, то в стихах возникают предромантические образы моря, ветра, бури. Появляются ассоциации, которым место скорее в стихах Державина: «гроб Вертера и брачный алтарь, осыпанный цветами». Истина, которая то «живет в вертепах тайных, то птичкою летает на лугах». Жанровая структура послания неоднородна и носит скорее лироэпический характер. Язык послания в значительной степени условен и в лексике, и в фразеологии. Но выражения эти переходили из одного послания в другое. Они стали чем-то постоянным для дружеских посланий Карамзина. Вот несколько примеров: «кроткий свет луны», «тихая лампада», «печальное бытие» и т. п. Повторяемость этих слов и выражений становятся штампом для самого Карамзина и в то же время отражают суть поэтики этой жанровой структуры.

Прерывистость слога, сочетание различных размеров, порой безрифменные строки создают иллюзию безыскусственного разговора с «нежными красавицами». Так же, как и в рассмотренных посланиях, Карамзин выступает в теме любви философом. Это и философские рассуждения о чести и добродетели, о ничтожности славы и богатства перед лицом любви, о сострадании к несчастным.

В послании соединяются мотивы светлой любви, ощущение счастья от общения с «нежным полом» с мотивами сожаления об уходящей молодости, несовершенства земной жизни. И заканчивается послание почти автоэпитафией в духе Карамзина:

Но знай, о верный друг! что дружбою твоей
Я более всего горжуся в жизни сей,
И хижину с тобою,
Безвестность, нищету
Чертогам золотым и славе предпочту.
Что истина своей рукою
Напишет над моей могилой? Он любил:
Он нежной женщины нежнейшим другом был!

Дружеское послание Карамзина, продолжая линию развития этого жанра, значительно отличается от дружеских посланий Муравьева. В нем мы не найдем бытописания, автобиографических мотивов (за исключением упоминания о переживаниях, связанных с ранней смертью матери), рассказов о своей судьбе. Почти не встретим иронических нот. Объединяет их другое: состояние души, необходимость обратиться к другу со своими мыслями, сомнениями, задушевным разговором, ощущение дисгармоничности мира, меланхолия. В типологии жанра — слияние лирики и письма, появление образов адресанта и адресата, соединение внешнего и внутреннего диалога, интимность в разговоре. Начало послания почти всегда как бы продолжает прерванный накануне разговор, конец предполагает его продолжение.

Карамзинское послание, вероятно, можно отнести к особому роду дружеских посланий — философским. Не случайно Карамзин часто употребляет в посланиях имена древних философов, упоминает философский камень. Эти философские мотивы, несомненно, навеяны масонскими взглядами.

Сохраняя эмоциональный настрой посланий, субъективный характер отношения к жизни, Карамзин в дружеских посланиях поднимается до осознания тем бытия, места человека в этом мире, нравственных проблем, дружбы и любви как философских категорий.

Современное литературоведение при всей противоречивости взглядов в определении типологии жанра дружеского послания сходится в одном: послание — сложный синкретический жанр, имеющий общие структурные элементы и эстетические критерии. Добавим, что даже в пределах одного исторического времени и одного жанра русские поэты XVIII в. В содержание жанра привносили свое, индивидуальное: Муравьев — автобиографическую и бытовую тематику, пропущенную через «чувствительную душу», Карамзин — темы любви и дружбы, окрашенные сентиментальными и предромантическими мотивами в русле философских размышлений масонов. Но все они способствовали дальнейшему развитию жанра дружеского послания, пока он не трансформировался в середине XIX в. под пером Жуковского, Пушкина в другие жанры.

Библиографический список

1. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7. — М., 1955.
2. *Белых Н.* Жанр дружеского послания и духовное общение К. Н. Батюшкова и Н. И. Гнедича // Творчество писателя и литературный процесс: межвуз. сб. науч. тр. — Иваново, 1981.
3. *Грехнев В. А.* Дружеское послание пушкинской поры как жанр // Болдинские чтения. — Горький, 1978.
4. *Карамзин Н. М.* Полное собрание стихотворений. — Л., 1966.
5. *Люстров М. Ю.* Старинные русские послания. — М.: МКЛ № 1310, 2000.
6. *Мстиславская Е. П.* Жанр посланий в творческой практике В. А. Жуковского: 1800–1810 // Вопр. рус. лит. — 1978. — № 5.
7. *Муравьев М. Н.* Стихотворения. — Л.: Сов. писатель, 1967.
8. *Поплавская И. А.* Формирование теории жанра послания в русской эстетике и критике // Проблемы метода и жанра. — Томск, 1986.
9. *Чернец Л. В.* Литературные жанры: проблемы типологии и поэтики. — М., 1982.

УДК: 821.111 (73)

Е. И. Сибирцева

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ МОДУСА ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ В РАССКАЗАХ О. ГЕНРИ

Автор рассматривает специфику модуса художественности в рассказах О. Генри, а также парадокс на уровне читательского восприятия, возникающий в связи с особым сочетанием элементов комического, лирического, трагического.

Ключевые слова: художественный модус, комическое, сентиментальное, парадокс

Ye. I. Sibirtseva

SPECIFICS OF ART MODUS IN SHORT STORIES OF O. HENRY

The author examines the specifics of art modus in O. Henry's short stories as well as the paradox on the level of reader's perception appearing in the particular combination of comic, sentimental, and tragic elements.

Key words: art modus, comic, sentimental, paradox

Американский новеллист О. Генри воспринимается читателями и специалистами как мастер малого эпического жанра — короткого рассказа, его новеллы не раз становились объектом исследования. Одной из отличительных черт произведений О. Генри являются яркие и нетривиальные развязки, которые часто оцениваются читателем как парадоксальные в связи с непредсказуемым действием, неординарным решением героя или случайным удачным стечением обстоятельств. Однако, на наш взгляд, у О. Генри есть второй, «внутренний парадокс» ситуации, присущий только ему. Комическое на поверку оказывается скорее трагическим, или к нему добавляется лирический компонент. Драматические события внезапно имеют счастливое разрешение. Такое переплетение позволяет обогатить ощущения читателя, открыть некую новую грань в ситуации и героях. Таким образом, парадокс складывается не только из-за нарушения логических связей, но возникает и на уровне эмоционального восприятия. Более того, именно логическая и эмоциональная составляющие оценки событий читателем вступают в противоречие, поэтому рождается парадокс восприятия художественной реальности.

Двойственная природа эмоциональной оценки, во-первых, изначально заключена в самом парадоксе, во-вторых, связана с особым модусом художественности произведений О. Генри, в котором оказываются соединенными комическое и сентиментальное начало.

В современном литературоведении вопрос о модусах художественности является одним из актуальных, сложных и требующих специальной проработки и разрешения. Именно поэтому в последнее время появляются работы, в которых авторы предпринимают попытки внести терминологическую ясность в существующую научную проблематику. Мы не ставим целью исследования проследить границы и соотношения терминов «модус», «пафос», «тип авторской эмоциональности» и их вариации. В нашей работе за основу мы возьмем определение, данное В. И. Тюпой: «Модус художественности — это всеобъемлющая характеристика художественного целого. Это тот или иной строй эстетической завершенности, предполагающий не только соответствующий тип героя и ситуации, авторской позиции и читательского восприятия, но и внутренне единую систему ценностей, и соответствующую ей поэтику» [5, с. 37].

В теории литературы понятие модуса, как правило, соотносится с пафосом (Г. Н. Поспелов) или типом авторской эмоциональности (В. Е. Хализев). Пафос определяется Г. Н. Поспеловым как «идейно-эмоциональная оценка изображаемых общественно-исторических характерностей жизни» [2, с. 111]. В. Е. Хализев говорит о том, что авторская эмоциональность неизменно содержит закономерно повторяющиеся начала: «В художественном произведении имеют место обладающие устойчивостью «сплавы» обобщений и эмоций, определенные типы освещения жизни. Это героика, трагизм, ирония, сентиментальность и ряд смежных им феноменов»[6, с. 76].

В связи с наличием различных модификаций понятий «модус художественности» и «пафос» у разных исследователей, складывается ситуация, когда понятия сентиментальное, романтическое, лирическое и даже элегическое наделяют одним и тем же значением. Во многом это связано еще и с усложняющимся характером литературных произведений, слиянием внутри художественного текста нескольких модусов, добавлением к доминантному типу дополнительных оттенков.

На наш взгляд, для большинства рассказов О. Генри, несомненно, характерен комический модус, но, парадоксально переворачивая ситуацию в финале многих рассказов, автор меняет и акценты повествования: изначально комическая коллизия приобретает сентиментальную* окраску. В новеллах с несчастливым для героя финальным разрешением появляется комическая составляющая, снижающая трагический пафос. Отметим, что сочетание комического и сентиментального модусов в литературе встречается реже, чем трагикомизм, однако является достаточно закономерным для парадоксальной авторской картины мира.

Подобная тонкая авторская игра с чувствами и эмоциями читателя объяснима диалектическим видением жизни О. Генри, пониманием близости существования веселого и грустного, трагического и комического, их возможной быстрой смены в жизни.

Акцентируем внимание на том, что наиболее часто О. Генри соединяет комическое и сентиментальное начало, завершая рассказ на достаточно сильной «эмоциональной ноте»; благодаря счастливой развязке у читателя создается положительная жизненная установка. С нашей точки зрения, финальное преобладание сентиментального модуса может быть объяснимо контекстом эпохи, важным для Америки периодом становления нации. Г. Н. Поспелов, характеризуя сентиментальный пафос, указывает на то, что «его развитие породили определенные обстоятельства социальной жизни. Важнейшим из них было усилившееся к середине XVIII в. нравственное разложение господствующих классов старого феодально-дворянского общества (Франция, Россия, Германия), а также общества буржуазно-дворянского (Англия). Осознавая все растущую нравственную развращенность утонченной и усложненной городской, столичной жизни, некоторые наиболее чутко мыслящие писатели, враждебные этим слоям, стали искать им антитезу в жизни нравственно неиспорченной, простой, естественной, близкой к природе» [2, с. 113]. Данное высказывание, несмотря на его существенную идеологизированность и соотнесенность с конкретно историческим временем, достаточно верно и применительно к ситуации в США конца XIX — начала XX в. Обращаясь к простым жителям Нью-Йорка и делая их героями своих рассказов, О. Генри пытался найти высокое в их обычной жизни, противопоставить простых горожан калифам Нового Света. Безусловно, сам автор относился к подобного рода идеализации своих персонажей с известной долей иронии, что и провоцировало усиление парадоксальности в его произведениях.

Возможно, желание О. Генри счастливо завершить сюжетную коллизию, показать лучшие черты характера героя, его настоящие чувства связаны с особым мировосприятием самого писателя. По воспоминаниям его друга Эл. Дженингса, О. Генри был «самый мягкий и терпимый человек от природы», «он любил людей и ненавидел их низость», «в нем жила какая-то солнечная вера в жизнь» [4, с. 683]. Вероятно, таким взглядом на мир вокруг и человека во многом объясняется стремление автора сотворить идеально-благополучный художественный мир, в котором вор не грабит, а оставляет деньги («Марионетки» [3, т. 3]), убийца вершит правосудие и освобождает от мучителя («Муниципальный отчет» [3, т. 3]), хозяин дома видит в преступнике понимающего человека («Родственные души» [3, т. 3]), бесчувственный северянин безвозмездно помогает южанину («Коварство Харгрейвза» [3, т. 3]), разлученные влюбленные встречаются через 20 лет («Театр — это мир» [3, т. 3]), дурнушка получает приглашение на танцы от самого завидного парня («Дебют Мэгги» [3, т. 1]), отец обретает сына, а сын — отца («Елка с сюрпризом» [3, т. 1]).

* Отметим, что мы используем термин сентиментальный не в связи с эстетической программой сентиментализма, а в значении «чувственный, эмоциональный».

Соединение в рассказах различных модусов рождает у читателя двойственную оценку ситуации, позволяет увидеть жизненные реалии с разных сторон. По-нашему мнению, наиболее ярко подобный эффект ощутим в рассказах, в которых наблюдается парадокс несостоявшегося счастья. Во многом это связано с тем, что в человеке психологически заложено ожидание счастливого конца, а в данном случае у О. Генри сюжет имеет противоположное разрешение.

Например, в рассказе «Чародейные хлебцы» (*Wicht's Loavesd*) [3, т. 3] читатель, с одной стороны, понимает абсурдность поступка мисс Марты, ее заблуждения, комизм ситуации, но, с другой стороны, испытывает чувство сопереживания к героине, ощущает ее трагедию.

В рассказах «Маятник» (*The Pendulum*) [3, т. 1], «По кругу» (*Round the Circle*), «В антракте» (*Between Rounds*) [3, т. 1] ситуация возврата к исходной точке комична, поскольку идет вразрез с размышлениями героя, но к рассудочному смеху добавляется грустное сожаление о несостоявшемся выходе из рутины, о неумении героя удержать главное, о преобладании в жизни мелочного, бытового над бытийным.

Комичная смена мест героев в новелле «Сердца и руки» (*Hearts and Hands*) [3, т. 3] на самом деле заставляет читателя прочувствовать трагедию оступившегося человека.

В некоторых новеллах комическая ситуация наполняется лиризмом. Например, в рассказе «Одиноким путем» (*The Lonesome Road*) [3, т. 3] герой вдруг понимает, что в жизни есть не только мужские развлечения, но и любовь; или рассказ «Возрождение Каллиопы», в котором бунтарь принимает решение о новой жизни, ему становится стыдно за свой образ жизни перед матерью.

В рассказе «Пианино» (*The Missing Chord*) ситуация покупки механического приспособления для игры на пианино вместо настоящего инструмента вызывает смех, но новелла пронизана лиризмом: поведение героини, ее любовь к дяде, нежелание причинить боль и обидеть его, вызывает добрые чувства у читателя. Комизм ситуации в рассказе «Квадратура круга» (*Squaring the Circle*) снимается в связи с ощущением радости от несостоявшейся вендетты и примирения героев.

В некоторых рассказах парадокс ситуации заключается в том, что автор соединяет низкое, комическое с высоким, драматическим, такая двойственность приводит к неоднозначной оценке.

В рассказах «Фараон и хорал» (*The Cop and The Anthem*) [3, т. 1], «Во имя традиций» (*Two Thanksgiving Gentlemen*) развязка оценивается читателем как трагикомическая. С одной стороны, финальный ход вызывает смех и раскрывает абсурдность человеческих привычек, с другой стороны, герои оказываются в замкнутом круге, их жизнь не меняется к лучшему, происходит разрушение сказочной формулы — по-настоящему конец новелл нельзя назвать счастливым.

Финал в рассказах «Дары волхвов» (*The Gift of The Magi*), «Из любви к искусству» (*A Service of Love*), «Горящий светильник» (*Trimmed Lamp*), «Последний лист» (*The Last Leaf*), «Меблированная комната» (*The Furnished Room*) [3, т. 1], несмотря на некий комический ход, в большей степени оценивается как сентиментальный. П. В. Балдицын отмечает, что О. Генри «снимает излишнюю чувствительность то грубой реальностью деталей, то ироническим комментарием повествователя, то гротескным жестом или даже именем персонажа» [1, с. 584]. Исследователь считает, что парадокс сюжета, в данном случае, связан с «техникой двойного плана повествования или двойного хода событий» [там же]. Например, в «Меблированной комнате» (*The Furnished Room*) [3, т. 1] автор использует древний сюжет самоубийства влюбленных и погружает его в быт, таким образом, убирая возвышенность; в рассказе «Дары Волхвов» (*The Gift of The Magi*) [3, т. 1] комическая ненужность подарков на самом деле становится выражением настоящей любви [1, с. 585]. О. Генри удается парадоксально соединить комизм и сентиментальность. В новелле «Горящий светильник» (*Trimmed Lamp*) [3, т. 1] Лу и Нэнси обмениваются возлюбленными и своими мечтами, ситуация комична, но основное настроение финала, скорее, драматическое, обе подруги понимают ценность настоящей любви. Параллельный сюжетный ход заканчивается авторским выходом на уровень притчи.

«Третий ингредиент» (*The Third Ingradient*) [3, т. 3] — это новелла, в которой история о приготовлении похлебки и собирании в нее

продуктов перемешивается с рассказом о любви и поиском возлюбленного. На первый взгляд, комические поиски лука для жаркого оборачиваются серьезными размышлениями о жизни:

We had just potatoes and meat between us. They're stewing now. But it ain't got any soul. There's something lacking to it. There's certain things in life that are naturally intended to fit and belong together. One is pink cheesecloth and green roses, and one is ham and eggs, and one is Irish and trouble. And the other one is beef and potatoes with onions. And still another one is people who are up against it and other people in the same fix [7].

У нас на двоих — только кусок мяса и немного картошки. Все это уже тушится, но в нем нет души. Чего-то не хватает. В жизни есть некоторые вещи, которые непременно должны существовать вместе. Ну, например, розовый муслин и зеленые розы, или грудинка и яйца, или ирландцы и беспорядки. И еще — тушеное мясо с картошкой и лук. И еще люди, которым приходится туго, и другие люди в таком же положении [3, т. 2, с. 467].

В финале комический компонент отходит на задний план, счастливый конец любовной истории также не является подлинной развязкой рассказа. В последнем абзаце на первый план автор выдвигает линию продавщицы Хетти, несправедливо уволенной и оставшейся без работы и денег, именно ее мрачный взгляд на мир завершает рассказ:

She gave a gray look at the gray roofs outside, and the smile on her face vanished by little jerks and twitches. "But it's us," she said, grimly, to herself, "it's us that furnished the beef" [7].

Она бросила хмурый взгляд на хмурые крыши за окном, и улыбка медленно сошла с ее лица. «А все-таки,— мрачно сказала она самой себе,— все-таки мясо-то достали мы» [3, т. 2, с. 470].

Таким образом, после прочтения многих рассказов О. Генри у читателя остается двойственное чувство. С одной стороны, запоминается атмосфера комического повествования, насыщенного каламбурами и шутками, с другой стороны, в финале автор преодолевает заявленный комизм за счет активизации сентиментального или трагического модуса. Такое сочетание комического, лирического, иронического порождает эмоциональный диссонанс и заставляет говорить о парадоксе на уровне читательской рецепции.

Двойная природа эмоциональной оценки, потенциально заключенная в парадоксе (трагический и комический парадокс), своеобразно осмыслены в мировоззренческой и поэтологической системе О. Генри. В финале многих новелл автор преодолевает присущий ему комизм за счет активизации лирического или трагического модуса.

Библиографический список

1. *Балдицын П. В.* Развитие американской новеллы. О. Генри // История литературы США: литература начала XX в. Т. 5. — М.: ИМЛИ РАН, 2009. — С. 544–597.
2. *Введение* в литературоведение: учеб. для вузов / Г. Н. Поспелов, П. А. Николаев, И. Ф. Волков [и др.]; под ред. Г. Н. Поспелова. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Высш. шк., 1988. — 528 с.
3. *Генри О.* Полное собрание рассказов: в 3 т. / сост., общ. ред. Е. Пучкова. — Екатеринбург: У-Фактория, 2006. — Т. 1. — 816 с.; Т. 2. — 816 с.; Т. 3. — 704 с.
4. *Дженингс Э.* С О. Генри на дне // Полн. собр. рассказов: в 3 т. / О. Генри — Екатеинбург: У-Фактория, 2006. — Т. 3. — С. 599–683.
5. *Тюпа В. И.* Художественный дискурс: введение в теорию литературы. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. — 80 с. — (Сер.: Лекции в Твери).
6. *Хализев В. Е.* Теория литературы: учеб. пособие. — М.: Высш. шк., 1999. — 400 с.
7. *Options* by O. Henry [Electronic Resourse] // Project Gutenberg. — URL: http://www.gutenberg.org/ebooks/1583 (дата обращения: 14.11.2012).

УДК 82-14

Г. А. Токарева

О ЛИРИЧЕСКОМ СЮЖЕТЕ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ СТРУКТУРНЫХ КОНСТАНТ ЛИРИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В статье рассматривается соотношение категорий «лирическая композиция» и «лирический сюжет» в историко-поэтологическом аспекте; исследуется трансформация композиционной модели «большого кольца» в лирике индивидуально-творческой эпохи; выдвигается гипотеза о двойной этиологии структурных констант лирического текста, обосновывается использование понятий «внутренней» и «внешней» формы при анализе структуры лирического произведения.

Ключевые слова: лирическая композиция, лирический сюжет, сюжетные модели, структурные константы, ритмико-композиционная организация текста, образ-переживание

G. A. Tokaryeva

LYRICAL PLOT AND THE PROBLEM OF STRUCTURAL CONSTANTS OF LYRICAL TEXT

The article examines the correlation between the categories of “lyrical composition” and “lyrical plot” in the historical-poetical aspect; it gives the analysis of the “great ring” composition pattern transformation in the lyrics of individual-creative epoch. It also hypothesizes the double etiology of lyrical text structural constants and grounds for the use of the notions of “exterior” and “entire” forms in the analysis of lyrical text.

Key words: lyrical composition, lyrical plot, narrative patterns, structural constants, rhythmic-structural text organization, emotional image

Подходы к анализу лирического текста всегда были проблемой сложной, какой бы аспект анализа ни интересовал исследователя: сугубо литературоведческий, методологический или методический. И анализ композиции лирического произведения в этой связи оказался в зоне самого пристального исследовательского внимания. Рассмотрение композиционных законов лирического текста в диахроническом ключе позволило сделать ряд интересных наблюдений, касающихся константных образований в структуре лирического произведения[1]. Одновременно возникла насущная потребность в разграничении понятий «композиция лирического текста», «сюжет лирического текста» и «лирический сюжет». Очевидно, что композиция лирического текста — понятие широкое, включающее в себя понятие лирического сюжета и часто сублимирующееся до понятия «архитектоника», когда речь идет об эстетическом эффекте, порожденном спецификой конкретной композиции. Структура рассматриваемого сюжета будет зависеть во многом от того, какой тип лирики перед нами: так называемая «фабулярная лирика» (термин Б. Томашевского) или, условно говоря, «чистая» лирика. Нас будет интересовать преимущественно последняя.

Возможно, есть основания говорить о «внешней» и «внутренней» форме лирического текста, и тогда первая окажется соотносимой с лирической композицией, а вторая с лирическим сюжетом. Лирический сюжет индивидуален и беззаконен. «Поэтический сюжет,— пишет Бройтман, — не ряд событий, а процесс «рождения», возникновения единственного события» [10, с. 353]. В. Козлов указывает также на «уникальный для каждого стихотворения лирический сюжет» [5, с. 220–221]. Но при всей уникальности лирического сюжета, лежащего в основе композиции лирического произведения, эта композиция имеет ряд структурных констант, которые также исследовались в теории лирического рода. Наиболее полный анализ композиционных моделей лирического текста дан в работе В. М. Жирмунского «Композиция лирических стихотворений». Ученый говорит об анафорической композиции, о «композиционной форме большого кольца» [4, с. 64], композиции, построенной на параллелизме и т. д. В значительной степени опираясь на опыт композиционного исследования лирики

[1] См. нашу статью «Некоторые размышления о структурных константах лирического текста» [11].

такими авторами, как В. Жирмунский, Ю. Лотман, С. Бройтман, строит свою типологию лирических композиций Ю. Никишов (логическая, пунктирная, временная, пространственно-временная, кольцевая, спиральная и т. п.) [9]. Используя предложенную терминологию, назовем эти композиционные модели «внешней формой» лирического текста.

Что касается формы «внутренней», то как раз здесь начинаются наибольшие терминологические сложности. Есть ли необходимость вводить дополнительные термины, если характер соотношения композиции и сюжета достаточно изучен в теории литературы? Подобное уточнение оказывается все же оправданным для лирики в силу сложности структуры лирического высказывания: если в эпике «внешняя форма» (композиция) и «внутренняя форма» (сюжет) подчиняются структурным законам, основанным на логике, то лирический сюжет эти законы логики откровенно нарушает и требует особого описания, а, значит, и терминологического уточнения.

Сложности с определением содержания понятия «лирический сюжет» существовали всегда и продолжают существовать по сей день. Например, разночтения в трактовке понятия «лирический сюжет» мы находим у С. Бройтмана. Справедливо указывая на уникальность лирического сюжета, спонтанный характер его возникновения (см. ранее приведенную цитату), автор, вступая в противоречие с самим собой, все-таки пытается выстроить некоторую *событийную, логически организованную* модель данного «беззаконного» акта: «Модель лирического сюжета, видимо, такова: исходная ситуация — внутренний разлад — обретение цельности» [10, с. 351]. При таком понимании лирического сюжета в его построение внедряется универсальная инициационная модель, лежащая не только в основе большинства мировых сюжетов, но и в основе законов человеческого мышления в целом (тезис — антитезис — синтез). Именно эта универсальность, вероятно, и не позволяет четко отграничить логически сформированную триаду от бессознательно воспроизводимой такой же трехчастной структурной модели на уровне мифологической прапамяти автора в лирическом тексте.

Внутренняя форма обеспечена движением лирического чувства: лирический сюжет как основа композиции лирического текста может представлять собой последовательность эмоциональных состояний лирического героя. Однако в силу «беззаконности» эмоции ее движение редко бывает упорядоченным, она может развиваться по принципу ассоциации, нюансироваться, обретать обратный ход, интенсифицироваться или, наоборот, провоцировать ретардацию. Тем самым практически дезавуируется понятие сюжета как некой выстроенной последовательности. Поэтому понятие «лирического сюжета» остается весьма условным. Не случайно многие исследователи предпочитают говорить не о лирическом сюжете, а о движении лирического чувства. В литературном энциклопедическом словаре сформулирована мысль о принципиальной незавершенности лирического текста: лирическое произведение — «в известном смысле всегда фрагмент». Это утверждение можно расценить как констатацию сюжетной неоформленности лирического текста.

В то же время эта фрагменарность есть знак максимальной диалогической открытости лирического произведения. Всякий текст диалогичен в бахтинском смысле, однако у лирики в этом плане значительно больше резервов. Лирический текст предстает как эхо сознания человечества в каком-либо его эмоциональном проявлении, ибо он «достает» из эмоционального генофонда человечества какую-либо эмоцию и тем самым обеспечивает отклик в читательском сознании на нее как на знакомую, также некогда испытанную. И поскольку это диалог сознаний, то лирический текст действительно оказывается фрагментом этого всеобщего эмоционального Текста. А поскольку «архетипическая решетка» (выражение К. Леви-Стросса) эмоций отличается меньшей степенью вариативности, чем архетипический набор смыслов, уровень прецедентности в лирическом тексте возрастает, однако не становится очевидным, поскольку вербальное (а также фонетическое, ритмическое и метрическое) выражение эмоции максимально вариативно. Диалог налицо, эмоциональный фонд единый — художественное проявление этих эмоций неисчерпаемо индивидуально. В этом парадоксальном сочетании инвариантности / вариативности заключается специфика лирического рода, и эта же парадоксальность оказывается почти непреодолимым препятствием при выявлении структуры лирического текста.

Проследим *движение лирического чувства* на материале стихотворения Ф. Тютчева «Тени сизые смесились».

Тени сизые смесились,
Цвет поблекнул, звук уснул —
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул.
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всем...
Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, томный, благовонный,
Все залей и утиши.
Чувства — мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

Эмоциональное состояние лирического героя в первых строчках текста еще не опознается на уровне понимания, оно передано как предчувствие через почти мистический образный ряд (сизые тени, зыбкий сумрак, дальний гул). На создание устрашающей эмоции работает и цвет (сизые тени — не безразличные серые, не глубокие успокаивающие синие, а настороженно сизые, холодные, негармоничные; не случайно цвет «поблекнул»), и семантика (пугающая зыбкость очертаний, неясный приближающийся звук, эффект ожидаемого с тревогой явления — его подкрепляет глагол «разрешились»), и тип образности (мистически олицетворенные явления космического масштаба: «цвет поблекнул», «звук уснул»), и ритм (короткие однородные двусоставные предложения, почти не осложненные второстепенными членами), и звук (аллитерация на *с*/*з*, буквально материализующая названное мистическое ощущение зыбкости мира и самый эффектный звукообраз — слово «гул» в конце строки: глухое, глубокое с эффектом реверберации). Далее неясное предчувствие определяется в названную эмоцию — «невыразимая тоска», графически завершенную восклицательным знаком. Ощущение безысходности, экзистенциальной беспомощности интенсифицировано через символический образ мотылька (эфемерное создание-однодневка). Мистическое чувство страха усиливается за счет классического приема изображения слышного, но невидимого явления, и оттого пугающе таинственного. Второе четверостишие завершается семантически нагруженной строкой — «все во мне, и я во всем», построенной как хиазматическая конструкция — отсюда и эффект экзистенциальной замкнутости, и чувство непреодолимой связанности человека с бренным материальным миром.

Вторая часть текста создает концентровую структуру: авторская мысль и эмоция вновь воспроизводятся, но уже на новом уровне их осмысления. Ритм стиха убыстряется и гармонизируется, практически исчезают пиррихии, появляются ритмические интонации колыбельной. В последнем четверостишии эмоция интенсифицируется, что находит отражение в пунктуации, сублимируется до экстатического состояния в предпоследней рифме: «уничтоженья!» и, наконец, несмотря на итоговое восклицание, идет на спад, что воспринимается как некое падение с высоты в бездну, в глубине которой таится обещанное возрождение.

Мы наглядно показали, как разворачивается центральный образ-переживание, как изменяется эмоция, как формируется этот ключевой образ за счет связанных с ним ритмических, метрических и фонетических резервов текста. При желании лирический сюжет можно выстроить графически, обозначив восходящими и нисходящими стрелками, ответвлениями и концентрическими кругами движение лирического чувства, кадансы и декадансы эмоции.

Вернемся к соотношению понятий «лирическая композиция» и «лирический сюжет». Мы уже обнаружили, что, с одной стороны, лирический текст есть свободная форма эмоционального выражения личности, а, значит, структурно практически не регламентирована. С другой стороны, феномен лирики как специфического рода зиждется на ее ритмической организации, восходящей к психофизическим свойствам человеческой природы: ритм — пуповина, связывающая человека с природой, и одновременно орнаментарный элемент лирического текста, доставляющий неизъяснимое эстетическое наслаждение. Последнее также сублимируется до эстетического наслаждения через свои исходные психофизические свойства: экстатический ритуальный транс, знаменующий проникновение в сакральные сферы[2]. Уже эта традиционная отсылка к ритуальным

[2] О. Фрейденберг связывает экстатическое восхождение, например, в танце «со светом, с сиянием солнца, с его новым рождением, а затем с половым актом» [12, с. 123].

корням лирики требует неизбежного разделения анализа константных структур в лирике архаической, нормативной и индивидуально-творческой эпох.

Все эти размышления важны для утверждения, что композиция лирического текста в большей степени, чем в других родах литературы, оказывается зависима от формальных компонентов структуры: ритма и звукового оформления; в ней сильнее проявляется природное, эмоциональное начало личности, трудно регулируемое законами логики, и поэтому даже в поздних лирических образованиях (лирика нового и новейшего времени) ощущается диктат формы и композиционная неопределенность содержательной основы, каковой является образ-переживание: его уже по определению невозможно уложить в прокрустово ложе логической структуры.

Предварительно отметим еще один важный фактор, на который обращают особое внимание многие известные исследователи (О. М. Фрейденберг, М. М. Бахтин, М. Л. Гаспаров и др.) и который оказывает особое влияние на законы построения лирического текста. Это высокая степень сращения лирических форм с их архаической ритуальной основой.

Таким образом, в качестве гипотезы, предлагаемой нами, сформулируем мысль о двойственной природе лирической композиции: с одной стороны она опирается на «беззаконность» лирического сюжета, с другой стороны, она подчиняется законам ритмически и логически организованной человеческой речи. Ритмико-структурные основы лирической композиции связаны с ритуальной практикой архаической эпохи; логическое построение лирического текста — со спецификой более поздних форм человеческого мышления (тезис — антитезис — синтез), которая, однако, также может быть возведена к архаической инициационной модели, цикличность которой связана с природным циклом. Итак, в связи с лирической композицией мы исследуем такие феномены, как эмоция («беззаконный» лирический сюжет), ритуальная практика (ритмическая основа лирической композиции), логика мышления (логическая композиция лирического текста).

Модель «большого кольца» неоднократно привлекала внимание исследователей лирики. «Универсальным структурным принципом поэтического произведения является принцип возвращения»,— пишет Ю. М. Лотман [8, с. 89]. Невозможно отрицать наличие кольцевой композиции в значительном количестве текстов индивидуально-творческой эпохи, когда художник, казалось бы, уже освобождается от структурной нормативности лирического текста. Но «кольцо» превращается в универсальную форму как раз благодаря глубинным онтологическим смыслам этой вечной модели. Мы уже указывали на связь логической триады «тезис — антитезис — синтез» и инициационной сюжетной трихотомии «потеря — поиски (испытания) — приобретение». Поскольку приобретение, так же, как и синтез, предполагает не простой возврат к исходной точке, а некую качественную сублимацию на новый уровень цикла, то вернее было бы говорить об архетипической модели спирали, лежащей в основе идеи космогенеза, по крайней мере, на этапе отказа человеческого сознания от идеи развития по принципу замкнутого круга (ее образное воплощение — мифологический Уроборос: змей, кусающий собственный хвост). Концентровый принцип организации лирического текста, который мы показали на стихотворении Ф. Тютчева, может быть сочтен изоморфом спиралевидной конструкции, которую мы считаем архетипической.

Чем дальше от античности мы движемся вглубь нормативной эпохи, тем существенней становится влияние *жанрового* структурного канона текста на его композицию. Жанр превращается во все более застывающую категорию, и вслед за ним теряет свою гибкость композиция как один из жанровых признаков, доминирующих в традиционалистской поэтике. Логическая предписанность структуры, безусловно, ощущается, например, в жанре элегии, послания, эпиграммы, однако нам вновь предстоит вспомнить особую спаянность лирического текста с ритмом и соответственно влияние ритмико-фонетических показателей на структуру текста. Кроме того, в элегии, например, как жанре, который манифестирует переход к субъективизированному типу лирики (сентиментализм, предромантизм) организующим началом все чаще становится не логика, а ассоциативный ряд, что мы подробнее покажем далее.

Определенные возвраты к доминантности формы в некоторых лирических жанрах мы связываем с периодически активизирующи-

мися процессами расслоения лирики на массовую и элитарную или с общей демократизацией поэзии в определенные периоды (например, позднее Просвещение в английской литературе). Жанр элегии, в частности, приобретает структурную определенность в английской лирике сентиментализма, это, прежде всего, так называемая «кладбищенская элегия» Т. Грея. Его практически современником и единомышленником оказывается В. И. Гёте в своих «Римских элегиях». Традицию так называемой «унылой элегии» активно поддерживают русские поэты начала XIX в.: В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, Е. Боратынский и др. Композиционной основой на уровне мотивной структуры в элегии можно счесть дихотомию мотивных рядов, связанных с понятиями «жизнь» и «смерть»[3]. Различные модификации элегии в новое время осуществляются в основном через перекодировку мотивной структуры, однако эти содержательные изменения оказывают влияние и на канон формы: выраженная на уровне мотивно-образного ряда смысловая антитеза жизнь / смерть становится менее оформленной, к исходной семантической дихотомии присоединяется множество побочных мотивов, мысль и эмоция лирического героя начинают двигаться «беззаконно». Будучи жанром высокой поэзии, элегия не ориентирована на ритмико-фонетические образцы народной песни, и этот жанр может служить как раз примером ухода структурного канона жанра в область содержания в период еще достаточно жесткой привязки к стилю.

Обратим внимание на некоторые структурные модификации элегии как жанра, находящегося на границе нормативной и индивидуально-творческой эпох. Наиболее существенный жанровый признак поздней элегии (мы, безусловно, не говорим об элегии античной) — ее эмоциональная тональность, предполагающая медитацию печального характера. Эта жанровая характеристика оказалась столь устойчивой, что возникла тенденция к ее унификации до эмоционально-оценочного модуса, и в литературоведческом обиходе появились такие понятия, как «элегический стиль», «элегическая тематика» и даже «элегические жанры». Вероятно, именно о модусе художественности говорит в своем специальном исследовании о русской элегии В. Э. Вацуро, указывая на выраженную реминисцентность сентиментальной элегии как жанра. Именно повторяемость образов и структур делает, с точки зрения исследователя, элегию цельным и гармоничным жанром [2]. Как жанровый признак трактуется «традиционность», однако подобное утверждение вызывает существенные возражения. Традиционность в лучшем случае может быть признаком поэтики, даже для стиля это слишком широкое определение. Совершенно очевидно, что исследователь указывает на элегический, так называемый «кладбищенский» *пафос* (*модус художественности*) как жанровый признак.

В теоретико-литературном аспекте эта так называемая традиционность, или реминисцентность становится предметом специального обсуждения. Л. Гинзбург назвала поэтику сентиментальной элегии «поэтикой устойчивого стиля»[3, с. 26], позднее Е. Эткинд будет говорить об «эстетике штампа» [13, с. 63] как специфической поэтологической категории в литературе рубежа XVIII–XIX вв. Эта устойчивость образно-мотивных рядов в рамках модуса является несомненным наследием нормативной поэтики, на что совершенно справедливо вновь указывает Л. Гинзбург [3, с. 27]. При этом очевидным становится и вариативность нормы по отношению к стилю: жесткий трехстилевой канон предшествующей эпохи разрушается, появляется новый сплав, своеобразный «жанростиль», за которым закрепляется определенная топика, на основе которой строится дальнейший прецедентный ряд, например «кладбищенская» элегия, «унылая элегия», «готический роман» и т. д. Высокая степень вариативности «жанростилей», с нашей точки зрения,— явное свидетельство наступления индивидуально-творческой эпохи на нормативную.

---

[3] Своеобразную модификацию этой мотивной антитезы находим в элегической «Деревне» А. С. Пушкина, в которой онтологическая антитеза «жизнь» — «смерть» заменена антитезой социальной, образно воплощенной через контраст природного и цивилизационного: гармония природы и дисгармония человеческих отношений. При этом структурно не выраженная антитеза мотивов жизни и смерти в сентиментальной элегии оказывается композиционно оформленной в двучастную модель в стихотворении А. С. Пушкина.

Далее Л. Гинзбург утверждает, что слова-сигналы ведут за собой ряды «предрешенных ассоциаций» [3, с. 28]. О суггестивности ассоциативного ряда говорит вслед за ней и В. Вацуро [2, с. 52]. Таким образом, «поэтика узнавания» (термин Л. Гинзбург) реализуется не только на уровне ключевых образов-сигналов, но и на уровне закрепленных за этими топосами ассоциаций. Вся «решетка» ключевых образов и связанных с ними прочными нитями ассоциативных образов и мотивов становится сплошным семантическим полем. Еще одной особенностью этого смыслового пространства оказывается высокая степень вариативности значения, протяженность синонимического ряда, поскольку, говоря о реминисцентности текстов элегии, мы имеем в виду, реконструкцию не столько интеллектуального, сколько эмоционального опыта, а эмоция выражается лексически более разнообразно. В этой связи В. Вацуро говорит об «элегическом» слове» («слово контекстуальное, элегическое, с высвободившейся сферой коннотаций») [2, с. 67] как особом явлении, демонстрирующем восхождение к максимальной степени обобщения эмпирического опыта через эмоцию. В этом смысле заявленная уже современниками Жуковского музыкальность, гармония текста актуализирует понятие читательской рецепции, и важной оказывается потенциальная гармония *воспринятого* текста, степень ее совпадения с гармонией заданной. Именно «музыкальность», ассоциативность в элегии начинают определять структуру всего текста.

Таким образом, в лирике сентиментализма организующим началом становится начало не логическое, а эмоционально-мелодическое, причем мелодика формируется не только на основе законов непосредственно музыкальной гармонии, что находит отражение в ритмико-фонетической организации стиха, но на уровне музыкальности в широком понимании этого термина. В. Вацуро говорит о «плавности движения зрительских картин»[2, с. 70] в лирике Жуковского. Уже здесь начинает действовать принцип органической эстетики, о котором еще предстоит разговор.

Причем, в русской предромантической элегии эта структура формируется сложнее и интереснее, чем, например, в английской: русская элегия учитывает и достаточную конкретность образного мира английской элегии, и мистико-профетическую топику немецкого предромантизма. Конкретность образов с одной стороны и их размытость с другой, создают сложную структурную модель, линеарную с одной стороны (системообразующие топосы, выстроенные по принципу лирического сюжета в связную цепочку изображенных эмоциональных состояний) и ассоциативное их разветвление на периферию магистральной линии с одновременным размыванием конкретности образа за счет специфически (часто «музыкально») выраженных ассоциаций с другой стороны. Покажем это на материале «кладбищенской» элегии английского сентименталиста Т. Грея.

Элегию открывает пасторальная картина летнего вечера: неторопливо бредет через луг стадо, жужжит вечерний жук, мир погружен в дремотный покой. Это чувство покоя и смирения подхвачено и в третьей строфе, где появляется образ сельского кладбища и отцов, почивающих в своих «тесных жилищах» — могилах. Плавный переход к теме смерти, однако, меняет настроение: формирующаяся антитеза жизнь / смерть (покой в жизни / вечный покой в смерти) усиливает ностальгическую ноту, появляется чувство тоски, выливающееся в последующие ламентации. Интересно проследить, как движение лирического чувства осложняется параллельно зарождающимися мотивами, далее активно разворачивающимися: сам мотив смерти, как из зерна, вырастает из первой метафоры — колокольного звона, возвещающего конец дня (в русском переводе С. Черфаса (а также в первом варианте перевода В. Жуковского) — «колокол *отпевает* день»). В первой же строфе появляется мотив тяжкого земного труда (*plods* — бредет изнуренно). Через образ древней башни вводится мотив земного могущества (*ancient solitary reign*), далее включенный в этическую антитезу простые труженики / сильные мира сего перед лицом смерти. Лирическая композиция разворачивается весьма наглядно, однако не просто линеарно, она словно тянет за собой целые ряды ассоциаций, формирующих мотивно-образные структуры и усложняющих, «ветвящих» композицию текста. Мелодика тек-

ста формируется по тем же законам агглютинации: сначала опирается на монотонность синтаксического параллелизма, формально отраженного в анафорическом *the* в пятой строфе, затем получает усиление в элегическом повторе пятой и шестой строфы — *no more*. При такой организации лирической композиции текста мы имеем дело с «развеществлением» жанра элегии — весьма показательным для начала XIX в. процессом.

Итак, лирика индивидуально-творческой эпохи постепенно теряет атавистические признаки структурно организованного текста и начинает противиться всякой структурной регламентации по вполне понятным причинам. Структурообразующим компонентом внежанрового лирического образования становится субъективный образ-переживание. Он предопределяет «беззаконность» композиции лирического текста, усложняет и даже разрушает структуру в периоды усиления процесса индивидуации в лирике, в то же время оказывается единственной скрепой лирического сюжета (исключением является, пожалуй, постмодернистский дискурс).

Однако связь структуры «большого кольца» с природным трихотомическим циклом делает трехчастную модель лирической композиции практически неизбывной, хотя она теряет свою универсальность в индивидуально-творческую эпоху. Интересно проследить, как этот принцип трехчастности в лирике XX в. усложняется, как триада начинает строиться не только на структурно-семантической основе, но и на отдельных смысловых маркерах, метрике, ритмике или фонике начальных и конечных строф.

По поводу этих неизбежных возвратов О. Фрейденберг пишет: «Симметрия, отражающая своеобразие мышления, неизменно ведет нас к антитезам, антифонности, к возвратам и обратно-симметрическим композиционным линиям циклизующего мышления, в котором всякая «обратность» представляется моментом борьбы двух противоположных начал» [12, с. 127].

Докажем этот тезис на материале ряда лирических текстов XX в. Обратимся к текстам, в которых кольцевая композиция сохраняется в своей классической форме.

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.
Умрешь — начнешь опять сначала,
И повторится все, как встарь,
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

А. Блок

Кольцевая композиция текста в стихотворении А. Блока, однако, обусловлена не только указанными ранее факторами архаической и риторической природы, но уже и смыслом: замкнутость композиции зеркально отражает авторскую мысль о безысходности поисков духа в замкнутом мире социального бытия. Таким образом, композиционное оформление стихотворения реализует сразу два принципа, свойственных различным эпохам развития сознания: выстраивание структуры и выстраивание смысла. Повторение содержания в форме — достаточно распространенный принцип организации текста, реализующийся, однако, в полной мере только в индивидуально-творческую эпоху. Интересно отметить аналогичную двойственность в стихотворении В. Брюсова, которая опознается не только на уровне основного смысла, но и с помощью рамочных компонентов текста, в частности, эпиграфа.

Я люблю…
…между двойною бездной…
Ф. Тютчев

Я люблю тебя и небо,
только небо и тебя,
Я живу двойной любовью,
жизнью я дышу, любя.
В светлом небе — бесконечность:
бесконечность милых глаз.
В светлом взоре — беспредельность:
небо, явленное в нас.
Я смотрю в пространство неба,
небом взор мой поглощен.
Я смотрю в глаза: в них та же даль —
пространств и даль времен.
Бездна взора, бездна неба!
Я, как лебедь на волнах,
Меж двойною бездной рею,
отражен в своих мечтах.
Так, заброшены на землю,
к небу всходим мы, любя…
Я люблю тебя и небо,
только небо и тебя.

В. Брюсов

Гораздо более условным представляется «большое кольцо» в стихотворении Н. Заболоцкого — «Читайте, деревья, стихи Гесиода». Начальные и конечные строчки стихотворения оказываются соотнесенными по смыслу: человек учит «младшего брата» природу; по образному ряду: деревья / Гесиод; бабочки / Сократ. Закольцованность распознается и в возврате к античному автору, и в обрамляющем повторе (второй концентр) имени древнего барда Оссиана: Гесиод — Оссиан — Кухулин — Гамлет — Оссиан — Сократ. Такой вариант условно кольцевой композиции можно назвать маркерным, так как возврат авторской мысли обеспечивается появлением в финале какого-либо ключевого слова. Примеров такого маркерного закольцовывания в лирике поэтов XX в. множество, приведем лишь несколько:

Смятенье смутное мне приносят
Горькие веянья весны.
О, как томятся и воли просят
Мои мучительные **сны**!
……
Только и властны над сонным слухом,
Если покажешь нам путь назад,
Мы прилетим тополевым пухом,
Как беспокойные **сны** летят.
А. Тарковский

Художник шагал по **дороге**,
Навстречу, в июльской пыли,
Тащились вчерашние боги,
Изгнанники неба брели
……
Когда он в одежде убогой,
В истертых до дыр башмаках
Шагал немощеной **дорогой**,
Витая мечтой в облаках.
В. Шефнер. Баллада о художнике

Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале **навзрыд**,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.
……
Под ней проталины чернеют,
И ветер криками изрыт,
И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи **навзрыд**.
Б. Пастернак

Значительно реже встречается метрически выраженное обрамление текста. Как правило, это классическая кольцевая композиция, подкрепленная еще и сменой размера. Отдельно от смысла метрика не работает как основа структуры «большого кольца», это слишком специфический маркер, на уровне композиции тесно сросшийся с семантикой метрически выделяемого фрагмента. По справедливому замечанию Ю. М. Лотмана, «музыкальное звучание рифмы — производное не только от фонетики, но и от семантики слова» [7, с. 98].

Петух запевает, светает, пора!
В лесу под ногами гора серебра.
Там черных деревьев стоят батальоны,
Там елки как пики, как выстрелы — клены,
Их корни как шкворни, сучки как стропила,
Их ветры ласкают, им светят светила.
Там дятлы, качаясь на дубе сыром,
С утра вырубают своим топором
Угрюмые ноты из книги дубрав,
Короткие головы в плечи вобрав.
Рожденный пустыней,
Колеблется звук,
Колеблется синий
На нитке паук.
Колеблется воздух,
Прозрачен и чист,
В сияющих звездах
Колеблется лист.
И птицы, одетые в светлые шлемы,
Сидят на воротах забытой поэмы,
И девочка в речке играет нагая
И смотрит на небо, смеясь и мигая.
Петух запевает, светает, пора!
В лесу под ногами гора серебра.
Н. Заболоцкий

Начальные и завершающие строки стихотворения представляют собой четырехстопный, «усеченный» амфибрахий, в отличие от остальных строчек, где размер представлен полноценной финальной стопой и соответственно изменен и тип рифмы: мужская рифма в обрамляющих двустишиях заменена на женскую рифму во всех остальных строчках.

Интереснейший феномен — «высокую звуковую связанность текста» — отмечает Ю. Лотман, анализируя стихотворение А. С. Пушкина «Зорю бьют» [8]. Здесь исследователь наглядно демонстрирует, что обрамленность лирического текста может быть зафиксирована и на фонетическом уровне.

Зорю бьют… из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих
Недочитанный затих —
Дух далече улетает.
Звук привычный, звук живой,
Сколь ты часто раздавался
Там, где тихо развивался
Я давнишнею порой.

Начало первой и завершающей строфы основаны на сходных звукорядах и создают повторяющийся образ: (1) *зру — зру*, (6) *зву — зву*.

Этот хрестоматийный пример указывает на звукообраз как одно из художественных средств, формирующих «внешнюю» композицию текста, при этом выполняющих функцию отнюдь не только «музыкальную», но и структурообразующую.

Итак, выстраивание структуры и выстраивание смысла (эмоции) — прерогативы разных эпох. Мы рассмотрели константные структуры лирических текстов нормативной эпохи и их последующие модификации в лирике индивидуально-творческой эпохи. Дальнейшее развеществление «внешней» формы как знак наступления индивидуально-творческой эпохи следует связать с принципом так называемой «органической» эстетики (термин И. Г. Гёрдера). Спонтанность рождения лирического текста в его поздней модификации («молниеносный» контакт — Л. Гинзбург [3, с. 14]) способствует его логической деконструкции. Эмоция всегда движется быстрее мысли. Движение эмоции способствует формированию свободной композиции.

Доминантный компонент структуры — образ-переживание — «ветвится», варьируется, получает обратный ход, а в постмодернисткой поэтике подчиняется закону «ризомы», т. е. распространяется по принципу свободной агглютинации, имитируя тем самым структуру дологического мифологизированного сознания. Однако доказательное представление этого композиционного принципа может быть дано на более развернутом исследовательском материале, мы же в данной работе высказываем эту мысль тезисно, с учетом возможной дальнейшей ее разработки.

Специальной проблемой, связанной со структурно-семантическими константами в лирике индивидуально-творческой эпохи, остается проблема ее ритмико-мелодической организации. Эта проблема актуализируется в эпохи, апеллирующие к бессознательному в поэтическом творчестве. В фундаментальном исследовании В. М. Жирмунского также рассматривается система принципов ритмико-семантической организации лирического текста (анафорическая и эпифорическая форма построения, принцип большого кольца, подхваты и анжабаменты как структурные скрепы текста) вне зависимости от его принадлежности к конкретной поэтологической эпохе.

Заметим, что в лирике XIX–XX вв., безусловно, сохраняются и реконструктивные (причем, часто сознательно реконструированные) жанровые формы, в которых композиция, будучи жанрообразующим признаком, сохраняется по определению. Это такие жанровые образования, как эпиграмма (обязательная пуанта), сонет (сонетный замок), басня (мораль) и др. Понятно, что в реконструированной жанровой форме эти композиционные константы становятся более гибкими, подвергаются модификации, а иногда просто исчезают в соответствии с авторским замыслом. Острая ностальгия по несвободной форме, например, в лирике Серебряного века, реализуется в обращении к каноническим жанрам нормативной эпохи (например, сонет) и знаменует собой выстраивание новых отношений эпохи развеществления жанра с предшествующей жанровой парадигмой. Как справедливо было замечено Г. Блумом, «поэтическое влияние и не должно делать поэтов менее оригинальными, чаще всего, оно их делает более оригинальными» [1, с. 13]. Таким образом, диалог поэзии индивидуально-творческой эпохи с предшествующей жанровой традицией ставит проблему принципиально новых форм освоения жанрового канона в условиях раскрепощения творческой индивидуальности личности. Исследования трансформации структуры классических жанровых форм в творчестве авторов XIX–XX вв. может стать объектом специального научного исследования.

Принципиальное развеществление каких бы то ни было структур в лирике модернистской эпохи знаменует собой состояние гносеологической усталости и одновременно максимальное раскрепощение человеческой мысли в процессе самопознания. Это этап поиска новых форм в неоформленности бытия, этап, исход которого трудно предсказать, даже зная все законы диалектики.

Мы начали разговор о структурных константах лирического текста с констатации факта о двухмерной природе композиции лирического произведения: с одной стороны, многие

лирические тексты воспроизводят трехчастную структуру так называемого «большого» кольца», с другой стороны, сильнейшим структурообразующим фактором остается ритмико-мелодическая основа текста, уходящая корнями в ритуальную практику. Наблюдения показывают, что при отходе структуры текста от распространенной трехчастной модели большого кольца возникает большая вероятность его упорядочивания на основе метрико-ритмического рисунка. Таким образом, метрико-ритмическую организацию лирического текста можно счесть не только атавистическим элементом, доставшимся лирике в наследство от архаики, но и компенсирующим принципом построения лирического текста в условиях его деконструкции как логически организованной структуры.

Библиографический список

1. *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры «Элегическая школа». — СПб.: Наука, 1994.
2. *Гинзбург Л. Я.* О лирике. — М.: Интрада, 1997.
3. *Жирмунский В. М.* Композиция лирических стихотворений. — Петербург: ОПОЯЗ., 1921. — (Сборник по теории поэтического языка).
4. *Козлов В.* Поэтика жанра: о жанровом анализе лирического произведения // Вопр. лит. — 2011. — Янв. — февр. — С. 208–238.
5. *Литературный* энциклопедический словарь. — М.: Сов. энцикл., 1987.
6. *Ю. М. Лотман* и тартусско-московская семиотическая школа. — М.: Гнозис, 1994.
7. *Лотман Ю. М.* Анализ поэтического текста: структура стиха [Электронный ресурс] // Ruthenia: объединенное гуманитар. изд-во каф. рус. лит. Тартуского ун-та. — URL: www.ruthenia.ru/lotman/papers/apt/ (дата обращения: 12.09.2012).
8. *Никишов Ю. М.* Лирика: поэтика и типология композиции. — Калинин, 1990.
9. *Теория* литературы: в 2 т. Т. 2: Историческая поэтика / под ред С. Н. Бройтмана. — М.: Академия, 2004.
10. *Токарева Г. А.* Некоторые размышления о структурных константах лирического текста // Смысловое пространство текста. Вып. 11. Сер.: Литературоведческие исслед. и журналистика: материалы межвуз. науч.-практ. конф. — Петропавловск-Камч: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012
11. *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. — М.: Лабиринт, 1997.
12. *Эткинд Е.* Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. — Л.: Наука, 1973.

ПСИХОЛОГИЯ

PSYCHOLOGY

УДК 159.9.072 + 159.923

А. В. Капцов

ИНФОРМАТИВНОСТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦЕННОСТНОГО ЕДИНСТВА ГРУППЫ МЕТОДИКАМИ ЦЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ*

В статье предложены два подхода к оценке информативности ценностного единства группы по результатам диагностики личностных ценностей. На примере сравнения двух однотипных методик диагностики личностных ценностей эмпирически показана состоятельность одного из подходов.

*Ключевые сло*ва: ценности, диагностика, дискриминативность, ценностное единство

A. V. Kaptsov

INFORMATIVENESS OF DETERMINATION OF GROUP VALUE UNITY BY MEANS OF PERSONALITY VALUES METHODICS

The article suggests two approaches to the assessment of informativeness of group value unity according to the results of personal values diagnostics. The comparison of two similar methodics of personal values diagnostics shows empirically the validity of one of them.

Key words: values, diagnostics, discriminativeness, value unity

Изучение ценностей и ценностных ориентаций личности является в настоящее время одним из приоритетных направлений исследований в психологической науке. К настоящему времени развитие психодиагностических средств привело к тому, что для определения одной и той же психологической характеристики, например, личностных ценностей, существует несколько опросников или тестов [8]. Причем в их основе часто лежит теория М. Рокича в различных ее модификациях. Перед исследователем встает задача обоснованного выбора диагностического средства, исходя из стоящей перед ним задачи. Для исследования особенностей ценностей различных социальных групп используется обычно методика изучения ценностей Ш. Шварца [10], зарекомендовавшая себя как хорошее диагностическое средство в кросс-культурных исследованиях [13].

В то же время возникает задача оценки эффективности использования данной методики при диагностике общности или различий ценностей в малых группах одной культуры, например, студентов вуза или учащихся школы, работников организации.

В психодиагностике одной из психометрических характеристик, оценивающих дифференцирующую способность пункта теста или шкалы в целом, является дискриминативность заданий теста относительно «максимального» или «минимального» результата теста [1, с. 130]. Наиболее широко данный показатель используется в тестах достижения, имеющих правильные и неправильные ответы. В результате мера соответствия успешности выполнения одной задачи всему тесту является показателем дискриминативности пунктов теста для данной выборки испытуемых и называется коэффициентом дискриминативности, который вычисляется с применением метода контрастных групп, либо с помощью коэффициента Л. Фергюсона, являющимся отношением между показателем дискриминативности, реально полученным для некоторого теста, и максимальным значением дискриминативности, которое может обеспечить такой тест и которое зависит от числа его

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 12-06-00411а).

заданий (пунктов) [12]. Однако дискриминативность как показатель отдельного пункта теста или шкалы имеет недостаток, заключающийся в том, что показывает общую характеристику теста без особенностей использования результатов диагностики в дальнейшем. При всей важности изучения совокупности ценностей личности их диагностика не является самоцелью исследователя, а служит промежуточным этапом в решении практических задач. Одной из таких прикладных задач, решение которой базируется на диагностике личностных ценностей, является определение ценностного единства группы [11].

В 70-е гг. прошлого века в отечественной социальной психологии интенсивно развивалось направление, связанное с изучением процессов группового сплочения [15]. Важнейшей характеристикой интеграции и психологического единства группы является показатель ценностно-ориентационного единства как когнитивно-оценочный аспект внутригрупповой активности. Предложенные Ю. Л. Неймером, С. А. Будасси, Р. С. Вайсманом, Ю. И. Морозовым и С. С. Паповяном, В. В. Шпалинским методы определения ценностно-ориентационного единства предполагали специальное тестирование исследуемой группы с целью выявления общих ценностей и последующую математическую обработку [15].

В настоящее время с появлением надежных и валидных средств диагностики ценностей личности и компьютерных методов обработки общность ценностей в малой группе возможно определить с помощью процедуры кластерного анализа [5].

В работе [2] показано, что ценностное единство является предикацией профессиональной активности продавцов-консультантов. А в исследовании учебных групп и преподавателей, ведущих учебные занятия в этих группах, показано, что степень ценностного единства преподавателя с учебной группой определяется двумя факторами [9]. Во-первых, степенью ценностного единства студентов в группе, а, во-вторых, расхождением между ценностями преподавателя и ценностным единством студенческой группы. Чем однороднее аксиосфера студентов в группе и неординарнее ценностная структура преподавателя, тем вероятнее наблюдение низкого ценностного единства системы преподаватель — учебная группа, а, следовательно, большей дистанции между преподавателем и студентами и меньшего уровня доверия между ними.

Лонгитюдные исследования процесса группообразования в студенческой группе [6] показали, что личностные ценности играют решающую роль в становлении неформальной структуры группы, но на каждом этапе развития группы эту роль оказывают ценности различных сфер жизнедеятельности. Применение в исследованиях авторского теста личностных ценностей [8] позволило диагностировать совокупность личностных ценностей в пяти сферах жизнедеятельности: профессии, образовании, семьи, общественной жизни и увлечений.

В момент зарождения учебной группы на 1-м курсе в качестве детерминант выступают сходство личностных ценностей в сфере будущей профессии (ценностно-профессиональное единство), мотивы достижений в учебной деятельности и интеллект. На следующем этапе на смену ценностно-профессионального единства, как группообразующей детерминанты, приходит сходство личностных ценностей в сфере увлечений (ценностно-досуговое единство), коммуникативные качества и мотивы общения в учебной деятельности, затем — ценности в сфере общественной жизни (ценностно-коммуникативное единство), эмоционально-волевые качества, активность и мотивы переживаний в учебной деятельности и только потом — ценности в обучении (ценностно-образовательное единство), мотивы познания.

Таким образом, определение ценностного единства в малой группе имеет не только теоретическую, но большую практическую значимость. Остается нерешенной проблема оценки качества методик, с помощью которых можно определить ценности личности и в дальнейшем вычислить ценностное единство группы или микрогруппы. Определение дискриминативности отдельных шкал методик, а тем более каждого пункта методики не решает проблемы, так как из полученного множества частных показателей сложно определить результирующий показатель, интересующий психологов. Поэтому были предложены два подхода сравнительного анализа методик личностных ценностей, с помощью которых определяется ценностное единство малой группы. Для этого предлагается использовать такую характерис-

тику, как информативность, являющуюся функциональным синонимом дискриминативности и отличающуюся тем, что она определяется на конечном этапе алгоритма вычисления искомой характеристики, в данном случае ценностного единства малой группы. Следует иметь в виду, что сравнительный анализ информативности двух методик должен проводиться на одной и той же выборке испытуемых.

В простейшем случае план эмпирического исследования информативности определения ценностного единства двух методик ценностей личности заключается в следующем. Сравниваемыми методиками проводится тестирование ценностей личности одной и той же выборки. Если интервальные шкалы методик различаются, то обязательно проводится перевод результатов тестирования по двум методикам в Z шкалу [1]. Вычисляется матрица попарных расстояний ценностей между всеми членами группы с помощью кластерного анализа. Определяется диада испытуемых наиболее схожих по личностным ценностям a_{min}, а также диада с максимальным различием между личностными ценностями a_{max}. Тогда информативность In исследуемой методики определяется по формуле:

$$In = \frac{a_{max}}{a_{min}} \qquad (1)$$

Чем выше значение показателя In, тем выше уровень информативности методики определения ценностного единства группы. При этом обратная величина In может использоваться как относительная разрешающая способность. Вычисления по формуле (1) производятся дважды для каждой из сравниваемых методик, после сравнения полученных показателей для первой методики In_1 и второй методики In_2 можно сделать вывод о качестве определения ценностного единства. Недостатком упрощенного подхода определения информативности по формуле (1) является зависимость результата вычисления от случайных выбросов эмпирических данных испытуемых. Например, если результаты тестирования не были отбракованы по критерию фальсификации, то в таблице результатов диагностики окажутся заведомо ложные данные, которые могут повлиять на результат вычисления информативности. Для устранения отмеченного недостатка следует перед проведением вычисления информативности произвести оценку распределения данных на соответствие нормальному закону и выполнить процедуры робастного оценивания [3].

Второй подход к оценке информативности определения ценностного единства группы связан с вычислением некоторой величины удельного расстояния в аксиосфере между двумя испытуемыми в группе D_{ut}. Промежуточным результатом кластерного анализа является матрица попарных расстояний между испытуемыми, показывающая степень непохожести аксиосфер испытуемых между собой. Эта матрица является квадратной и симметричной относительно главной диагонали, в которой стоят нули. Одним из ключевых вопросов определения мер сходства или различий является выбор метрики, в качестве которой обычно применяют Евклидовую метрику. В случае использования Евклидовой метрики для определения меры различий аксиосфер предлагается вычислить удельную меру различий D_{ut} по формуле:

$$D_{ut} = \frac{\sum d_{ij}}{2n^2\sqrt{m}} \qquad (2)$$

где d_{ij} — расстояние (Евклидовая метрика) между точками аксиосферы i-го и j-го испытуемых; n — количество испытуемых в выборке; m — размерность аксиосферы (количество шкал ценностей в тесте).

Вычислению D_{ut} предшествуют все этапы, описанные ранее для случая упрощенной оценки информативности. Вычисления по формуле (2) производятся дважды для каждой из сравниваемых методик, после сравнения полученных показателей для первой методики D_{ut1} и второй методики D_{ut2} можно сделать вывод о качестве определения ценностного единства, причем чем выше значение D_{ut}, тем выше информативность методики.

Для проверки предложенных подходов оценки информативности определения ценностного единства малой группы были проведены эмпирические исследования на выборке студентов инженерных специальностей первого и второго курсов (n = 236 чел., в числе которых 101 девушка).

В качестве методик диагностики личностных ценностей были выбраны методика Ш. Шварца [10] и авторский тест аксиологической направленности личности АНЛ3.27 [8], являющийся сокращенным вариантом теста личностных ценностей и содержащий 60 пунк-

тов. Поскольку методика Ш. Шварца хорошо известна психологам, то дадим краткое описание авторского теста АНЛ3.27.

Личностные ценности в тесте АНЛ рассматриваются как система осознанного значимого в жизни. Концептуально являясь дальнейшим совершенствованием методик ОТеЦ И. Г. Сенина и МТЖЦ В. Ф. Сопова и Л. В. Карпушиной [11], тест имеет принципиальные отличия.

1. На уровне значимости ценности имеют свойство биполярности: значимость может свидетельствовать о выделении объекта как положительно значимого, так и отрицательно значимого. Поэтому в тесте предусмотрена диагностика положительной и отрицательной значимости личностных ценностей.

2. Личностные ценности, как составляющая отношения личности к окружающей среде, во времени могут иметь как ситуативный характер, так и устойчиво стабильный, являясь устойчивой или динамической составляющей самоопределения личности [4]. Для оценки этого свойства ценностей в методике имеются шкалы «устойчивости».

Таким образом, из теоретического концепта следует, что в пунктах теста содержится ситуативное поле, в котором актуализируется личностная ценность в конкретной жизненной сфере. Испытуемому предлагается оценить степень значимости личностной ценности в одной из жизненных сфер по шкале Лайкерта (–3…+3), при этом одновременно оценить частоту значимости в его жизни.

В состав теста входят две группы основных шкал:

- Группа шкал ценности сфер жизнедеятельности (по 8 пунктов в каждой шкале):

1) профессии;
2) образования;
3) семьи;
4) общественной жизни;
5) увлечений.

- Группа шкал устойчивости ценностей сфер жизнедеятельности (5 шкал по 8 пунктов в каждой).
- Группа шкал личностных ценностей (по 5 пунктов в каждой шкале):

1) саморазвития;
2) креативности;
3) духовного удовлетворения;
4) взаимоотношений;
5) престижа;
6) достижений;
7) материального благополучия;
8) индивидуальности;

- Группа шкал устойчивости личностных ценностей (8 шкал по 5 пунктов в каждой).
- Группа шкал аксиологической направленности:

1) гуманистическая направленность в сфере:
– профессии;
– образования;
– семьи;
– общественной жизни;
– увлечений.
2) прагматическая направленность в сферах:
– профессии;
– образования;
– семьи;
– общественной жизни;
– увлечений.

Кроме основных информационных шкал: шкалы ценностей сфер жизнедеятельности (5), шкалы личностных ценностей (8) и шкалы устойчивости ценностей (13), тест содержит несколько шкал достоверности:

1. Шкала достоверности, представляющая собой шкалу социальной желательности. Высокий уровень показателя позволяет поставить под сомнения результаты тестирования вследствие либо преднамеренного приукрашивания действительности, либо высокого уровня воспитанности испытуемого.

2. Шкала безразличия, оценивающая установку испытуемого на неопределенные или средние ответы, т. е. определяющая влияние «факторов знания» ситуаций, описанных в пунктах теста, и представляющая собой количество средних ответов («не знаю») и браковкой результатов диагностики при достижении этого количества некоторого допустимого значения.

Тест АНЛ3 адаптирован на французский язык *VP3-08* (адаптация О. Перепелициной) и прошел апробацию в России на франкоговорящей выборке и на выборке во Франции [8], а также имеется англоязычный вариант методики *PVQ3-08* (адаптация Т. А. Прокофьевой).

Перед исследованием информативности были проведены исследования дискриминативности шкал двух методик на всей выборке и отдельно на двух ее половинках, в зависимости от пола. Установлено, что в первой части методики Ш. Шварца, содержащей 57 пунктов и предназначенной для изучения норматив-

ных идеалов, ценностей личности на уровне убеждений, а также выявления структуры ценностей, оказывающей наибольшее влияние на личность, но не всегда проявляющейся в реальном поведении, дискриминативность пунктов находится в диапазоне от 0,59 до 0,99, что в среднем составляет дискриминативность по первой части 0,90. Вторая часть опросника Ш. Шварца, содержащая 40 пунктов, направлена на изучение реально действующих ценностей личности, индивидуальных приоритетов, наиболее часто встречающихся в поведении человека и имеет дискриминативность пунктов в диапазоне от 0,78 до 0,92, что в среднем составляет дискриминативность по второй части 0,87. Аналогичная характеристика теста АНЛ3.27 находится в диапазоне от 0,72 до 0,94, что в среднем составляет величину 0,82. Из сравнения полученных значений дискриминативности пунктов двух исследуемых методик видно, что они одного порядка, хотя показатели методики Ш. Шварца несколько выше. В то же время при однократном исследовании невозможно утверждать о статистической достоверности различий полученных результатов, что требует дальнейших исследований.

Результаты оценки информативности методик для определения ценностного единства группы по упрощенной формуле (1) приведены в табл. 1.

Таблица 1

Значения информативности шкал для определения ценностного единства группы мужчин (*n* = 135 чел.)

Группа шкал	*Min*	*Max*	1/*In*	*In*
АНЛ3.27	2,0	21,6	0,09	10,8
Шварц-1	0,8	10,7	0,08	12,9
Шварц-1 доп.	1,4	17,8	0,08	12,6
Шварц-2	0,7	8,9	0,08	12,9

Из табл. 1 видно, что информативность определения ценностного единства в мужской выборке с помощью упрощенной формулы (1) получилась выше у методики Ш. Шварца, по сравнению с тестом АНЛ3.27 по всем трем группам шкал (табл. 1, строка «Шварц-1 доп.» относится к дополнительным характеристикам ценностей первой части методики, используемым Ш. Шварцем в эмпирических исследованиях и не описанным в [10]). Причем основной причиной является высокий уровень минимального значения евклидовой метрики (*Min*) в одной из диад выборки. Аналогичные результаты получены и на женской выборке.

Рассмотрим результаты эмпирической проверки второго подхода к определению ценностного единства (табл. 2).

Таблица 2

Значения информативности шкал для определения ценностного единства группы (второй подход)

Группа шкал	D_{ut}	
	Мужчины	Женщины
АНЛ3.27	1,39	1,43
Шварц-1	0,67	0,80
Шварц-1 доп.	0,91	1,10
Шварц-2	0,59	0,66

Как видно из табл. 2, информативность определения ценностного единства группы с помощью теста АНЛ выше почти в 2 раза, чем аналогичный показатель методики Ш. Шварца. Следовательно, при диагностике ценностей с помощью теста АНЛ имеется возможность большей дифференциации членов группы по их ценностным предпочтениям. Это может иметь большое практическое значение при прогнозировании количества неформальных микрогрупп внутри, например, учебной группы [6].

В то же время из табл. 2 следует, что уровень информативности получился различным в зависимости от пола испытуемых, чего не должно быть исходя из теории. Наблюдаемый факт можно объяснить индивидуальными свойствами аксиосферы испытуемых и особенностями их самоотчета при тестировании. Для определения последнего в тесте АНЛ существуют специальные шкалы, выявляющие склонность к выдаче социально желательных результатов или степени осознанности, а, следовательно, дифференцированности при самоотчете личностных ценностей. В методике Ш. Шварца таких шкал не предусмотрено. Однако полученный результат требует дальнейшего исследования влияния достоверности самоотчета испытуемых на результат определения ценностного единства группы.

Предложенная методика оценки информативности определения ценностного единства группы должна быть проверена на валидность, что составляет отдельную проблему в силу малой ее разработанности. Предложено исследовать валидность через оценку образования микрогрупп внутри группы. Для этого было проведено исследование структуры учебных групп. Известно, что любая формальная группа в своей жизнедеятельности не является сплоченным коллективом, а состоит из совокупности микрогрупп, взаимодействующих между собой [14]. Детерминантами объединения членов группы в микрогруппы являются общность / различия их ценностей, потребностей, мотивов, интересов, некоторых качеств личности и характеристик когнитивной сферы. В этом перечне ценностное единство членов группы играет главенствующую роль, но не единственную, поэтому оценка валидности определения ценностного единства группы (микрогруппы) через выделение количества микрогрупп в группе имеет методологическое ограничение. Однако, поскольку задачей настоящего исследования является сравнительный анализ однотипных методик, то данный критерий может быть принят.

Исследуемая выборка представляла собой 10 учебных групп, в составе которых на основании социометрического исследования были выделены микрогруппы (от 2-х до 4-х микрогрупп в каждой группе) [7]. В результате иерархического кластерного анализа в каждой группе были выделены кластеры с общностью личностных ценностей студентов на основании диагностики методиками АНЛ и Ш. Шварца. Оказалось, что из 32 микрогрупп совпало с ценностным единством 22 микрогруппы по тесту АНЛ (68,7 %) и 17 микрогрупп (56,2 %) по методике Ш. Шварца.

Таким образом, эмпирическое исследование теоретически предложенного метода оценки информативности определения ценностного единства однотипных методик косвенно подтвердило факт превышения информативности теста АНЛ над методикой Ш. Шварца.

Библиографический список

1. *Бурлачук Л. Ф.* Словарь-справочник по психодиагностике. — СПб.: Питер, 2008. — 688 с.
2. *Бушха О. С.* Внешние и внутренние факторы активности продавцов-консультантов // Вестн. Самар. гуманитар. акад. Сер.: Психология. — 2008. — № 1. — С. 91–99.
3. *Дубров А. М., Мхитарян В. С., Трошин Л. И.* Многомерные статистические методы. — М.: Финансы и статистика, 2000. — 352 с.
4. *Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Структура и личностные детерминанты экономического самоопределения субъекта // Психол. журн. — 2008. — Т. 29. — № 2. — С. 5–15.
5. *Капцов А. В.* Аксиологический потенциал личности: понятие и определение // Социальные представления и самоопределение молодежи в изменяющимся мире: материалы междунар. науч. конф. Ч. 1. — Саратов: Приволжское изд-во, 2009. — С. 237–239.
6. *Капцов А. В.* Личностное и интеллектуальное развитие студентов в условиях учебной группы. — Самара: СНЦ РАН, 2011. — 180 с.
7. *Капцов А. В.* Методика выделения неформальных микрогрупп в учебной группе // Вестн. Самар. гуманитар. акад. Сер.: Психология. — 2011. — № 1 (9). — С. 182–189.
8. *Капцов А. В.* Психологическая аксиометрия // Психол. диагностика. — 2011. — № 4. — С. 4–114.
9. *Капцов А. В., Смирнова М. В.* Особенности аксиологической направленности преподавателей и студентов вуза // Психология образования в XXI в.: теория и практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Волгоград: ВГСПУ: Перемена, 2011. — С. 416–418.
10. *Карандышев А. Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и метод. рук. — СПб.: Речь, 2004. — 70 с.
11. *Карпушина Л. В., Капцов А. В.* Психология ценностей российской молодежи. — Самара: СНЦ РАН, 2009. — 216 с.
12. *Кондаков И. М.* Создание психологических опросников с помощью статистического пакета SPSS for Windows 11.5.0: учеб.-метод. пособие. — М.: МГППУ, 2006.
13. *Лебедева Н. М., Чирков В. И., Татарко А. Н.* Культура и отношение к здоровью: Россия, Канада, Китай. — М.: РУДН, 2007. — 314 с.
14. *Сидоренков А. В.* Неформальные подгруппы в малой группы: социально-психологический анализ. — Ростов н/Д: АПСН СЮНЦ ВШ, 2003. — 436 с.
15. *Цехновичер В.М.* Способ измерения показателя ценностно-ориентационного единства малой группы // Вопр. психологии. — 1984. — № 2. — С. 130–132.

УДК 159.922.2

С. В. Кондрашенкова

ФЕНОМЕН КАЧЕСТВА ЖИЗНИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СУБЪЕКТНО-СРЕДОВОГО ПОДХОДА*

Дана общая характеристика существующим подходам к изучению качества жизни. Обоснована целесообразность использования субъектно-средового подхода в исследованиях качества жизни. Представлена классификация показателей качества жизни с позиции субъектно-средового подхода. Описаны типы взаимодействия в системе «человек — среда» и возможные характеристики качества жизни при разных типах взаимодействия.

Ключевые слова: качество жизни, субъектно-средовый подход, среда жизнедеятельности

S. V. Kondrashenkova

LIFE QUALITY PHENOMENON FROM SUBJECTIVE-ENVIRONMENTAL APPROACH

The article gives general characteristic of the existing approaches for the study of life quality. It grounds the expedience of the use of subjective-environmental approach in the researches of life quality. It also contains the classification of life quality indicators from the position of subjective-environmental approach and describes the types of interaction in the system “human being — environment” as well as the possible characteristics of life quality in different types of interaction.

Key words: life quality, subjective-environmental approach, environment of life activities

Проблема изучения качества жизни — одна из важнейших междисциплинарных проблем современной науки в контексте исследования взаимодействия и взаимовлияния социально-психологических, экономических, экологических и других феноменов в процессе эффективного жизнеосуществления человека. Подчеркивая необходимость особого внимания исследователей к этой проблеме, Е. Е. Задесенец и Г. М. Зараковский, ведущие российские специалисты в области изучения качества жизни, отмечают, что «в мировой цивилизации начался новый этап развития — продвижение человечества к «эпохе качества». Смысл его заключается в том, что качество во всех его аспектах — экономическом, социальном, политическом, технологическом — рассматривается как необходимое условие обеспечения устойчивого развития цивилизации, улучшения среды обитания, совершенствования самого человека. Количественное увеличение отдельных показателей уровня жизни сегодня не решает проблемы. Нужны критерии, которые позволили бы принимать во внимание весь спектр потребностей, интересов и ценностных ориентаций граждан. Именно таким критерием выступает качество жизни» [5, с. 7].

Исследования проблемы качества жизни ведутся более полувека на Западе и более 20 лет — в России. Несмотря на сравнительно долгую историю вопроса, в настоящее время не существует сколько-нибудь единой точки зрения на трактовку понятия «качество жизни» и определение его структуры. Тем не менее, в большинстве случаев общим исходным моментом различных концепций являются обеспеченность и удовлетворенность населения совокупностью потребностей и благ: качество жизни рассматривается как категория, характеризующая условия жизни и ориентированная на оценку степени удовлетворения потребностей, которые не поддаются прямому количественному измерению; качество жизни отражает человеческий опыт, а критерии качества жизни — это измерения сфер жизни, в которых люди испытывают различные уровни удовлетворения или неудовлетворения (удовольствие — боль, счастье — несчастье и т. п.) [11].

Существующие подходы к изучению качества жизни исследователи делят на три основных направления:

1. Качество жизни как *объективная характеристика*, определяющая материальные ус-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 12-06-31220 мол_а.

ловия и средства жизнеобеспечения человека. В структуру качества жизни в этом контексте включаются такие характеристики, как качество питания, комфорт жилища, состояние окружающей среды, уровень здравоохранения, образования, сферы обслуживания населения и др., т. е. речь идет скорее не о «качестве жизни», а об «уровне жизни», определяемом количественными показателями.

2. Качество жизни как *субъективная характеристика*, представляющая собой оценочное отношение человека к жизненным условиям, различным материальным и культурным благам. Основными характеристиками качества жизни при таком подходе выступают удовлетворенность жизнью, полнота реализации человеком своего внутреннего потенциала и т. п. Так, Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) определяет качество жизни как восприятие людьми своего положения в жизни в зависимости от культурных особенностей и системы ценностей и в связи с их целями, ожиданиями, стандартами и заботами [10]. В данном случае речь идет скорее о «субъективном благополучии», «субъективной удовлетворенности».

3. Качество жизни как *сочетание объективных и субъективных характеристик*, охватывающих все множество сторон, условий и отношений в системе «человек — жизнь — средства и условия жизни». Объективная сторона качества жизни описывается комбинацией различных нормативных и статистических характеристик, с помощью которых можно судить о степени удовлетворения научно обоснованных потребностей и интересов людей. Субъективная сторона качества жизни связана с тем, что потребности и интересы людей всегда индивидуальны и отражаются в субъективных ощущениях индивидов, их личных мнениях и оценках [5, 6].

Третье направление представляется наиболее рациональным, поскольку способно объединить комплекс разнородных факторов, определяющих качество жизни. Концепция качества жизни, разрабатываемая во ВНИИТЭ более 13 лет, относится именно к этому направлению: главным критерием качества жизни, на взгляд исследователей, следует считать не только единство, но и равновесие, равноправие двух сторон этого качества — объективной и субъективной. «Объективной основой качества жизни являются природные и экономические факторы, социальные институты и продуктивная деятельность людей. Они определяют условия жизнедеятельности и возможность самореализации человеческого потенциала. Проявляется же качество жизни в субъективной удовлетворенности людей своей жизнью, в характеристиках, свойственных человеческой жизни как биологическому, психологическому (духовному) и социальному явлению» [5, с. 10]. В дальнейшем вслед за исследователями ВНИИТЭ (В. И. Кулайкин, Г. М. Зараковский, Е. Е. Задесенец и др.) мы также будем понимать *качество жизни* как результат взаимодействия объективных характеристик среды жизнедеятельности и субъективных возможностей человека, выражающийся в уровне соответствия параметров среды и характеристик жизненных процессов потребностям, интересам, ценностям и целям человека.

Вопрос о критериях качества жизни — один из наиболее дискуссионных вопросов в данной проблемной области. «Критерии качества жизни — базовые значения показателей качества жизни (обобщенного, комплексных или единичных), по отношению к которым, как эталонным, оценивается фактическое состояние качества жизни» [5, с. 65]. Критерии качества жизни должны быть увязаны с составляющими качества жизни, которые, в свою очередь, должны быть операционализированы и доступны количественному анализу. В связи с этим возникает немало методологических проблем (каким образом, например, оценивать духовный потенциал населения, который многие исследователи относят к числу критериев качества жизни?), решение которых в настоящий момент затруднено.

Исследователи, придерживающиеся базового положения о том, что качество жизни представляет собой результирующую действия объективных и субъективных факторов, нередко говорят об этих факторах в контексте системы «человек — среда» («человек — условия жизни», «человек — среда жизнедеятельности» и др.). Это подчеркивает необходимость изучения качества жизни в контексте субъектно-средового подхода, который пред-

полагает рассмотрение человека и мира как взаимодействующих и взаимопроникающих непротиворечивых систем. Традиционно среда рассматривается как заранее данный фактор, т. е., по существу, игнорируется деятельность человека по изменению этой среды. В связи с этим на рубеже 1980-х гг. разрозненные исследования психологических аспектов взаимодействия человека со средой были объединены в рамках новой отрасли психологии, которая получила название «психология окружающей среды» (*Environmental Psychology*), в которой психологическое благополучие предстает как результат согласованности системы «человек — среда» [12].

Согласно данному подходу, выступая в качестве «среды обитания», среда может рассматриваться как совокупность средовых возможностей (условий), находящихся в отношении взаимодополнительности к жизненным потребностям индивида. Среда является тем внешним ресурсом, к которому субъект обращается для усиления своих внутренних ресурсов; в свою очередь, субъект изменяет, моделирует среду для приведения ее в соответствие его потребностям.

О. С. Ширяева рассматривает равновесие системы «субъект — среда» как условие достижения психологического благополучия и подчеркивает, что данная система, как любая сложная система, стремится к самоорганизации, устойчивости: в случае дефицитарности окружающей среды, ее депривирующего воздействия на личность человеку для гармонизации системы «субъект — среда» потребуются дополнительные внутренние ресурсы, специфичные по содержанию, степени выраженности и сфере применения [12].

На наш взгляд, данное положение касается не только собственно психологического благополучия, но и качества жизни как интегрального показателя: в случае недостаточности объективных параметров качества жизни возможна их компенсация за счет высокого личностного потенциала человека. Подчеркнем, что в нашем случае речь идет именно о человеке, поскольку понятие «человек» шире категорий «субъект», «личность» и других и способно объединить их.

С точки зрения субъектно-средового подхода показатели качества жизни, представленные в литературе [1, 2, 3, 4, 7, 8, 9, 10, 11], можно классифицировать следующим образом (см. табл. 1).

Деление показателей качества жизни на относящиеся скорее к подсистеме «человек» или подсистеме «среда» достаточно условно, ибо эти подсистемы не изолированы друг от друга, а, напротив, являются взаимопроникающими. Отметим, что большинство показателей качества жизни, отнесенных к подсистеме «человек», являются предметом изучения психологии, социологии и медицины, в то время как показатели, отнесенные к подсистеме «среда», изучаются экономикой, демографией, экологией и другими науками и, как правило, могут быть измерены количественно.

Исходя из положения о том, что человек и среда образуют определенное динамическое равновесие и дефицит ресурсов одной подсистемы может быть восполнен за счет ресурсного потенциала другой подсистемы, рассмотрим различные типы взаимодействия в системе «человек — среда» и возможные характеристики качества жизни при разных типах взаимодействия. Типы взаимодействия в системе «человек — среда» схематично представлены в табл. 2.

Под ресурсным потенциалом человека мы подразумеваем совокупность внутренних ресурсов, способствующих эффективному функционированию человека в различных условиях жизнедеятельности. На наш взгляд, наиболее удобной концепцией внутренних ресурсов является модель ресурсов, способствующих повышению адаптивного потенциала, разработанная О. С. Ширяевой, С. В. Карабановой и Я. А. Суриковой в 2009 г. [13] и включающая 5 основных компонентов: позитивную оценку среды жизнедеятельности, вненормативную активность, ориентацию на взаимоподдержку, силу «Я» и эмоциональную насыщенность жизни.

Под дефицитарностью / комфортностью среды жизнедеятельности мы имеем в виду способность среды удовлетворять значимые потребности человека.

Таблица 1

Классификация показателей качества жизни

Условное название показателя	Содержание показателя
1	*2*
Показатели, относящиеся к подсистеме «Человек»	
Человек — тело	• Состояние телесного и душевного здоровья; • субъективная удовлетворенность состоянием здоровья; • субъективная оценка возможностей среды по удовлетворению потребности в сохранении и развитии здоровья
Человек — субъект деятельности	• Субъективная удовлетворенность условиями и содержанием профессиональной и иной деятельности, сферы досуга; • субъективная оценка возможности свободы выбора профессиональной и иной деятельности; • субъективная оценка уровня достижений в значимых видах деятельности, включая уровень благосостояния; • степень удовлетворения потребностей в трудовой и социальной активности
Человек — субъект общения	• Субъективная удовлетворенность семейным положением и семейными взаимоотношениями; • субъективная оценка реализации семейных функций; • субъективная удовлетворенность сферой контактов в целом; • степень удовлетворения потребностей в любви, общении, уважении
Человек — субъект саморазвития	• Уровень духовно-нравственного развития человека; • субъективная удовлетворенность уровнем образования; • степень удовлетворения потребностей в познании, творчестве, самовыражении, личностном росте; • субъективная оценка возможностей среды по удовлетворению потребностей в образовании, познании, личностном росте, культурном досуге
Человек — субъект социума	• Общественно-политическая активность человека; • адаптированность к социальной инфраструктуре общества; • субъективная удовлетворенность уровнем политических свобод, заботой о человеке со стороны государства, соблюдением законов и их справедливостью, социально-экономической ситуацией в целом; • степень уверенности в будущем (предсказуемости политической и социально-экономической ситуации)
Показатели, относящиеся к подсистеме «Среда»	
Природная среда	• Степень благоприятности природно-климатических условий жизнедеятельности (уровень влажности, количество солнечных дней в году, температурный режим и т. д.); • состав и объем природно-сырьевых ресурсов, качество почвы, уровень биоразнообразия; • рекреационные возможности природной среды; • эстетические параметры природной среды
Экономическая среда	• Размер, регулярность и степень дифференциации доходов, уровень расходов населения в целом и его отдельных социальных групп; • индексы бедности и нищеты населения в целом и его отдельных групп; • уровень потребления благ и услуг; • уровень комфорта в быту, качества питания, одежды, жилищных условий (размер жилья, качество коммунального обслуживания), других материальных благ; • ассортимент и доступность товаров и услуг; • возможности капиталовложения; • валовой внутренний продукт (ВВП) и валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения

Окончание табл. 1

1	2
Профессиональная среда	• Уровень безработицы, доля работников промышленности, занятых во вредных и опасных условиях труда, уровень производственного травматизма; • гигиенические условия труда; • доступность профессиональной самореализации в различных сферах; • качество социальной поддержки в случае утраты трудоспособности
Городская среда (среда населенного пункта)	• Развитость инфраструктуры, в том числе транспортной; • благоустроенность населенного пункта; • качество и доступность медицинского обслуживания; • эстетическая привлекательность населенного пункта
Среда с точки зрения безопасности (безвредности)	• Уровень экологической безопасности среды: степень загрязнения воздушного пространства, воды, почвы, уровень радиации и т. д.; • частота и специфика природных катаклизмов; • уровень личной физической и имущественной безопасности: степень криминогенности, уровень преступности, вероятность террористической угрозы; • уровень безопасности условий труда; • уровень национальной безопасности в целом; • обеспеченность социально незащищенных групп населения
Образовательная и информационная среда	• Уровень образования и грамотности населения; • доступность и качество разных уровней образования и повышения квалификации; • возможности профессионального образования, образования по возрастным группам; • доступность и качество средств массовой информации, доступность информации по внутренним и международным проблемам
Социально-политическая среда	• Уровень развития социальных гарантий, дающих уверенность в выбранной жизненной позиции, в том числе социального равенства, социальной справедливости, демократии; • уровень реализации политические свободы (свобода слова, печати, собраний, вероисповедания, свобода избирать и быть избранным и т. д.); • возможности юридической защиты прав человека
Социально-демографическая среда	• Демографические показатели: продолжительность жизни реальная и ожидаемая, соотношение рождаемости и смертности, брачность, тип и состав семьи и т. п.; • уровень репродуктивного здоровья, младенческая и материнская смертность; • общий коэффициент миграционного прироста

Таблица 2

Типы взаимодействия в системе «человек — среда» в зависимости от ресурсных характеристик ее подсистем

Среда	Человек	
	Недостаток ресурсного потенциала	Развитый ресурсный потенциал
Дефицитарная	Человек с недостаточностью ресурсного потенциала в дефицитарной среде жизнедеятельности	Человек с развитым ресурсным потенциалом в дефицитарной среде жизнедеятельности
Комфортная	Человек с недостаточностью ресурсного потенциала в комфортной среде жизнедеятельности	Человек с развитым ресурсным потенциалом в комфортной среде жизнедеятельности

Тип 1. Человек с недостаточностью ресурсного потенциала в дефицитарной среде жизнедеятельности. В данном случае среда жизнедеятельности не способна удовлетворить значимые потребности человека, а человек, в свою очередь, не способен активизировать внутренний ресурсный потенциал для компенсации недостаточности среды и восстановления равновесия системы «человек — среда». Прогноз качества жизни в этом случае неутешителен: предполагается, что человек в такой ситуации будет испытывать фрустрацию значимых потребностей и субъективную неудовлетворенность теми или иными сферами жизни, что в сочетании с ограничениями среды жизнедеятельности может привести к серьезному кризису. И по объективным, и по субъективным показателям качество жизни данного человека в подобной среде будет, скорее всего, низким.

Тип 2. Человек с недостаточностью ресурсного потенциала в комфортной среде жизнедеятельности. Недостаток собственного ресурсного потенциала в этом случае может компенсироваться возможностями, которые предоставляет среда жизнедеятельности: для гармонизации системы «человек — среда» человек будет чаще обращаться к внешним, а не к внутренним ресурсам. Предполагается, что по объективным показателям качество жизни человека в этом случае будет высоким, но возможна низкая оценка субъективных показателей качества жизни.

Тип 3. Человек с высоким ресурсным потенциалом в дефицитарной среде жизнедеятельности. Среда жизнедеятельности в данном случае также не способна удовлетворить значимые потребности человека, но он способен компенсировать этот дисбаланс за счет обращения к своим психологическим ресурсам, расширения репертуара и способов взаимодействия с дефицитарной средой жизнедеятельности. В этом случае объективные показатели качества жизни будут снижены, но субъективная удовлетворенность человека различными сферами жизни и субъективная оценка возможностей, предоставляемых средой, могут быть высокими.

Тип 4. Человек с высоким ресурсным потенциалом в комфортной среде жизнедеятельности. Многообразие возможностей, предоставляемых средой жизнедеятельности, подкрепляется широкой вариативностью способов взаимодействия с этой средой. Среда способна удовлетворить значимые потребности человека, а человек способен ощущать субъективное благополучие при различных изменениях среды. На наш взгляд, подобная ситуация не только предполагает наиболее благоприятный прогноз в области качества жизни (и объективные, и субъективные параметры качества жизни в данном случае являются высокими), но и дает основания для предположения о том, что в таких обстоятельствах человек будет стремиться к активному изменению себя и среды, к личностному росту и улучшению качества жизни общества в целом.

Выводы

Современные исследования качества жизни носят междисциплинарный характер, что, безусловно, позволяет получить более комплексную картину качества жизни человека, но при этом определенным образом затрудняет обобщение материалов. Междисциплинарность изучения качества жизни накладывает свой отпечаток и на многообразии подходов к качеству жизни как к явлению действительности. На наш взгляд, наиболее целесообразным направлением изучения качества жизни является учет как объективных, так и субъективных его параметров в их взаимодействии и взаимовлиянии. В связи с этим представляется перспективным изучение качества жизни в контексте субъектно-средового подхода — качество жизни как совокупность свойств системы «человек — среда жизнедеятельности». Данный подход позволяет классифицировать разрозненные критерии качества жизни в зависимости от их отнесенности к подсистеме «Человек» и подсистеме «Среда». Мы также предположили, что различные сочетания ресурсной наполненности среды и ресурсного потенциала человека будут давать дифференцированный прогноз качества жизни в зави-

симости от характера гармонизации системы «человек — среда». Данное предположение нуждается в эмпирической проверке; кроме того, мы можем также предположить, что высокий ресурсный потенциал человека способен в значительной степени нивелировать дискомфорт, обусловленный дефицитарностью среды жизнедеятельности, что в итоге может означать более высокую значимость субъективных показателей качества жизни по сравнению с объективными показателями.

Библиографический список

1. *Алмакаева А. М.* Субъективное восприятие качества жизни: теоретико-методологические и методические аспекты анализа: автореф. дис. … канд. социол. наук: 22.00.01. — М., 2007. — 17 с.
2. *Баранова А. В., Хащенко В. А.* Социально-психологические факторы оценки качества жизни // Ежегодник Рос. психол. о-ва: материалы III Всерос. съезда психологов, 25–28 июня 2003 г. — СПб.: С.-Петерб. ун-т, 2003. — Т. 1. — С. 293–297.
3. *Задесенец Е. Е., Зараковский Г. М., Пенова И. В.* Методология измерения и оценки качества жизни населения России // Мир измерений. — 2010. — № 2. — URL: http://ria-stk.ru/mi/adetail.php?ID = 37667 (дата обращения: 11.11.2012).
4. *Ильина Т. Н., Кром И. Л., Новичкова И. Ю.* Медико-социологическое объяснение феномена качества жизни // Изв. Сарат. ун-та. Сер.: Социология, политология. — 2011. — Вып. 4. — Т. 11.– С. 20–26.
5. *Качество* жизни: краткий слов. — М.: Смысл, 2009. — 168 с.
6. *Кулайкин В. И., Задесенец Е. Е., Зараковский Г. М.* Концепция качества жизни как инструмент управления социально-экономическим развитием России [Электронный ресурс] // Россия: путь к социальному государству: материалы Всерос. науч. конф., Москва, 6 июня 2008 г. — URL: www.rusrand.ru/Dokladi2/Kulaikin.pdf (дата обращения: 15.11.2012).
7. *Петровичев А. Н.* Анализ качества жизни населения в деятельности органов государственного управления: основные подходы [Электронный ресурс] // Псковский гос. ун-т [сайт]. — URL: http://pskgu.ru/projects/pgu/storage/prj/prj_06/prj_06_06.pdf (дата обращения: 12.11.2012).
8. *Родина Д. Ю., Алдаркина Ю. А.* Проект «Государственное регулирование качества жизни населения [Электронный ресурс] // Полномочный представитель Президента РФ в Приволжском федеральном округе [сайт]. — URL: http://www.pfo.ru/?id=20153 (дата обращения: 14.11.2012).
9. *Симакина М. А.* Сущность концепции качества жизни в современных российских исследованиях // Молодой ученый. — 2012. — № 5. — С. 210–214.
10. *Степанова Г. Б.* Подходы к междисциплинарному изучению человека [Электронный ресурс] // Человеческий потенциал России: информ.-исслед. портал Моск. гуманитар. ун-та. — URL: http://www.hdirussia.ru/68 (дата обращения: 10.11.2012).
11. *Трофимов А. М., Мальганова И. Г.* Оценка качества жизни населения как форма изучения социально-географического пространства // Геогр. вестн.: науч. журн. Пермского ун-та. — 2005. — № 1–2. — С. 36–43.
12. *Ширяева О. С.* Психологическое благополучие личности в экстремальных условиях жизнедеятельности: дис. … канд. психол. наук: 19.00.01. — Хабаровск, 2008. — 216 с.
13. *Ширяева О. С., Карабанова С. В., Сурикова Я. А.* От выживания к полноценному функционированию: новый взгляд на экстремальность // Естественно-научные и гуманитарные приоритеты науки и образования: материалы межрегион. науч.-практ. конф., Петропавловск-Камч., 8–12 февр. 2010 г.: в 2 ч. Ч. 2. — Петропавловск-Камч.: КамГУ им. Витуса Беринга, 2010. — С. 296–302.

УДК (159.9 : 314.74.5) (470.4)

В. В. Константинов

АДАПТАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС У МИГРАНТОВ И ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ (на материалах Приволжского федерального округа)

В статье представлены результаты эмпирического исследования содержательных характеристик процесса социально-психологической адаптации мигрантов, проведенного на территории четырех регионов Приволжского федерального округа: Пензенской, Саратовской, Ульяновской областях и Республики Мордовия.

Ключевые слова: мигранты, социально-психологическая адаптация, личность, детерминанты адаптационного процесса

V. V. Konstantinov

MIGRANTS' ADAPTATION PROCESS AND THEIR PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS (on the example of the Volga Federal Okrug)

The article presents the results of empirical research of essential characteristics of migrants' social and psychological adaptation held on the territory of four regions of the Volga Federal Okrug: Penza, Saratov, Ulyanovsk Oblast, and Republic of Mordovia.

Key words: migrants, social and psychological adaptation, personality, determinants of adaptation process

В данной статье представлены результаты эмпирического исследования, которое проводилось нами на территории Пензенской, Саратовской, Ульяновской областей и республики Мордовии (Приволжский федеральный округ). Выборка исследования включала 1103 мигрантов и являлась разнородной по полу, возрасту, срокам проживания, стране выхода (в основном, республики бывшего СССР).

Социально-демографические характеристики выборки представлены в табл. 1.

В соответствии с авторским пониманием социально-психологической адаптации мигрантов и ее типологии осуществлялся выбор определенного методического (диагностического) инструментария. Для оценки отношения испытуемых к изменениям, произошедшим вследствие переезда на новое место жительство, нами была разработана анкета, которая содержит 31 вопрос. Она позволяет выявить причины миграции; оценку переселенцами безопасности себя и своих близких в новых условиях; оценку взаимоотношений с коренным местным населением; оценку ностальгических переживаний; оценку мигрантами себя и своих возможностей в новых условиях жизни. Наряду с авторской анкетой применялась методика Дж. Берри [3], предназначенная для определения доминирующей аккультурационной стратегии (сепарации, интеграции, маргинализации и ассимиляции). Для изучения связи особенностей социально-психологической адаптации и черт личности была использована методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда.

Таблица 1

Социально-демографические характеристики выборки

Область	Респонденты					
	Мужчины			Женщины		
	Количество человек	%	Средний возраст	Количество человек	%	Средний возраст
Пензенская	148	13,4	34,9	144	13,0	36,4
Ульяновская	141	12,7	35,0	136	12,3	36,6
Саратовская	142	12,8	35,0	140	12,6	36,6
Республика Мордовия	129	11,7	32,9	123	11,1	34,5

Уровень и тип адаптации определялся с помощью опросника адаптации личности к новой культурной среде Л. В. Янковского, адаптированного В. В. Константиновым [2]. Опросник состоит из 96-ти утверждений, степень согласия с которыми респондент может выразить одним из трех вариантов ответа: от абсолютного согласия до полного несогласия. После обработки результатов в соответствии с ключом подсчитывается суммарный показатель, свидетельствующий об уровне и типе адаптивности / дезадаптивности респондента.

Описанный инструментарий позволил оценить степень выраженности психологических характеристик субъектов и особенности адаптационного процесса к инокультурной среде.

Результаты эмпирического исследования обрабатывались методами описательной статистики. Достоверность различий по средним величинам определялась с помощью однофакторного дисперсионного анализа *ANOVA* (*One Way ANalysis Of VAriance*). В дальнейшем данные исследования были подвергнуты корреляционному анализу.

Статистическая обработка полученных результатов проводилась с помощью программы *SPSS.Statistics.v17.Multilingual-EQUiNOX.*

Результаты и их анализ

Анализ и интерпретация полученных данных осуществлялась в рамках трех основных направлений. Первое — выявление субъективной оценки успешности / неуспешности социально-психологической адаптации к инокультурной среде. Второе — определение степени выраженности типообразующих признаков и их соотношение; третье — выяснение адаптивных возможностей каждого из выделенных типов, их эффективности.

Результаты анкетирования, анализ которых проводился с помощью метода описательной статистики, показали, что в целом респонденты довольно глубоко вовлечены в социокультурный контекст принимающего общества. Подавляющее большинство мигрантов — 76,4 % (843 чел.) не испытывают угроз со стороны коренного местного населения ($\chi^2_{эмп} = 308{,}150$ при $p = 0{,}001$) и, согласно данным табл. 2, в целом удовлетворены своим статусом.

Только 12,6 % (139 чел.) опрошенных часто испытывают чувство изоляции. Анализ ответов на данный вопрос анкеты показал наличие статистически значимых различий ($\chi^2_{эмп} = 263{,}458$ при $p = 0{,}001$). На наш взгляд, подобное распределение ответов обусловлено спецификой проживания мигрантов из постсоветских государств, а именно проживание диффузно, обусловливает позитивную адаптационную динамику.

Из табл. 2 видно, что больше половины переселенцев 54,2 % (598 чел.) только иногда испытывают трудности в общении с коренным местным населением. На наш взгляд, это обусловлено длительным сроком пребывания на территории РФ и, как следствие, отсутствием ярко выраженного языкового барьера.

Согласно данным табл. 2 весомая часть респондентов 54,2 % (598 чел.) стремятся к установлению новых контактов. Мы считаем, что данная тенденция обусловлена глубокой вовлеченностью в контакты с доминирующим обществом, а личностный характер общения, безусловно, способствует снижению интолерантности и трансформации этнических предубеждений.

Подавляющее большинство — 54,3 % (599 чел.) переселенцев только иногда вспоминает прежнее место жительство. Отмечаемые различия в ответах испытуемых статистически значимы ($\chi^2_{эмп} = 668{,}572$ при $p = 0{,}001$). Данные табл. 2 подтверждают, что лишь незначительная часть мигрантов 5,8 % (64 чел.) хотят вновь сменить место жительство. Очевидной причиной такого распределения ответов является позитивная тенденция процесса социально-психологической адаптации к инокультурной среде.

Итак, анализ субъективной оценки успешности / неуспешности социально-психологической адаптации инокультурными мигрантами из постсоветских государств свидетельствует о наличии поляризации субъективного отношения к новым условиям жизнедеятельности.

Согласно логике, выбранной в начале исследования, следующим шагом было выявление представленности типов социально-психологической адаптации среди инокультурных мигрантов. Из рис. 1 видно, что наиболее распространенными типами являются адаптивный, интерактивный и конформный. Три других типа (депрессивный, ностальгический и отчужденный) встречаются значительно реже.

Таблица 2

Субъективная оценка социально-психологической адаптации мигрантов

Варианты ответа	Респонденты		$\chi^2_{эмп}$
	Количество человек	Доля от общего числа, %	
Удовлетворенность положением в обществе			
В целом доволен	625	56,7	338,401
Надеюсь, что оно улучшится	351	31,8	
Не доволен	127	11,5	
Удовлетворенность общением с коренным местным населением			
Да	135	12,3	291,549
Иногда	598	54,2	
Никогда	370	33,5	
Показатели стремление к установлению контактов			
Да	394	35,7	325,362
Нет	111	10,1	
Иногда	598	54,2	
Показатели стремления к переезду на новое место жительство			
Скорее поеду, чем останусь	64	5,8	565,416
Поехал бы, если бы были гарантии улучшения жизни	333	30,2	
Скорее останусь, чем поеду	706	64,0	

Примечание. При $p \leq 0{,}01$.

Рис. 1. Распределение мигрантов по типам социально-психологической адаптации

Подобное распределение свидетельствует о том, что бóльшая часть опрошенных мигрантов в той или иной степени проявляют установки на удовлетворение потребностей и достижение собственных целей социально приемлемыми способами, что, в свою очередь, вызывает оптимизм со стороны коренного местного населения и способствует позитивным тенденциям процесса социально-психологической адаптации к инокультурной среде.

Второй этап анализа данных был направлен на определение степени выраженности типообразующих признаков и их соотношение и заключался в выявлении характерологических признаков, присущих представителям этих типов.

Обратимся к результатам исследования, полученным с помощью методики Дж. Берри. Корреляционный анализ данных показал наличие значимых связей между доминирующей аккультурационной стратегией и типом адаптации. Так, для мигрантов адаптивного, конформного и интерактивного типов характерны стратегии интеграции и ассимиляции. Доминирующими для депрессивных, ностальгических и отчужденных являются сепарация и маргинализация. Подробное описание полученных данных представлено в табл. 3.

Далее сравним степень выраженности показателей аккультурационных стратегий попарно у каждой группы инокультурных мигрантов. Полученные данные свидетельствуют о достоверных различиях между типом адаптации и выраженностью показателей аккультурационных стратегий. Графическое изображение данных представлено на рис. 2, *а–г*.

Согласно данным рис. 2*а*, для депрессивных, ностальгических и отчужденных мигрантов характерны более высокие показатели, чем для представителей остальных типов. При этом переселенцы отчужденного типа в большей степени демонстрируют стратегию сепарации (r_s = 0,644 при $p \leq 0{,}01$), чем ностальгические и депрессивные. Иначе говоря, эти респонденты не стремятся идентифицировать себя с культурой новой среды. Они нацелены на сохранение собственных этнокультурных ценностей. Конформный и интерактивный типы имеют более низкие показатели относительно депрессивных и ностальгических респондентов, однако более высокие по сравнению с адаптивными мигрантами. Подобное распределение ответов, на наш взгляд, объективно описывает ситуацию, сложившуюся в поликультурном регионе

Достоверные различия между группами наблюдаются и по стратегии интеграции. Наиболее выраженные показатели имеют адаптивные, конформные и интерактивные мигранты. Однако интерактивный тип в большей мере склонен к выбору данной стратегии (r_s = 0,715 при $p \leq 0{,}01$), чем остальные, что говорит о более высокой степени овладения навыками обеих культур. Переселенцы депрессивного, ностальгического и отчужденного типа значимых отличий по данной стратегии не имеют.

Информативные данные были получены и при анализе показателей по стратегии ассимиляции. Между группами также выявлены значимые различия. Как видно из рис. 2*в*, для переселенцев адаптивного, конформного и интерактивного типов характерны одинаково высокие значения. Это говорит о стремлении к взаимодействию с представителями инокультурной среды за счет снижения включенности в контакты со своей этнической группой, что приводит к полной языковой ассимиляции. На наш взгляд, это обусловлено стремлением на долгое время закрепиться на новом месте жительства. Депрессивные и ностальгические мигранты имеют более высокие показатели, чем переселенцы отчужденного типа, и более низкие, чем представители адаптивного, конформного и интерактивного типов. Это свидетельствует о сложностях процесса социально-психологической адаптации.

Таблица 3

Связи выбора стратегии аккультурации от типа адаптации

Тип адаптации	Стратегии аккультурации			
	СТСЕПАР	СТМАРГ	СТИНТЕГ	СТАССИМ
Адаптивные	–0,687	–0,757	0,595	0,340
Конформные	–0,590	–0,643	0,577	0,360
Интерактивные	–0,629	–0,706	0,715	0,340
Депрессивные	0,640	0,702	–0,611	–0,356
Ностальгические	0,548	0,663	–0,687	–0,380
Отчужденные	0,644	0,738	–0,703	–0,359

Примечание. При $p \leq 0{,}01$.

а

б

в

г

Рис. 2. Сравнение групп по стратегии:
а — «сепарация»; *б* — «интеграция»; *в* — «ассимиляция»; *г* — «маргинализация»

Сопоставляя результаты по стратегии маргинализации, можно заключить, что в большей мере эту стратегию демонстрируют депрессивные мигранты (r_s = 0,702 при $p \leq 0{,}01$). На наш взгляд, это обусловлено сильными расхождениями между желаемой индентификацией с инокультурной средой и реальной, и как следствие, мигранты склонны к отрицанию ценностей новой среды обитания наряду с непринятием ценностей собственной культуры. Самые низкие показатели выявлены у представителей адаптивного типа. Конформный и интерактивный типы имеют более высокие показатели относительно адаптивного и более низкие по сравнению с ностальгическими и отчужденными переселенцами.

Итак, анализ результатов второго этапа исследования показал наличие значимых различий в выраженности типообразующих признаков. Это свидетельствует о биполярности процесса социально-психологической адаптации у представителей разных типов.

На третьем этапе нашего исследования важным стало изучение того, насколько «успешны» или «эффективны» выявленные типы социально-психологической адаптации с точки зрения самой личности. Иными словами, какова связь успешности / неуспешности социально-психологической адаптации и индивидуально-психологическими особенностями личности мигранта.

Так, согласно данным, полученным в нашем исследовании, «*самопринятие*» наиболее выражено у представителей адаптивного типа, затем, по убывающей, распределились конформный, интерактивный, ностальгический, депрессивный и отчужденный типы. При этом следует отметить, что представление о себе как о сильной личности, обладающей свободой выбора, способной построить собственную жизнь в соответствии со своими целями, является отличительной чертой адаптивного типа. Подтверждение тому — существенные различия по данному параметру между адаптивным и остальными типами, которые, в свою очередь, имеют значимые отличия (r_s = 0,734 при $p \leq 0{,}01$) между собой (рис. 3*а*).

При выяснении представления респондентов о возможности контролировать свою жизнь, самостоятельно принимать решения и воплощать их в жизнь (интернальность) было обнаружено, что подобное убеждение в большей степени присуще представителям адаптивного типа, а в наименьшей — субъектам депрессивного типа (рис. 3*б*).

В ходе математико-статистической обработки данных выявлены значимые различия ($\chi^2_{\text{эмп}}$ = 0,734 при $p \leq 0{,}01$). Вероятно, наиболее низкие показатели по шкале «интернальность» у инокультурных мигрантов — представителей депрессивного типа обусловлены как собственной инертностью, так и противоречивым отношением к тем правилам, нормам, ценностям, которые диктует новая социальная среда. Иначе говоря, в их сознании в постоянном противоборстве находятся две тенденции. Во-первых, они убеждены в эффективности неинституциональных средств достижения цели, а во-вторых, испытывают опасение, связанное с применением санкций со стороны коренного местного населения по отношению к себе, поскольку из-за собственной инертности не могут полностью предусмотреть ход и последствия тех или иных действий. В этой ситуации управляемость жизни либо отрицается вообще, либо приписывается другим людям.

Сопоставляя полученные результаты по шкале «Принятие других», нами также были выявлены значимые различия (r_s = 0,734 при $p \leq 0{,}01$). Готовность и желание к установлению новых контактов в большей степени выражена у адаптивных переселенцев, в меньшей — у депрессивных.

Анализ данных шкалы «Эмоциональная комфортность» показал наличие значимых (r_s = 0,663 при $p \leq 0{,}01$) межгрупповых различий (рис. 4). Высокие показатели, выявленные у представителей адаптивного, конформного и интерактивного типов, говорят об эмоциональной удовлетворенности, уверенности в собственных силах, позитивных тенденциях во взаимоотношениях с коренным местным населением.

Таким образом, анализ степени выраженности особенностей социально-психологической адаптации и черт личности позволил нам выявить как общие для всех типов закономерности, так и особенности, характерные для отдельных типов адаптации. Однако этого недостаточно для определения эффективности того или иного типа социально-психологической адаптации. Следовательно, следующей задачей нашего исследования стало выявление связи особенностей социально-психологической адаптации и черт личности.

Проведенный корреляционый анализ данных, представленных в табл. 4, показал наличие отрицательных связей между показателями «адаптивности», «самопринятия», «принятие других», «эмоциональной комфортности», «стремления к доминированию» и стратегиями сепарации и маргинализации.

а

б

Рис. 3. Сравнение групп по параметру:
а — «самопринятие»; *б* — «интернальность»

Рис. 4. Сравнение групп по шкале «Эмоциональная комфортность»

Таблица 4

Корреляционные связи показателей по методике К. Роджерса, Р. Даймонда и методике Дж. Берри

Параметры	Стратегии			
	СТСЕПАР	СТМАРГ	СТИНТЕГ	СТАССИМ
Адаптация	–0,578	–0,670	0,661	0,372
Самопринятие	–0,696	–0,665	0,676	0,349
Принятие других	–0,690	–0,672	0,703	0,362
Эмоциональная комфортность	–0,643	–0,720	0,650	0,387
Интернальность	–0,609	–0,643	0,631	0,324
Стремление к доминированию	–0,635	–0,685	0,736	0,402

Таким образом, чем выше представленные показатели у инокультурных мигрантов, тем больше выражено преобладание стратегий интеграции и ассимиляции, а, следовательно, тем выше адаптационные возможности мигрантов, т. е. процесс социально-психологической адаптации проходит более успешно. Низкие значения по представленным шкалам свидетельствуют о выраженности стратегий сепарации и маргинализации, что говорит о трудностях адаптации к инокультурной среде.

Таким образом, углубленный анализ проблемы показал, что степень выраженности психологических характеристик субъекта и их соотношение друг с другом обусловливают специфику адаптационного процесса мигрантов к новой социокультурной среде.

Выводы

1. В ходе проведенного анкетирования нами были выявлены причины миграции; оценка переселенцами безопасности себя и своих близких в новых условиях; оценка взаимоотношений с коренным местным населением; оценка ностальгических переживаний; оценка мигрантами себя и своих возможностей в новых условиях жизни. В целом мы наблюдали позитивные тенденции вовлеченности мигрантов в инокультурную среду.

2. В ходе исследования эмпирически подтверждены 6 типов социально-психологической адаптации: адаптивный, конформный, интерактивный, депрессивный, ностальгический, отчужденный. Наиболее распространены среди мигрантов адаптивный, конформный и интерактивный типы, три остальных встречаются значительно реже.

3. Сравнительный анализ типов социально-психологической адаптации позволил выявить ряд значимых отличий между ними. Так, для адаптивных, конформных, интерактивных характерны такие стратегии аккультурации, как интеграция и ассимиляция; для депрессивных, ностальгических и отчужденных типов — сепарация и маргинализация.

4. Результаты изучения принятия образа-Я показали наличие статистически значимых различий между мигрантами с разным типам адаптации. При этом необходимо отметить, что представление о себе как о сильной личности, обладающей свободой выбора, является отличительной чертой адаптивного типа.

5. В ходе исследования выявлены статистически значимые различия между переселенцами с различными типами адаптации по показателю «Принятие других». Так, адаптивные, конформные, интерактивные мигранты готовы к установлению контактов и взаимодействию с коренным местным населением, в отличие от депрессивных, ностальгических и отчужденных типов.

6. Анализ корреляционных связей между особенностями социально-психологической адаптации и черт личности показал наличие отрицательных связей между показателями «адаптивности», «самопринятия», «принятия других», «стремления к доминированию», «эмоциональной комфортности» и стратегиями сепарации и маргинализации. Таким образом, чем выше представленные показатели у инокультурных мигрантов, тем в большей степени выражено преобладание стратегий интеграции и ассимиляции, а, следовательно, тем выше адаптационные возможности мигрантов, т. е. процесс социально-психологической адаптации проходит более успешно. Низкие значения по представленным шкалам свидетельствуют о выраженности стратегий сепарации и маргинализации, что говорит о трудностях адаптации к инокультурной среде.

7. Тип адаптации мигрантов и степень выраженности психологических характеристик субъекта и их соотношение друг с другом обусловливают специфику адаптационного процесса мигрантов к новой социокультурной среде. Так, представители адаптивного, конформного и интерактивного типов демонстрируют позитивные аккультурационные стратегии (сепарация, ассимиляция), что в значительной мере способствует позитивной тенденции процесса социально-психологической адаптации. Депрессивные, ностальгические и отчужденные мигранты склонны к маргинализации и сепарации, что негативно сказывается на процессе вхождения в новую социокультурную среду.

Библиографический список

1. *Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. — М.: Ин-т Психотерапии, 2002. — С. 193–197.
2. *Янковский Л. В.* Опросник адаптации личности к новой социокультурной среде // Введение в этническую психологию / под ред. Ю. П. Платонова. — СПб., 1995. — С. 190–194.
3. *Berry J. W.* Acculturation and psychological adaptation: review // Journeys into cross-cultural psychology: Selected papers from the 11th International conference of the International association for cross-cultural psychology held in Liege, Belgium / ed. by A. M. Bouvy [et. al.]. — Lisse [etc.]: Swets & Zeitlinger, 1994. — P. 139–140.

УДК 159 : 316.354.4

У. П. Косова

МОТИВАЦИЯ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена исследованиям социального феномена «волонтерство». Автор дает теоретический анализ современных взглядов на мотивацию добровольческой деятельности, рассматривает основные взгляды на проблему возникновения феномена волонтерства и описывает результаты проведенного эмпирического исследования мотивации волонтерства.

Ключевые слова: добровольческая деятельность, волонтер, неадаптивная активность, мотив, мотивация, каузальность

U. P. Kosova

MOTIVATION OF VOLUNTEERS' ACTIVITIES

The article is devoted to the researches of the social phenomenon of "volunteers' activities". The author presents the theoretical analysis of contemporary views on motivation of volunteers' activities, discusses the main approaches to the problem of volunteers' activities motivation, considers the basic opinions about volunteers' activities phenomenon, and describes the outcomes of the empiric research devoted to volunteers' activities motivation.

Key words: volunteers' activities, volunteer, non-adaptive activity, reason, motivation, causativeness

В настоящее время феномен волонтерства все чаще становится объектом исследований в различных областях научного знания. Добровольческая деятельность и особенности ее влияния на личность, а также детерминирующие эту деятельность факторы изучаются в педагогике, психологии, социологии и т. п. Существуют исследования, посвященные как структурно-содержательным характеристикам волонтерства, так и психологическим особенностям добровольцев.

Одним из наиболее изученных компонентов волонтерской деятельности является мотивация. С. В. Михайлова видит успешность формирования мотивации добровольцев в том, что добровольческая деятельность представляет уникальную возможность для человека совместить удовлетворение своих личных потребностей с потребностями общества [12].

Очень часто добровольческую деятельность рассматривают в ключе просоциального и альтруистического поведения.

Б. П. Ильин отмечает, что «проявление просоциального поведения связано с двумя мотивами: *морального долга* и *морального сочувствия.* Человек с моральным долгом совершает альтруистические поступки ради нравственного удовлетворения, самоуважения, гордости, повышения моральной самооценки (избегание или устранение искажения моральных аспектов Я-концепции представления о себе), относясь при этом к объекту помощи по-разному (и даже иногда отрицательно). Помощь носит жертвенный характер. Люди с моральным долгом (а это в основном лица авторитарного типа) характеризуются повышенной личной ответственностью. Человек с моральным сочувствием проявляет альтруизм в связи с идентификационно-эмпатическим слиянием, отождествлением, сопереживанием, но иногда не доходит до действия. Его альтруистические проявления неустойчивы» [7, с. 388].

За просоциальпым поведением лежит особый мотив, и называют его *мотивом альтруизма* (мотивом помощи, мотивом заботы о других людях) [7, с. 395]. Данный мотив проявляется в сочувствии, в удовлетворении потребностей беспомощного, в стремлении опекать, утешать, защищать, заботиться, успокаивать и исцелять тех, кто в этом нуждается. Альтруизм проявляется по собственному убеждению, без какого бы то ни было давления со стороны и базируется на нравственных нормах общества [7, с. 398].

Некоторые ученые считают, что желание помогать является одним из основных побуждений, имеющих генетические корни. В частности, представители эволюционной теории (Ч. Дарвин, Л. Гринберг, Дж. Ф. Раштон) отмечают, что безвозмездная работа совершается под влиянием *генетической потребности* приносить реальную пользу людям, изменять себя и общество [7, с. 410].

Стремясь объяснить явление просоциального поведения, эволюционные психологи указывают также на *норму взаимности,* имея в виду ожидания людей, что их помощь другим сейчас увеличит вероятность того, что другие будут помогать им в будущем. Однако, как отмечает Е. П. Ильин, «если помощь оказывается с расчетом на взаимность, то она теряет свой альтруистический характер» [7, с. 413].

Одна из теорий социальной психологии, теория социального обмена, утверждает, что просоциальное поведение основано на *эгоистическом интересе.* Основное предположение теории социального обмена состоит в том, что люди помогают только тогда, когда выгоды от помощи превышают ее издержки. По сути, данная теория утверждает, что «чистый» альтруизм, подразумевающий, что человек может помогать другим, даже если ему самому это не выгодно, не существует. Согласно эгоистической мотивации, добровольцы готовы оказывать помощь для того, чтобы почувствовать себя лучше [7, с. 437]. В качестве вознаграждения могут выступать соображения карьеры, повышение социальной приспособляемости, уменьшение чувства вины и укрепление чувства собственного достоинства.

Практически те же мысли озвучил известный философ Ф. Ницше в своей работе «Что означают аскетические идеалы». В качестве средства на пути избавления от депрессии он упоминает такое «почетное средство», как «радость принесения радости» (через благодеяния, одаривания, подспорье, помощь, утешение)» [7, с. 371]. Сущность данного средства заключается в том, что человек, совершая благодеяния, невольно пробуждает в себе такой инстинкт, как воля к власти, и испытывает «счастье ничтожнейшего превосходства». Иными словами, по мнению Ф. Ницше, «умение быть полезным, нужным служит неисчерпаемым средством утешения» [7, с. 374].

Существует множество форм внешне альтруистического поведения, внутренние механизмы которого, однако, совсем не соответствуют определению альтруизма [7, с. 412]. Человек действует скорее «помогая» себе, поднимая свою самооценку», компенсируя собственные проблемы и т. п.

Однако, как писал А. Смит, «каким бы эгоистичным ни казался человек, в его природе явно заложены законы, определенные законы, заставляющие его интересоваться судьбой других и считать их счастье необходимым для себя, хотя он сам от этого не получает ничего, за исключением удовольствия видеть «это счастье» [7, с. 415].

Исследователи говорят также о *бескорыстной мотивации,* согласно которой сопереживание приводит к помощи. Если опираться на гипотезу сопереживания альтруизма Д. Бэтсона, то можно говорить о том, что какая-то часть поведения добровольцев мотивируется совершенно бескорыстным желанием помочь человеку, нуждающемуся в помощи. «Чистый» альтруизм, считает Д. Бэтсон, вступает в игру, когда мы ощущаем эмпатию по отношению к тому, кто нуждается в помощи. В соответствии с гипотезой эмпатического удовольствия, сопереживание приводит к просоциальному поведению, потому что помогающий человек предвидит приятные чувства после достижения конкретного результата [9, с. 68].

Х. Хекхаузен отмечает, что Мюррей в своем перечне мотивов ввел для деятельности по оказанию помощи особый базовый мотив, назвав его *потребностью в заботливости.* Отличительные признаки соответствующих ему действий он описывает следующим образом: «Высказывать сочувствие и удовлетворять потребности беспомощного — ребенка или любого другого, который слаб, покалечен, устал, неопытен, немощен, унижен, одинок, отвержен, болен, который потерпел поражение или испытывает душевное смятение. Помогать другому в опасности. Кормить, опекать, поддерживать, утешать, защищать, успокаивать, заботиться, исцелять» [1, с. 134].

Близким, на наш взгляд, к пониманию мотивов волонтерской деятельности выступает понятие «метамотивации» А. Маслоу. А. Маслоу приходит к необходимости различать обычную мотивацию людей, не достигших самоактуализации (речь здесь идет о базовых потребностях), и мотивацию людей, живущих «по ту сторону» самоактуализации, на уровне Бытия. Для ее характеристики он вводит понятия «метапотребности» и «метамотивация» [8]. Человек, живущий на уровне Бытия, всегда имеет какое-то призвание, миссию, и труд по ее осуществлению является достаточным мотивом и вознаграждением сам по себе. Такие люди прочно идентифицируются со своим

призванием и описывают его в терминах высших ценностей: достижения совершенства, раскрытия истины, утверждения справедливости и т. п.

С. В. Алещенок в качестве ведущей мотивации добровольческой деятельности называет *солидарность и ответственность за проблемы в обществе* [5, с. 157].

Исследования мотивации российских добровольцев, проведенные ранее, показывают, что в основе возрождении феномена современного российского добровольчества и среди главных мотивов, побуждающих к добровольческой деятельности, выступают следующие:

– стремление к строительству более справедливого и свободного общества;

– энтузиазм, доброта и подвижничество граждан;

– стремление быть социально полезными другим людям;

– неравнодушное отношение к происходящему вокруг;

– желание реализовать себя и свои инициативы;

– решить проблемы других людей и собственные проблемы [5, с. 169].

Часто в качестве мотива добровольческой деятельности выступает потребность в контактах с другими людьми и преодоление чувства одиночества. Добровольчество отвечает естественной потребности быть членом группы, ценностям и целям которой доброволец может полностью соответствовать.

Также очень сильны мотивы, связанные с получением новых навыков, рекомендаций для приема на оплачиваемую работу. Часто эти мотивы появляются в связи с тем, что работодатели склонны принимать на работу людей уже имеющих какой-то трудовой опыт [2, с. 114].

Таким образом, среди мотивов добровольцев стали видны не только идеалистичные, но и прагматичные; проба себя на пути к карьере, приобретение дополнительных знаний, навыков и квалификации, поиск площадок для исследований, расширение профессионального опыта, получение необходимой информации, полезных связей и т. п.

С. В. Михайлова, изучая мотивы добровольцев, обратила внимание на их возрастные различия. Сравнивая людей молодого, среднего и пожилого возраста, она отмечает, что у первых преобладает мотивация, связанная с желанием пробовать себя в будущей профессии, искать полезные связи и контакты. В среднем возрасте на первый план выходит потребность в самореализации. Наконец, старшему возрасту в большей степени присуще проявление сострадания, милосердия и заботы [12].

Л. А. Кудринская, классифицируя мотивы добровольческой деятельности, указывает на то, что мотивы напрямую связаны с направлением добровольчества. Так, если затрагивается сфера политических партий и общественно-политических движений, то это *социально-политическая* мотивация, так как доброволец ощущает себя активным субъектом исторического действия. Добровольцы, руководствующиеся религиозными или светскими гуманными ценностями (помочь ближнему, сделать доброе дело, реализовав нормы референтной группы и др.), имеют *традиционно-ценностную* мотивацию. Наконец, добровольцы, которые через добровольческую деятельность ищут возможность получить новые связи, информацию, опыт, знания, по мнению Л. А. Кудринской, имеют мотивацию *социально-экономической адаптации* [12].

По данным национального центра волонтерской работы в Великобритании, центральным мотивом все же остается *сама деятельность* (ее процесс), направленная на помощь другим, на основе ответственности за сообщество и / или религиозные убеждения.

Разнообразие мотивов добровольческой деятельности Е. С. Азарова условно разделяет на компенсаторные мотивы, мотивы выгоды, мотивы личностного роста, идеалистичные и мотивы расширения социальных контактов [1, с. 167].

К компенсаторным мотивам автор отнесла решение собственных проблем, ожидание ответной помощи, улучшение собственного самочувствия, преодоление чувства одиночества.

Идеалистические мотивы включают в себя: желание способствовать изменениям в обществе, быть социально полезным, помогать нуждающимся, ответить за добро добром, бороться с определенной проблемой, улучшить благополучие другой личности, а также моральный долг и сочувствие.

Мотивы выгоды представлены такими потребностями, как получение полезных связей, проба себя на пути к карьере, приобретение дополнительных знаний, умений и навыков, расширение опыта, общественное признание.

Мотивы личностного роста — это желание самореализации, самосовершенствования, развития самосознания.

Наконец, к мотивам расширения социальных контактов автор отнесла потребность в контакте с другими людьми, желание просто общаться, интересное времяпровождение, мотив аффилиации.

Можно заключить, что волонтерская деятельность, как и другие виды деятельности, детерминирована не одним, а несколькими мотивами. Причем эти мотивы неоднозначны и разноплановы, в связи с чем возникает вопрос о полном их соответствии добровольческой деятельности. Таким образом, необходимо выделить особенности мотивов волонтерской деятельности.

О. В. Решетников подчеркивает, что ведущие мотивы добровольческой деятельности должны отвечать следующим требованиям: иметь социально значимый позитивный характер, широкую распространенность среди добровольцев, отвечать общечеловеческим ценностям, сохранять индивидуальные различия добровольцев, способствовать развитию добровольческой деятельности, реализации ее целей и задач [12].

В рамках нашего исследования волонтерской деятельности, которую мы рассматриваем через призму теории о надситуативной активности В. А. Петровского, мы поставили цель изучить не сколько внешние мотивы добровольчества, сколько внутренние интенции, каузальность лиц, включенных в волонтерство.

Для изучения внутренней мотивации волонтеров мы использовали Российскую версию опросника каузальных ориентаций (РОКО) Э. Деси и Р. Райана в адаптации Д. А. Леонтьева, О. Е. Дергачевой, Л. Я. Дорфмана.

Результаты по методике РОКО распределились следующим образом (см. табл.). И для экспериментальной группы (далее — ЭГ), и для контрольной группы (далее — КГ) испытуемых характерной является внутренняя каузальная ориентация. Наиболее выраженная автономность, однако, наблюдается в контрольной выборке испытуемых, но не меньший вес по этой шкале и у респондентов ЭГ. Люди с автономной каузальной ориентацией оперируют внутренней мотивационной системой. У них проявляются тенденции воспринимать локус каузальности как внутренний и испытывать чувства самодетерминации и компетентности. Для личности с автономной каузальной ориентацией характерна высокая степень осознания базовых потребностей и четкое использование информации для принятия решений о поведении, вследствие чего развито чувство компетентности и высокий уровень самодетерминации; гибкое поведение и чувствительность к изменениям социальной среды; не свойственно самообвинение в случае неудачи. В контексте методики самодетерминация или автономия рассматриваются как «ощущение и реализация свободы выбора человеком способа поведения и существования в мире независимо от влияющих на него сил внешнего окружения и внутриличностных процессов» [6]. Помимо этого, понятие самодетерминации тесно связано с понятием воли, которое определяется авторами как «способность человека выбирать на основе информации, полученной из среды, и на основе процессов, происходящих внутри личности». Также понятие самодетерминации связано с психологической функцией внутренней мотивации. Внутренняя мотивация рассматривается как побуждение человека к интересующей его активности при отсутствии внешнего подкрепления или наказания (см. табл.).

Таблица

Результаты по методике РОКО

Шкалы		Автономность	Контроль	Безличная ориентация
t-критерий Стьюдента		2,240	1,080	0,820
Средние значения	ЭГ	5,309	3,917	3,205
	КГ	5,528	4,055	3,295

Аналогичные данные были получены в исследовании Е. С. Азаровой при изучении добровольцев. Ее исследование показало, что «занимающиеся добровольческой деятельностью имеют представление о себе как о сильных личностях, которые обладают достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле. Вследствие этого проявляется независимость их ценностей и поведения от воздействия извне, принятие ценностей самоактуализированной личности, хорошая ориентация в своих чувствах и их рефлексия, самопринятие, стремление к новым знаниям, творческая направленность» [6].

Таким образом, характерный для волонтеров внутренний локус каузальности позволяет предположить наличие неадаптивных тенденций в добровольческой деятельности, подкрепленной не только и несколько внешними мотивами, но опирающейся и на внутренние интенции личности самих волонтеров.

Библиографический список

1. *Азарова Е. С.* Психологические детерминанты и эффекты добровольческой деятельности. — Хабаровск, 2008. — 287 с.
2. *Аргайл М.* Психология счастья. — СПб.: Питер, 2003. — 271 с.
3. *Аронсон Э.* Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме / Э. Аронсон, Т. Уилсон, Р. Эйкерт. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. — 560 с.
4. *Березина Т. Н.* Резервные возможности человека. — М.: Когито-центр, 2000. —112 с.
5. *Бобнева М. И.* Социальные нормы и регуляция поведения. — М.: Наука, 1978. — 312 с.
6. *Дергачева О. Е., Митина О. В.* Подходы к конструированию русскоязычной версии опросника каузальных ориентации // Психол. диагностика — 2005. — № 1. — С. 3–22
7. *Ильин Е. П.* Мотивация и мотивы. — СПб.: Питер, 2000. — 512 с.
8. *Леонтьев А. Д.* Развитие идеи самоактуализации в работах А. Маслоу [Электронный ресурс] // Экзистенциальная и гуманистическая психология [сайт]. — URL: http://hpsy.ru (дата обращения: 15.11.2012).
9. *Леонтьев Д. А.* Автономия и самодетерминация как объект психологической диагностики // Вопр. психологии. — 2007. — № 1. — С. 66–85
10. *Магун В., Жамкочьян М., Эктид А.* От потребности — к поступку // Популярная психология: хрестоматия / сост. В. В. Мироненко. — М.: Просвещение, 1990. — 399 с.
11. *Михайлова С. В.* Десять советов по работе с добровольцами руководителю общественной организации [Электронный ресурс] // Студенческое самоуправление ЯГПУ [сайт]. — URL: http://yspu.ucoz.ru/publ/26-1-0-19 (дата обращения: 15.11.2012).
12. *Насиновская Е. Е* Вопросы мотивации личности с позиции деятельностного подхода // Психология в вузе. — 2003. — № 1–2. — с. 216–225.
13. *Петровский В. А.* К психологии активности личности // Вопр. психологии. — 1975. — № 3. — С. 26–38.
14. *Петровский В. А.* Личность в психологии: парадигма субъектности. — Ростов н/Д: Феникс, 1996. — 512 с.

УДК 159.922.26

А. А. Кулик

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ЛИЧНОСТИ С СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКОЙ РЕГИОНА[1]

В статье рассматриваются ключевые аспекты проблемы качества жизни, представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи качества жизни личности с субъективной оценкой региона, показано, что субъективная оценка среды проживания способствует актуализации различных ресурсов (внешних и внутренних).

Ключевые слова: качество жизни, субъективное благополучие, субъективная оценка региона, экстремальная среда жизнедеятельности, адаптационные ресурсы, копинг-стратегии

A. A. Kulik

INTERRELATION OF LIFE QUALITY PARAMETERS WITH SUBJECTIVE ASSESSMENT OF THE REGION

The article covers the main aspects of life quality problem and presents the results of the empirical research of interrelation between personality's life quality and subjective estimation of the region. It is shown that the subjective estimation of life habitat promotes the updating of various resources (external and internal).

Key words: life quality, subjective well-being, subjective assessment of the region, extreme life environment, adaptation resources, koping-strategy

Современные тенденции научно-технического, социально-экономического развития российского общества заставляют принципиально по-новому ставить вопрос о функционировании системы «человек — среда», в которой доминирующими выступают два аспекта: во-первых, кардинальные изменения во взаимодействии человека с природой, во-вторых, трансформирующийся характер взаимоотношений человека с обществом, что обуславливает все возрастающий интерес исследователей различных областей к изучению параметров качества жизни.

Качество жизни представляет сложную, многостороннюю и комплексную категорию. Проблема исследования качества жизни занимает пограничное место не только в системе отраслей психологического знания, но и в смежных с ней гуманитарных и социальных науках. Постановка проблемы изучения качества жизни имеет важное методологическое значение, так как позволяет исследовать закономерности взаимодействия экономических и социально-психологических феноменов.

В последние годы в зарубежной и отечественной психологической науке активно развивается интерес к проблеме качества жизни (К. А. Абульханова-Славская, Г. М. Головина, Е. Е. Давыдова, А. А. Давыдов, А. Л. Журавлев, Г. М. Зараковский, Т. И. Ионова, А. А. Новик, Т. Н. Савченко, В. А. Хащенко, Р. М. Линдсей, Р. Кантор, А. Мишелл и др.).

В области изучения проблем качества жизни можно выделить два доминирующих направления, ориентированных на изучение качества жизни общества и личности: исследование объективного и субъективного качества жизни. В рамках субъективного подхода сформировалось психологическое направление в изучении качества жизни (А. В. Баранова, Г. Н. Головина, В. И. Кулайкин, В. А. Непомнящая, Е. Ю. Рубанова, Т. Н. Савченко, Е. А. Угланова и др.), согласно которому истинное значение качества жизни отражено в субъективных переживаниях индивида, которые формируются на основе его жизненного опыта, уровня культурного, интеллектуального и эмоционального развития. Качество жизни представлено как жизненное благополучие, при котором человек испытывает внутреннюю удовлетворенность условиями своего существования.

В современной трактовке показатели качества жизни охватывают:

[1] Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 12-06-31220 мол_а, проект «Проблема качества жизни в контексте экстремальных климатогеографических и особых социокультурных условий жизнедеятельности».

1) содержание труда и досуга, комфорта в труде и быту, качество питания, одежды, жилья, окружающей природной среды;

2) удовлетворение потребностей в знании, общении, творчестве, трудовой и социальной активности;

3) социальные гарантии, дающие человеку уверенность в выбранной им жизненной позиции;

4) степень развития социального равенства, социальной справедливости, демократии и т. д.

Несмотря на все возрастающий интерес исследователей к проблеме качества жизни, сложилась ситуация, характеризующаяся, с одной стороны, недостаточной теоретической разработанностью проблемы, а с другой, отсутствием общепринятых критериев и показателей оценки качества жизни.

На наш взгляд, особое внимание необходимо уделять именно психологическим аспектам изучения качества жизни, которые позволят выделить основные компоненты и интегральные показатели качества жизни, уровни оценки качества жизни, основные социально-психологические факторы оценки качества жизни. При анализе качества жизни следует учитывать средовые воздействия на человека: региональная специфика (социальные, экономические, климато-географические и другие факторы) воздействует на личностные структуры и установки, что, в свою очередь, может оказывать влияние на параметры качества жизни в конкретном регионе.

Таким образом, изучение параметров качества жизни является перспективным направлением в психологической науке. Актуальность проблемы и несомненная практическая значимость определили выбор цели нашего исследования — выявить взаимосвязь параметров качества жизни, в частности, субъективного благополучия личности с субъективной оценкой среды проживания[2].

В работе мы исходили из предположения о том, что существует взаимосвязь субъективного благополучия личности с субъективной оценкой среды проживания. Субъективная оценка среды проживания способствует актуализации различных ресурсов, так в регионе с экстремальными условиями жизнедеятельности человек в большей степени опирается на внутренние ресурсы, необходимые для субъективного благополучия и личностного роста, в регионе с более благоприятными социальными, культурными, природно-климатическими и географическими условиями человек опирается на внешние ресурсы, где среда выступает одним из основных источников развития личности.

В исследовании приняли участие жители г. Петропавловска-Камчатского (30 человек), жители г. Смоленска (30 человек). Выборки уравнены по возрастным и социальным критериям. Общее количество выборки — 60 человек.

Логика исследования включала в себя планирование и реализацию следующих этапов:

- *Этап 1* — изучение взаимосвязи субъективного благополучия с субъективной оценкой среды проживания:

– «Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО) Дж. Крамбо в адаптации Д. А. Леонтьева;

– субъективное шкалирование «Оценка региона» Е. Б. Весна, О. С. Ширяева;

– «Шкала субъективного благополучия» Г. Перуэ — Баду в модификации М. В. Соколовской;

– «Индекс жизненной удовлетворенности» Н. В. Панина;

– модифицированный вариант методики «Незаконченные предложения» Дж. Сакса и С. Леви;

- *Этап 2* — качественный и количественный анализ результатов методик, интерпретация полученных данных, сравнение показателей респондентов экспериментальной и контрольной групп (далее — ЭГ и КГ):

– методы математической обработки данных: параметрический критерий *t*-Стьюдента;

– корреляционный анализ; угловое преобразование Фишера.

Для установления взаимосвязи субъективного благополучия с субъективной оценкой среды проживания в качестве основного метода обработки данных нами был использован корреляционный анализ. Сравнительный анализ данных, полученных по методикам *«Оценка региона»* и *«Шкала субъективного благопо-*

[2] В статье использованы эмпирические данные, собранные Татьяной Павловной Круглой в рамках выполнения дипломного проекта.

лучия» среди респондентов экспериментальной и контрольной групп, позволил выявить прямые корреляционные связи (табл. 1).

Результаты, представленные в табл. 1, наглядно иллюстрируют взаимосвязь основных характеристик региона и субъективного благополучия личности, в частности, позитивная, эмоционально-окрашенная оценка среды проживания напрямую взаимосвязана с ощущением субъективного благополучия. Несмотря на то, что Камчатский край относится к территории с экстремальными природно-климатическими условиями, высокой степенью возникновения катастроф природного характера (землетрясения, наводнения и пр.), отдаленностью от центральной полосы России, респондентам экспериментальной группы свойственно простраивать четкие перспективы будущей организации жизнедеятельности в указанном регионе (получение профессионального образования, трудоустройства), собственная жизнь оценивается ими субъективно благополучной, наполненной смыслами и целями. Подобный результат может свидетельствовать о большей мобилизации внутриличностных ресурсов, необходимых для психологического благополучия и личностного роста.

Существенным отличием, выявленным нами в ходе исследования, является наличие значимых корреляционных связей в контрольной группе по шкале *«Оценка региона с точки зрения наличия внешних ресурсов»* (среди респондентов экспериментальной группы подобных связей выявлено не было). Для респондентов, проживающих на территории с более благоприятными климато-географическими, социально-культурными и экономическими условиями, свойственно рассматривать внешнюю среду жизнедеятельности как основу для построения перспективы будущего, профессионального и личностного развития, в этом случае субъективное благополучие взаимосвязано с внешними, нежели с внутренними ресурсами, среда выступает одним из основных источников развития.

На следующем этапе нашего исследования был проведен корреляционный анализ основных шкал методики «Оценка региона» и методики «СЖО» среди респондентов экспериментальной и контрольной групп (табл. 2).

Наибольшее количество корреляционных связей выявлено среди респондентов экспериментальной группы, установленный факт свидетельствует о том, что процесс жизни становится интересным, эмоционально насыщенным, позитивная оценка региона способствует повышению уровня удовлетворенности самореализацией и результатами собственной деятельности, человеку свойственно ощущать себя сильной личностью, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями.

В контрольной группе значимые прямые корреляционные связи получены между шкалами *«Общая оценка региона»* и *«Процесс жизни»*, *«Результат»*. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что респонденты контрольной группы оценку региона связывают с актуальной «внешней» составляющей своей жизни, в большей степени ориентированной на результат. Следует подчеркнуть, что окружающая среда как объект оценивания имеет относительный характер, поскольку границы, количество и структурированность ее пространственных, предметных и иных свойств в значительной мере зависят от субъективных характеристик оценивающего ее человека.

Из табл. 2 видно, что значимые прямые корреляционные связи получены лишь среди респондентов экспериментальной группы. Полученный результат свидетельствует о том, что респонденты, проживающие на территории Камчатского края, эмоциональную оценку региона («горжусь, что живу на Камчатке», «нравится жить», «интересно жить», «скучаю по моему городу, когда вдали» и т. д.) напрямую связывают с такими параметрами, как «осмысленность жизни», «процесс жизни», «локус контроля — Я», «локус контроля — жизнь». Таким образом, можно утверждать, что в экстремальных условиях жизнедеятельности содержатся ресурсы для личностного роста, позитивных изменений, мобилизации всех систем организма. Главными условиями активизации ресурсов в экстремальных условиях являются направленность личности на преодоление, ее активное взаимодействие со средой и определенный набор позитивных личностных характеристик.

Таблица 1

Корреляционные связи, полученные по основным шкалам методик «Оценка региона» и «Шкала субъективного благополучия»

Шкалы «Оценка региона»	Группа	
	ЭГ	КГ
Общая оценка региона	0,422006*	–
Оценка региона с точки зрения возможностей получения профессионального образования и профессионального роста	0,516468**	0,389267*
Оценка региона с точки зрения наличия внешних ресурсов	–	0,393078*
Видение будущего в среде	0,516496**	–

Таблица 2

Корреляционные связи между шкалами оценки региона и шкалами СЖО

Шкалы СЖО	Группа	
	ЭГ	КГ
«Общая оценка региона»		
Осмысленность жизни	0,443898*	–
Процесс жизни	0,429613*	0,39423000*
Результат	0,409681*	0,39423011*
Локус контроля — Я	0,435508*	–
Локус контроля — жизнь	0,478679**	–
«Эмоциональная оценка региона»		
Осмысленность жизни	0,385707*	–
Процесс жизни	0,373738*	–
Локус контроля — Я	0,411585*	–
Локус контроля — жизнь	0,421222*	–
«Оценка региона с точки зрения наличия внешних ресурсов»		
Осмысленность жизни	–	0,369900*
Процесс жизни	–	0,385966*
Результат	–	0,391804*
Локус контроля — жизнь	0,365942*	–

Примечание. * — при $p \leq 0,05$; **— при $p \leq 0,01$; *** — при $p \leq 0,001$.

Наибольшее количество значимых корреляционных связей было выявлено среди респондентов контрольной группы. Эмоциональная насыщенность процесса жизни, самореализация напрямую взаимосвязаны с оценкой среды с точки зрения наличия в ней внешних ресурсов. В данном контексте психологическое благополучие личности приобретает следующий ракурс: функцией субъективного благополучия является простраивание внешнего («Я в окружающем мире») пространства, нежели внутреннего («Я», субъективные переживания).

Выводы

Субъективное благополучие, как один из параметров качества жизни, проявляется, прежде всего, в ощущении счастья и удовлетворенности жизнью в целом. Субъективное благополучие в большей степени относится не к частному поведенческому акту, а к обобщенной оценке «жизни вообще». Одной из важных характеристик субъективного благополучия становится позитивная, эмоционально-окрашенная оценка среды проживания (вне зависимости от условий экстремальности / неэкстремальности). Как показано в исследовании, респондентам, проживающим на территории с различными климато-географическими, социально-культурными, экономическими условиями свойственно ощущать себя субъективно благополучными. Вместе с тем, важным отличием является то, что человек задействует различные ресурсы и механизмы, необходимые для успешного функционирования в системе «человек — среда». В условиях, когда внешние ресурсы представлены слабо, происходит задействование внутренних, более сильных компонентов «Я».

В экстремальных условиях жизнедеятельности содержатся ресурсы для личностного роста, позитивных изменений, мобилизации всех систем организма. Главными условиями активизации ресурсов в экстремальных условиях являются направленность личности на преодоление, ее активное взаимодействие со средой и определенный набор позитивных личностных характеристик.

Библиографический список

1. *Анцыферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психол. журн. — 1994. — № 1. — С. 3–19.
2. *Баранова А. В., Хащенко В. А.* Социально-психологические факторы оценки качества жизни // Ежегодник Рос. психол. о-ва: материалы III Всерос. съезда психологов, 25–28 июня 2003 г. Т. 1. — СПб.: С.-Петерб. ун-т, 2003. — С. 293–297.
3. *Василюк Ф. Е.* Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. — М.: МГУ, 1984. — 200 с.
4. *Давыдова Е. В.* Измерение качества жизни. — М., 1993. — 52 с.
5. *Зараковский Г. М.* Качество жизни и качество населения // Качество жизни — главный критерий социально-экономического развития России: сб. докл. — М.: ВНИИТЭ, 2002.
6. *Качество* жизни и духовная культура: науч. тр. ВНИИТЭ. Вып. 4. — М., 2002.
7. *Лебедев В. И.* Личность в экстремальных условиях. — М.: Политиздат, 1989.

УДК 159.922.2 + 615.851

А. Б. Паукова

СПЕЦИФИКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПСИХОТЕРАПИИ «ВНЕ КАБИНЕТА» («OUTDOORS THERAPY»)

В статье описывается психотерапия «вне кабинета» как особый вид помогающих практик. Представлены основания классификации различных подходов внутри нее. Раскрываются механизмы и эффекты двух «крайних» форм: терапии приключением и терапии природой.

Ключевые слова: психотерапия природой, психотерапия приключением, личностный рост, инициация, активность, личностный ресурс

A. B. Paukova

SPECIFICS OF OUTDOORS THERAPY PROCESS

The article describes the outdoors therapy as a specific type of adjuvant practices. It presents the grounds for classification of various approaches in the field, reveals the mechanisms and effects of its two “extreme” forms: adventure therapy and nature / wilderness therapy.

Key words: wilderness therapy, adventure therapy, personal growth, initiation, activity, inner resource

Среди всего многообразия современных видов и форм психотерапии свое место занимает так называемая психотерапия «вне кабинета» (*outdoors therapy*). К сожалению, в России данная форма развита довольно слабо (несмотря на существенный ресурс — большое разнообразие природных ландшафтов). Более того, в настоящее время в русскоязычной научной литературе даже отсутствует термин, объединяющий в себе все виды терапии, осуществляемые за пределами терапевтического кабинета как некоего особого, замкнутого пространства и подразумевающие активное контактирование со средой в терапевтическом процессе. Мы сочли возможным перевести англоязычное понятие *«outdoors therapy»* как «терапия вне кабинета».

Важно, вместе с тем, отметить, что не любая терапия, фактически осуществляемая вне кабинета, является *«outdoors therapy»*. Сюда не включаются встречи с клиентом на дому, в кафе и иных публичных местах (хотя подобный формат сам по себе является спорным с точки зрения психотерапевтической этики) или даже на природе, если эта встреча *случайна*, т. е. не продиктована сознательным решением проводить терапию вне кабинета, намеренно включая внешнюю среду в процесс работы с клиентом.

Отношение специалистов к этой форме работы довольно противоречиво, так как по сути она предполагает нарушение одного из базовых правил психотерапевтического сеттинга: безопасности и предсказуемости условий, в которых осуществляется психотерапия. Считается, это способствует тому, чтобы клиент был сосредоточен на внутренних содержаниях и не отвлекался на внешнюю обстановку, которая должна быть в меру комфортной и нейтральной. Терапия «вне кабинета» предполагает выход за пределы безопасного «контейнера» и превращение того, что составляло среду терапии, фактически вынесенное за скобки, в одно из ее главных «действующих лиц»: перед нами уже не просто диада «клиент — терапевт», а триада: «клиент— терапевт — окружающее пространство».

На наш взгляд, психотерапия «вне кабинета» приобретает особое значение в контексте активно развивающейся экологической психологии, изучающей эффективное и здоровое взаимодействие человека и среды (напр.: [7]). Она не изолирует человека от мира, в котором он живет, замыкая его в своеобразной «колбе», но дает возможность понимать и исследовать себя-принадлежащего миру, соотносящегося с ним. Частная, индивидуальная жизнь оказывается в диалоге с более масштабными, надындивидуальными процессами и явлениями, что отвечает вызовам времени. Как пишет А. Уиллис [25], экологический кризис, с которым на данном этапе своего развития сталкивается человечество, есть результат не только кризиса в сфере науки и технологий, но и также

и кризиса человеческого бытия, связанного с утратой корней, смыслов, витальных ценностей. В этом смысле, помогающие практики, включающие в себя идею отношения «человек — среда», могли бы способствовать выходу из кризиса и естественному формированию нового экологического сознания, вырастающего не из отчужденного знания, возникающего в результате информирования, но из личностного знания-переживания.

Для того чтобы ответить на вопрос о том, в чем специфика психотерапии «вне кабинета», необходимо сперва четко очертить область практик, относящихся к ней, так как порой они могут быть очень похожими на разного рода туристические практики и мероприятия. «Для того, кто наблюдал бы за работой группы «с высоты птичьего полета», все выглядело бы *почти* как обычный двух-трехдневный поход» [1, с. 4]. Однако у туризма и терапии, очевидно, различные цели: если первый ориентирован на знакомство человека с *внешним* — новыми странами, ландшафтами, средами обитания, достопримечательностями и прочим, то терапия, отчасти «заимствуя» некоторые средства туризма, в конечном итоге помогает человеку отправиться во «*внутреннее путешествие*» [12]. Туризм, вне всяких сомнений, также может быть терапевтичен по эффекту, особенно если принимать во внимание такие его формы, как экстремальный, событийный, экзотический [3], но этот эффект является не основным, а побочным.

Кроме того, важно различать «внекабинетную» *терапию* и внешне сходные с ней практики *социальной работы* — например, довольно широко известные в США воспитательно-трудовые лагеря для подростков или движение скаутов. В задачи этих организаций входит развитие личности молодого человека, реализуемое посредством деятельностного вовлечения в социально значимые проекты, выстраивания определенного рода канонов и традиций общения и времяпрепровождения внутри групп, трансляции определенных ценностей (у скаутов, к примеру, — это долг перед Богом, гражданский долг и долг перед самим собой [9]) и т. п. Одним из важнейших направлений является воспитание природой, реализуемое также через практическое действие и способствующее развитию самостоятельности, находчивости, выносливости. В иных случаях может делаться акцент на предоставление какой-либо «социально-проблемной» группе нового опыта, расширяющего представления о мире и способах отношений между людьми [18]. И снова: в ряде случаев у участников могут происходить существенные внутренние изменения, но сама суть подобных воздействий — педагогически-коррекционная, то есть они ориентированы на усиление качества и степени социальной адаптации, а не на создание условий для самоисследования и самопознания.

Таким образом, мы приходим к тому, что терапия «вне кабинета», чтобы называться психотерапией, должна включать в себя важный момент: клиент не просто пребывает в некоей среде, не просто действует в ней, но, ощущая поддержку и помощь терапевта, рефлексирует свое пребывание; то, как данное «внешнее» преломляется во «внутреннем», то, какие отклики, переживания, озарения рождаются — все это становится ценным материалом для работы и вехами на пути клиента к самому себе.

Стоит отметить, что сама терапия «вне кабинета» неоднородна, фактически она является некоторым «ярлыком», обобщением для ряда подходов. Перечислим некоторые из них: терапия приключением (*adventure therapy*) [13, 17]; приключенчески-ориентированное консультирование (*adventure-oriented consulting*) [19, 22], терапевтический кемпинг (*therapeutic camping*) [20], терапия дикой природой (*wilderness therapy*) [14], терапия садоводством (*horticultural therapy*) [16], терапия природой (*nature therapy*) [21] и пр. Однако эти подходы существуют как будто бы параллельно друг с другом и не рефлексируют ни собственную специфичность, ни те моменты, которые их объединяют. Создаются и функционируют новые практики и методы, однако фактически они остаются не включенными в какой бы то ни было теоретический контекст. На наш взгляд, более четкое понимание механизмов и особенностей процесса терапии «вне кабинета», а также ее эффектов для клиента позволит терапевтам более осознанно включать подобные методы в свою практику.

Все подходы внутри этого направления терапии для более четкого понимания их места и особенностей возможно и целесообразно распределить в двухмерном пространстве, осями которого являются:

1) ориентированность на «приключение» (*adventure*) — активную включенность клиента / клиентов в деятельность в рамках нестандартных ситуаций, направленную на их исследование, разрешение или преодоление;

2) ориентированность на «природное» (*nature*) — совместное бытие с клиентом / клиентами в природных условиях, не предполагающее преодоления нестандартных ситуаций.

В каждой конкретной практике могут различным образом сочетаться эти две тенденции (например, *wilderness therapy*), однако нам представляется важным рассмотреть «экстремумы», дифференцированно описав механизмы и эффекты, свойственные им. Мы считаем возможным наметить определенные измерения, в контексте которых происходит внутренняя работа клиента. Эти измерения задаются ресурсной базой и спецификой практик терапии «вне кабинета» и практически не присутствуют (или присутствуют в ином качестве) в традиционной, «кабинетной» терапии.

Вектор: терапия природой

С одной стороны, человек является частью природы, с другой стороны, она преимущественно предстает перед ним в преломлении обычаев и значений культуры, в частности, той конкретной культуры, которой он принадлежит. Таким образом, их отношения становятся в той или иной степени опосредствованными. При этом можно говорить о природе «ближней» — являющейся частью привычной среды обитания, как будто бы хорошо знакомой, но именно за счет этого воспринимаемой упрощенно, «схематично», и природе «дальней» — дикой, подвергшейся минимальному влиянию человека, существующей словно в параллельной реальности и потому зачастую наделяемой свойствами холодной безразличности, враждебности, загадочной таинственности.

Рассуждая о «дикой» природе, интересно обратиться к работе Н. Тоттона, в которой он приводит контексты-оппозиции, через которые может определяться «дикость» как таковая [23]. По его мнению, «дикое» может противопоставляться «цивилизованному», «культивируемому» — «обустраиваемому», «мирному», «сдержанному», «контролируемому». Таким образом, мы можем понимать «дикое» как существующее вне цивилизации / культуры, не подвергающееся направленному влиянию человека, бунтарское, свободное, хаотичное, бесконтрольное. Н. Тоттон отмечает еще одну важнейшую характеристику: «дикое» — это «сложное»: нетронутое, исконное многообразие. Соприкосновение с ним способно высветить внутреннюю сложность, многогранность личности, порой слишком хорошо, правильно «вписанную» и приспособленную к устоявшимся структурам повседневной жизни, вернуть и обратить ее к собственной глубинной креативности, витальному началу, организмическому ресурсу.

Обнаружение «дикого» как естественного, сложного, витального важно и в контакте с «ближней» природой — ряд практик направлен как раз на то, чтобы увидеть то, что обычно не замечается, впустить, дать место природному в своем жизненном пространстве (напр.: [2]).

В природно-ориентированных психотерапевтических практиках мы можем разглядеть следующие измерения.

1. *Архетипическое измерение* — природные объекты являются носителями богатого символического содержания, запечатленного в опыте культуры, внешний ландшафт может приходить в особого рода тонкий резонанс с «ландшафтом души». Интересно отметить, что Х. Лейнер, разрабатывая метод символ драмы, обозначил базовые ее мотивы, служащие отправными точками для активизации воображения и последующего «фантазийного путешествия» в глубину психики, символически насыщенными природными объектами: луг, ручей, лес, гора, пещера и пр. [5]. Известны также описания особого рода «синхроний», возникающих между человеком и природным объектом. Вот знаменитый пример, описанный К. Г. Юнгом в своей автобиографии: «У стены начинался склон, на котором я обнаружил вросший в землю большой камень — мой камень. Часто, сидя на нем, я предавался

странной метафизической игре, — выглядело это так: „Я сижу на этом камне, я на нем, а он подо мною“. Камень тоже мог сказать „я“ и думать: „Я лежу здесь, на этом склоне, а он сидит на мне“. Дальше возникал вопрос: „Кто я? Тот ли, кто сидит на камне, или я — камень, на котором он сидит?“ Ответа я не знал и всякий раз, поднимаясь, чувствовал, что не знаю толком, кто же я теперь. Эта неопределенность сопровождалась ощущением странной и чарующей темноты, возникающей в сознании. У меня не было сомнений, что этот камень тайным образом связан со мной. Я мог часами сидеть на нем, завороженный его загадкой» [11].

2. *Телесное измерение* — нахождение в природной среде оказывает целебный эффект и дает возможность пробуждения природного в человеке: мудрости тела, инстинктов, жизненных ритмов.

3. Э*стетическое измерение* — восприятие, переживание природной красоты способствует психологической гармонизации; с другой стороны, актуализирует саму способность ощущать и чувствовать, чутко отзываться на проявления окружающего мира, быть открытым для глубинной работы впечатления, удерживать состояние *je ne sais quoi* (фр. — сам не знаю что) — проживание красоты, не выразимой словами (Ж.-Ж. Руссо, цит. по: [10]).

4. *Экзистенциальное измерение* — возникает ощущение причастности чему-то большему, нежели сугубо человеческое бытие (*more-than-human* [23]), соприкосновение с темами Вечного и Временного, Конечного и Бесконечного, трансформация привычных координат восприятия; приходят интуитивные прозрения, «эпифании», ярко описанные, например, в литературе периода романтизма, уделявшей особое внимание отношениям человека и природы. «В обыденных предметах природа открывает нам «параболы глубинных вещей, аналогии божественности» (Дж. Рёскин, цит. по: [10, с. 351]).

Вектор: терапия приключением

Хотя терапия приключением обычно в какой-то степени включает в себя и терапию природой или средой (приключение проще организовать в пространстве, отличном от привычного), тем не менее, существуют практики, использующие только ресурсы приключения как особой формы активности (например, веревочные курсы). Соответственно, важно понимать, что есть приключение как феномен в психологическом смысле, какова его «структура».

Обращаясь к словарным определениям, видим, что приключение понимается как:

1) *неожиданный случай* — нечто приключается, т. е. случается с субъектом, он сталкивается с рядом объективных обстоятельств, препятствий, ситуаций, с которыми должен совладать или, как минимум, «отозваться» на них;

2) *авантюрное похождение, рискованное предприятие* — приключение бросает вызов возможностям субъекта и условиям его жизни; оно есть выход за пределы «зоны комфорта» — предсказуемости, понятности, подконтрольности, преодоление границы;

3) *интересное, занимательное происшествие со сложной фабулой, интрига* — приключение захватывает субъекта, он погружается в атмосферу азарта, риска, сталкивается с незнакомым, непривычным, непредсказуемым, таинственным.

Таким образом, приключение — это своеобразный «выброс» за пределы повседневности, причем субъект находится в активной позиции в отношении обстоятельств. Он пробует свои силы и исследует возможности. Важно также, что приключение имеет некий финал — преимущественно позитивный (в противном случае приключение приобретает характер борьбы, драмы): испытания пройдены, «герой» возвращается на условное «плато» реальности, однако обладает большим опытом, знаниями, умениями, обновленным пониманием себя и жизни.

Практики терапии приключением всегда обладают потенциалом, фасилитирующим трансформацию личности, который тем выше, чем более новы, необычны и «требовательны» среда и сюжет приключения. Тем не менее, чрезвычайно важно наличие и соблюдение определенных правил безопасности. Например, такие масштабные проекты, как *Outward Bound* и *Project Adventure* обязательно включают осо-

бый этап подготовки к приключению, чтобы участники обладали определенными навыками и ресурсами для того, чтобы справиться с условиями, в которых им предстоит оказаться. Тем не менее, приключения могут организовываться и в относительно нейтральных условиях (город, загородный дом, даже виртуальные пространства [8]), главное — это наличие сущностных свойств и измерений приключения:

– *архетипическое измерение* — сюжет «приключения» выстраивается в соответствии с «путем Героя» [4], предполагающего прохождение обряда инициации, который в первобытной, племенной культуре являл собой событие, обязательное для каждого взрослого человека, но фактически отсутствует в современной западной культуре; за счет подобного символического опосредствования становится возможной актуализация глубинных ресурсов личности;

– *деятельностное измерение* — будучи помещенным в нестандартные, непростые условия, клиент вынужден разрабатывать свои собственные стратегии адаптации и преодоления; при этом возможно обнаружение ригидных, неэффективных паттернов и копинговых стратегий и опробование новых, конструктивных [17]; возрастает количество «степеней свободы», которые может реализовывать человек, растет психологическая гибкость и пластичность, возникает чувство «я могу»;

– *телесное измерение* — клиент не отстраненно разрабатывает стратегии совладания с какой-либо ситуацией, он непосредственно, телесно включен в нее; происходит мобилизация телесных ресурсов, улучшение контакта с собственным организмом, приходит умение слушать его и сотрудничать с ним, восстанавливается в полной мере психофизическое единство;

– *измерение межличностных отношений* — как правило, терапия приключением реализуется в групповом формате, что дает возможность иначе взглянуть на природу межличностных отношений, ощутить, как соотносится Я и Другие, предоставляется возможность пережить как опыт полной автономии (периоды «соло»), так и родство с другими; многие авторы говорят о росте чувства «причастности» у участников таких терапевтических групп [15, 23];

– *экзистенциальное измерение* — возникают ощущения «реальности собственного существования», «интенсивности присутствия» [6], острого проживания моментов жизни; клиенты соприкасаются с темами риска, выбора, опасности, доверия / недоверия, смерти.

Заключение

Задачей данной статьи стал обзор и систематизация методов психотерапии «вне кабинета», широко распространенной на Западе, но весьма слабо развитой в России. Мы описали специфику и возможности подхода, выделив измерения, которые включают в себя подобные практики, сосредоточившись на источниках и направлениях изменений в терапии. Методы психотерапии, в целом, на наш взгляд, являются универсальными и могут быть применены практически без ограничений для самого разного круга клиентов. В частности, практикующие в этом направлении терапевты сообщают и об успешной работе с пациентами психотического уровня организации [23, 24].

Практики, реализуемые в рамках этого направления, — это особый путь самоисследования, который, на наш взгляд, может эффективно комбинироваться с «классической» терапией, например, на ее старте — с тем, чтобы выявить «проблемные зоны» или на каком-то из промежуточных этапов, дабы в специальных условиях освоить, интегрировать полученное клиентом в терапевтическом процессе. Кроме того, специфика формата обеспечивает возможность довольно существенных изменений за сравнительно небольшие сроки.

Таким образом, нам представляется необходимым более глубокое и тщательное знакомство с уже существующими практиками в рамках направления, их дальнейшая систематизация, исследование эффектов их применения и построение методологической базы терапии «вне кабинета» как особой терапевтической формы.

Библиографический список

1. *Березин С. В., Исаев Д. С.* Ландшафтная аналитика: опыт трансдисциплинарной психотерапии. — Самара, 2009.
2. *Бурно М. Е.* Терапия творческим самовыражением. — М.: Акад. проект, 2012.
3. *Кутепова Г. Н.* Классификация видов экзотического туризма // Науч. вестн. МГИИТ. — 2010. — Вып. 3 — № 5.
4. *Кэмпбелл Дж.* Герой с тысячью лицами. — К.: София, 1997.
5. *Лейнер Х.* Кататимное переживание образов: основная ступень. — М.: Эйдос, 1996.
6. *Лукина Е. А.* Основные причины роста популярности экстремального и приключенческого туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2008. — № 4.
7. *Маркелов В. И.* Психическое здоровье и окружающая среда // Сервис в России и за рубежом. — 2011. — Т. 23. — № 4.
8. *Миновская О. В.* Приключение как инновация в воспитании учащейся молодежи. // Соврем. наукоемкие технологии. — 2011. — № 1.
9. *Что* есть Скаутинг — книга для скаутского лидера [Электронный ресурс] // Всемирная Организация Скаутского Движения, 1992. — URL: http://dedovkgu.narod.ru/bib/scouting.htm (дата обращения: 14.19.2012).
10. *Эко У.* История красоты. — М.: Слово, 2010.
11. *Юнг К. Г.* Воспоминания, сновидения, размышления. — Минск: Харвест, 2003.
12. *Яковлева Д. А.* Психологические измерения путешествий: выпуск. раб. … бакалавра психологии. — М., 2009.
13. *Adventure* therapy: Therapeutic applications of adventure programming / ed. M. A. Gas. — Dubuque, IA: Kendall: Hunt, 1993.
14. *Bacon S. B., Kimball R.* The wilderness challenge model / Residential and inpatient treatment of children and adolescents. — N. Y.: Plenum, 1989. — P. 115–144.
15. *Corazona S. S., Schilhabb T. S., Stigsdottera U. K.* Developing the therapeutic potential of embodied cognition and metaphors in nature-based therapy: lessons from theory to practice // Journal of Adventure Education & Outdoor Learning — 2011. — Vol. 11. — Iss. 2. — P. 161–171.
16. *Diehl E. R. M.* Gardens that heal / Ecotherapy: healing with nature in mind. — S.-Fransisco: Sierra Club Books, 2009. — P. 166–173.
17. *Gillis H. L., Gass M. A.* Bringing adventure into marriage and family therapy: an innovative experiental approach // Journal of marital and family therapy. — 1993. — Vol. 19. — № 3.
18. *Harris M. W., Fried K. L., Arana J.* The countergang: a program of therapeutic growth for New York City youth // Journal of child and adolescent group therapy. — 1995. — Vol. 5. — № 4. — P. 201–213.
19. *Maizell R. S.* Adventure-based counseling as a therapeutic intervention with court-involved adolescents: Dissertations abstracts international, 50/06-B, 2628. — 1988.
20. *Rice S.* A study of the impact of long-term therapeutic camping on self-concept development among troubled youth: Dissertation Abstracts International, 49(07-A), 1706. — 1988.
21. *Scull J.* Tailoring nature therapy to the client // Ecotherapy: healing with nature in mind. — S.-Fransisco: Sierra Club Books, 2009. — P. 140–148.
22. *Shoel J., Prouty D., Radcliffe P.* Islands of healing: a guide to adventure-based counseling. — Hamilton MA: Project adventure Inc., 1988.
23. *Totton N.* Undomesticating inner and outer worlds. — Ross-on-Wye: PCCS books, 2011.
24. *Tucker A. R., Norton C. L.* The use of adventure therapy techniques by clinical social workers: implications for practice and training // Clinical Social Work Journal. — 2012. — doi: 10.1007/s10615-012-0411-4.
25. *Willis A.* Re-storying wilderness and adventure therapies: healing places and selves in an era of environmental crises // Journal of Adventure Education & Outdoor Learning. — 2011. — Vol. 11. — Iss. 2.

УДК 159.9 : 316.614

Н. О. Свешникова, М. А. Соловьёва

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ[1]

В представленной работе рассматриваются психологические аспекты гражданской социализации. В данном контексте авторы особое внимание уделяют таким категориям, как гражданская солидарность и гражданская (просоциальная) деятельность.

Ключевые слова: гражданская социализация, гражданская солидарность, гражданская (просоциальная) деятельность, индивидуальность, гражданин, государство

N. O. Sveshnikova, M. A. Solovyova

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF CIVIL SOCIALIZATION

The given work covers the psychological aspects of civil socialization. The authors give special attention to such categories as civil solidarity and civil (pro-social) activity.

Key words: civil socialization, civil solidarity, civil (pro-social) activity, individuality, citizen, state

Общие тренды деформации социального пространства современности наблюдаются во всех регионах мира: демассовизация, «этнизация» и «национализм», гетерохронность социальных процессов, гендерные сдвиги, профессиональные трансформации, консьюмеризация, инфантилизация. Все это определяет появление характерных «вызовов» социальному миру в виде роста агрессивности, расширения сферы конфликтности, неопределенности и неустойчивости социальных позиций, как отдельных индивидов, так и сообществ, кризис самосознания [15]. Происходит утрата привычного набора социальных ролей, статусов, ценностный сдвиг, потеря прогнозируемого политического и экономического положения. Согласно Э. Гиддденсу [24] человечество вошло в эпоху постсовременности — эпоху нового институционального порядка. Одним из проявлений институциональных трансформаций является изменение роли и функций государства, его «минимизация» и спецификация в жизни как отдельного человека, так и общества в целом. Речь идет не об исчезновении государства. Современная парадигма в области познания проблемы «общество — человек — государство» формулируется с позиций постнеклассической научной рациональности. Социально-культурная реальность рассматривается не как некоторая данность-заданность, не как результат объективных исторических преобразований (линейность развития), а как неизменная тенденция усложнения социального мира в его многообразии и предзаданной незавершенности. Человек понимается как активный творец социальной реальности не в смысле деятельностного активизма, а в смысле порождения значений, смыслов, ценностей. Это собственно и есть процесс конструирования социальной реальности. М. К. Мамардашвили писал о том, что «общество должно быть воспроизведением и макропроекцией состава человека (возможного)… Тогда оно возвращается (из взгляда изнутри) к нему творцом „по образу и подобию“…» [7, с. 324]. Такой взгляд позволяет рассматривать все возрастающую индивидуализацию в современном мире как необходимое условие формирования новой социальности в единстве каузальных и духовных детерминаций. Согласно Б. Ф. Поршневу [13], весь процесс развития человеческого сообщества — это история становления индивидуальности. Формирование транснациональных пространств не предполагает уничтожение национального как уникального. В соответствии с этим положением, функцию современного государства можно рассматривать как собирание уникального, а не сохранение его в той или иной конкретно-исторической форме. С нашей точки зрения, такое понимание функции современного государства позволяет формировать практики солидаризации социального пространства отдель-

[1] Работа выполнена за счет средств федерального бюджета, выделяемых СПбГУ: НИР № 8.38.89.2012 «Психолого-политическая модель взаимодействия гражданина и государства».

ного человека и общества в целом, а не регулирования и контроля как доминирующих в системе отношений «общество — человек — государство», позволяет развивать практики социального сотрудничества и социального творчества.

В трансформирующемся российском обществе на фоне ускоряющейся глобализации особую актуальность приобретает исследование психологических аспектов гражданской социализации. Социализация как социально-психологический феномен представляет собой важнейший элемент культуры и общества любого государства. Эффективная социализация молодого поколения граждан представляет собой стратегическую политическую задачу для государства на любом этапе его развития. Познание и учет психологической составляющей гражданской социализации на современном этапе развития нашего общества необходимы как для успешного социально-политического прогнозирования, так и эффективной реализации политико-управленческих решений в условиях ускоряющейся глобализации. В связи с этим, исследование психологических аспектов гражданской социализации представляет не только научный интерес, но и имеет практическую ценность.

Феномен гражданской социализации рассматривается в работах представителей социологической, политологической и исторической наук [3, 5, 6, 11, 17 и др.]. Для описания психологической составляющей феномена гражданской социализации необходимо использование междисциплинарного и комплексного подходов, а также системной интеграции достижений политической, общей и социальной психологии.

Термин «социализация» имеет латинское происхождение и восходит к слову *socialis*, что означает «общественный». Социализация как научная категория характеризуется многогранностью и многоаспектностью, поскольку ориентирована на такие фундаментальные категории, как «общество» и «человек». Как научное понятие термин «социализация» впервые появился в работе американского социолога Ф. Гиддингса «Теория социализации» в 1897 г. [23]. Определение, данное ему автором, было близко по смыслу к современному пониманию этого термина, а именно речь шла о подготовке человека к жизни в обществе.

Вслед за Ф. Гиддингсом теоретическое осмысление феномена социализации на рубеже XIX–XX вв. принадлежит Э. Дюркгейму, З. Фрейду, К. Марксу, Г. Тарду. В XX в. эволюция теоретических взглядов на проблему социализации приобрела особую значимость в трудах Т. Парсонса, Д. Дьюи, Э. Фромма, У. Томаса, Ф. Знанецкого, Ч. Кули, Д. Мида, У. Уэнтворта, Ю. Хабермаса, Н. Смелзера и др. В целом понимание социализации перечисленными авторами предполагало два принципиально разных взгляда на природу человека и, соответственно, на модель взаимодействия между обществом и человеком. Сторонники первого подхода исходили из того, что общество приобщает индивида к своим нормам, ценностям и идеалам, а сам человек является пассивным объектом воздействия. Приверженцы второго подхода предполагали активную позицию человека в процессе социализации и признавали его влияние на жизненные обстоятельства.

Однако идея социализации, прежде всего политической или гражданской, имеет давнюю предысторию, и представление о ней обнаруживается еще в древнем мире. Так, например, известные римские государственные деятели-философы — Цицерон, Вергилий, Сенека, Тацит — размышляли о путях достижения единства между гражданами и полисом. Это социальное и политическое единство было возможно, на их взгляд, только в процессе целенаправленного воспитания из индивидов граждан-патриотов при максимальном приобщении к общественной жизни и идеалам римской общины. И чем выше степень включенности индивида в общественную жизнь, тем выше уровень его политической культуры и тем он ближе к достижению гражданского идеала. В свою очередь, если государство не реализует свою воспитательную функцию, то политическое общество перерождается в дополитическое, что грозит утратой политических ценностей, разрушением демократических институтов и предвещает непременный крах государства [20]. Таким образом, единство гражданственности и образованности, обретаемое в процессе целенаправленного политического воспитания можно обозначить как гражданскую социализацию.

Отечественные и западные концепции социализации, в том числе новейшие, рассматривая различные ее аспекты [3, 5, 8, 12, 14, 18 и др.], на наш взгляд, имеют в своей основе общую концептуальную идею. Она заключается в том, что в независимости от конкретных культурно-исторических временных и пространственных своих характеристик, социализация представляет собой определенную модель взаимоотношения и взаимодействия в системе «общество — человек — государство».

В связи с этим можно говорить о таком социально-психологическом явлении, как феномен гражданской социализации. В отличие от политической, гражданская социализация в ее психологической составляющей предполагает теоретическое и эмпирическое описание человека не столько в социально-психологических характеристиках личности, сколько в понимании его как индивидуальности [1, 4] и осуществление им просоциальной, гражданской деятельности [16].

Изучение взаимоотношения гражданин и государство имеет два аспекта: теоретическое осмысление проблемы «гражданин — государство» в современном глобализирующемся мире с позиций будущности как самого государства, так и качественных преобразований гражданина и сугубо практический, особое значение уделяющий технологиям взаимодействия между ними. С нашей точки зрения, в современной политологической и юридической науке сформировался «технологический тренд» (термин наш. — ***Авт.***) исследования, предусматривающий выявления наиболее значимых и полезных возможностей, средств и каналов воздействия на гражданина без теоретического осмысления современного состояния институтов и трансформаций социокультурного пространства с позиций глобальных процессов. При этом гражданин чаще всего рассматривается с юридической точки зрения. Потенциал граждан России рассматривается лишь формально с точки зрения стреднестатистических данных о демографической структуре, уровнях доходов, политических предпочтениях, законопослушности и пр. В такой постановке предполагается пассивность гражданина и признается целесообразность доминирующего положения государства как активного субъекта. Как следствие, неэффективность реформ «сверху», потеря легитимности (с психологической точки зрения, доверия), невозможность выйти из замкнутого круга «догоняющей модернизации», деморализация общества, дезинтеграционные тенденции и др. В области идентификационных процессов происходит подмена государственно-гражданской идентичности этнонациональной и региональной.

Государство представляет собой форму организации общности. Государство как организующая структура общности рассматривается сквозь призму прав и обязанностей членов общности. При этом необходимо отметить, что современное понимание государства во многом определяется все ускоряющейся индивидуализацией и соответственно трансформацией социальных структур. Открытым остается вопрос о роли государства в жизни общества и отдельного человека. К наиболее дискутивным относятся следующие аспекты: границы вмешательства в личное и общественное пространства, взаимоотношения законотворчества и правоприменительной практики, состояние правовых институтов, понятие юридической нормы и ее относительность социальной норме и социокультурной норме, взаимоотношения между «управляющими» и «управляемыми».

В истории становления и формирования государств можно выделить три основных поворотных момента политической истории [10]. Первый связан с появлением публичной власти как особой структуры, не совпадающей с самоорганизацией общности. Этот период возникновения государств-деспотий, возникновения структур, доминирующих над обществом, но являющихся ее органическими структурами. В эпоху модерна появляется новый рациональный тип власти как технологии. Соответственно отношения между государством и обществом приобретают характер субъектно-объектных в границах национальных государств. Современный этап глобальных преобразований привнес изменения в систему отношения общества и государственных структур, так как трансформировалось само понятие политического и правового пространства в глобализирующемся мире.

Наблюдается столкновение глобальных и локальных тенденций общественного устройства, углубляющиеся процессы индивидуализации. Проблема интересов (глобальных,

национальных, индивидуальных) приобретает ведущую роль при определении роли и функций государства. Еще одно поле дискуссий — состояние институтов, трансформация институциональных структур и целесообразность заимствования институтов из более «продвинутых» обществ. Здесь можно выделить проблему понимания взаимосвязи правовой нормы и социокультурной нормы. Именно на этом поле определения блага государства, общества и личности сталкиваются формальные и неформальные институты[2]. Это не столько вопрос о соотношении прав и обязанностей, сколько проблема взаимосвязи юридической и нравственной нормы, которая находит отражение в понимании свободы, совести, справедливости. А. Ф. Кони, К. Д. Кавелин, Вл. Соловьев указывали в своих работах на то, что правовая идея всегда сопряжена с историческим традициями, духовностью и социальными практиками народа. Правовое государство основывается на правовой идее, нравственно обеспеченной, основанной на социокультурной традиции.

Гражданская позиция в отношении к государству во многом определяется уровнем развития правосознания. С одной стороны, весьма важно, как государство обеспечивает воспитание законопослушных граждан и позволяет раскрыть творческое участие гражданина в законотворчестве. От этого во многом будет зависеть характер отношения к государству, уважение к праву в целом и закону, в частности. С другой стороны, формирование гражданской позиции определяется индивидуальным развитием, познанием, чувством и волей самого индивидуума. Таким образом, уровень правосознания — это результат становления самосознания, формирования поведенческих моделей, обретения духовно-нравственных ценностей и развития способности к саморегуляции. Проблема развитого правосознания не сводится лишь к определению его сквозь призму законопослушности. А роль государства в воспитании гражданина не заключена в жестких рамках контроля и ограничения. По крайней мере, в современных условиях формирования постсовременной социальности, отличающейся многообразием, динамичностью, гибкостью и изменением пространственных и временных границ, такое государство будет восприниматься как инородное реликтовое образование, чуждое и агрессивное по отношению к индивидуализированному сообществу. Это схоже со знакомой в психологической практике гиперопекой, результатом которой предстает безинициативная, инфантильная и безответственная личность.

Возможно будущие изменения во взаимоотношениях «общество — человек — государство» должны складываться либо как отношения равных (а не как отношения «подросток — родитель»), либо возможен сценарий сведения роли государства как властной организации к функции обеспечения безопасности жизни человека и общества (охрана здоровья, экологическая безопасность, защита от угрозы жизни, продовольственная безопасность). Потребности же высшего уровня могут быть отнесены к сфере индивидуального выбора (образование, свобода совести, смыслы и ценности развития и др.). В этом случае трансформируется и понимание гражданина. В психологическом плане это соотносится с категорией индивидуальности. Возможно, такой взгляд на развитие отношений «человек — общество — государство» позволит избежать пессимистичного прогноза Н. А. Бердяева, который писал, что «цивилизация обладает роковой способностью создавать пошлость, порождать низменное довольство, убивать оригинальность и индивидуальность, отрывать от истоков жизни» [2, с. 158].

Согласно концептуальному пониманию человека Б. Г. Ананьева [1] и В. А. Ганзена [4], индивидуальность — это совокупность психических, физиологических и социальных особенностей конкретного человека с точки зрения его уникальности, своеобразия и неповторимости.

Индивидуальность, как и личность, сугубо человеческая характеристика. В качестве макрохарактеристик человека как индивидуальности можно выделить: жизненный путь, социальный опыт, индивидуальные особенности и продуктивность деятельности человека [4]. Все названные характеристики объединяет такое свойство, как неповторимость, поскольку у каждого человека эти характеристики только

[2] Основными институтами являются религия, семья, политические институты, экономические институты, этика и эстетика, мораль, право, технологии, наука.

свои собственные. Они являются для самого человека непреходящей ценностью и, как отмечает В. А. Ганзен, при определенной значимости результатов деятельности для других людей они могут становиться также семейной, национальной или даже общечеловеческой духовной ценностью.

В концептуальной системе Б. Г. Ананьева [1] индивидуальность выступает эквивалентом философской идеи о всесторонне развитой, гармоничной личности. Одним из важнейших индикаторов человеческой индивидуальности является активность созидающей, творческой деятельности человека. «Мера» индивидуальности состоит не в степени отклонения от некоей статистической средней, а в масштабе созидающей, творческой деятельности. Об индивидуальности судят по ценности и оригинальности ее вклада в культуру общества, человечества. А потому индивидуальность детерминирует неповторимость, уникальность человека и всех его проявлений [9]. Очевидно, что понятие индивидуальности включает в себя понятие личности: только социализированный человек может стать индивидуальностью. Человек как индивидуальность выделяется из общества, удовлетворяя свою потребность не только в единении с людьми, но и в дифференциации от них. В связи с чем можно сказать, что для личности как индивида социального важно быть как все, а для человека как индивидуальности — быть самим собой. Таким образом, по отношению к самой себе индивидуальность — фактор сохранения, по отношению к социальной общности — фактор изменения. Собственно, в этом и состоит ее социальная и личностная ценность [9].

Отметим, что согласно современным концепциям социализации [5, 8, 14 и др.] эффективная или успешная социализация предполагает определенный баланс между адаптацией к обществу и обособлением от него. Достижение этого баланса возможно при приведении в определенное соответствие представлений человека о самом себе и представлений о мире, а это, в свою очередь, предполагает наличие у человека характеристик индивидуальности.

Содержательное описание просоциальной, гражданской деятельности как самостоятельного вида деятельности, близкое нашему ее пониманию, представлено в работе Л. М. Семенюк [16]. Автор подчеркивает, что данная деятельность предполагает, прежде всего, социально-психологическую и мировоззренческую зрелость человека.

О политической зрелости и гражданской ответственности писал на рубеже XIX–XX вв. П. Струве, отмечая, что именно на них основывается политическая культура общества. Культура гражданина, по мнению автора, в свою очередь, непосредственно связана с культурой политической деятельности и демократизмом, которые несовместимы как с излишней революционностью, так и с окончательной решенностью политических и социальных вопросов [21].

Гражданская деятельность является феноменом культуры (в ее широком понимании), ее генезис связан с развитием общества и предполагает наличие систем отношений, характерных для гражданского общества. Подчеркивая специфическую природу гражданской деятельности, автор выделяет совокупность свойств и характеристик, определяющих эту деятельность как деятельность особого рода, связанную с социальными нормами жизни. Среди них вычленяются «своеобразная рефлексия на среду, исторические подвижки гражданской активности, специфика ее индивидуальной динамики, действенность в ее осуществлении и развитии таких факторов, как мотивы, ценности, их полиструктурный социально детерминированный характер» [16, с. 16]. Кроме того, важным условием проявлений такого рода деятельности является «успешное решение задачи самоориентации, самоотношения, внутреннего поиска самого себя в полисмысловом пространстве, что связано с формированием соответствующего уровня Я-позиции и выделением смысловой доминанты» [16, с. 18]. Это, в свою очередь, подтверждает необходимость описания психологической составляющей феномена гражданской социализации в социально-психологических характеристиках человека как индивидуальности.

Гражданская социализация, таким образом, основывается на социально-психологической и мировоззренческой зрелости человека и предполагает осуществление им просоциальной, т. е. гражданской деятельности.

Кроме того, как модель взаимодействия гражданина и государства, гражданская социализация предполагает реализацию государством одной из своих главных стратегических

функций, а именно — целенаправленное воспитание молодых граждан в контексте национальных ценностей и приоритетов, формирующих и формулирующих цели и идеалы современной России. Молодежь как социально-демографическая группа представляет один из главных капиталов общества, от политико-культурной зрелости которого зависит жизнеспособность государства. Как показало наше исследование [19], формирование истинной политико-культурной зрелости студенческой молодежи как составляющей гражданской культуры российского общества напрямую зависит от четкого и последовательного осуществления государством функций политического целеполагания и целесообразности. Именно эти элементы системы целеобразования в политике наиболее востребованы молодым поколением российского общества. Данные элементы в системе политического целеобразования предполагают четкую государственную политику относительно национальных ценностей и приоритетов, целей и идеалов, т. е. задающую политико-культурный вектор развития общества. Помимо этого, представители студенческой молодежи стремятся быть информированными, интересуются механизмами политики, а также понимают важность сохранения политической памяти нации и чувствуют гражданскую ответственность за судьбу близких людей. Чувство гражданской ответственности является следствием усвоения системы общественных норм и формирования морально-политических чувств, в которых заключено все богатство эмоциональных отношений человека к своей стране, государственным учреждениям и социальным институтам. Гражданская ответственность и осознанная востребованность национальных ценностей и приоритетов, безусловно, являются элементами политико-культурной зрелости молодежи.

Однако нами были обнаружены и элементы политико-культурной незрелости представителей молодого поколения современного российского общества. Прежде всего, необходимо обратить внимание на наличие эклектизма в оценке культуры, т. е. отсутствие единого представления молодежи о современной российской культуре. На наш взгляд, это обусловлено реальной ситуацией, поскольку в российском обществе представлено несколько политических поколений людей, воспитанных и прошедших социализацию в различные политико-культурные эпохи. Они несут в своем сознании и транслируют широкий спектр ценностей: от коммунистических, через социалистические и до ценностей, привнесенных в российскую культуру в последние десятилетия и культивирующих преобладание индивидуальных целей над общественными. В связи с этим, современное российское политико-культурное пространство характеризуется крайней степенью энтропии (неопределенности), затрудняющей самоопределение молодежи. Эта ситуация, в свою очередь, затрудняет достижение молодежью политико-культурной зрелости, а значит, препятствует эффективной гражданской социализации современной молодежи и формированию гражданской культуры российского общества.

Собственно, целью гражданской социализации должна быть солидарность общества, которая в контексте нашего размышления может быть обозначена как гражданская. Под гражданской солидарностью мы понимаем, ориентируясь на Л. Мольм [22], некоторую совокупность интегрирующих связей, возникающих между индивидами и / или индивидами и социальными объединениями (в том числе государственными и общественными институтами. — ***Авт.***), к которым эти индивиды принадлежат. Как отмечает автор, солидарность имеет как поведенческие, так и аффективные компоненты, зачастую не связанные друг с другом. Однако важным представляются отношения между индивидами, позволяющие воспринимать друг друга в качестве партнеров,— это отношение гармоничного единения и взаимовыгодного союза. Гражданская (как и социальная, согласно Л. Мольм) солидарность переживается в таких аффективных категориях, как чувство социального единения (восприятие отношений как социальной единицы, в рамках которой участвующие объединены общими целями и интересами); доверие (уверенность в том, что другой участник скорее окажет услугу, чем попытается использовать ситуацию в своих интересах); верность обязательствам и позитивно окрашенное отношение к индивидам, которые воспринимаются как партнеры. Перечисленные составляющие, конечно, не исчерпывают всего содержания категории «гражданская солидарность», но позволяют составить о ней необходимое для дальнейших исследований суждение.

Процессы индивидуализации в современном обществе необязательно следует оценивать с позиций конца социальности. Результатом индивидуализации является формирование ответственного и свободного человека, творца собственной жизни. Главное достижение индивидуальности — это изменение поведения, это направленная деятельность по преобразованию себя и окружающего мира. Одним из базовых механизмов индивидуализации является активное регулирование человеком обстоятельств собственной жизни. Именно такими характеристиками обладает истинный гражданин не как уникальный и единственный в своем роде субъект, а как человек, уважающий себя и тех, кто с ним рядом. Ведь, как свидетельствует история многих государств, недостаточно изменить институционально-нормативную систему общества для продвижения к некоторому социальному или политическому идеалу. Идеалы творятся и достигаются только развитыми (как в отношении знаний, так и в отношении духа) людьми, а не избранными. Общественное и государственное строительство требует со-творения, со-деятельности и солидарности всех граждан страны.

Библиографический список

1. *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. — Л., 1968.
2. *Бердяев Н. А.* О назначении человека. — М., 1993.
3. *Букин В. П.* Социализация молодежи российской провинции в современных условиях: автореф. дис. … д-ра социол. наук. — Саранск, 2011.
4. *Ганзен В. А.* Системные описания в психологии. — Л.: ЛГУ, 1984.
5. *Головин Н. А.* Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. — СПб., 2004.
6. *Гнутов А. Б.* Специфика гражданской социализации российской молодежи и пути повышения ее эффективности. — Краснодар, 2007.
7. *Мамардашвили М. К.* Мой опыт не типичен. — СПб., 2000.
8. *Мудрик А.В.* Социализация человека: учеб. пособие. — 2-е изд. — М., 2006.
9. *Логинова Н. А.* Опыт человекознания: история комплексного подхода в психологических школах В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева. — СПб., 2005.
10. *Панарин А. С.* Глобальный политический прогноз. — М., 2000.
11. *Панарина Т. В.* Гражданская социализация студентов в условиях медийного культурно-образовательного пространства морской академии: автореф. дис. … канд. пед. наук. — Ростов н/Д, 2006.
12. *Партина Л. В.* Социализация человека как проблема: автореф. дис. … канд. филос. наук. — Алматы, 1994.
13. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. — 2-е изд., доп. и испр. — М., 1979.
14. *Розум С. И.* Психология социализации и социальной адаптации человека. — СПб., 2006.
15. *Свешникова Н. О.* Психология гражданина России как основа проекта политической власти // Психология власти: материалы междунар. конф. / под науч. ред. проф. А. И. Юрьева. — СПб., 2005. — С. 131–141.
16. *Семенюк Л. М.* Психология гражданской активности: особенности, условия развития: автореф. дис. … д-ра психол. наук. — М., 2007.
17. *Сергейчик С. И.* Факторы гражданской социализации учащейся молодежи // Социол. исслед. — 2002. — № 5. — С. 107–111.
18. *Смелзер Н.* Социология. — М., 1994.
19. *Соловьева М. А.* Политико-культурная зрелость молодежи как составляющая гражданской культуры в РФ // Ананьевские чтения-2012: Психология образования в современном мире: материалы науч. конф., 16–18 окт. 2012 г. / отв. ред. Н. В. Бордовская. — СПб., 2012. — С. 484–486.
20. *Соловьева М. А.* Развитие представлений о феномене политической культуры // Новейшая история России. — 2012. — № 1. — С. 35–50.
21. *Струве П.* В чем же истинный национализм? // На разные темы: 1893−1901 гг.: сб. ст. — СПб., 1902.
22. *Якимова Е. В.* Социальная солидарность в ракурсе западной социальной психологии: аналит. обзор // Социол. ежегодник: сб. науч. тр. / сост., ред. Н. Е. Покровский, Д. В. Ефременко; ИНИОН РАН. — М., 2011. — С. 69–94.
23. *Giddings F. P.* The Theory of socialisation. — N. Y., 1897.
24. *Giddens A.* Runaway World. How Globalization is Reshaping Our Lives. — L., 1999.

УДК 37.018.1 + 17.023.32 + 173.7

В. П. Серкин

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ СЕМЬИ ПРИ РАБОТЕ МУЖА ВАХТОВЫМ ИЛИ СЕЗОННЫМ МЕТОДОМ[1]

На основе материалов консультирования и специально организованных исследований описано перераспределение и изменение основных функций семьи (воспитательная, психотерапевтическая, эротическая, хозяйственно-бытовая, защитная и др.) при работе мужа вахтовым или сезонным методом.

Ключевые слова: функции семьи, воспитание, образ мира, образ жизни

V. P. Serkin

SPECIFICS OF FAMILY FUNCTIONS IN CONDITIONS OF HUSBAND'S SEASONAL OR ROTATING WORK

The article describes on the basis of consultation materials and specially organized researches the redistribution and transformation of the main family functions (educational, psychotherapeutic, erotic, economic, protective, etc.) in conditions of husband's seasonal or rotating work.

Key words: family functions, upbringing, image of the world, mode of life

Вахтова я или сезонная работа одного из членов семьи обусловливает специфичность образа жизни и образа мира членов семьи, обусловленную вахтовым временным ритмом работы, встреч, расставаний, общения, сексуальной жизни, обсуждения и решения межличностных проблем, воспитательных и культурных воздействий, получения денег и, соответственно, решения накопившихся материальных проблем, покупок, поездок и т. д. На сегодняшний день семьи вахтовых и сезонных работников составляют существенную часть населения жителей поселков и городов многих северных и восточных регионов России.

При всем многообразии возникающих проблем их возможно типологизировать на основе анализа изменения и перераспределения функций семьи [6]. Приведенный далее перечень функций семьи составлен на основе опыта консультирования и анализа опубликованных работ [3, 6, 8 и др.]:

1) воспроизводство;
2) первичный социальный контроль;
3) формирование культурных и социальных навыков;
4) экономическая (ведение хозяйства и обеспечение детей);
5) поддержка нетрудоспособных;
6) защита прав ребенка;
7) удовлетворение потребности в любви;
8) психотерапевтическая функция (поддержка, участие, обсуждение решений);
9) формирование личности, самореализация и личностный рост;
10) социальная ответственность;
11) культурная общность, общение;
12) воспитательная (привязанности, отраженная субъектность);
13) сексуально-эротическая;
14) реализация и развитие интересов членов семьи;
15) защитная.

Семья представляет собой целостную систему. В любой системе уменьшение функционирования одной части компенсируется увеличением и изменениями функционирования других частей или привлечением новых элементов.

Опыт консультирования показывает, что чаще всего к психологу обращаются по поводу изменений психотерапевтической, воспитательной, экономической и сексуально-эротической функций семьи.

Первое, что осознает (вербализует) жена уехавшего работника как проблему — реше-

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 12-06-00463а (Невроз отложенной жизни: специфика образ мира и образа жизни).

ние бытовых задач. На уровне вербализации (осознания) проблема озвучивается как собственное неумение выполнять те или иные практические действия (шире — практическую деятельность) по ремонту и эксплуатации бытовой техники, дома, квартиры, подсобного хозяйства). Можно сказать, что до того, как женщина «возьмет в руки» (освоит уровень практической деятельности) хозяйство, должны произойти определенные изменения (развитие) плана внутренней деятельности. При поломке выключателя, розетки, сливного бачка, плиты, замка, разбивании стекол, протечке труб, крыши, болезни животных и прочего женщина не может несколько недель или даже месяцев ждать возвращения мужа. Жизнь заставляет ее решать те задачи, которые в родительской семье и в ее семье считались традиционно мужскими.

На первых порах, естественно, молодая женщина пытается решать эти проблемы не на уровне практической деятельности, а на уровне коммуникации: обращается к родителям (если они живут в том же городе, поселке), родственникам и знакомым. Долго это продолжаться не может. После 3–4-х обращений и родные, и знакомые демонстрируют «какую-то вялость», проволочки в оказании помощи. Они дают понять, что заняты, советуют обратиться к другим людям или вызвать по объявлению специалиста. Иногда, правда, находится хороший знакомый, который сразу и с радостью решает возникающие задачи, т. е. «берет на себя» функции уехавшего мужа, но, понятно, что чаще всего он предполагает и дальнейшее развитие отношений. Вызов специалистов связан с затратами времени и денег, психологическими сложностями взаимодействия с незнакомыми людьми и приглашения в дом чужого человека, стремящегося не сделать дело, а равнодушного к проблемам семьи и заинтересованного лишь в заработке. Не во всех семьях есть в период отсутствия мужа свободные для оплаты услуг деньги, которые к новому сезону (вахте, путине, смене, «полю» и пр.) уже потрачены.

Приобретенный женщиной в процессе решения бытовых задач опыт деятельности и коммуникации оказывает значительное влияние на личность. Совершенно очевидно можно указать, по крайней мере, на два аспекта изменения личности:

1) несколько негативный опыт обращения за помощью к родным и знакомым преобразуется в повышение уровня самостоятельности и ответственности;

2) опыт общения и расчетов с приглашаемыми специалистами преобразуется в умение взаимодействовать с другими, организовывать их деятельность.

Уже такие изменения не могут не повлиять на изменение отношения и на оценку женщиной окружающих (в том числе и мужа). Закономерно, что женщина начинает решать сама многие простые бытовые «мужские» задачи. Обучение этому чаще всего происходит стихийно, самостоятельно, в более сложных ситуациях — с помощью родных и знакомых. «Привыкание» завершается тем, что женщина делает ремонт или решает другие бытовые задачи именно в период отсутствия мужа («чтобы не мешал»).

Через несколько лет муж устраняется от решения домашних задач и, в период приезда домой, не знает, что делать, ведет себя беспомощно. Это обусловлено его образом жизни в артелях, на судне, на вахтах, в поле. Практически, в период сезона или вахты мужчина вообще не решает многих бытовых задач. Еду, которую работник не покупает, готовит повар. Специально нанятые люди моют посуду, выносят мусор, стирают белье, ремонтируют проводку и сантехнику и т. д.[2] Вопросы об оплате еды, жилья и коммунальных услуг вообще не возникают, так как их решают в конце сезона вычетами из зарплаты. Через несколько лет такой жизни мужчина, возвращаясь домой, «с удивлением» воспринимает просьбу вынес-

[2] На некоторых совместных предприятиях рабочие даже не заправляют за собой койки в жилых секциях и оставляют грязную одежду на полу возле кровати. Понятно, что ожидание такого же западного «гостиничного» сервиса дома, вызывает недоумение и раздражение домашних, которые сами работают и не считают себя прислугой.

ти мусор. В предельных случаях дезадаптация приводит к тому, что, возвращаясь с путины или из артели, мужчины не могут или даже боятся сходить в магазин, решить социально-коммунальные проблемы. Автору известны случаи разводов, вызванные тем, что и в период прихода в порт приписки рыбаки отказываются сходить на берег и продолжают жить на судне, обрекая себя на добровольное заточение.

Психологические этапы таких изменений имеют следующую последовательность: нивелирование бытовой практической деятельности ведет к постепенной деградации уровня практической деятельности. Если ситуация не преодолевается с помощью волевых усилий или острой необходимости (последние иногда осознанно создаются женами), то, в конце концов, наступает состояние неуверенности, даже опасений при решении бытовых проблем, ведущее к их избеганию. Аналогичная картина наблюдается на коммуникативном уровне: адаптация к прочно сложившимся межличностным и ролевым отношениям в бригаде, экипаже, экспедиции и отсутствие постоянного опыта новых социальных взаимодействий ведет к частичной деградации уровня коммуникации, выражающейся в его консервативности, боязни новых сложных взаимодействий.

Мужчина, чувствуя, что его поведение не соответствует культурным семейным стереотипам, становится от этого более тревожным, нервным, пытается излишне демонстрировать мужественность и решительность в других сферах (хобби, досуг, межличностные конфликты и пр.). Рационально он поддерживает такой стиль поведения объяснениями о том, что он зарабатывает, а уж хозяйство должна обеспечить жена. Женщины часто соглашаются с этим. На такое соглашение влияет и то, что женщины жалеют мужей, предполагая, что они тяжело работают в плохих условиях (что, к сожалению, часто справедливо), нуждаются в покое и в отдыхе.

На многих «вахтовых предприятиях», особенно на совместных, работодатель для экономии транспортных и других расходов заставляет сотрудников работать много вахт подряд без перерыва, мотивируя это отсутствием смены (которую сам же работодатель не набирает) и угрожая тем, что иначе контракт будет прерван или не продолжен. В старательских артелях, на мелких горнодобывающих предприятиях, в мелких рыболовецких артелях рабочие в сезон работают без выходных, весь световой день, не высыпаются, что приводит к состояниям напряженности, раздражительности, агрессивности [1], накапливается огромная психологическая и физическая усталость, что создает в семье дополнительный источник проблем. Некоторые женщины искренне считают, что мужчина в первые несколько дней после возвращения «имеет право компенсировать жесткий сухой закон», который действует во многих артелях, бригадах, экипажах в период работы.

Опыт консультирования показывает, что описанное изменение образа жизни, перераспределение хозяйственных обязанностей типично для многих «сезонных» или «вахтовых» семей. Ребенок привыкает с раннего возраста к ведущей роли женщины в принятии решений и распределении ответственности, что может вызвать затруднения общения уже в подростковом возрасте и повлиять на выбор профессионального и жизненного пути. «Старательский образ жизни» характеризуется предпочтением сезонных (или шабашных) работ всем другим, регулярной сменой семьи, которая всегда матрилокальна (мужчина приходит жить к женщине), специфическим пониманием функций мужчины и женщины в семье: мужчина зарабатывает деньги, а женщина делает все остальное. Такие мужчины в новую семью приносят уже сложившийся у них (может быть, с детства) стереотип отношений [7].

Затруднения реализации психотерапевтической и воспитательной функций семьи во многом связаны с отсутствием непосредственного общения. Телефонные разговоры, СМС и электронные письма не могут нести соответствующей психотерапевтической нагрузки, так как многие люди не могут по-настоящему личностно общаться, не видя собеседника, испытывают затруднения в выражении своих мыслей и состояний, в понимании другого.

Важной составляющей образа жизни любой семьи является совместное решение проблем на уровнях коммуникации и практической деятельности. Отсутствие совместной деятельности членов семьи по решению стандартных и неожиданных проблем (женщины жалуются, что мужья, даже в период пребывания дома, не включаются в решение важных вопросов, ведут себя беспомощно, так как отвыкают от решения бытовых проблем) становится причиной разобщенности, потери чувства общности, «сплоченности», поддержки у членов семьи.

На реализацию большинства функций семьи влияет изменение (перераспределение обязанностей и ролей) при принятии решений и ответственности. Устойчивое длительное перераспределение (уровень практической деятельности) не может не повлиять (неосознаваемое влияние) на авторитет члена семьи в глазах ребенка (уровень образа мира), на нарушение сложившегося стереотипа сексуальных отношений. Уже после года-двух вахтовой или сезонной работы при применении в работе с ребенком методики «Рисунок семьи» явно выявляется доминирующая роль мамы (ребенок рисует ее первой, крупнее других, с развитыми руками и пр.) [4]. Проблемы «вакуума общения» или негативные переживания «чувства одиночества» не могут годами не решаться, и их решение зачастую приводит к дальнейшей потере функций и формализации семейных отношений.

Главное, что неосознанно усваивает ребенок в родительской семье — стереотипы поведения мужчины и женщины, матери и отца. Понятно, что в «сезонных» семьях, где семейные обязанности перераспределены, ребенку труднее усвоить и сформировать устойчивые стереотипы своего полоролевого поведения. Девочка, наблюдая за хозяйственной деятельностью мамы, может усвоить неправильное представление о том, что жизнь матери трудна и не приносит радости. Мальчик может усвоить неправильное представление о роли отца, как только зарабатывающего и не несущего больше никаких семейных обязанностей. В период отсутствия мужа женщина реже может проявить внимание, мягкость, доброту [3]. Наоборот, в период приезда отдыхающий отец, устранившийся от решения бытовых проблем, часто не проявляет уверенности, энергичности, деловитости, силы, ума — именно того, что он хотел бы воспитать в сыне. Все это затрудняет для ребенка освоение моделей женского и мужского поведения.

Данные психологических исследований показывают, что самооценка ребенка во многом зависит от его отношений именно с родителем одного с ним пола. У мальчиков, недостаточно общающихся с отцами в раннем, дошкольном и младшем школьном возрастах, больше развито чувство неуверенности, незащищенности, они труднее приспосабливаются к новым социальным отношениям. Соответственно, задачей отца в период приезда является организация такого общения с ребенком, в котором ребенок почувствовал бы поддержку (ни в коем случае не опеку, не подмену действий ребенка) в решении проблем, защищенность и уверенность. Многие мужчины, приезжая после сезонной работы (вахты), стремятся купить детям дорогие подарки, предполагая, что этим компенсируют недостаток личного общения. Подарок радует ребенка, но если в период приезда нет настоящего (не попустительского) общения, у ребенка складывается представление о том, что от него откупаются. Тогда он воспринимает подарки как должное и неосознанно оценивает именно их, а не внимание отца. Псевдосвободный стиль воспитания (обилие игрушек и дефицит родительского внимания) ведет как раз к неуверенности ребенка, к неуверенности будущего взрослого.

Ребенок не просто подражает родителям и слушает их, он активен. Дети иначе, чем взрослые воспринимают окружающий мир и складывающиеся ситуации. Типичные ситуации (мелкий ремонт, гости, выход на природу, просьбы, опасения и т. п.), которые взрослые годами реализуют в семье «в силу необходимости» из-за сезонной работы, ребенок начинает воспринимать как норму, как общепринятый естественный стереотип семейного образа жизни.

Обращающиеся за консультацией психолога женщины описали некоторый «типичный годовой цикл» семьи старателя, который, в основных чертах, характеризует временные циклы и семей рыбаков, полевиков, вахтовиков, моряков. В период отсутствия мужа семья ведет обыденный размеренный образ жизни. Проблемы обеспечения семьи решаются за счет отложенных с предыдущего сезона денег и заработка жены. В некоторых семьях значительную часть года обеспечение идет только за счет заработка жены, так как сезонный заработок мужа тратится либо на значительные покупки, либо просто на то, что в период приезда мужа уровень жизни семьи более высок. Ребенок ждет приезда отца, который связан с праздничным настроением, подарками, вниманием, ожиданием решения накопившихся проблем. Очень важно, чтобы отец оправдывал эти надежды. Если отец сразу же уезжает отдыхать, больше общается с друзьями, чем с семьей, или своим неправильным поведением (агрессия, пьянство, бытовое иждивенчество, чрезмерные увлечения, компьютерная зависимость и т. д.) создает в семье проблемы, ребенок (иногда и жена) уже не радуются приезду отца (мужа), а, наоборот, ждут начала сезона, «чтобы он поскорее уехал».

В период жизни дома (между вахтами) у отца есть все возможности и, чего так не хватает родителям, свободное время для общения с ребенком и совместной деятельности. Если надежды ребенка на внимание, общение и совместную деятельность оправдываются, отец имеет очень хорошие возможности для воспитательного влияния, для формирования личности ребенка. Важно, чтобы отец в этот период не только говорил с ребенком, но и предъявил образцы собственного делового, компетентного и энергичного поведения по решению семейных проблем. Такие образцы действуют сильнее слов.

Осознание проблем в нарушении реализации сексуально-эротической функции семьи вызывает частые обращения как женщин, так и мужчин. Многие мужчины испытывают психологические затруднение (внушение отрицательных сценариев), тревогу (вызывающую неуверенность и реальные затруднения) и чувство вины из-за длительного воздержания, наличия сексуальных связей вне семьи и проблем супружеской верности. Мужчины часто поддаются влиянию некоторой «субкультуры», складывающейся на сейнерах, в артелях и на вахтах (уровень образа мира). Суть этой субкультуры формируется в обсуждении эротических фильмов, постоянных разговорах о сексуальных отношениях с женщинами, проблемах супружеской верности и поддержания потенции [2]. Поддержание такой субкультуры провоцирует депрессивные или агрессивные настроения и поиски временных сексуальных партнеров, конфликтов или иных форм «разрядки». Распространенная в артелях, бригадах и экипажах мифология о вредном влиянии их производства и длительного воздержания на потенцию приводит к тревожности, ведущей к реальным затруднениям.

Особо внушаемые мужчины, вернувшись домой, попадают в «невротический круг» (чем больше тревожность, тем хуже получается — чем хуже получается, тем еще больше тревожность…) и без вмешательства психолога не могут из него «вырваться». Отдельному человеку чаще всего удается помочь не путем рациональных объяснений, а путем разработки контрмер (контрмиф и организация психотерапевтических усилий самого клиента). Разрушить же саму причину затруднений — специфическую мифологию — возможно лишь психологу, работающему длительное время в бригаде [6].

Достаточно большое количество мужчин и женщин в период разлуки занимается самоудовлетворением сексуальных потребностей, но лишь в немногих семьях супруги прямо обсудили это, в небольшой части семей это считают средством сохранения супружеской верности. Значительная часть мужчин и женщин имеет сексуальные связи, продолжающиеся и в период приезда мужа, вне семьи. Аналогичную мужчинам тревогу и чувство вины испытывают и многие женщины. Естественно, что рациональные защиты («невоз-

можно годами воздерживаться», «жизнь проходит» и пр.) не являются надежными, так как противоречат воспитанному представлению о семейной жизни.

При сравнительном анализе семантических описаний себя и своего мужа двумя группами по 15 женщин [5] (у женщин из экспериментальной группы муж работает вахтовым методом, у женщин из контрольной — муж работает в городе, обычный нормированный рабочий день), полученных с помощью 21-шкального личностного семантического дифференциала (ЛСД), получены следующие результаты (см. табл. 1).

Общими являются такие дескрипторы, как «обаятельный», «отзывчивый», «дружелюбный», «честный», «самостоятельный». Обращает на себя внимание тот факт, что вес всех совпадающих дескрипторов в экспериментальной группе больше, что свидетельствует о большей поляризованности (категоричности) и схожести оценок экспериментальной группы. При этом количество дескрипторов больше в универсалии контрольной группы, что говорит о большей групповой сплоченности оценки и ее большей сложности.

В групповой оценке жен вахтовых работников отсутствуют такие характеристики, как «открытость» и «общительность». Возможно, это обусловлено тем, что женщина бóльшую часть времени находится без мужа, решая самостоятельно многие задачи. У нее остается меньше времени на межличностное общение. Присутствует с большим весом такая специфическая оценка себя как «справедливая», что может быть связано с воспитанием, умением, как им кажется, правильно понять ситуацию и найти выход из создавшегося положения, с обязанностями по воспитанию детей (и, по результатам бесед, мужа) и принятию решений.

При оценке женщинами своего мужа получены следующие результаты (см. табл. 1).

Таблица 1

Семантические универсалии оценки (90 %-й интервал)

Оценка	Жены из семей, где…	
	…у мужа нормированный рабочий день	…муж работает вахтовым методом
Оценка «Я»		
Обаятельная	1,60	1,73
Отзывчивая	1,60	1,93
Дружелюбная	1,73	1,87
Честная	1,87	2,00
Самостоятельная	1,47	1,60
Общительная	1,67	–
Открытая	1,53	–
Справедливая	1,93	–
Оценка стимула «Супруг»		
Обаятельный	2,40	1,60
Сильный	2,33	1,93
Честный	1,93	1,33
Самостоятельный	2,20	2,20
Дружелюбный	1,93	–
Общительный	2,00	–
Упрямый	–	1,67

Общие для групп дескрипторы: «обаятельный», «сильный», «честный», «самостоятельный». Сходные характеристики обеих групп свидетельствуют о том, что женщины оценивают своих мужей как привлекательных, решительных, умеющих принять и сделать правильный выбор, людей. Сравнивая веса сходных дескрипторов, мы видим, обратную, чем при оценке себя, картину. Теперь более поляризованными являются оценки контрольной группы. Учитывая, что в обеих универсалиях (оценки себя и оценки супруга) все дескрипторы положительные, можно сказать, что женщины из контрольной группы более позитивно оценивают своих супругов, а из экспериментальной — себя. При этом групповая оценка супругов, как и себя, остается сплоченной опять в контрольной группе. В группе жен, где муж работает вахтовым методом, мы не находим таких характеристик оценивания супруга, как «дружелюбный» и «общительный». Это может быть связано и с тем, что супруги меньше общаются, и с тем, что супруг, приезжая с работы, «закрыт» для людей, он чувствует себя усталым и нуждающимся в отдыхе, а посторонние люди для него могут стать источником конфликта и плохого настроения. Кроме того, у вахтовых работников в рабочий период межличностное взаимодействие является достаточно ограниченным и тесным, что связано с совместным проживанием, общими местами питания и быта. Люди, много лет занимающиеся вахтовыми видами работ, трудно идут на контакт с новыми людьми, новые знакомства случаются редко.

Жены вахтовых работников оценивают своего мужа как «упрямого», что описывается ими, с одной стороны, как нежелание понять или принять ситуацию, с другой, как твердость и настойчивость. Это может быть связано с тем, что в период разлуки супруги меньше обсуждают и решают совместные проблемы, имеют разные группы общения, часто с ярко выраженной гендерной спецификой, системой ценностей и точек зрения.

Особенностью здесь является то, что вместо общительности и дружелюбности (в семьях, где у мужа нормированный рабочий день), в оценках жен вахтовых работников проявляются такие характеристики, как «упрямство» у мужа и «справедливость» у жены (я — справедливая, а муж — упрямый). Эти различия подтверждают ранее сделанный вывод о трудностях в реализации психотерапевтической функции и функции духовного (культурного) общения.

При проведении факторного анализа результатов оценивания было выделено (табл. 2): при оценке «себя» женами, где у мужа нормированный рабочий день, — 8 факторов; женами, где муж работает вахтовым методом, — 7 факторов. При оценке «супруга» женами, где у мужа нормированный рабочий день, — 6 факторов, а женами, у которых муж работает вахтовым методом, — 5 факторов. В ходе качественной обработки факторной структуры оценок «я» и «супруг» была привлечена группа экспертов в количестве трех человек.

Полученные данные свидетельствуют о том, что жены из семей, где у мужа нормированный рабочий день, используют для оценки себя и супруга большее количество факторов, чем жены, у которых супруг работает вахтовым методом. Это говорит о том, что наблюдается более сложная когнитивная структура в оценках женами из семей, где у мужа нормированный рабочий день, понятий «я» и «супруг», что может быть связано с большим уровнем общения и решения совместных задач.

Из табл. 2 видно, что жены из семей, где у мужа нормированный рабочий день, в качестве ведущих выделяют такие параметры оценки супруга, как «успешный / неуспешный», «свободный / занятой», «порядочный / непорядочный», т. е. характеристики социальных взаимодействий.

Специфичным для жен вахтовых работников при оценке супруга является выделение в качестве ведущих таких факторов, как «жизнерадостный / печальный», «располагающий / отталкивающий», «сосредоточенный / рассеянный». Данные параметры больше позволяют оценить характер межличностного общения.

В целом, результаты экспериментальной группы по сравнению с результатами контрольной характеризуются большей когнитивной простотой оценки себя и мужей (меньше факторов), меньшим количеством дескрипторов в универсалиях оценки (меньше группо-

вая сплоченность оценки), более высокой оценкой себя, более низкой и менее позитивной оценкой супруга. Более простая и менее позитивная групповая оценка супругов в совокупности с более поляризованной и менее разнообразной (в целом — менее критичной) оценкой себя женщинами экспериментальной группы свидетельствует, соответственно, о меньшей развитости уровня внутрисемейных межличностных отношений.

Не рассмотренной остается до сих пор Также неисследованной психофизиологической проблемой сезонного (вахтового) образа жизни является проблема влияния частой и резкой смены типа климата (например, в Магадане с приморского на резко континентальный и обратно) для вахтовиков, старателей и полевиков, резкого изменения образа жизни для рыбаков и моряков. Здесь рекомендации медиков и психологов могут быть диаметрально противоположны. С медицинской точки зрения геоклиматические условия и образ жизни должны изменяться не слишком часто, чтобы организм успевал адаптироваться. Следовательно, вахты и пересменки должны быть максимально длинными (пока не начнет сказываться утомление). С психологической точки зрения, наоборот, для сохранения комплекса семейных функций общаться нужно достаточно часто.

Таблица 2

Факторы оценки (метод главных компонентов, вращение *Varimax*)

Жены из семей, где…			
…у мужа нормированный рабочий день		…муж работает вахтовым методом	
Фактор	Процент выбираемой дисперсии	Фактор	Процент выбираемой дисперсии
Оценка «Я»			
Замкнутый / открытый	17,1	Быстрый / медленный	17,7
Неуверенный / уверенный	14,1	Угрюмый / веселый	15,8
Достойный / недостойный	13,7	Добрый / злой	11,4
Надежный / беспечный	13,2	Зависимый / самостоятельный	11,4
Мягкий / твердый	11,1	Устойчивый / меняющийся	11,1
Безвольный / волевой	8,6	Непредсказуемый / стабильный	10,7
Угодливый / неугодливый	7,5	Неискренний / честный	7,6
Добросовестный / безответственный	6,0		
Всего:	91,3		85,8
Оценка «Супруг»			
Успешный / неуспешный	17,6	Жизнерадостный / печальный	21,2
Свободный / занятой	16,2	Располагающий / отталкивающий	18,1
Порядочный / непорядочный	15,2	Сосредоточенный / рассеянный	14,1
Расчетливый / нерасчетливый	13,9	Самодостаточный / зависимый	13,9
Надежный / беспечный	13,4	Вежливый / грубый	13,4
Уверенный / неуверенный	8,5		
Всего:	84,8		80,7

В семейном консультировании обобщенные рекомендации малоэффективны. «Сезонные семьи» существуют, их очень много и пока становится все больше. Задача психолога-консультанта — системная в рамках семьи оптимизация острых, вызвавших обращение, ситуаций; задача психолога-исследователя — анализ типов обращений и вызвавших их проблем, описание достоверных особенностей и выработка обобщенных рекомендаций. Большие горнодобывающие и рыбопромышленные предприятия уже закупают и устанавливают для сотрудников тренажерные залы, сауны, Интернет-комплекты, организуют кратковременные приезды членов семьи или кратковременные отпуска для частичной компенсации дефицита общения и снятия напряжения. В артелях, на малых предприятиях, на сейнерах такая практика пока, к сожалению, не распространена.

При возвращении домой мужчинам необходимо проявлять осознанные волевые усилия по включению в решение бытовых проблем семьи (волевым усилием преодолевать отвыкание и неуверенность), изменить понятие об отдыхе от сезонной (вахтовой) работы, как только о развлечении и ничегонеделании. Женщинам — не совершать «типичной» ошибки: потакать, приучать умеющего обслуживать себя и семью мужчину к бытовому иждивенчеству. И мужчинам, и женщинам следует не стесняться обращаться к специалистам-психологам по поводу реализации сексуально-эротической функции, отказаться от некоторой мифологии «сезонных» и «вахтовых» семей о заработке для мужчины и хозяйстве для женщины. При общении с детьми в период пребывания дома отцу желательно выявить и совместно с ребенком решить какие-либо накопившиеся проблемы, организовать совместную деятельность. В результате такого взаимодействия ребенок должен почувствовать, что он не наедине со своими проблемами, что отец помогает решать проблемы (не подменяет, а помогает), что у него есть образцы компетентного, энергичного, настойчивого, терпеливого и твердого решения проблем.

Библиографический список

1. *Бондарчук Н. В.* Психологическое содержание старательского труда: дис. … канд. психол. наук. — Магадан, 2007. — 218 с.
2. *Зуева А. В.* Специфика реализации функций семьи в семье моряка: выпуск. раб. — Магадан: СВГУ, 2002. — 53 с.
3. *Клюева Н. В.* Психолог и семья: диагностика, консультации, практика. – Ярославль: Акад. развития, 2001. — 160 с.
4. *Лущинская Ю. В.* Специфика функций семьи вахтового работника: выпуск. раб. — Магадан: СВГУ, 2002. — 44 с.
5. *Пономаренко М. М.* Специфика представлений матерей о содержании семейных функций при работе отца вахтовым методом: диплом. раб. — Магадан: СВГУ, 2008. — 67 с.
6. *Серкин В. П.* Образ мира и образ жизни. — Магадан: СМУ, 2005.
7. *Силантьева С. О.* Специфика реализации функций семьи в семье старателя: выпуск. раб. — Магадан: СВГУ, 2002. — 49 с.
8. *Эйдемиллер Э. Г., Юстицкий В. В.* Семейная психотерапия. — Л.: Медицина, 1989. – 192 с.

УДК 159.922.7

Н. С. Чернышева, Д. М. Маркова

ШКАЛА САМООЦЕНКИ КОМПЕТЕНТНОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО ПРИНЯТИЯ ДОШКОЛЬНИКА (С. Хартер и Р. Пайк)

Целью данной статьи является описание шкалы самооценки компетентности и социального принятия дошкольника (С. Хартер и Р. Пайка). Она применяется для получения самооценки когнитивной и физической компетентности и социального принятия детей 4–7 лет.

Ключевые слова: адаптация шкалы, когнитивная компетентность, физическая компетентность, принятие сверстников, материнское принятие

N. S. Chernysheva, D. M. Markova

COMPETENCE SELF-ASSESSMENT SCALE AND SOCIAL ACCEPTANCE OF PRESCHOOL CHILDREN (S. Harter & R. Pike)

The purpose of this article is to describe the scale of Perceived Competence and Social Acceptance for Preschool Children (S. Harter & R. Pike) used in order to get the self-assessment of cognitive and physical competence as well as of social acceptance of the children aged from 4 to 7.

Key words: adaptation scale, cognitive competence, physical competence, peers' acceptance, maternal acceptance

Для изучения глубинных структур детской психики необходим диагностический материал, соответствующий возрастным возможностям ребенка. В психологии развития применительно к дошкольному возрасту разработаны различные методы исследования: наблюдение, эксперимент, тесты и др. Применяя их, возрастные исследователи стремятся к получению достоверных результатов. Для этого они прибегают не к прямым, а опосредованным действиям: вызывают у детей интерес к процедуре обследования и превращают ее в игру или в развивающее занятие, посильное для ребенка данного возраста.

К числу наиболее сложных для измерения конструктов относится самооценка, включающая отношение ребенка к себе и его знание о себе. Отечественная психология определяет самооценку как индивидуально-личностное образование, побуждающее и регулирующее деятельность и поведение человека. Ряд исследователей (Л. И. Божович, Р. Б. Стеркина) рассматривают самооценку как психологическое новообразование дошкольного возраста, важное звено мотивационно-потребностной сферы личности ребенка. Важность исследования самооценки объясняется тем, что она включена во множество связей и отношений с другими психическими образованиями. Взаимодействие с ними носит двусторонний характер: самооценка обусловлена ими и одновременно выступает важнейшей детерминантой их развития.

В психодиагностике используются одномерные и многомерные методики, позволяющие изучать самооценку либо как единое общее самопредставление, либо как дифференцированные представления о самоценности в разных областях жизнедеятельности человека. Для изучения самооценки детей применяются методики прямого (С. Я. Дембо-Рубинштейн) и косвенного (КИСС А. В. Захаровой) измерения самооценки, нестандартизованные самоотчеты и самоописания. Однако дети дошкольного возраста, не обладая способностью давать развернутые описания, затрудняются с выполнением опросников. Поэтому существует необходимость в разработке психометрически обоснованных методик для исследования личности детей дошкольного возраста.

Цель данной статьи — описание шкалы самооценки компетентности и социального принятия дошкольника С. Хартер и Р. Пайка (*PSPCSA*), разработанной американскими исследователями и адаптированной нами к отечественной выборке. Шкала предназначена для диагностики дифференцированной самооценки детей дошкольного возраста. Возможности

изучения дифференцированной самооценки младших школьников описаны в отдельных статьях [7, 8].

Результаты апробации данной методики были опубликованы американскими исследователями еще в 1984 г. [9], но *PSPCSA* до сих пор привлекает внимание зарубежных исследователей. Продолжается изучение факторной структуры шкалы С. Хартер и Р. Пайка, ее возможностей при исследовании самооценки компетентности и принятия у детей из семей с разным социо-экономическим статусом, у дошкольников, имеющих разную этническую принадлежность или обучающихся по разным учебным программам [10]. В нашей работе для адаптации методики с учетом социокультурных различий был создан новый стимульный материал (два комплекта картинок — для мальчиков и девочек).

Методика, разработанная С. Хартер и Р. Пайком, основана на положении о том, что самооценка детей дошкольного возраста зависит, во-первых, от их представлений о собственной компетентности в доступных для осознания сферах и, во-вторых, от успешности в общении со сверстниками и значимыми взрослыми.

Влияние окружающих на формирующуюся самооценку ребенка в отечественной и зарубежной психологии оценивается по-разному. В зарубежной психологии выдвигается тезис о компенсации общения ребенка со взрослыми общением со сверстниками (А. Фрейд). В отечественной психологии утвердилась точка зрения, согласно которой оценки взрослого сильнее, чем оценки сверстников, влияют на образ «я» дошкольника (М. И. Лисина, А. И. Силвестру). Опыт общения со взрослыми выступает как источник формирования отношения детей к себе и к миру, как источник организации индивидуального опыта ребенка. В трудах Л. С. Выготского, Л. И. Божович и М. И. Лисиной подчеркивается, что взрослому как носителю культурных средств принадлежит ведущая роль в социогенезе психики. Родительское отношение оказывает особое влияние на становление образа «я» ребенка (М. И. Лисина, Т. В. Ахиреева, Н. Н. Авдеева, Е. О. Смирнова). Привязанность ребенка к матери (Дж. Боулби, М. Эйнсворт, Г. В. Бурменская) определяется тем, что она обеспечивает ему защиту и безопасность. Чем менее надежна связь с матерью, тем больше ребенок склонен подавлять свое стремление к другим социальным контактам.

Общение со сверстниками помогает дошкольнику сравнить себя с равными, обменяться с ними взаимными оценками, самостоятельно опробовать те навыки, которые получены в общении со взрослыми. Таким образом, самооценка дошкольника является продуктом его взаимодействия с социальным окружением, и от компетентности ребенка во взаимодействии с социальным окружением зависит характер оценивания себя.

Описание методики

Методика «Шкала самооценки компетентности и социального принятия дошкольника» С. Хартер и Р. Пайка (далее будет употребляться сокращенное название — ШСКиСП) сконструирована с учетом дифференцированности детской самооценки и предназначена для детей 4–7 лет. С. Хартер и Р. Пайк считают, что дети способны видеть различия между разными сферами жизни и оценивают себя применительно к этим сферам неодинаково.

Методика самооценки компетентности и социального принятия дошкольников включает 4 сферы оценки: сферы когнитивной и физической компетентности, принятие сверстниками и материнское принятие. В данной методике отсутствует шкала глобальной самооценки. Создавая картиночную методику для дошкольников, ее авторы основывались на результатах исследований, «в которых изучался вопрос, что различают, а чего не различают маленькие дети, давая оценку самим себе» [5, с. 149].

Исследователи объединяют субшкалы когнитивной и физической компетентности в шкалу общей компетентности, а субшкалы принятия сверстниками и материнского принятия — в шкалу социального принятия.

Методика самооценки компетентности и социального принятия дошкольников содержит две формы инструментария:

1) для дошкольников (картиночная форма);

2) для младших школьников (самоотчет в форме самоописаний).

Поскольку отечественная система образования отличается от зарубежной системы обучения, в данном исследовании использова-

лась только первая, картиночная, форма для дошкольников. Это обусловлено тем, что дети, посещающие детский сад, понимают картинки лучше, чем читают. Картиночная форма позволяет описывать специфическую для детей деятельность в доступной для малышей форме, тогда как в работе с детьми старшего возраста можно применять отвлеченные понятия (например, слова «привлекательность», «популярность» и др.), которые для дошкольников являются малопонятными.

В методике С. Хартер и Р. Пайка оценка дошкольниками себя включает описание поведенческих возможностей ребенка: умение собирать пазлы, быстро бегать, карабкаться вверх (см. табл. 1). Ряд других характеристик (наличие друзей, возможность обедать у них или оставаться на ночь) говорит о популярности ребенка среди сверстников и его принятии ровесниками. Для изучения сферы материнского принятия детям задается общий вопрос: «Расскажи, что мама делает, чтобы ты думал(а), что она тебя любит (мама улыбается; ходит с тобой, куда ты захочешь; готовит любимую еду; читает тебе; играет с тобой; разговаривает с тобой)».

Таблица 1

Описание субшкал «Методики самооценки компетентности и социального принятия дошкольников» (ШСКиСП)

№ п/п	Утверждения	
	Когнитивная компетентность	
1	Умеет составлять пазлы	Не умеет составлять пазлы
5	Умеет дорисовывать по образцу	Не умеет дорисовывать по образцу
9	Знает цвета	Не знает цвета
13	Знает алфавит	Не знает алфавит
17	Умеет считать	Не умеет считать
21	Знает первую букву имени	Не знает первую букву имени
	Физическая компетентность	
3	Умеет плавать	Не умеет плавать
7	Умеет карабкаться (вверх)	Не умеет карабкаться (вверх)
11	Умеет обуваться	Не умеет обуваться
15	Умеет бегать	Не умеет бегать
19	Умеет прыгать	Не умеет прыгать
23	Умеет прыгать через скакалку	Не умеет прыгать через скакалку
	Принятие сверстниками	
2	Имеет много друзей	Не имеет много друзей
6	Остается у друзей на ночь	Не остается у друзей на ночь
10	Играет с друзьями	Не играет с друзьями
14	Есть друзья на игровой площадке	Нет друзей на игровой площадке
18	Приглашается в игру другими	Не приглашается в игру другими
22	Обедает у друзей	Не обедает у друзей
	Материнское принятие	
4	Мама улыбается	Мама не улыбается
8	Ходит с тобой, куда ты захочешь	Не ходит с тобой, куда ты захочешь
12	Готовит любимую еду	Не готовит любимую еду
16	Читает тебе	Не читает тебе
20	Играет с тобой	Не играет с тобой
24	Разговаривает с тобой	Не разговаривает с тобой

Картинки, сопровождающие тест, различны для мальчиков и девочек, но действия, изображенные на них, идентичны для обоих полов. В данном исследовании визуальные образы разрабатывались самостоятельно, но на основе тематики заданий С. Хартер и Р. Пайка.

Тест проводится индивидуально. При проведении тестирования необходимо соблюдать общие правила, четко выполнять инструкции и начинать работу только после установления контакта и доверительных отношений с ребенком. Длительность тестирования не ограничена, среднее время тестирования составляет 10–15 минут. Дети дают только устные ответы, которые экспериментатор сам записывает в бланк протокола (см. прил. 1).

Рассмотрим процедуру на примере первого пункта шкалы. Испытуемый должен сказать о том, что ребенок, изображенный на картинке слева, хорошо собирает пазлы, а на картинке справа — плохо. Первое задание для ребенка — определить, на какого из двух детей он больше похож. После принятия решения необходимо спросить, насколько сильно он похож на ребенка на картинке («Очень похоже на меня» — большой кружок, «Немного похоже на меня» — маленький кружок).

Каждое утверждение оценивается по четырехбалльной шкале, а сумма из шести показателей отражает самооценку в отдельной сфере: 4 балла означает «наиболее компетентен (принят)», а 1 балл — «наименее компетентен (принят)». Так, если дошкольник идентифицирует себя с ребенком, изображенным на картинке слева (см. рис.), то получает 4 или 3 балла (в зависимости от того, насколько ребенок похож на него), если с картинкой справа, то, соответственно, 2 или 1 балл.

Рис. Пример картинок, посредством которых предлагаются альтернативы ответов

Инструментарий для детей сопровождает рейтинговая шкала учителей (воспитателей). Воспитатели оценивают детей по трем из четырех сфер: когнитивная и физическая компетентность, принятие сверстниками (см. прил. 2). Они дают вербальное описание каждого пункта и оценивают компетентность и принятие детей также по 4-балльной шкале. Затем эти оценки сопоставляются с результатами обследования ребенка.

Адаптация методики

В исследовании участвовали дети в возрасте 5–7 лет, посещающие дошкольное образовательное учреждение № 128 г. Владимира (N = 102, из них 54 девочки и 48 мальчиков).

Результаты, полученные в процессе эмпирического исследования, подчиняются закону нормального распределения; показатели асимметрии и эксцесса близки к нулю (см. табл. 2).

На первом этапе психометрической проверки устанавливалась диагностическая пригодность заданий методики — дискриминативность. Она определяется как способность отдельных пунктов (заданий) теста дифференцировать обследуемых относительно «максимального» или «минимального» результата теста [5]. Определение коэффициента дискриминативности производилось с помощью расчета показателя дельта Фергюсона [3]. Высокие показатели коэффициента дискриминативности по шкалам методики ШСКиСП свидетельствуют о том, что задания методики хорошо дифференцируют испытуемых (см. табл. 3).

Второй этап психометрической проверки — определение надежности измерений. Надежность методики отражает точность психодиагностических измерений, а также устойчивость результатов теста к действию посторонних случайных факторов. Проверка на надежность по однородности осуществлялась отдельно для каждой субшкалы методики ШСКиСП.

Коэффициент надежности по однородности (расщепление на четные и нечетные задания) рассчитывался по формуле Спирмена-Брауна [5].

$$r_t = \frac{2r'_t}{1 + r'_t}$$

Коэффициент надежности для ШСКиСП равен 0,85. Следовательно, 85 % индивидуальных различий показателей самооценки компетентности и социального принятия детей обусловлены истинными различиями между испытуемыми и отражают вариативность признака.

Надежность методики относительно постоянства условий достигалась за счет стандартизации тестового материала, инструкций, условий проведения тестирования, наличия критериев оценки результатов.

На третьем этапе была проведена оценка валидности методики. Валидность — комплексная характеристика теста, включающая сведения об области исследуемых явлений и репрезентативности диагностической процедуры по отношению к ним [4]. Валидность показывает, насколько обоснованные выводы могут быть сделаны на основе тестовых оценок.

Оценка эмпирической валидности методики проводилась путем сопоставления результатов, полученных по методике ШСКиСП, с результатами по «Фильм-тесту» Р. Жиля [6] и результатами, полученными по методике «Лесенка» В. Г. Щур [1], предназначенной для изучения представлений ребенка об отношении к нему других людей.

«Фильм-тест» Р. Жиля предназначен для исследования личности — выявления особенностей отношения ребенка к близким людям и особенностей самого ребенка. Она содержит следующие шкалы: отношение к матери; отношение к матери и отцу как родительской чете («родители»); отношение к другу (подруге); любознательность; общительность в больших группах детей. Результаты по каждой из субшкал методики ШСКиСП сопоставлялись с результатами по шкалам «Фильм-теста» Р. Жиля.

Методика изучения представлений ребенка об отношениях к нему других людей В. Г. Щур («Лесенка») предназначена для изучения самооценки дошкольника, измеряет ее уровень и адекватность. Результаты по методике «Лесенка» сравнивались с итоговым баллом по методике ШСКиСП. Полученные показатели эмпирической валидности представлены в табл. 4.

В данном исследовании предполагалось, что самооценка ребенком своих личностных качеств должна во многом совпадать с оценкой его личностных качеств со стороны воспитателя как человека, который его хорошо знает. Степень этого совпадения будет говорить о степени валидности методики (валидность по жизненному критерию). Для оценки личностных качеств ребенка применялась рейтинговая шкала воспитателей. Средние результаты рейтинговой шкалы воспитателей представлены в табл. 5.

Для каждой из трех субшкал методики подсчитывался коэффициент корреляции Пирсона [4] по формуле:

$$r_{xy} = \frac{n\sum(x_i \cdot y_i) - \sum x_i \cdot \sum y_i}{\sqrt{\left(n\sum x_i^2 - \left(\sum x_i\right)^2\right) \cdot \left(n\sum y_i^2 - \left(\sum y_i\right)^2\right)}}$$

Результаты исследования представлены в табл. 6. Коэффициент корреляции Пирсона для субшкал методики оказался соответственно равен: когнитивная компетентность — 0,76 ($p \leq 0{,}01$), физическая компетентность — 0,89 ($p \leq 0{,}01$) и принятие сверстниками — 0,85 ($p \leq 0{,}01$).

Таблица 2

Результаты по методике ШСКиСП

Субшкалы	Когнитивная компетентность	Физическая компетентность	Принятие сверстниками	Материнское принятие	Σ
$\bar{x}$	16	18	18	20	72
σ	4	4	4	3	10
Асимметрия					0,3
Эксцесс					0,2

Таблица 3

Показатели дискриминативности по субшкалам ШСКиСП

№ п/п	Шкалы	Показатели
1	Когнитивной компетентности	0,90
2	Физической компетентности	0,90
3	Принятия сверстниками	0,90
4	Материнского принятия	0,90
Общий балл		0,96

Таблица 4

Корреляции результатов (ШСКиСП, «Фильм-тест» Р. Жиля и «Лесенка» В. Г. Щур)

Субшкалы ШСКиСП	«Лесенка» В. Г. Щур	Шкалы фильм-теста Р. Жиля				
		Отношение к матери	Родители	Отношение к другу	Стремление к общению	Любозна-тельность
Когнитивной компетентности	–	–	–	–	–	0,88
Принятия сверстниками	–	–	–	0,78	0,80	–
Материнского принятия	–	0,95	0,89	–	–	–
Итоговые баллы по методике	0,56	–	–	–	–	–

Таблица 5

Результаты, полученные по рейтинговой шкале воспитателей

Субшкалы	Когнитивная компетентность	Физическая компетентность	Принятие сверстниками	Σ
$\bar{x}$	15	18	17	50
σ	4	4	3	8

Таблица 6

Коэффициенты корреляции рейтинговой шкалы воспитателей и субшкал ШСКиСП

Субшкалы		
Когнитивной компетентности	Физической компетентности	Принятия сверстниками
0,76	0,89	0,85

Примечание. Значимость на уровне $p \leq 0{,}01$

Таким образом, исходя из результатов, полученных в ходе психометрической проверки, можно сделать вывод о том, что методика ШСКиСП обладает критериальной (эмпирической) валидностью.

На четвертом этапе осуществлялось нормирование результатов. В качестве стандартной шкалы была взята Т-шкала Маккола (среднее = 50, стандартное отклонение = 10) [2].

Для интерпретации данных необходимо сравнить их с нормативными данными. Если данные испытуемого не выходят за диапазон от 40 Т до 60 Т, можно считать, что по степени выраженности параметров компетентности и принятия дошкольников они не отличаются от результатов выборки, на которой рассчитывались нормы. В случае отклонения в сторону больших или меньших значений можно сделать вывод об отличии испытуемого по параметрам компетентности и принятия от большинства детей 5–7 лет.

Таким образом, данные психометрической проверки ШСКиСП показывают, что методика самооценки компетентности и социального принятия дошкольников С. Хартер и Р. Пайка является надежным и валидным диагностическим инструментом.

Результаты исследования

По методике «Шкала самооценки компетентности и социального принятия в дошкольном возрасте» С. Хартер и Р. Пайка были получены следующие результаты.

По субшкале когнитивной компетентности результаты 71 (69 %) ребенка соответствуют среднему уровню (норме); из них 32 % — мальчики, а 47 % — девочки. У 14 (14 %) детей уровень ниже нормы; из них мальчики составляют 6 %, а девочки — 8 %. Результат выше нормы имели 17 детей, (17 %); из них мальчики — 9 %, а девочки — 8 %.

По субшкале физической компетентности результаты 76 (74 %) дошкольников соответствовали среднему уровню (норме). Среди этих детей было 40 % мальчиков и 34 % девочек. У 15 (15 %) дошкольников уровень физической компетентности был ниже нормы; из них мальчики составляли 2 %, а девочки — 13 %. У 11 (11 %) детей результаты по этой субшкале были выше нормы; из них мальчики — 5 %, девочки — 6 %.

По субшкале принятия сверстниками результаты 75 (73 %) дошкольников соответствуют среднему уровню (норме); из них мальчики — 35 %, а девочки — 38 %. У 15 (15 %) детей уровень показателя принятия сверстниками ниже нормы; из них мальчики — 4 %, девочки — 11 %. У 12 (12 %) дошкольников результаты были выше нормы; из них мальчики составляли 8 %, а девочки — 4 %.

По субшкале материнского принятия результаты 87 (85 %) дошкольников соответствуют среднему уровню (норме); из них 37 % составляют мальчики и 48 % — девочки. У 10 (10 %) детей уровень показателя материнского принятия ниже нормы, среди них были только мальчики. У 5 (5 %) дошкольников — выше нормы; среди них были только девочки.

Таким образом, по субшкале когнитивной компетентности результаты мальчиков и девочек достаточно близки, по субшкале физической компетентности результаты мальчиков более благополучные: среди мальчиков больше детей со средним результатом и меньше — с низким. Более высокие результаты по субшкале принятия сверстниками у мальчиков, так как среди них больше детей со средним уровнем принятия и меньше — с низким. По субшкале материнского принятия высокий уровень принятия был выявлен только у девочек, низкий уровень — только у мальчиков.

В итоге исследование выявило особенности развития самооценки у данной группы испытуемых. Исходя из полученных результатов, можно сказать, что у большинства детей наблюдается успешное овладение когнитивными и физическими навыками и складываются благополучные отношения со сверстниками и матерями. Эти результаты свидетельствуют о позитивных тенденциях в развитии самооценки. Причем у мальчиков с низким уровнем показателя материнского принятия отмечены более высокие показатели принятия сверстниками, что, с позиций зарубежной психологии, выглядит как компенсация со стороны детей недостаточно близких родственных отношений.

Обследование также показало, что дети легко и охотно включаются в работу, проявляют интерес к заданиям методики ШСКиСП.

Индивидуальное применение методики

Опишем результаты одного из испытуемых — Антона Ш. (5 лет). Его поведение в процессе диагностики было непринужденным и дружелюбным: в ходе обследования он был контактен, проявлял интерес к предлагаемым заданиям, охотно отвечал на вопросы экспериментатора.

При ответах Антон сначала обдумывал и объяснял то, что изображено на картинках, а затем выбирал одну из них (чаще выбирались карточки, на которых изображена успешная деятельность). Такое поведение ребенка говорит о сформированности мыслительных процессов, отсутствии действий методом проб и ошибок. По субшкале когнитивной компетентности Антон получил 53 балла по Т-шкале, по субшкале физической компетентности — 55 баллов. По шкале принятия сверстниками у него было 60 баллов.

На вопрос «Расскажи мне, что мама делает, чтобы ты думал, что она тебя любит (мама улыбается; ходит с тобой, куда ты захочешь; готовит любимую еду; читает тебе; играет с тобой; разговаривает с тобой)» мальчик дал развернутый ответ: «Мама мне не читает, она устает на работе. Мы с ней гуляем после садика, она меня забирает. Хочу играть с мамой, гулять. Она много работает». Поэтому неслучайно по субшкале материнского принятия у Антона был низкий результат (37 баллов). Однако показатель материнского принятия все-таки оказался близок норме, которая составляет 40–60 Т.

На основе результатов Антона Ш., полученных по методике ШСКиСП, можно сделать вывод о том, что ребенок активен, общителен, уравновешен, стремится сотрудничать, дружелюбен с окружающими. Отношения с матерью благополучны, но мальчик ощущает недостаток внимания с ее стороны. В последующем полученные результаты позволили экспериментатору разработать психолого-педагогические рекомендации для родителей данного ребенка.

Использование методики в социально-психологических исследованиях

Результаты данного исследования отражают основные особенности самооценки детей дошкольного возраста. Они подтверждают:

– дошкольник осознает свои физические возможности и умения;

– он способен оценивать собственные успехи и неудачи в четырех сферах (когнитивной и физической компетентности, принятия сверстниками и матерью);

– на самооценку дошкольника влияют значимые взрослые;

– у дошкольника часто завышенная самооценка, так как ребенку трудно отделить свои умения от собственной личности в целом;

– к концу дошкольного возраста складывается адекватная дифференцированная самооценка.

Библиографический список

1. *Бобченко Т. Г., Пронина Е. В.* Организация производственной практики в дошкольном образовательном учреждении: учеб. пособие для вузов. — Владимир: ВГГУ, 2008. – 102 с.
2. *Бодалев А. А., Столин В. В., Аванесов В. С.* Общая психодиагностика. — СПб.: Речь, 2000. — 440 с.
3. *Орел В. Е.* Процедура создания психологических тестов: лекции. — Владимир: ВГГУ, 2010.
4. *Орел В. Е., Сенин И. Г.* Основы психодиагностики: учеб. пособие. — Ярославль: Психодиагностика, 2005.
5. *Скотт М.* Психология развития: методы исслед. — СПб.: Питер, 2002. — 464 с.
6. *Федотова Ю. Ю.* Практическое руководство по применению методики «Фильм-тест» Р. Жиля: метод. указ. для студентов психол. фак. — Владивосток, 2004. — 48 с.
7. *Чернышева Н. С.* Методика изучения дифференцированной самооценки у детей младшего школьного возраста // Вестн. МГУ. Сер. 14: Психология. — 1997. — № 3. — С. 22–32.
8. *Harter S.* The Perceived Competence Scale for Children // Child Development. — 1982. — Vol. 53. — № 1. — P. 87–97.
9. *Harter S., Pike R.* The Pictorial Scale of Perceived Competence and Social Acceptance to Young Children // Child Development. — 1984. — Vol. 55. — № 6. — P. 1969–1982.
10. *Mantzicopoulos P., French B., Maller S.* Factor Structure of the Pictorial Scale of Perceived Competence and Social Acceptance With Two Pre-Elementary Samples // Child Development. 2004. — Vol. 75. — № 4. — P. 1214–1228.

Приложение 1

Шкала самооценки компетентности и социального принятия дошкольника

Ф. И. _____ Дата рождения _____

Дата обследования _____ Экспериментатор _____

№ п/п	Названия пунктов шкалы	Баллы (1–4)
1	Умеет составлять пазлы / Не умеет составлять пазлы	
2	Имеет много друзей / Не имеет много друзей	
3	Умеет плавать / Не умеет плавать	
4	Мама улыбается / Мама не улыбается	
5	Умеет дорисовывать по образцу / Не умеет дорисовывать по образцу	
6	Остается у друзей на ночь / Не остается у друзей на ночь	
7	Умеет карабкаться вверх / Не умеет карабкаться вверх	
8	Мама ходит с тобой, куда ты захочешь / Мама не ходит с тобой, куда ты захочешь	
9	Знает цвета / Не знает цвета	
10	Играет с друзьями / Не играет с друзьями	
11	Умеет обуваться / Не умеет обуваться	
12	Мама готовит любимую еду / Мама не готовит любимую еду	
13	Знает алфавит / Не знает алфавит	
14	Есть друзья на игровой площадке/ Нет друзей на игровой площадке	
15	Умеет бегать / Не умеет бегать	
16	Мама читает тебе / Мама не читает тебе	
17	Умеет считать / Не умеет считать	
18	Приглашается в игру другими / Не приглашается в игру другими	
19	Умеет прыгать / Не умеет прыгать	
20	Мама играет с тобой / Мама не играет с тобой	
21	Знает первую букву имени / Не знает первую букву имени	
22	Обедает у друзей / Не обедает у друзей	
23	Умеет прыгать через скакалку / Н умеет прыгать через скакалку	
24	Мама разговаривает с тобой / Мама не разговаривает с тобой	

Приложение 2

Рейтинговая шкала для воспитателей

№ п/п	Ф. И.	Знания, умения						Физические умения						Принятие среди сверстников					
		Составляет пазлы	Дорисовывает по образцу	Знает цвета	Знает алфавит	Счет	Знает первую букву имени	Плавание	Взбирается (карабкается)	Обувается	Бег	Прыжки	Прыжки через скакалку	Имеет много друзей	Остается у друзей на ночь	Играет с друзьями	Есть друзья на игровой площадке	Приглашается в игру другими	Обедает у друзей
1																			
2																			
3																			
4																			
5																			
6																			
7																			
8																			
9																			
10																			
11																			
12																			
13																			
14																			
15																			
16																			
17																			
18																			
19																			
20																			
21																			
22																			
23																			
24																			

УДК 159.942 + 159.923.2

Е. Н. Чуева

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТРЕССА У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЦИОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ

В статье рассматривается специфика проявления профессионального стресса в совокупности взаимодействия объективных (внешних) и субъективных (внутренних) стресс-факторов у представителей социономических профессий.

Ключевые слова: профессиональный стресс, эмоциональное выгорание, профессиональная деформация, риск-факторы стресса

Ye. N. Chuyeva

SPECIFICS OF PROFESSIONAL STRESS MANIFESTATION AMONG REPRESENTATIVES OF SOCIONOMIC PROFESSIONS

The article covers the specifics of professional stress manifestation in the unity of interaction of objective (external) and subjective (internal) stress factors among the representatives of socionomic professions.

Key words: professional stresses, emotional burnout, professional deformation, stress risk factors

В последние десятилетия все больше внимания уделяется исследованиям стресса в связи с профессиональной деятельностью человека. Всемирная организация здравоохранения профессиональный стресс называет «болезнью XXI в.», так как этот вид стресса встречается в любой профессии мира и принял размеры «глобальной эпидемии». В Международной классификации болезней он выделен в отдельную рубрику — МКБ-10 : Z 73: «стресс, связанный с трудностями управления своей жизнью».

Впервые понятие «стресс» было введено канадским биологом и врачом Гансом Селье в 1936 г. для обозначения неспецифической генерализованной реакции организма — «общего адаптационного синдрома» в ответ на любое требование, предъявляемое к нему. Содержание этой реакции описывалось, прежде всего, со стороны типичных нейрогуморальных сдвигов, обеспечивающих защитную энергетическую мобилизацию организма. Г. Селье были выделены три последовательные стадии развития *общего адаптационного синдрома* в зависимости от продолжительности воздействия стрессоров, каждая из которых связана с изменениями в функционировании эндокринной системы: *стадия тревоги*, *стадия сопротивления* и *стадия истощения.* Первые две стадии соответствуют процессам экстренной мобилизации жизненных сил организма, необходимых для реорганизации деятельности и поведения в измененных условиях и, в целом, носят продуктивный характер. Стадия истощения наступает при длительном воздействии стрессора, когда мобилизованных ресурсов организма оказывается недостаточно для устранения источника стресса. На этой стадии происходит нарушение регуляции приспособительных механизмов борьбы организма с интенсивным и длительным воздействием стрессора, адаптационные ресурсы организма истощаются, следствием чего могут стать не только функциональные, но и морфологические изменения в организме. С точки зрения влияния стрессовой реакции на деятельность и поведение индивида Селье выделял две формы стресса: продуктивный (эустресс) — необходимый для мотивации и роста, развития и изменения; и деструктивный, приводящий к переутомлению и дистрессу [11].

Стремительное развитие промышленности послужило толчком к изучению стресса в рабочей среде. Внимание уделялось физическим условиям и условиям, связанным с видом работы (жара, холод, шум, количество людей и др). Позднее понятие стресса было расширено и стало использоваться для характеристики особенностей состояний индивида в экстремальных условиях на физиологическом, психологическом и поведенческом уровнях.

На сегодняшний день наибольшее внимание уделяется прикладным исследованиям стрессовых состояний,связанным, в первую очередь, с их негативным влиянием на эффективность деятельности и психологическое здо-

ровье человека, а также разработке различных программ борьбы со стрессом (В. В. Бойко, А. Б. Леонова и др.).

По данным исследований, длительное переживание стрессовых состояний или интенсивное воздействие стресс-факторов профессиональной среды могут привести к серьезным эмоциональным и соматическим нарушениям: психосоматическим заболеваниям, десоциализации, разным видам профессиональных и личностных деформаций.

Наиболее часто признаки профессиональной деформации личности проявляются в социономических профессиях или профессиях типа «человек — человек». Среди них обнаружены и общие для всех профессий признаки: деформация механизмов социальной перцепции; возникновение профессионального фильтра восприятия окружающих людей не как уникальных личностей и индивидуальностей, а лишь как фигурантов специфических, сугубо профессиональных отношений.

Профессиональная деформация возникает в результате эмоционального выгорания личности в ситуациях интенсивного профессионального общения, под влиянием множества внешних и внутренних факторов. Проявляется как «приглушение» эмоций, исчезновение остроты чувств и переживаний, увеличение числа конфликтов с партнерами по общению, равнодушие и отгороженность от переживаний другого человека, потеря ощущения ценности жизни, утрата веры в собственные силы и др.

Термин «эмоциональное выгорание» был введен американским психиатром Х. Дж. Фрейденбергером в 1974 г. для характеристики психологического состояния здоровых людей, находящихся в интенсивном и тесном общении с клиентами, пациентами в эмоционально насыщенной атмосфере при оказании профессиональной помощи [10]. Первоначально этот термин определялся как состояние изнеможения, истощения с ощущением собственной бесполезности. Подверженными «эмоциональному выгоранию» признавались сотрудники медицинских учреждений и различных благотворительных организаций, учителя, психологи, сотрудники правоохранительных органов, юристы, политики, менеджеры всех уровней и т. д., то есть представители профессий типа «человек — человек». Как пишет К. Маслач, «деятельность этих профессионалов весьма различна, но всех их объединяет близкий контакт с людьми, который, с эмоциональной точки зрения, часто трудно поддерживать продолжительное время» [1, с. 54].

Существуют различные определения выгорания. В соответствии с моделью К. Маслач и С. Е. Джексон оно рассматривается как ответная реакция на длительные профессиональные стрессы межличностных коммуникаций. Синдром психического выгорания в соответствии с данным подходом представляет собой трехмерный конструкт, включающий *эмоциональное истощение; деперсонализацию* (тенденцию развивать негативное отношение к клиентам); *редуцирование личных достижений*. Проявляется либо в тенденции к негативному оцениванию себя в профессиональном плане, либо в редуцировании собственного достоинства, ограничении своих возможностей, обязанностей по отношению к другим, снятие с себя ответственности и перекладывание ее на других [4, с. 445]. Японские исследователи к трехфакторной модели К. Маслач добавляют четвертый фактор *«Involvement»* (зависимость, вовлеченность), который характеризуется головными болями, нарушением сна, раздражительностью, а также наличием химических зависимостей (алкоголизм, табакокурение). К. Кондо определяет *burnout* как «состояние дезадаптированности к рабочему месту из-за чрезмерной рабочей нагрузки и неадекватных межличностных отношений». Р. Кочюнас дает определение «синдрому сгорания» как «сложному психофизиологическому феномену, сопровождающемуся эмоциональным, умственным и физическим истощением из-за продолжительной эмоциональной нагрузки» [6]. В. В. Бойко под эмоциональным выгоранием понимает, выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций (понижения их энергетики) в ответ на избранные психотравмирующие воздействия [3].

В настоящее время сложилась устойчивая точка зрения на сущность психического выгорания и его структуру. Согласно современным данным, под «психическим выгоранием» понимается состояние физического, эмоционального и умственного истощения, проявляющееся в профессиях социальной сферы. Этот синдром включает в себя три основные составляющие: *эмоциональную истощенность*,

деперсонализацию (*цинизм*) и *редукцию профессиональных достижений* [5, с. 23].

Под эмоциональным истощением понимается чувство опустошенности, усталости, «приглушенности», «притупленности» эмоций, когда специалист уже не в силах отозваться, эмоционально откликнуться на чужую боль.

В физическом отношении профессионал постоянно чувствует усталость, отсутствие сил, сниженный энергетический тонус, у него падает работоспособность и появляются различные симптомы физических недомоганий: головные боли, бессонница, потеря аппетита или склонность к перееданию, злоупотреблению успокаивающими или возбуждающими средствами и т. д. [4].

Психологически эмоциональное выгорание начинает проявляться в нарушении сферы отношений: постепенном развитии негативных установок в отношении себя, работы, тех, с кем приходится работать — учеников, клиентов, пациентов. Контакты с ними становятся более бездушными, обезличенными, формальными. Возникающие негативные или жесткие установки по отношению к клиентам (ученикам, пациентам и т. д.) могут иметь поначалу скрытый характер и проявляться во внутреннем напряжении и сдерживаемой неприязни, но со временем прорываться во вспышках раздражения и провоцировать конфликтные ситуации. Важное проявление выгорания — это постепенно нарастающее недовольство собой, уменьшение чувства личной успешности, развивающиеся безразличие и апатия, уменьшение ощущения ценности своей деятельности.

Деперсонализация предполагает циничное отношение к труду и объектам своего труда. В частности, в социальной сфере деперсонализация предполагает бесчувственное, негуманное отношение к клиентам, приходящим для лечения, консультации, получения образования и других социальных услуг. Клиенты воспринимаются не как живые люди, а все их проблемы и беды, с которыми они приходят к профессионалу, с его точки зрения, есть благо для них.

Наконец, редукция профессиональных достижений — возникновение у работников чувства некомпетентности в своей профессиональной сфере, осознание неуспеха в ней [5].

Специалисты в области выгорания отмечают, что развитие этого синдрома не ограничивается профессиональной сферой, и его последствия начинают ощутимо проявляться в личной жизни человека и его взаимодействии с другими людьми.

В настоящее время ведется широкая полемика по вопросу соотношения таких понятий, как стресс и выгорание. Большинство исследователей определяют стресс как несоответствие в системе «личность — среда» или как результат дисфункциональных ролевых взаимодействий. Многие исследователи считают, что выгорание выступает отдельным аспектом стресса, потому оно определяется и исследуется в основном как модель ответных реакций на хронические рабочие стрессоры. Реакция выгорания начинается в большей степени как результат (следствие) требований, включающих стрессоры межличностного характера. Таким образом, оно представляет собой следствие профессионального стресса, в котором модель эмоционального истощения, деперсонализации и редуцированных персональных достижений есть результат действия разнообразных рабочих требований (стрессоров), особенно межличностной природы [5].

В то же время отмечается, что выгорание в какой-то степени отражает специфику профессиональной сферы и, как следствие, профессиональных стрессов, возникает в тех случаях, когда адаптационные возможности (ресурсы) человека по преодолению стрессовой ситуации превышены.

Сегодня проявляется активный интерес к исследованию различных социально-психологических факторов, влияющих на формирование синдрома выгорания у представителей социономических профессий (педагогов, психологов, социальных и медицинских работников, и т. д.). Изучается влияние таких факторов, как пол, возраст, стаж работы по специальности, индивидуально-личностных особенностей, мотивационных факторов, а также факторов, связанных с трудовой деятельностью (условия труда, вознаграждение за труд и социальный климат, сложность и напряженность деятельности, статусно-ролевая принадлежность, карьерный рост и др.) [7].

Однако до настоящего времени проблема развития и специфики проявлений профессионального стресса у представителей социономических профессий систематически не изучена. Данные, полученные в исследованиях,

носят специфический характер, отражающий особенности изучаемой выборки, и зачастую отличаются от полученных результатов при изучении другой профессиональной выборки. В исследованиях не раскрываются многие особенности формирования профессионального стресса у представителей близких, но в то же время разных профессий и специализаций. Отсутствие четкой картины взаимосвязей затрудняет формирование адекватных путей профилактики и коррекции профессионального стресса у разных категорий специалистов. Вместе с тем, именно такой подход признан в настоящее время наиболее перспективным для изучения профессионального стресса в разных видах труда [8]. На этой основе оказывается возможной качественная подготовка специализированных средств оказания психологической помощи представителям различных профессий, работающим в различных организациях.

В период с 2010 по 2012 гг. был проведен комплексный анализ профессионального стресса у представителей трех разных профессий (преподаватели, медработники и судьи), относящихся к типу деятельности «человек — человек».

Цель исследования состояла в определении особенностей выраженности синдромов профессионального стресса в зависимости от профессиональной принадлежности и содержания трудовой деятельности.

В обследовании приняло участие:

– 50 судей Камчатского края, из них 34 женщины и 16 мужчин, в возрасте от 32 до 56 лет (средний возраст 41 год), стаж работы в данной должности от 3 до 19 лет);

– 30 преподавателей вузов, из них 3 мужчин и 27 женщин, в возрасте от 25 до 52 лет (средний возраст 39 лет), стаж работы в вузе от 2 до 25 лет);

– 30 медицинских работников Краевого наркологического диспансера, из них 26 женщин и 4 мужчин, в возрасте от 28 до 56 лет (средний возраст 37 лет), стаж работы в данной должности от 3 до 18 лет).

Обследование проводилось с использованием полностью верифицированной диагностико-превентивной системы «Интегральная диагностика и коррекция стресса» (ИДИКС) А. Б. Леоновой [9], которая позволяет получить в интегрированном виде сведения о наличии риск-факторов по следующим шкалам:

1) объективная характеристика трудовой ситуации со стороны условий работы и организации труда;

2) особенности субъективной оценки трудовых задач, соответствующих профессиональной ситуации;

3) вознаграждение за труд и социальный климат со стороны оценки адекватности оплаты труда, социальных отношений в группе и с начальством, наличием продуктивной обратной связи и контроля за исполнением;

4) переживание острого стресса со стороны оценки стресса как текущего состояния, отражающегося в проявлениях физиологического дискомфорта, сдвигах в когнитивной и эмоциональной сферах, затруднениях в поведении и общем самочувствии;

5) переживание хронического стресса со стороны оценки аккумуляции негативных стрессовых состояний и их фиксации в форме устойчивых проявлений — тревожности, агрессивности, депрессии, общей астенизации или хронического утомления, наличии психосоматических реакций и нарушении сна;

6) основные аффекты аккумуляции негативных последствий стресса, проявляющихся в форме характерных личностных и поведенческих деформаций — тип *А* поведения, синдром выгорания, невротических реакций и вредных для здоровья привычек.

Оценка результатов проводилась по следующим критериям в *Т*-баллах:

Уровень стресса	*Т-баллы*
Низкий	до 38–39
Умеренный	39–45
Выраженный	45–53
Высокий	54–65
Предельно высокий	более 65

Обработка полученных данных проводилась при помощи методов математической статистики. Было выявлено долевое распределение показателей стресса по степени выраженности, и проведен сравнительный анализ разброса полученных результатов у представителей разных профессий. При помощи метода ранговой корреляции Пирсона нами была проанализирована связь между общим уровнем стресса и показателями субъективных и объективных риск-факторов.

Сравнительный анализ полученных результатов позволил выявить специфику переживания стресса у представителей социономических профессий. Так, наиболее интенсивно риск-факторы, практически по всем шкалам, проявляются у преподавателей и по ряду факторов у медработников: 8 % судей, 44 % преподавателей и 27 % медработников имеют высокие показатели общего уровня стресса. Практически по всем шкалам более трети преподавателей имеют высокие и предельно высокие значения выраженности стресса (рис. 1).

В то же время анализ распределения показателей по субшкалам позволил изучить специфику проявления и компенсации каждого стрессора для разных профессиональных групп. Высокие показатели неудовлетворенности условиями и организацией труда имеют 44 % преподавателей, 25 % судей и 15 % медработников (рис. 1). Данные показатели складываются из таких риск-факторов, как условия труда, интенсивность трудовых нагрузок, особенности содержания труда, организация трудового процесса (рис. 2).

Для представителей всех профессий наибольшим количеством высоких и предельно высоких показателей характеризуется субъективная оценка профессиональной ситуации. У 46 % судей, 82 % преподавателей и 90 % медработников выявлен высокий уровень напряженности (рис. 1), вызванный чрезмерной сложностью решаемых задач, дефицитом знаний и умений, отсутствием возможности самостоятельно планировать выполнение работы, необходимостью жестко следовать предписанным правилам и инструкциям, отсутствием разнообразия в работе, преобладанием повседневной рутины, частой повторяемостью одних и тех же операций (рис. 3).

Неудовлетворенность вознаграждением за труд и социальным климатом в коллективе характерна для 13 % судей, 31 % преподавателей и 27 % медработников (рис. 1).

При этом, более высокими стрессогенными факторами для преподавателей являются вознаграждение за труд и отсутствие адекватной обратной связи, для судей — пошаговый контроль за выполнением каждого вида задания, для медработников — социальные конфликты и вознаграждение за труд (рис. 4).

Наиболее ярко, по сравнению с медработниками и судьями, у преподавателей проявляются субъективные факторы стресса, включающие такие характеристики, как физиологический дискомфорт, эмоциональную напряженность, трудности в общении и затруднения в поведении.

Для 100 % судей, преподавателей и медработников характерны высокие и предельно высокие показатели когнитивной напряженности, проявляющиеся в чрезмерной интеллектуальной нагрузке, трудности в сосредоточении внимания, переработке большого количества информации, вспоминании нужной информации и принятии решений. У преподавателей выявлена высокая эмоциональная напряженность; 79 % судей, 55 % медработников и 31 % преподавателей имеют высокие показатели стресса, связанные с общим самочувствием (рис. 5). В то же время возможность включения компенсаторных механизмов в результате снижает показатель переживания острого стресса у всех групп испытуемых: у преподавателей — 38 %, медработников — 14 %, судей — 9 % (рис. 1).

По шкале переживание хронического стресса высокие показатели также преобладают у преподавателей — 31 %, медработников — 24 %, судей — 8 % (рис. 1).

Среди опрошенных преподавателей имеют высокий и предельно высокий уровень тревоги около 70 %, отмечается высокий уровень астении (хронического утомления, слабости) — у 50 %, находятся в депрессивном состоянии (подавленность настроения, хандра, мрачные предчувствия, ощущение безнадежности происходящего) — 44 %, высокий уровень психосоматических реакций (тошнота, головокружение, спазмы в области желудка и др.) — 38 %, характерны высокие показатели нарушения сна для 32 % (рис. 6).

Наибольший разброс в значениях показателей у представителей разных профессий был выявлен по шкале «личностные и поведенческие деформации»: преподаватели — 43 %, медработники — 19 %, судьи — 2 % (рис. 1).

Рис.1. Долевое распределение высоких и предельно высоких показателей риск-факторов стресса у представителей социономических профессий по основным шкалам методики ИДИКС

Рис. 2. Распределение высоких показателей по субшкалам шкалы «Условия и организация труда» у судей, преподавателей, медработников

Рис. 3. Распределение высоких показателей по субшкалам шкалы «Субъективная оценка профессиональной ситуации

Рис. 4. Распределение высоких показателей по субшкалам шкалы «Вознаграждение за труд и социальный климат»

Рис. 5. Распределение высоких показателей по субшкалам шкалы «Переживание острого стресса»

Рис. 6. Распределение высоких показателей по субшкалам шкалы «Переживание хронического стресса»

Рис. 7. Распределение высоких показателей по субшкалам шкалы «Личностные и поведенческие деформации»

Долевое распределение показателей субфакторов свидетельствует о том, что среди преподавателей 37 % имеют высокие и предельно высокие показатели по типу А поведения, проявляющегося в фиксированной установке на достижение успеха, на получение результата любой ценой, стремлении быть лучшим и первым во всем (судьи — 1 %, медработники — 10 %). Такое же количество опрошенных (38 %) имеют высокие показатели невротических реакций, таких как беспричинные страхи, непреходящая тревога, навязчивые состояния и пр. (судьи — 6 %, медработники — 23 %). Около 44 % имеют высокие и предельно высокие признаки синдрома «выгорания», характеризующиеся чувством опустошенности, разочарованности в работе, неприязнью в общении с коллегами по работе и студентами. Медработники имеют примерно такой же показатель — 42 %, судьи — 6 %. Для 38 % преподавателей и 23 % медработников характерны невротические реакции, для 18 % преподавателей и 29 % медработников характерны высокие стрессогенные показатели, связанные с поведенческими риск-факторами (вредные привычки, алкоголь, табакокурение и др.) (рис. 7).

Следует отметить, что наличие высоких стрессогенных показателей по одному или нескольким параметрам может успешно компенсироваться другими, менее стрессогенными и более устойчивыми факторами. Однако детализированная оценка показателей по каждому параметру позволяет выявить наиболее уязвимые места в жизни человека и принять своевременные меры по их устранению.

Анализ данного обследования позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на наличие высоких показателей по ряду риск-факторов, большинство испытуемых, относящихся к профессиональной деятельности типа «человек — человек», имеют умеренный или допустимый уровень общего стресса, они успешно справляются с различными стрессогенными ситуациями как профессионального, так и личностного плана.

При помощи корреляционного анализа нами были выявлены достоверно значимые положительные корреляционные связи между показателем общего уровня стресса и практически всеми основными шкалами, характеризующими объективные и субъективные риск-факторы у всех испытуемых (табл. 1).

Исключение составила шкала субъективной оценки профессиональной ситуации, включающая такие субшкалы, как разнообразие, сложность, значимость задач и автономия исполнения. По данной шкале не выявлено значимых связей с общим уровнем стресса ни у одной группы данных профессиональных сообществ (табл. 2), несмотря на то, что именно по этой шкале отмечался наиболее высокий процент высоких и предельно высоких показателей риск-факторов у всех групп испытуемых (рис. 1).

Анализ корреляционных связей общего индекса стресса и показателей субшкал данной шкалы позволил выявить значимый уровень положительных связей между автономией исполнения и общим уровнем стресса только

у преподавателей. Ни для судей, ни для медработников контроль за исполнением и отсутствие самостоятельности в принятии решений не является стрессогеннозависимым фактором.

Среди объективных показателей высокая положительная связь с общим уровнем стресса была выявлена по факторам «условия и организация труда», «вознаграждение за труд и социальный климат» у всех испытуемых.

Анализ значимых корреляций показал, что наиболее стрессогенными для всех представителей данных профессий являются субъективные риск-факторы. Личностные и поведенческие деформации, переживание хронического и острого стресса напрямую связаны с общим уровнем стресса, хотя зачастую внешне могут компенсироваться объективными факторами.

Поскольку в большинстве исследований профессиональное выгорание рассматривается как ответная реакция на длительные профессиональные стрессы, обусловленные в первую очередь внешними факторами, нами были проанализированы связи между субъективными и объективными факторами у представителей разных профессий. Анализ связей между шкалой «условие и организация труда» и шкалами «переживание острого стресса», «переживание хронического стресса» и «личностные и поведенческие деформации» у представителей разных профессий показал различную степень зависимости (табл. 3).

Таблица 1

Результаты корреляционных связей между показателем общего индекса стресса (ИДИКС) и показателями основных шкал у представителей социономическихпрофессий

Основные шкалы	Медработники	Преподаватели	Судьи
Условия и организация труда	0,701	0,614	0,705
Субъективная оценка проф. ситуации	–0,043	0,322	0,244
Вознаграждение за труд и социальный климат	0,413	0,731	0,683
Переживание острого стресса	0,862	0,856	0,815
Переживание хронического стресса	0,888	0,893	0,892
Личностные и поведенческие деформации	0,809	0,907	0,764
$r_{кр}$ при $p \leq 0{,}01$	$\geq 0{,}45$	$\geq 0{,}45$	$\geq 0{,}41$

Таблица 2

Результаты корреляционных связей между показателем общего индекса стресса (ИДИКС) и показателями субъективной оценки профессиональной ситуации

Субшкалы	Медработники	Преподаватели	Судьи
Разнообразие задач	–0,167	0,078	0,035
Сложность задач	0,083	0,072	–0,168
Значимость задач	0,214	0,303	0,283
Автономия исполнения	0,272	0,623	0,335
$r_{кр}$ при $p \leq 0{,}01$	$\geq 0{,}45$	$\geq 0{,}45$	$\geq 0{,}41$

Таблица 3

Результаты корреляционных связей между шкалой «Условие и организация труда» и субъективными факторами у представителей разных профессий

Шкалы	Медработники	Преподаватели	Судьи
Переживание острого стресса	0,419495	0,430394	0,398803
Переживание хронического стресса	0,630181	0,340130	0,494763
Личностные и поведенческие деформации	0,728898	0,503999	0,488800
$r_{кр}$ при $p \leq 0{,}01$	$\geq 0{,}45$	$\geq 0{,}45$	$\geq 0{,}41$

Не выявлено значимых связей у представителей всех групп между условиями труда и переживанием острого стресса. Более сильная положительная связь между условиями организации трудового процесса и переживанием хронического стресса выявлена у медработников и судей, в то время как для преподавателей этот показатель оказался не значимым. У представителей всех профессий значимая положительная связь отмечается между показателями личностной и поведенческой деформации и условиями, в которых протекает профессиональная деятельность. При этом наиболее высокий корреляционный показатель отмечается у медицинских работников. Таким образом, можно констатировать, что условия труда и специфика организации трудового процесса оказывают влияние на психосоматическое состояние сотрудников и влияют на изменение его личностной структуры.

Проведенное нами исследование показало, что, несмотря на общность социономических профессий, находящихся в интенсивном и тесном общении с клиентами, пациентами в эмоционально насыщенной атмосфере при оказании профессиональной помощи, степень выраженности синдромов профессионального стресса определяется качественным своеобразием в конкретном виде деятельности.

Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о том, что уровень профессионального стресса во многом определяется содержанием профессиональной деятельности. Наиболее выраженным стрессогенным фактором для всех представителей профессий типа «человек — человек» является субъективная оценка содержательной стороны деятельности в плане разнообразия и сложности выполняемых задач и недостаточной самостоятельности в принятии решений. В то же время данный фактор не оказывает влияния на общий уровень стресса работников.

Наиболее сильное влияние на общий уровень стресса оказывают личностные и поведенческие деформации сотрудников, проявляющиеся в появлении признаков синдрома эмоционального выгорания, невротических реакциях, поведении типа *А*, вредных для здоровья привычках. Не последнюю роль в формировании данных деформаций, а также развитии острого и хронического стресса играют условия и организация труда, интенсивность трудовых нагрузок и содержание деятельности.

Данные результаты свидетельствуют о том, что необходимо уделять особое внимание профилактике профессионального стресса как на индивидуально-личностном, так и на организационном уровнях.

Библиографический список

1. *Барабанова М. В.* Изучение психологического содержания синдрома выгорания // Вестн. МГУ. Сер. 14: Психология. — М.: МГУ, 1995. — № 1. — С. 54–67.
2. *Бойко В. В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. — М.: Наука, 1996. — 154 с.
3. *Бойко В. В.* Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. — СПб.: Питер, 1999. — 105 с.
4. *Водопьянова Н. Е.* Синдром психического выгорания в коммуникативных профессиях // Психология здоровья / под ред. Г. С. Никифорова. — СПб.: СПбГУ, 2000. — С. 443–463.
5. *Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика — 2-е изд. — СПб: Питер, 2008. — 338 с.
6. *Кочюнас Р.* Основы психологического консультирования. — М.: Акад. проект, 1990. — 240 с.
7. *Леонова А. Б., Качина А. А.* Особенности синдромов профессионального стресса у менеджеров разного должностного статуса // Психология психических состояний: сб. науч. ст. Вып. 6 / под ред. А. О. Прохорова. — Казань: КГУ, 2006. — С. 250–272.
8. *Леонова А. Б.* Основные подходы к изучению профессионального стресса // Вестн. психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. — 2001. — № 11. — С. 2–16.
9. *Леонова А. Б.* Методика интегральной диагностики и коррекции профессионального стресса (ИДИКС): метод. рук. — СПб: ИМАТОН, 2006. — 56 с.
10. *Орел В. Е.* Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования // Журн. практ. психологии и психоанализа. — 2001. — № 3.
11. *Селье Г.* Стресс без дистресса. — М., 1979.

УДК 159.922 + 159.923

М. С. Яницкий, А. В. Серый, О. А. Прокопич

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ЦЕННОСТНЫХ ТИПОВ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

В статье рассматриваются различные подходы к изучению временной перспективы личности, обосновывается место и роль ценностно-смысловых ориентаций в ее структуре, излагаются результаты исследования временной перспективы у представителей отдельных ценностных типов.

Ключевые слова: ценности, ценностные типы, время, временная перспектива личности

M. S. Yanitskiy, A. V. Seriy, O. A. Prokonich

PECULIARITIES OF PERSONALITY TEMPORAL PERSPECTIVE AMONG REPRESENTATIVES OF DIFFERENT VALUE TYPES OF MASS CONSCIOUSNESS

The article covers various approaches to the study of temporal perspective of personality; it grounds the place and the part of value-semantic orientations in its structure and presents the results of temporal perspective research among the representatives of some value types.

Key words: values, value types, time, personality's temporal perspective

Временная перспектива является существенным компонентом образа «Я» человека. Роль и значимость временной перспективы в процессе становления его личности неоднократно подчеркивалась исследователями различных психологических школ и направлений. Понять то, что называется смыслом жизни, невозможно независимо от чувства переживаемого времени, поскольку именно ощущение времени жизни позволяет говорить о наличии в ней смысла. Способность структурировать временные аспекты субъективной реальности указывает на целостность самой личности. Г. Эленберг характеризовал искажение чувства времени как естественный результат искажения смысла жизни [13].

Еще Н. А. Бернштейн указывал на невозможность исследования личности вне контекста его субъективного времени: «Эволюция взаимоотношений пространственных и временных синтезов с афферентными и эффекторными системами соответственных уровней складывается существенно по-разному. На уровне *С* (уровень пространственного поля) они образуют объективированное внешнее поле для упорядоченной экстраекции чувственных восприятий. На уровне действий они создают предпосылки для смыслового упорядочения мира, помогая вычленению из него объекта для активных манипуляций. <…> Из эффекторики вырастает таким путем субъективное время; из времени — смысловое действование, из последнего на наиболее высоких уровнях поведение; наконец, верховный синтез поведения — личность или субъект» [2, с. 126].

На сегодняшний день существует множество подходов к изучению временной перспективы. Центром внимания одних из них является доминирование определенной временной ориентации, других — эмоциональная валентность прошлого или будущего, третьих — непрерывность между прошлым, настоящим и будущим и т. д.

Э. Эриксон в качестве одной из характеристик психосоциального кризиса выделял особое «диффузное» переживание времени, когда человек становится неспособен ориентироваться в своей жизни, в связной перспективе настоящего, прошлого и будущего [14]. По его мнению, период выхода из кризиса знаменуется напряженным переживанием времени, доверием себе в планировании будущего, желанием интенсивных вкладов в свою перспективу. Л. Лакманн описывает итог идентичности как временную структуру, представляющую собой синтез субъективного и биографического времени, переживаемых как основные смыслы в конструировании и реконструировании целостного хода жизни [17]. П. Вайнрих определяет идентичность как целостность самосозидания, в которой то, как человек конструирует себя в настоящем, выражается

в преемственности между тем, как он конструировал себя в прошлом, каким он надеется стать в будущем [1]. С. Л. Рубинштейн отмечал, что «всякая временная локализация требует умения оперировать временной схемой или «системой координат», выходящей за пределы переживания» [9, с. 252].

Определяя временную перспективу как «целостность видения человеком своего психологического будущего и психологического прошлого в данное время», К. Левин подчеркивал, что поведение и психическое состояние человека нередко в большей степени зависит от его надежд и воспоминаний, чем от текущей ситуации «здесь и теперь». Во временной перспективе им выделялись зоны настоящего, ближайшего и отдаленного прошлого и будущего, а в пространственной перспективе — уровни реального и ирреального. В его пространственно-временной модели зона будущего личности (желания, страхи, мечты, планы, надежды) детерминирует поведение человека в настоящем и определяет границы его психологического поля в данный момент [6].

Подобная точка зрения высказывается и Ю. Минковски, отмечающего, что «настоящее» не является отражением определенного психофизиологического момента, т. е. конкретной единицей времени, необходимой для различения двух сенсомоторных стимуляций. Им выделяются следующие зоны переживаемого «настоящего», не сводимые к хронологическому времени:

– удаленное прошлое — зона устаревшего;
– среднее прошлое — зона сожаления;
– ближайшее прошлое — зона раскаяния;
– ближайшее будущее — зона ожиданий деятельности;
– среднее будущее — зона желаний и надежд;
– удаленное будущее — зона молитвы и этических действий [13].

Ж. Нюттен, рассматривая временную перспективу как мотивационное образование, акцентировал внимание на будущем времени, представляющем потребностно-мотивационную сферу личности. Положив в основу его изучения взаимосвязь будущего времени и когнитивно переработанной мотивации, он определял временную перспективу как последовательность событий с определенными интервалами между ними, представленными в сознании человека в конкретный момент времени. Ж. Нюттен выделяет следующие ее характеристики или параметры: протяженность, или глубина; насыщенность распределения объектов в различные периоды (прошлое и будущее); степень структурированности этих объектов; степень яркости и реалистичности восприятия субъектом объектов. Во временную перспективу, согласно автору, включаются планы, задачи, намерения и иерархия целей личности, представляющие ее мотивационно-потребностную сферу и учитывающие временной порядок ожидаемых событий. Временная перспектива задается локализированными во времени объектами, которые играют роль детерминант, регулирующих поведение [8].

Т. Коттл связывал «будущее» во временной перспективе со способностью личности действовать в настоящем, соотносить свои действия со сравнительно отдаленными будущими событиями. Описывая две основные временные концепции, интегрирующие временные переживания человека: линейную концепцию (переживание чистой длительности) и пространственную концепцию (переживание времени в трех измерениях, пересекающихся в индивидуальном сознании), Т. Коттл выделял временную ориентацию на прошлое, настоящее или будущее; временную интеграцию или дезинтеграцию, т. е. связь или отсутствие связи между прошлым, настоящим и будущим человека; восприятие течения времени; предвидение будущего человека, которое состоит из ожидания, планирования, фантазий и стремления предсказывать будущее [5].

Ф. Зимбардо и коллеги указывают на два аспекта отношения к прошлому: негативное (оно видится неприятным и вызывающим отвращение); положительное (прошлые опыт и времена видятся приятными, «через розовые очки», с ноткой ностальгии). Авторы также выделяют два аспекта отношения к настоящему: гедонистический — когда ценится наслаждение настоящим моментом, без сожаления о дальнейших последствиях поведения и совершенных поступков; фаталистический — когда люди верят в судьбу и подчиняются ей, полагая изменения невозможными. В отношении будущего отмечается только один аспект — общая ориентация на будущее, которая характеризуется наличием целей и планов, а также

поведением, направленным на их осуществление. Временная перспектива рассматривается, с одной стороны, как ситуационно-детерминированный, а с другой — как относительно стабильный процесс, т. е. как черта личности. Чрезмерная концентрация на одном из времен определяется культурными, образовательными, религиозными факторами, принадлежностью к социальному классу и др. Временная перспектива образует фундамент, на котором основываются многие другие процессы, например, достижение, постановка целей, рисковое поведение, поиск новых ощущений, различные зависимости, переживание вины и др. [12].

Ф. Зимбардо и Дж. Бойд также выделяют сбалансированную, гибкую временную перспективу, которая позволяет выбирать подходящую временную ориентацию для каждой конкретной ситуации. Такая временная ориентация является наиболее оптимальной для функционирования человека в обществе. По их мнению, профилем такой временной перспективы является следующий: высокий уровень временной перспективы «Позитивное прошлое»; умеренно высокий уровень временной перспективы «Будущее», умеренно высокий уровень временной перспективы «Гедонистическое настоящее»; низкий уровень временной перспективы «Негативное прошлое»; низкий уровень временной перспективы «Фаталистическое настоящее» [4].

Резюмируя рассмотренные подходы к изучению временной перспективы личности следует отметить, что, несмотря на методологические расхождения в исследовании данного феномена, позиции авторов сходны в понимании прошлого, настоящего и будущего как структурного целого. Адекватное осмысление реальности в настоящем возможно при критическом осмыслении прошлого опыта и относительно индивидуальной цели (т. е. будущего). Таким образом, «настоящее» есть определенный акт осознания человеком его собственной деятельности и внутреннего побуждения к этой деятельности. В этой связи примечательна точка зрения П. Жане, указывающего, что «реальное настоящее для нас является действием, неким сложным состоянием, которое мы постигаем, несмотря на его сложность и продолжительность, одним актом сознания» [цит. по: 13, с. 215]. Именно в этом акте сознания, происходящем «сейчас», человек переживает смысл своего «прошлого», являющегося для него опытом, обладающим определенной ценностью, и проецирует в «будущее» личные представления, ожидания и планы, которые выступают в качестве ценностных ориентиров деятельности в «настоящем». Несмотря на то, что факты «прошлого» уже пережиты, а «будущее» не имеет определенного интернализованного статуса, данные области остаются открытыми для сознания и являются регионами, образующими субъективную реальность индивидуума. Доступные индивидуальному сознанию элементы временных регионов имеют ценностный характер и, взаимодействуя друг с другом, образуют личностные смыслы «прошлого», «настоящего» и «будущего».

В силу ценностного характера отношения человека к ним все эти зоны переживаются по-разному. Жизнь человека ограничена временем и то, насколько она окажется насыщенной, каким содержанием человек наполнит свое существование, какие цели будут им поставлены и какие из них будут в большей или меньшей мере приоритетны, во многом определяется типом культуры и системой ценностных ориентаций личности. Отражая смысловую сторону направленности личности, ее внутреннюю, содержательную основу внешнего взаимодействия с различными явлениями объективной реальности, ценностная ориентация определяет характер дифференциации объектов действительности по их значимости для индивида. Следует отметить, ценностные системы личности и общества взаимосвязаны и взаимообусловлены. Ценностные ориентации личности связывают ее внутренний мир с окружающей социальной действительностью, с другой стороны, содержание системы ценностей различных общностей и общества в целом определяется соотношением в них носителей тех или иных индивидуальных систем ценностей. Соответственно, можно говорить о том, что индивидуальные ценностные системы выступают структурными элементами ценностной системы общества.

Разработанная нами собственная типология ценностных систем, основанная на концепции Р. Инглхарта, предполагает существование трех самостоятельных социокультурных типов: ориентирующихся на ценности адаптации (стрем-

ление к физической и экономической безопасности), социализации (ориентация на принятые в данном обществе нормы и ценности) или индивидуализации (направленность на саморазвитие и самореализацию) [15]. Ранее нами было показано, что доминирование ценностей адаптации, социализации или индивидуализации в определенной степени отражает ориентацию человека на прошлое, настоящее или будущее соответственно. При этом фиксация человека на одном временном локусе выполняет адаптационную функцию, а на двух — трех смысловых локусах — функцию развития, самореализации [11]. Похожие результаты были выявлены в исследовании Е. М. Вечкановой и Ю. Ю. Неяскиной при изучении особенностей временной перспективы личности различных типов переживания актуального смыслового состояния [3]. В этой связи закономерный интерес представляет исследование конкретных особенностей временной перспективы личности у представителей выделенных нами ценностных типов.

В исследовании, которое осуществлялось посредством интернет-тестирования, приняли участие 249 человек в возрасте от 18 до 30 лет обоего пола. В состав исследуемой группы были включены представители различных социокультурных общностей. В данном исследовании мы не стремились достичь репрезентативности выборки или же равной представленности социокультурных групп, социокультурная неоднородность респондентов имела целью обеспечить максимальное разнообразие культурно-ценностных типов.

Принадлежность к адаптирующемуся (А), социализирующемуся (С), индивидуализирующемуся (И) или промежуточному (П) ценностному типу определялась при помощи модифицированной нами методики Р. Инглхарта [16]. Для диагностики временной перспективы личности использовалась методика Ф. Зимбардо (*Zimbardo F. Time Perspective Inventory — ZTPI*), в модификации А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной [13], а также методика «Семантический дифференциал времени» (СДВ) Л. И. Вассермана, О. Н. Кузнецова, В. А. Ташлыкова, М. Тейверлаур, К. Р. Червинской, О. Ю. Щелковой [10].

Анализ результатов по факторам *ZTPI* среди ценностных типов, выявленных с помощью модифицированной методики Р. Инглхарта (см. табл. 1), показал наличие общих, инвариантных характеристик временной перспективы: среди отнесенных ко всем ценностным типам самые высокие показатели обнаруживаются по фактору «Позитивное прошлое», самые низкие — по фактору «Фаталистическое настоящее». В то же время, были выявлены и значимые различия по целому ряду факторов. Характерной особенностью временной перспективы адаптирующегося ценностного типа являются сравнительно низкие значения по большинству факторов *ZTPI*, особенно отличающиеся по факторам «Негативное прошлое» и «Будущее», что свидетельствует об определенной обращенности в прошлое как к источнику положительного опыта и примеру для его воспроизводства в настоящем, т. е. о некотором консерватизме, а также о снижении целеустремленности и осмысленности своего будущего. Для ориентирующихся на ценности социализации, напротив, свойственны самые высокие показатели по всем факторам, за исключением «Негативного прошлого», в целом свидетельствующие о скорее положительной самооценке, некоторой неудовлетворенности своим нынешним положением и стремлением к получению удовольствия от своей жизни.

Таблица 1

Данные по факторам *ZTPI* у ценностных типов по методике Р. Инглхарта

Факторы ZTPI	Ценностный тип				Различия в парах при $p < 0,05$
	А	С	И	П	
Негативное прошлое	2,34	2,81	2,89	2,85	А–С; А–И; А–П
Позитивное прошлое	3,51	3,78	3,69	3,57	А–С; С–П
Гедонистическое настоящее	3,16	3,41	3,28	3,04	А–С; С–П; И–П
Фаталистическое настоящее	2,69	2,71	2,64	2,68	
Будущее	3,23	3,54	3,47	3,50	А-С

Представители индивидуализирующегося типа выделяются среди остальных самыми высокими значениями по фактору «Негативное прошлое» и самыми низкими — по фактору «Фаталистическое настоящее», что может быть интерпретировано как своего рода «эмансипация» от прошлого опыта, а также как стремление к смыслу, проявляющееся, по В. Франклу, в ограничении потребности в удовольствиях, что, в целом, вполне соответствует общему портрету данного типа, характеризующемуся интернальностью и направленностью на личностный рост и развитие. Отнесенные к промежуточному ценностному типу демонстрируют наименьшие показатели по фактору «Гедонистическое настоящее», что, вероятно, свидетельствует в пользу определенной фрустрации значимых потребностей.

По всем факторам СДВ во всех временных локусах у всех ценностных типов (табл. 2) были получены положительные значения. Также для всех ценностных типов характерна наибольшая средняя величина оценки будущего и наименьшая — оценки прошлого. При этом в оценке прошлого и будущего наблюдается и некоторая вариативность.

Таблица 2

Данные по факторам СДВ у ценностных типов по методике Р. Инглхарта

Факторы СДВ	Ценностный тип				Различия в парах при $p < 0,05$
	А	С	И	П	
Настоящее					
Активность времени	4,42	3,83	5,22	3,49	
Эмоциональная окраска времени	6,92	8,07	7,16	7,44	
Величина времени	5,38	7,32	6,76	6,79	
Структура времени	3,23	5,05	3,33	4,37	
Ощущаемость времени	6,19	5,23	4,51	5,51	
Средняя величина оценки времени	5,23	5,90	5,40	5,52	
Прошлое					
Активность времени	0,31	1,67	3,07	1,43	
Эмоциональная окраска времени	4,19	6,29	6,49	4,32	
Величина времени	3,85	5,73	6,16	5,21	
Структура времени	–0,42	2,88	2,27	1,43	А–С
Ощущаемость времени	0,50	1,77	2,04	1,14	
Средняя величина оценки времени	1,68	3,67	4,01	2,71	А–С; А–И
Будущее					
Активность времени	1,38	2,42	3,67	2,37	
Эмоциональная окраска времени	8,69	10,29	8,96	9,79	
Величина времени	7,92	10,90	10,40	10,20	А–С
Структура времени	4,73	6,81	5,93	6,29	
Ощущаемость времени	4,42	4,04	3,36	4,75	
Средняя величина оценки времени	5,43	6,89	6,47	6,68	

Примечание. А — адаптирующийся; С — социализирующийся; И — индивидуализирующийся; П — промежуточный.

Так, значение фактора «Структура времени» в отношении прошлого у представителей адаптирующегося типа значимо ниже, чем у респондентов социализирующегося и индивидуализирующегося типов, что может говорить о меньшей упорядоченности и осмысленности представлений о прошлом при ориентации на ценности адаптации. В отношении будущего значение по фактору «Величина времени» у представителей адаптирующегося типа также

заметно ниже, что отражает их некоторую фрустрированность, относительно низкую смысловую наполненность будущего и сужение жизненной перспективы. В целом, адаптирующийся тип отличается самыми низкими величинами оценки прошлого, настоящего и будущего; социализирующийся тип — самыми высокими оценками своего настоящего и будущего; индивидуализирующийся — своего прошлого. Это, вероятно, отражает различия стратегии смыслового переживания жизненных соытий в зависимости от уровня развития ценностной системы, что подтверждается и результатами наших предыдущих исследований о значимости разных временных локусов смысла при смысловом переживании экстремальных ситуаций. Как нами было показано ранее, именно переосмысление прошлого при смысловом переживании экстремальной ситуации в наибольшей степени способствует совладанию — среди исследуемых, у которых наблюдалась динамика осмысления прошлого (неважно — положительная или отрицательная), диагностировалась в среднем значительно лучшая постстрессовая картина. Значительно менее выраженная тенденция наблюдалась по смысловому локусу настоящего, а в случае с осмыслением будущего наблюдалась даже обратная ситуация. При этом самому неблагоприятному варианту переживания соответствовало отсутствие любого переосмысления своего прошлого, настоящего и будущего [16].

Библиографический список

1. *Антонова Н. В.* Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопр. психологии. — 1996. — № 1. — С. 131–142.
2. *Бернштейн Н. А.* О построении движений. — М.: Прогресс, 1947. — 242 с.
3. *Вечканова Е. М., Неяскина Ю. Ю.* Особенности временной перспективы личности при различных типах актуального смыслового состояния // Вестн. КРАУНЦ. Сер.: Гуманитар. науки. — 2011. — № 2 (18). — С. 167–178.
4. *Зимбардо Ф., Бойд Дж.* Парадокс времени: новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. — СПб.: Речь, 2010. — 352 с.
5. *Кроник А. А., Головаха Е. И.* Психологический возраст личности // Психол. журн. — 1983. — Т. 4. — № 5. — С. 57–65.
6. *Мандрикова Е. Ю.* Современные подходы к изучению временной перспективы личности // Психол. журн. — 2008. — Т. 29. — № 4. — С. 54–65.
7. *Мажуль Л. А.* Многоликость времени: психологические и культурные аспекты // Мир психологии. — 2011. — № 23. — С. 16–30.
8. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего. — М.: Смысл, 2004. — 608 с.
9. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. — СПб.: Питер, 2000. — 712 с.
10. *Семантический* дифференциал времени как метод психологической диагностики личности при депрессивных расстройствах: пособие для психологов и врачей / Л. И. Васерман, О. Н. Кузнецов, В. А. Ташлыков [и др.]. — СПб.: СПбНИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2005. — 27 с.
11. *Серый А. В., Семенова М. Б.* Трансформация системы личностных смыслов в ситуации вынужденной потери работы // Вестн. Кемеровского гос. ун-та. — 2010. — № 3 (43). — С. 106–110.
12. *Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В.* Методика Ф. Зимбардо по временной перспективе // Психол. диагностика. — 2007. — № 1. — С. 85–105.
13. *Элинберг Г.* Клиническое введение в психиатрическую феноменологию и экзистенциальный анализ // Экзистенциальная психология: экзистенция. — М.: Апрель Пресс: Эксмо-Пресс, 2003. — С. 201–237.
14. *Эриксон Э. Г.* Детство и общество. — СПб.: Ленато: АСТ, 1996. — 592 с.
15. *Яницкий М. С.* Ценностное измерение массового сознания. — Новосибирск: СО РАН, 2012. — 237 с.
16. *Яницкий М. С., Иванов М. С., Утюганов А. А.* Изменение осмысленности прошлого, настоящего и будущего как механизм переживания экстремальных ситуаций // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке (г. Хабаровск). — 2012. — № 2 (34). — С. 124–130.
17. *Luckmann Th.* Remarks on personal identity: Inner, Social and Historical Time // Identity: personal and sociocultural / ed. A. Jacobcon-Widding. — Uppsala, 1983.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

EVENTS

XI ежегодная межрегиональная научно-практическая конференция «ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ: СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТИР РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ, ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ (XVII — начало XX вв.)»

XIth Annual Interregional Research and Training Conference "HUMAN IN HISTORY: NORTH-EASTERN FRONTIER OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF POLITICAL, ECONOMIC, ETHNO-SOCIAL AND ETHNO-CULTURAL PROCESSES (XVIIth — beginning of XXth centuries)"

XI ежегодная межрегиональная научно-практическая конференция «Человек в истории: Северо-восточный фронтир России в контексте политических, экономических, этносоциальных и этнокультурных процессов (XVII — начало XX вв.)» состоялась с 08 по 12 октября 2012 г. на социально-экономическом факультете КамГУ им. Витуса Беринга в рамках мероприятия «Модернизация научно-исследовательского процесса и инновационной деятельности (содержание и организация)» Программы стратегического развития КамГУ им. Витуса Беринга на 2012–2016 гг.».

Современная наука признает особую сложность изучения человека и его деятельности, поскольку, обладая разумом и волей, человек является одновременно объектом и субъектом процесса познания. Человек познает мир и самого себя, творит культуру и собственную историю. Сущность человека, его происхождение и назначение, место человека в мире были и остаются центральными проблемами философии, религии, науки и искусства. Исследования философов, психологов, историков, социологов, юристов, экономистов открывают новые стороны человеческой природы. Основой исследований становятся разнообразные научные подходы и теории, сосуществующие в одном пространстве, порою противореча, но чаще дополняя друг друга. Комплексное изучение феномена человека позволит понять, как творится история, что движет народами и каждым отдельным человеком в различные периоды существования.

Темой обсуждения конференции стала проблема складывания и развития Северо-восточ-

ного фронтира России в контексте политических, экономических, этносоциальных и этнокультурных процессов в XVII — начале XXI вв.

Участниками конференции отмечалось, что проблема фронтира в геополитическом смысле не утратила своего глобального значения. До сих пор звучат заявления западных политологов о незаселенных территориях России, которые должны стать «общемировым достоянием».

Термин «фронтир», выйдя за пределы американской исторической науки, уже прочно вошел в российскую историографию, особенно активно им пользуются историки, исследующие социально-экономическое развитие географических окраин царской России, Российской империи. Но произошло это сравнительно недавно, в связи с долгим идеологическим противостоянием советских и американских историков, связанным с трактовкой «добровольного вхождения» коренных народов в Российское государство, в отличие от «тяжелой судьбы американских индейцев». Современная отечественная историография, избавившись от идеологических оков, пробует применить некоторые концепции фронтира к изучению освоения российских территорий. Основания для этого есть: обе страны совершили огромный колонизационный бросок, в обеих были отчаянные завоеватели, вхождение в зону дикой природы, столкновения с аборигенами. Но в колонизационных процессах России и США не меньше и различий, которым также посвящены многие исследования последних лет. Человек фронтира, сталкиваясь с дикостью неосвоенных просторов, с коренными жителями, которым не были знакомы достижения цивилизации, сам возвращался на примитивные позиции. Но постепенно количество переселенцев увеличивалось, и возрастал уровень цивилизованности. Правительственный контроль крепнет, начинается экономическая специализация, формируются сложные социальные организации, возрастает культурная активность.

Это свидетельствует о том, что некоторые территории Дальнего Востока все еще не освоены, а значит, находятся в состоянии фронтира. Рассматривая историю Дальнего Востока и, в частности, Камчатки, с позиций фронтира, историки могут определить эти «зоны неустойчивости», что, в свою очередь, позволит быстрее и эффективнее перевести край в категорию освоенного региона.

На секционных заседаниях поднимались проблемы освоения Северо-Востока в контексте мирового опыта колонизации, Северо-Восток и Камчатка в системе внутренней и внешней политики России, роль миграций в истории края.

Итогом конференции стал вывод о том, что объединение усилий ученых-гуманитариев по изучению истории Северо-Востока России является чрезвычайно важным и актуальным для сохранения исторической памяти, понимания современных проблем Камчатского края, решения местных, национальных, региональных и геополитических проблем региона.

Рабочая группа по выработке решения ежегодной межрегиональной научно-практической конференции «Человек в истории: Северо-Восточный фронтир России в контексте политических, экономических, этносоциальных и этнокультурных процессов XVII — начала XXI вв.» определила в качестве перспективных для дальнейшей научной дискуссии следующие направления:

- Северо-Восток, Камчатка в системе внутренней и внешней политики России.
- Освоение Северо-Востока в контексте мирового опыта колонизации.
- Теория фронтира: фронтир и переселение.
- Роль миграций в истории Камчатского края.
- Человек и общество фронтира.

В рамках конференции проходил «Кочующий Северный Кинофестиваль». Директор фестиваля — М. В. Южанинова является автором и руководителем ряда международных кино-, музейно-выставочных, издательских проектов.

Фестиваль был организован Продюсерским центром НОРФЕСТ при поддержке Министерства культуры РФ, Этнографического Бюро, Национальной Ассоциации аудиовизуальных архивов, Центрального Музея кино, Королевского посольства Дании, посольств Нидерландов, Канады, Финляндии, Министерством спорта и туризма Камчатского края, КГБ ОУ СПО «Камчатский колледж искусств», социально-экономическим факультетом КамГУ им. Витуса Беринга. В программе фестиваля участники и гости конференции смогли увидеть архивное кино о Камчатке, документальные и художественные фильмы стран Арктического региона — России, Дании, Канады, Финляндии, Голландии. Кинопоказы посетили не только участники и слушатели конференции, но и студенты и преподаватели вузов города, учителя истории, обществознания и географии Камчатского края, многие жители г. Петропавловска-Камчатского. Демонстрация фильмов сопровождалась дискуссиями, выступлениями А. В. Головнева, М. В. Южаниновой, С. А. Горелика.

Во время проведения конференции на социально-экономическом факультете были организованы следующие выставки:

- «История региона в исследованиях сотрудников кафедры истории России и зарубежных стран»;
- «История региона в исследованиях и проектах студентов социально-экономического факультета»;
- «Этнический портрет Камчатки»;
- «Эволюция геральдических символов Камчатки»;
- «Административно-территориальное устройство Камчатки в исторической ретроспективе».

Т. В. Воробьева,
кандидат исторических наук, доцент

II Всероссийская научно-практическая конференция
«ЛИЧНОСТЬ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ»

IInd All-Russian Research and Training Conference
«PERSON IN EXTREME CONDITIONS»

Жизнь в условиях современного общества становится все более насыщенной, динамичной, разноплановой. Такая динамичность жизни является, с одной стороны, стимулом к личностному росту, поиску новых контекстов самореализации личностью, с другой стороны, обуславливает развитие стресса и депрессии, сложных состояний личности, ведущих к снижению деятельностной активности, нарушению межличностных отношений. В связи с этим научное психологическое сообщество признает, что понятие экстремальных условий существования и деятельности личности расширяется: оно не ограничивается только природно-климатическими, географическими или экономическими факторами, а вбирает в себя все более широкий спектр условий жизнедеятельности личности. Указанное обстоятельство делает актуальным обсуждение научным сообществом проблематики экстремальных условий бытия личности.

Контекстом такого диалога стала II Всероссийская конференция «Личность в экстремальных условиях», которая прошла 15–17 октября 2012 г. в Камчатском государственном университете имени Витуса Беринга. В конференции приняли участие ведущие специалисты-психологи России, а также специалисты-практики различных учреждений и профилей: психологи, педагоги, вулканологи, биологи, сотрудники МЧС, МВД, военных структур.

Работа конференции предполагала заседания секций, круглых столов, мастер-классов, лекций ведущих специалистов, проведение психологической гостиной.

На пленарном заседании, открывающем работу конференции, доклады представили ведущие ученые России:

– Ж. М. Глозман, д-р психол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории нейропсихологии МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва;

– В. П. Серкин, д-р психол. наук, профессор, профессор кафедры организационной психологии Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва;

– Л. Ф. Обухова, д-р психол. наук, профессор, зав. кафедрой возрастной психологии факультета психологии образования Московского городского психолого-педагогического университета, г. Москва;

– М. С. Яницкий, д-р психол. наук, профессор, декан социально-психологического факультета, зав. кафедрой социальной психологии и психосоциальных технологий Кемеровского государственного университета, г. Кемерово;

– А. В. Серый, д-р психол. наук, профессор кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий Кемеровского государственного университета, г. Кемерово;

– С. А. Богомаз, д-р психол. наук, профессор, зав. кафедрой организационной психологии Томского государственного университета, г. Томск;

– И. В. Мелекесцев, д-р геол.-минерал. наук, зав. лабораторией динамической вулканологии Института вулканологии и сейсмологии ДВО РАН, г. Петропавловск-Камчатский;

– В. М. Округин, канд. геол.-минерал. наук, доцент, зав. лабораторией месторождения полезных ископаемых КамГУ им. Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский.

В результате активного обсуждения участниками пленарного заседания представленных материалов были обозначены аспекты проблемы экстремальности, в разных контекстах

затрагивающиеся на протяжении всей работы конференции.

В рамках докладов, представленных на секции «Психологические аспекты профессиональной деятельности в особых условиях», рассматривалась специфика профессиональной деятельности военных-подводников, летчиков, социальных работников, бухгалтеров, педагогов, сотрудников МВД, МЧС, спасателей, пожарных, геологов; анализировались феномены моббинга, инновационного конфликта, «иллюзии» опасности, профессиональной деятельности в условиях неопределенности и др. В целом, в рамках профессионального диалога обсуждались общие подходы к актуализации личностных ресурсов в контексте профессиональной деятельности, протекающей в особых, сложных для личности, а следовательно, в широком смысле слова, — экстремальных условиях. В стендовых докладах рассматривались особенности профессиональной деятельности в сложные исторические периоды.

Доклады, представленные на секции «Экстремальная среда жизнедеятельности: от выживания к полноценному функционированию», были посвящены особенностям жизни и деятельности людей, проживающих в экстремальных природно-климатических условиях, рассматривалась специфика их временной перспективы, картины мира, представлений о семье, отношения к природе (экологического сознания); обсуждалась проблема миграции населения Северо-Востока России. В процессе активного обсуждения содержания очных и стендовых докладов был создан некий психологический портрет человека, проживающего в экстремальных природно-климатических условиях, был описан механизм задействования его внутренних ресурсов в ответ на агрессивное воздействие природы, был отмечен факт субъективной оценки личностью сложных условий как обычных, пригодных для жизни, неэкстремальных.

Секция «Аксиологические аспекты переживания экстремальности» включила доклады, в рамках которых рассматривались проблемы когнитивного оценивания, личностно-обусловленного восприятия экстремальной среды, ценностно-смыслового отношения к ней, а также деятельностный аспект бытия личности в экстремальных условиях (осуществление личностью неадаптивной активности, волонтерской деятельности, с одной стороны, и формирование психологии временщика, с другой стороны); анализировался процесс и результат социально-психологической адаптации личности к экстремальным условиям. Докладчики анализировали такие сложные для личности ситуации, как кризис самоопределения личности в период поздней зрелости, появление в семье хронически больного человека, актуализированная в связи с онкологическим заболеванием тревога небытия, созависимость членов семьи, включающей родственника-аддикта, функционирование личности в условиях заключения, в том числе, в ГУЛАГе. Рассматривая личность в подобного рода сложных условиях, участники секции описывали способы психологической помощи, механизмы задейсвования ресурсов, необходимых для преодоления сложной жизненной ситуации.

На секции «Ребенок в экстремальной ситуации» обсуждались доклады, посвященные феноменам школьной дезадаптации, стресса, страхов; рассматривались сложности социализации детей, воспитывающихся в условиях отдаленных территорий, вне семьи, в экологически неблагополучной среде, а также способы их психолого-педагогического сопровождения, поддержки.

Профессиональный диалог специалистов, собравшихся в психологической гостиной, был посвящен обсуждению феномена экстремальности в широком смысле слова, вопросам понимания, субъективного оценивания экстремальных условий личностью, ресурсов совладания, деятельностной активности, связанной с бытием в сложных условиях. Существенный интерес вызвало обсуждение вопроса о том, является ли Камчатка уникальной, экстремальной территорией в субъективной оценке жителями Камчатского края.

По мнению участников, конференция получилась интересной, информативной, продуктивное обсуждение проблемы экстремальности условий жизни и деятельности человека позволило проанализировать феномен экстремальности с разных сторон, осмыслить взаимодействие экстремальных факторов и личностных ресурсов, сформулировать общие рекомендации по оптимизации функционирования личности в сложных условиях.

Основным достижением конференции стало возникновение плодотворных контактов специалистов из разных регионов России, сотрудничества, совместных исследовательских проектов.

М. А. Фризен,
кандидат психологических наук, доцент

Межрегиональная научно-практическая конференция с международным участием
«ВОСТОК — ЗАПАД: ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ»

Interregional Scientific Conference With International Involvement
«EAST — WEST: PROBLEMS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION»

Лабораторией англистики и межкультурной коммуникации НИИ региональных гуманитарных проблем КамГУ им. Витуса Беринга, объединившей специалистов двух факультетов — филологического и факультета иностранных языков — 16–17 ноября 2012 г. была проведена межрегиональная научно-практическая конференция с международным участием «Восток — Запад: проблемы межкультурной коммуникации». В рамках конференции была организована работа трех секций, проведено два семинара, круглый стол, презентация новых научных изданий по тематике конференции, прошли мастер-классы и публичные лекции.

Современные ученые-гуманитарии хорошо сознают, что межкультурная коммуникация представляет собой объект для широкого поля междисциплинарных исследований. Теория межкультурной коммуникации, которая сегодня демонстрирует тенденцию к автономизации, находится в состоянии разработки и не имеет достаточно четких границ, как, впрочем, и специального методологического и терминологического аппарата. Лидирующая роль лингвистики, которая прочно заняла авангардные позиции в отечественной теории межкультурной коммуникации (лингвокультурология, этнолингвистика, лингвострановедение), в последнее время оспорена в отечественной гуманитаристике исследованиями в области имагологии, теории перевода, истории зарубежной литературы. Заявляют свои права на изучение проблем межкультурной коммуникации социологи и психологи. Материалы конференции стали еще одним шагом в исследовании отдельных языков и культур и их взаимодействия. Одновременно совместная плодотворная работа представителей разных научных направлений в рамках единого проблемного поля способствовала выработке общих методологических стратегий в сфере изучения феномена межкультурной коммуникации.

Конференция позволила суммировать определенный опыт изучения проблем межкультурной коммуникации на новом теоретическом уровне. Исследование ряда аспектов межкультурного общения народов Азиатско-Тихоокеанского региона в процессе построения различных национальных моделей культуры способствовало формулировке идеи существования общей для диалогичных культур модели исторического процесса. Выявление такого специального направления исследования, как имагология, дало возможность осмыслить расширение и углубление связей между национальными культурами в пределах регионов и механизмы своеобразного культурного слияния различных цивилизаций в процессе глобализации. Имагология — активно развивающаяся ветвь межкультурной коммуникации, связанная с потребностью понимания особенностей «чужого» и необходимостью изучения механизмов формирования чужой культуры как культуры самобытной и ориентированной на дружественные контакты. Связь исследовательских интересов специалистов лаборатории и вуза в основном с изучением процессов межкультурного общения стран Азиатско-Тихоокеанского региона привела к необходимости уделить особое внимание межкультурной коммуникации народов восточных стран (Китая, Японии) и России. На конференции были представлены материалы научных исследований фундаментального и прикладного характера специалистов японских и российских вузов, по-новому освеща-

ющие вопросы изучения восточных языков русскоязычными студентами, проблемы организации научно-методического сопровождения межнациональных обменов студентами и преподавателями; теоретические проблемы рецепции восточной культуры и литературы русскоязычными филологами и переводчиками. Существенная часть докладов конференции была посвящена различным вариативным моделям английского языка (*World Englishes*), реализуемым в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, а также исследованию специфики англоязычного журналистского дискурса, в том числе и в аспекте жанрологии.

Разностороннее научное освещение проблем межкультурной коммуникации на уровне языка выявило возможность различных методологических подходов в его изучении; было уделено существенное внимание терминологическому аспекту межкультурного общения. Ряд исследований, представленных на секциях, отразил специфику национального художественного сознания, а также способствовал научному осмыслению проблемы межкультурной коммуникации как диалога различных исторически сформировавшихся типов сознания внутри одной национальной культуры, что позволило рассмотреть процесс межкультурной коммуникации как явление более широкого плана. Специальное внимание в ряде докладов было уделено выявлению и раскрытию специфики художественного сознания народов АТР и принципов взаимной рецепции художественных текстов с учетом культурно-исторической антитезы «Восток — Запад». Для изучения этих процессов потребовалось глубокое проникновение в проблему выбора стратегий перевода художественных произведений как формы межкультурной коммуникации. Вопросы, связанные с переводом этнокультурных реалий, семантически нагруженных имен собственных; проблемы сохранения черт национального ментальности при переходе художественных моделей одной культуры в языковое пространство других культур, в докладах ученых исследовались с позиций современной науки, в частности такого ее развивающегося сегмента, как концептология. В ходе сопоставительного анализа различных переводов исходного текста специалистами в области художественного перевода разрабатывалась технология сопоставительного анализа переводов на основе принципов рецептивной эстетики. Значительное внимание на заседаниях секций было уделено проблемам зарубежной литературы, в частности вопросам рецепции образа России различными зарубежными авторами.

Одной из задач научного общения в рамках конференции было обсуждение проекта создания многоуровневой системы научно-методической поддержки программы межкультурных контактов народов АТР с учетом специфики региона. Разработка научно-методических основ формирования компетенции межкультурного общения; теоретическое осмысление возможностей новых информационных технологий, в том числе и дистанционных, в процессе межкультурной коммуникации; выработка научных стратегий совмещения различных образовательных подходов при изучении иностранного языка,— все это осознавалось участниками конференции как важный компонент процесса межкультурной коммуникации, и результаты этой исследовательской деятельности нашли прямое отражение в научных изысканиях специалистов в области методики преподавания иностранных языков.

Хотелось бы надеяться, что научные открытия как известных, так и молодых ученых, принявших участие в конференции, будут способствовать формированию таких представлений о национальных культурах и их взаимодействии, которые внесут свой вклад в укрепление идеи необходимости сохранения самобытности и в то же время плодотворного взаимодействия этих культур. Такое понимание процессов межкультурной коммуникации обеспечит, как мы полагаем, непрерывное развитие и совершенствование качества общения, формирование позитивного отношения к различным типам национального сознания, находящим отражение в специфике языка и культуры нации.

Теория межкультурной коммуникации как особая область научных знаний продолжает постепенно складываться в систему. Внимание российских и зарубежных ученых к исследованиям друг друга, научное осмысление широкого спектра проблем межкультурного общения, несомненно, принесет ощутимую пользу для разработки этого нового направления гуманитаристики и станет опытом согласного научного познания сферы малоизученной и перспективной в плане ее изучения.

Г. А. Токарева,
доктор филологических наук, доцент

ОБЗОР ИЗДАНИЙ

PUBLICATIONS REVIEW

НАУЧНЫЕ И УЧЕБНЫЕ ИЗДАНИЯ КАМГУ ИМ. ВИТУСА БЕРИНГА 2012 ГОДА

RESEARCH AND EDUCATIONAL EDITIONS OF VITUS BERING KAMCHATKA STATE UNIVERSITY IN 2012

Монографии
Monographs

Аршинова Н. И. Формирование иноязычной лингвистической компетенции студентов вуза с применением средств компьютерных технологий : монография / Н. И. Аршинова. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 226 с. — ISBN 978-5-7968-0466-7.

Монография посвящена исследованию условий развития иноязычной лингвистической компетенции у студентов, изучающих иностранный язык в вузе, через активное применение средств компьютерных технологий на учебном занятии и в самостоятельной языковой практике. В основе исследования — поиск путей профессиональной подготовки лингвистически грамотных специалистов, способных использовать компьютерные средства в целях непрерывного самообучения, самосовершенствования и саморазвития. Автор осмысливает субъектную позицию студента, устанавливает и анализирует факторы, тормозящие продуктивность учебного процесса. Важное место в работе занимает описание многолетнего экспериментального обучения; приведены данные, которые убедительно свидетельствуют в пользу компьютеризированного обучения иностранным языкам.

Бучек А. А. Этническое самосознание личности в пространстве полиэтнического мира : монография / А. А. Бучек. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 386 с. — ISBN 978-5-7968-0406-3.

В монографии, посвященной изучению этнического самосознания, рассматриваются психологические закономерности его функционирования в полиэтничном пространстве современного мира. Анализируются теоретико-методологические подходы к пониманию феномена этнического в философии и социальной психологии, описываются структура, функции и особенности развития этнического самосознания в системе полиэтничности культурных связей и современных межэтнических отношений. Особое внимание уделено исследованию этнического самосознания личности в пространстве традиционной этнической культуры коренных народов Северо-Востока России.

Воробьёва Т. В. Калифорнийская историческая школа о расширении территории Российского государства : монография / Т. В. Воробьёва. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 223 с. — ISBN 978-5-7968-0462-9.

Постановка темы монографии открывает дополнительные возможности исследования сущностных основ методологии американских историков. Недостаточная разработка англоязычной историографией вопросов, касающихся хронологически длительного периода в российской истории, объединенных идеей территориального роста, повышает значимость исследования, проведенного автором. Монография является первым историографическим исследованием, в котором обоснованно очерчивается как сам круг представителей Калифорнийской исторической школы, так и подвергается специальному исследованию опыт изучении ими территориального расширения Российского государства. Впервые в отечественной историографии исследована история и эволюция Калифорнийской школы в контексте влияния на нее российской историографии. Используя компаративный метод, автор квалифицирует фундаментальные отличия в оценке российскими учеными и представителями калифорнийской школы и их последователями процессов российской и американской экспансии.

Ильинская Н. Г. Лексика камчатских говоров: названия одежды и обуви : монография / Н. Г. Ильинская, Л. А. Полищук. — М. : Макс Пресс ; Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 343 с. — (Сер. Университет — Камчатке).

Монография представляет собой исследование, посвященное описанию лексики одежды и обуви в говорах камчадалов. В книге представлены системные отношения, свойственные основным родо-видовым группам лексики одежды и обуви. Книга адресуется научным сотрудникам, учителям-словесникам, аспирантам и студентам лингвистических специальностей, может быть интересна историкам, этнографам.

Ильинская Н. Г. Лексика камчатский говоров: общерусское имя существительное: монография / Н. Г. Ильинская, А. Е. Хаданович. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 286 с. — ISBN 978-5-7968-0470-4. — (Сер. Университет — Камчатке).

Исследование посвящено лексико-семантическому и грамматическому анализу общерусских существительных, функционирующих в говорах камчадалов; проведен сопоставительный анализ с лексемами литературного языка, представлена типология различительных признаков. Книга адресуется научным сотрудникам, учителям-словесникам, аспирантам и студентам лингвистических специальностей, может быть интересна историкам, этнографам.

Камардина Н. В. Советский Дальний Восток в военные и послевоенные годы: идеология и общественное сознание (1941–1953 гг.) : монография / Н. В. Камардина. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 154 с. — ISBN 978-5-7968-0469-8.

В монографии на основе разнообразных источников исследуется изменение идеологических установок ВКП(б) — КПСС и их отражение в общественном сознании дальневосточников в годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы. Издание адресовано профессиональным историкам, студентам исторических факультетов вузов, а также для интересующихся проблемами истории России XX в.

Кошкарева С. Г. Советская концессионная политика на Северо-Востоке страны в 1920–1945 гг. : монография / С. Г. Кошкарева. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 155 с. — ISBN 978-5-7968-0475-9.

Целью исследования является анализ концессионной политики на Северо-Востоке Советского государства в 1920–1945 гг. В монографии акцентируется внимание на тех аспектах советской концессионной политики, которые ранее были представлены эпизодично в научной исторической литературе. Автором данного труда был введен в научный оборот широкий круг не публиковавшихся ранее документов, что позволило уточнить хронологические рамки проведения советской концессионной политики в регионе. Представленные в работе сведения, фактический материал, обобщения могут быть полезны при создании обобщающих трудов по истории Дальнего Востока и в современной практике привлечения иностранных инвестиций в национальную экономику.

Романова Е. А. Устойчивые сочетания с компонентом «сердце» в английском и немецком языке : моногр. / Е. А. Романова. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 203 с. — ISBN 978-5-7968-0336-3.

В настоящем издании рассматриваются актуальные для современной лингвистики вопросы, связанные с лингвокультурным подходом к исследованию фразеологического фонда языка и с понятием национально-культурной специфики фразеологизмов. Работа включает в себя сопоставительный анализ английских и немецких фразеологических единиц, объективирующих представления носителей сравниваемых языков о концепте *сердце*.

Токарева Г. А. У. Блейк: философия смеха и поэтика комического : монография / Г. А. Токарева. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 246 с. — ISBN 978-5-7968-0467-4.

Размышления о природе блейковского смеха определили основные направления данного исследования. Смеховое и комическое рассматриваются в работе как мировоззренческий и эстетический феномены соответственно. В монографии существенен теоретический компонент, отсылающий читателя к природе сатирических жанров, представленных диахронически. Феномен гротеска, явление *parodia sacra*, макабрические мотивы исследуются с позиций как филологических, так и культурологических. Онтологический и оценочно-эстетические аспекты смеха у Блейка представлены в их неразрывном единстве, что и предопределило общую структуру работы: от частных историко-литературных фактов (сатирические произведения в английской литературе на рубеже XVIII–XIX вв.) — к широкому философскому осмыслению природы романтической иронии, карнавального начала в романтизме, к специфике романтического гротеска, к поэтике абсурда.

Весна Е. Б. Психологическое благополучие личности в экстремальных условиях жизнедеятельности : монография / Е. Б. Весна, О. С. Ширяева. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 246 с. — ISBN 978-5-7968-0485-8.

Монография посвящена проблеме психологического благополучия личности в экстремальных условиях жизнедеятельности. В работе представлен новый подход к пониманию психологического благополучия как к совокупности личностных ресурсов, обеспечивающих гармонию в системе «субъект — среда». Авторами разработаны модели достижения психологического благополучия в экстремальных природно-климатических условиях жизнедеятельности. Доказано, что экстремальные условия жизнедеятельности могут выполнять не только разрушающую роль, но и способствовать развитию личности, достижению ее психологического благополучия.

Яковенко И. М. Педагогическое сопровождение развития творческого потенциала будущего педагога : монография / И. М. Яковенко. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 219 с. — ISBN 978-5-7968-0487-2.

В монографии раскрывается процесс педагогического сопровождения развития творческого потенциала будущего педагога с позиции накопленного педагогического опыта практической работы подготовки специалистов в сфере образования. Рассматриваются понятия: «потенциал», «творческий потенциал», «творческое пространство студента», «педагогическое сопровождение», «педагогическая технология», «творческая лаборатория». В качестве примера развития творческого потенциала будущего педагога в условиях вуза предлагаются педагогические условия, модель и технология педагогического сопровождения развития творческого потенциала будущего педагога. Определяются их принципиальные основы и особенности интеграции в образовательный процесс вуза.

Научные сборники
Collections of Scientific Works

Восток — Запад: проблемы межкультурной коммуникации : сб. науч. ст. межрегион. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Петропавловск-Камч., 16–17 ноября 2012 г. / науч. ред. Г. А. Токарева ; под общ. ред. А. В. Деркача, Г. А. Токаревой, В. В. Фёдорова. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 385 с. — ISBN 978-5-7968-0489-6.

Сборник научных статей является результатом работы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием «Восток — Запад: проблемы межкультурной коммуникации», состоявшейся 16–17 ноября 2012 г. в Камчатском государственном университете имени Витуса Беринга. В сборник, подготовленный филологическим факультетом и факультетом иностранных языков, вошли статьи ученых из Москвы, Владивостока, Ростова-на-Дону, Уфы и других городов Российской Федерации, а также исследования японских ученых из городов Такаматцу и Мацуяма. В рамках научного направления «Межкультурная коммуникация» рассматриваются вопросы лингвистики и лингвопрагматики, зарубежной литературы и художественного перевода, иноязычного журналистского дискурса; проблемы методического обеспечения процесса преподавания иностранных языков.

Личность в экстремальных условиях. Вып. 2 : сб. науч. тр. : в 2 ч. / науч. ред. А. В. Серый, М. С. Яницкий ; под общ. ред. А. А. Бучек, Ю. Ю. Неяскиной, М. А. Фризен. — Петропавловск-Камч.: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — Ч. 1. — 217 с. — ISBN 978-5-7968-0479-7 ; Ч. 2. — 267 с. — ISBN 978-5-7968-0481-0.

Сборник посвящен актуальной для современной науки и практики проблеме экстремальности условий бытия личности. Статьи, вошедшие в сборник, содержат теоретический анализ феномена экстремальности, а также результаты эмпирических исследований, посвященных специфике функционирования личности в особых условиях. Материалы, изложенные в статьях, обсуждались в рамках II Всероссийской конференции «Личность в экстремальных условиях», их актуальность, научная новизна и практическая значимость получили высокую оценку профессионального психологического сообщества.

Смысловое пространство текста. Вып. 11. Сер: Лингвистические исследования» : сб. науч. ст. межвуз. науч.-практ. конф., Петропавловск-Камч., 29 ноября 2010 г. / отв. ред. О. Г. Берестова. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 90 с. — ISBN 978-5-7968-0468-1.

Сборник включает научные статьи, посвященные исследованию актуальной проблемы современной лингвистики — проблемы функционирования языковых единиц в литературной и диалектной речи. Тематика научных докладов традиционной межвузовской научно-практической конференции, состоявшейся в ноябре 2011 г., обширна и разнообразна, на заседаниях секций рассмотрены философские, прагматические, методологические, культурологические, стилистические и функционально-семантические аспекты исследования языка.

Смысловое пространство текста. Вып. 11. Сер.: Литературоведческие исследования и журналистика : сб. науч. ст. межвуз. науч.-практ. конф., Петропавловск-Камч., 9 дек. 2011 г. / отв. ред. Г. А. Токарева. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 130 с. — ISBN 978-5-7968-0421-6.

Издание является ежегодным сборником научных работ преподавателей и аспирантов кафедры литературы и журналистики КамГУ им. Витуса Беринга. Научные статьи, размещаемые в сборнике, имеют фундаментальный и прикладной характер и посвящены актуальным проблемам современного литературоведения и журналистики. В публикуемых материалах представлены статьи по истории русской и зарубежной литератур, по теории литературы, а также исследования в области переводоведения и журналистики.

Социальное развитие и становление личности в образовательной среде Камчатского края : сб. науч. ст. : в 2 ч. // X Бушелевские чтения : материалы науч.-практ. конф., Петропавловск-Камч., 29–31 марта 2011 г. / отв. ред. М. А. Фризен. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — Ч. 1. — 287 с. — ISBN 978-5-7968-0463-6 ; Ч. 2. — 367 с. — ISBN 978-5-7968-0465-0.

Сборник содержит статьи преподавателей вузов, ученых, педагогов дошкольных детских учреждений, школ, учреждений среднего профессионального образования, посвященные вопросам теории и практики современной психолого-педагогической науки. Материалы, представленные в сборнике, позволят оптимизировать образовательный процесс, сделать его эффективным, творческим, увлекательным для учащихся и учителей.

Теория и практика современных гуманитарных и естественных наук. Вып. 1 : в 3 ч. : материалы ежегодной межрегион. науч.-практ. конф., Петропавловск-Камч., 8–11 февр. 2011 г. / отв. ред. Ю. В. Корчагин. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — Ч. 1: Теоретические аспекты современных гуманитарных наук. — 226 с. — ISBN 978-5-7968-0380-6 ; Ч. 2: Практические аспекты современных гуманитарных наук. — 281 с. — ISBN 978-5-7968-0382-0 ; Ч. 3: Теоретические и практические аспекты современных естественных наук — 146 с. — ISBN 978-5-7968-0384-4.

Издание представляет собой собрание научных трудов коллектива авторов. В него включены статьи, обобщающие результаты научно-исследовательской деятельности преподавателей и научных сотрудников Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, сотрудников иных учебных заведений и научных учреждений Камчатки и других регионов России, прошедшие апробацию на итоговой ежегодной межрегиональной научно-практической конференции в г. Петропавловске-Камчатском 8–11 февраля 2011 г.

Теория и практика современных гуманитарных и естественных наук. Вып. 2 : материалы ежегодной межрегион. науч.-практ. конф., Петропавловск-Камч., 8–10 февр. 2012 г. / отв. ред. Я. А. Сурикова, О. В. Шерементьева. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 208 с. — ISBN 978-5-7968-0443-8.

Издание является сборником научных трудов коллектива авторов. В него включены статьи, представляющие результаты научно-исследовательской деятельности преподавателей и научных сотрудников Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, сотрудников иных учебных заведений и научных учреждений Камчатки и других регионов России, прошедшие апробацию на итоговой ежегодной межрегиональной научно-практической конференции «Теория и практика современных гуманитарных и естественных наук» 8–10 февраля 2012 г. в г. Петропавловске-Камчатском.

Физическая культура : сб. науч.-метод. ст. в рамках частных методик преподавания по курсу / отв. ред. Л. А. Баранова. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 85 с. — [б/н].

В сборнике представлены работы преподавателей КамГУ им. Витуса Беринга раскрывающие разнообразные формы проведения занятий по физической культуре в вузах. Излагаемый материал сборника имеет содержательно-методическую направленность, поэтому он не только расширит познания преподавателей, студентов и выпускников вуза, но и окажет помощь при проведении факультативных и индивидуальных занятий.

Учебные издания
Educational Editions

Баранова Л. А. Методика преподавания физической культуры в вузе : метод. разработка по курсу / Л. А. Баранова. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 55 с. — [б/н].

Разработка составлена в соответствии с ГОС ВПО по физической культуре. Содержит практические рекомендации по организации учебной и факультативной работы, теоретической и практической подготовке студентов вузов.

Бучек А. А. Ранняя социализация личности в традиционной культуре: на примере коренных народов Северо-Востока России : учеб. пособие / А. А. Бучек. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 281 с. [18 ил.] — ISBN 978-5-7968-0461-2.

В пособии рассматривается феномен ранней социализации личности — один из разделов социальной психологии и культурной антропологии, исследующий данный процесс как определяющий все последующее психическое развитие и структуру личности взрослого человека. Анализируются основные понятия, категории и научные подходы. На примере исследования процесса ранней социализации в культурном опыте коренных народов Северо-Востока России анализируются особенности формирования личности человека в специфических условиях этнической реальности.

Воробьёва Т. В. Крымская война и Петропавловская оборона 1854–1855 годов : учеб.-метод. пособие / Т. В. Воробьёва. — Петропавловск-Камч.: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 223 с. — ISBN 978-5-7968-0483-4.

Учебно-методическое пособие охватывает раздел по истории Крымской войны, который изучается в соответствующих аспектах дисциплин «Отечественная история», «История России», «История Дальнего Востока», «История Камчатки». Пособие написано на основе последних историографических исследований и архивных источников. Адресовано студентам всех специальностей и направлений подготовки, а также всем, кто интересуется историей Камчатки и Дальнего Востока.

Коряжкина О. В. Стилистика английского языка : учеб. пособие. Ч. 1. / О. В. Коряжкина. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 158 с. — ISBN 978-5-7968-0464-3.

В настоящем пособии по стилистике английского языка освещаются вопросы классификации функциональных стилей и стилистической дифференциации лексического состава английского языка. Теоретические разделы пособия содержат основные положения лекционных курсов. Практические разделы направлены на то, чтобы расширить знания студентов за счет конкретного языкового материала, включенного в упражнения. Формулировка заданий к упражнениям нацеливает студентов на аргументированный подход к фактам языка, требует рассуждения и доказательства. Пособие адресовано студентам факультетов иностранных языков и всем интересующимся вопросами функциональных стилей английского языка.

Максименко Н. Л. История и культура Японии: учеб. пособие / Н. Л. Максименко. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 215 с. — ISBN 978-5-7968-0423-0.

В пособии повествуется о главных исторических периодах становления японского общества, взаимоотношениях Японии с разными странами на протяжении всей истории существования японского архипелага. В связи с тем, что материал излагается с применением большого количества терминологии на японском языке, в конце книги размещен историко-культурологический глоссарий. Книга предназначена для студентов младших курсов языковых факультетов педагогических вузов, а также для всех желающих изучить историю Японии самостоятельно. Наряду с основным лекционным материалом книга содержит справочный материал, иллюстрации, административно-территориальные карты Японии.

Неяскина Ю. Ю. Методы исследования идентификационных процессов супружеских взаимоотношений : учеб. пособие / Ю. Ю. Неяскина. — Петропавловск-Камчатский : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 170 с. — ISBN 978-5-7968-0445-2.

В настоящем пособии рассматриваются теоретические представления об идентификационных процессах, общих закономерностях их формирования и функционирования в системе супружеских взаимоотношений. Обосновывается авторская модель типологии идентичности супругов, оценки системы интегральных показателей сформированности и уровня развития идентификационных процессов, приводится комплекс методик их диагностики.

Осокина О. В. История Древнего мира: Древняя Греция : учеб. пособие / авт.-сост. О. В. Осокина. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 459 с. — ISBN 978-5-7968-0471-1.

Учебное пособие представляет собой комплекс учебных материалов по дисциплине вузовского курса «История Древнего мира» модуля «История Древней Греции». Содержание модуля представлено следующими компонентами: конспект лекции, вопросы для обсуждения на семинарском занятии (понятия, персоналии, даты), методические рекомендации по подготовке к семинарскому занятию, список обязательной и дополнительной литературы, практические задания. В приложении студентам предлагаются дополнительные материалы, представленные статьями современных исследователей, работами автора данного пособия, а также историческими источниками. Организация самостоятельной работы студентов в различных формах отражена в отдельной главе.

Скорик А. С. Синтаксис сложного предложения : учеб.-метод. пособие / А. С. Скорик. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 105 с. — ISBN 978-5-7968-0473-5.

Данное пособие включает материалы по основным разделам курса «Современный русский литературный язык. Синтаксис сложного предложения». Оно содержит весь комплекс материалов, необходимых для первоначального знакомства с синтаксисом сложного предложения и усвоения его основных особенностей: теоретические сведения, представляющие трудности при анализе, и систему практических и контрольных заданий разных типов. Пособие адресовано студентам очной и заочной формы обучения филологического факультета, преподавателям вузов, а также студентам специальностей гуманитарного профиля.

Сторчеус М. А. На пути к новому обществу: Англия, США, Франция в раннее новое время: XVII–XVIII вв. : учеб.-метод. пособие / М. А. Сторчеус. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 138 с. — ISBN 978-5-7968-0419-3.

Настоящее учебно-методическое пособие предназначено для проведения семинарских занятий и самостоятельной работы студентов, изучающих всеобщую историю, в частности, новую историю стран Запада. Оно содержит теоретический материал, раскрывающий общие черты перехода западного мира от аграрного общества к индустриальному на примере стран-лидеров — Англии, Франции и США, краткий корпус документов, извлечения из работ всемирно известных историков, поэтические произведения, задания для самостоятельной работы, списки научной и художественной литературы. Материалы пособия нацелены на воспитание гражданственности у современного студенчества. Пособие адресовано преподавателям и студентам высших и средних учебных заведений, учителям общеобразовательных школ.

Хохлова И. Н. Практическая фонетика английского языка : учеб. пособие : в 3 ч. Ч. 3. / И. Н. Хохлова. — Петропавловск-Камч.: КамГУ им. Витуса Беринга. — 2012. — 207 с. — ISBN 978-5-7968-0409-4.

Пособие предназначено для развития фонетических навыков современного английского языка. Пособие состоит из трех частей: теоретической, упражнений для тренировки самостоятельной работы и хрестоматии. В нем имеется поурочный план, в котором точно указывается дозировка учебного материала на каждое занятие, последовательность его введения. Предлагаемое пособие может быть использовано как для работы в аудитории, так и для самостоятельной работы. Для студентов факультетов иностранных языков, студентов других факультетов, где английский язык изучается как дополнительная специальность.
Рекомендовано Дальневосточным региональным учебно-методическим центром (ДВ РУМЦ) в качестве учебного пособия для специальностей 033.200 «Иностранный язык с дополнительной специальностью», 022.900 «Перевод и переводоведение» и направлений подготовки 031100.62 «Лингвистика», 050100 «Педагогическое образование»

Эйрих С. В. Введение в иероглифику : учеб. пособие / С. В. Эйрих. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. — 111 с. — ISBN 978-5-7968-0477-3.

Пособие представляет собой вводный курс иероглифики. Его целью является формирование у обучаемых, как самостоятельно, так и под руководством преподавателя устойчивых продуктивных и репродуктивных навыков владения иероглификой. Издание предназначено для студентов и учащихся, осваивающих систему японского письма на начальном этапе под руководством преподавателя, а также для самостоятельного изучения.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

AUTHORS GUIDELINES

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных исследований в области гуманитарных наук (филология, философия, политология, культурология, история, правоведение, психология, педагогика), в том числе результаты диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. В журнале также публикуются рецензии, информационные сообщения, сведения о научных мероприятиях, конгрессах, конференциях, симпозиумах, семинарах и т. д.

Журнал основан в декабре 2002 г., зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (св-во о регистрации средства массовой информации № ФС 77-21258 от 8 июня 2005 г. Издание выходит 2 раза в год в печатной и электронной версиях (http://www.kamgu.ru/kraunc_journal), включено в российский индекс научного цитирования, (www.elibrary.ru). Полнотекстовая электронная версия журнала размещается в электронной библиотеке КамГУ им. Витуса Беринга (http://bibl.kamgpu.ru).

Рассылка журнала осуществляется согласно федеральному закону от 26.03.2008 г. № 28-ФЗ.

Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ

Журнал является рецензируемым. Для экспертной оценки рукописи привлекаются ведущие специалисты в области гуманитарных наук. Все изменения (редакторская правка) согласовываются с автором рукописи. В случае признания рукописи не соответствующей правилам представления рукописей и / или отрицательной оценки экспертов (рецензентов) автор оповещается о необходимости переработки рукописи или об отказе в публикации. В последнем случае редакция направляет автору мотивированный отказ.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Автор предоставляет статью в редакцию журнала в печатном и электронном виде в формате *Word*. Рекомендуемый объем статьи: от 0,5 до 1 усл. печ. л. или 1 авторский лист (до 40 000 знаков).

Рукопись должна быть оформлена в соответствии с действующими государственными стандартами СИБИД:

– ГОСТ Р 7.0.7-2009 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление»;

– ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов»;

– ГОСТ 7.89-2005 «Оригиналы текстовые авторские и издательские»;

– ГОСТ 7.9-95 «Реферат и аннотация. Общие требования»;

– ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Страница — формат А4, книжная ориентация; левое поле — 3 см, остальные — 2 см.

Шрифт *Times New Roman 14 pt.* Если в статье необходимо использование дополнительных шрифтов, то они предоставляются автором в редакцию в электронном виде.

Межстрочный интервал — полуторный, абзацный отступ — 1,25 см.

Рукопись должна содержать следующую информацию:

1) номер УДК;

2) И. О. Фамилия автора (на рус. и англ. яз.) — в указанном порядке, с пробелами;

3) заголовок статьи (на рус. и англ. яз.);

4) указание гранта / государственного контракта, в рамках которого выполнена статья (если таковой имеется);

5) аннотация — 2–3 предложения (на рус. и англ. яз.);

6) ключевые слова — 3–5 слов (на рус. и англ. яз.);

7) статья;

8) библиографический список (не более 30 или ¼ объема статьи);

9) список условных сокращений (если в статье имеются специфические сокращения кроме общепринятых);

10) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы (на рус. и англ. яз.);

11) почтовый адрес, телефон, факс, *e-mail* (для посылки авторского экземпляра и связи с редколлегией журнала).

Сведения, предоставляемые на двух языках, должны иметь точное соответствие.

В тексте не допускаются:

– подчеркивания;

– разрядка символов и форматирование текста пробелами;

– использование сносок в конце статьи;

– указание на библиографические источники в виде сносок;

– перенос слов вручную;

– прописные (заглавные) буквы за исключением аббревиатур;

– ручная нумерация страниц.

Библиографический список составляется по алфавиту (сначала русское написание, затем иностранное), нумеруется, предваряется заголовком «Библиографический список». Внутритекстовые библиографические ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [3, с. 7], [1, т. 2, с. 24], комплексные ссылки с простым перечислением источников оформляются через запятую, в порядке возрастания номера, например:, [23, 35, 52, 63], с указанием страниц — через точку с запятой [3, с. 15–34; 5, с. 18–106].

Таблицы оформляются в формате *Word*, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию арабскими цифрами, например: *Таблица 1. Состав видовых групп*. В тексте обязательны ссылки на таблицы: (табл. 1). Содержание таблиц не должно дублировать текст. Весь текст пишется без сокращений (за исключением общепринятых). В конце ячеек таблицы точка не ставится.

Иллюстрации могут быть цветными или черно-белыми, должны иметь подрисуночные подписи и иметь сквозную нумерацию арабскими цифрами, например: *Рис. 1. Виды этнических групп*. Размер рисунка — не более 170 × 240 мм. Графики и диаграммы предоставляются в формате *Word*; схемы, карты, фотографии — в формате *JPG* с разрешением не менее 300 точек на дюйм. Детали рисунка должны быть четкими, в том числе в случае уменьшения масштаба (при необходимости). Количество рисунков не должно превышать ¼ объема статьи.

Иностранные слова (кроме греческих символов и иероглифов) набираются курсивом.

Следует заменять букву «ё» на «е», за исключением фамилий, имен, географических названий.

Единицы измерения и знаки номера, процентов отбиваются пробелом от символов и цифр, к которым они относятся.

Принятые сокращения: *т. е.*, *и др.*, *и т. д.*, *и т. п.* (пробелы после точки); *млрд* и *млн* (без точки); *тыс.*, *руб.*, *дол.*; *г.*, *гг.*, *в.*, *вв.*; *вып.* (выпуск), *сер.* (серия), *с.* (страница), *т.* (том), *г.* (город), *д.* (деревня), *с.* (село), *пос.*, *р-он*, *обл.*

Учитывать различные написания *O* (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и *I* (буква или римская единица), № (номер) и *N* (буква) и т. п.

Необходимо различать дефис (-), употребляемый для связи частей слов (без пробелов), и тире: длинное с пробелами (—), короткое без пробелов (–) — между цифр.

КОНТАКТЫ

Адрес редакции: 683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 4,
тел./факс: 8(415-2) 43-37-43, e-mail: nio@kamgu.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Гончарова Антонина Алексеевна
кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы и журналистики КамГУ им. Витуса Беринга

Goncharova Antonina Alexeyevna
Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, Professor of the Literature and Journalism Chair of Vitus Bering Kamchatka State University

E-mail: goncha@mail.ru

Давыдов Всеволод Викторович
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии КамГУ им. Витуса Беринга

Davydov Vsevolod Viktorovich
Candidate of Philosophic Sciences, Assistant Professor, the Head of Philosophy and Cultural Studies Chair of Vitus Bering Kamchatka State University

E-mail: vse-davydov@yandex.ru

Ефименко Вероника Николаевна
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики КамГУ им. Витуса Беринга

Efimenko Veronika Nikolayevna
Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor, Assistant Professor of the Pedagogy Chair of Vitus Bering Kamchatka State University

E-mail: veronikaee@mail.ru

Капцов Александр Васильевич
кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии управления Самарской гуманитарной академии

Kaptsov Alexander Vasilyevich
Candidate of Technical Sciences, Assistant Professor, the Head of the Managerial Psychology Chair of the Samara Academy of Humanities

E-mail: avkaptsov@mail.ru

Каргина Анна Петровна
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, научный сотрудник Научно-образовательного лингвистического центра НИИ региональных проблем, КамГУ им. Витуса Беринга

Kargina Anna Petrovna
Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of the Russian Language Chair, Research Officer of Scientific-Educational Linguistic Centre of Regional Problems Research Institute of Vitus Bering Kamchatka State University
E-mail: annakarg@mail.ru

Кондрашенкова Светлана Владимировна
кандидат психологических наук, заведующая лабораторией психологических исследований проблем развития личности НИИ региональных гуманитарных проблем КамГУ им. Витуса Беринга

Kondrashenkova Svetlana Vladimirovna
Candidate of Psychological Sciences, the Head of Psychological Researches of Personality Development Laboratory of Regional Humanitarian Problems Research Institute of Vitus Bering Kamchatka State University
E-mail: lantaenta@yandex.ru

Константинов Всеволод Валентинович
кандидат психологических наук, доцент, декан факультета психологии педагогического института им. В. Г. Белинского, Пензенский государственный университет
Konstantinov Vsevolod Valentinovich
Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, the Dean of Psychological Faculty of V.G.Belyinskiy Pedagogical Institute, Penza State University
E-mail: info@konstantinov.org.ru

Косова Ульяна Петровна
старший преподаватель кафедры теоретический и прикладной психологии КамГУ им. Витуса Беринга
Kosova Uliana Petrovna
Senior Teacher of the Theoretical and Applied Psychology Chair of Vitus Bering Kamchatka State University
E-mail: uly121@mail.ru

Кулик Анастасия Андреевна
кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии КамГУ им. Витуса Беринга
Kulik Anastasiya Andreyevna
Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor of the Theoretical and Applied Psychology Chair of Vitus Bering Kamchatka State University
E-mail: anastasija81@yandex.ru

Мамедов Низами Мустафаевич
доктор философских наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, директор Института глобализации и устойчивого развития «Академии МНЭПУ», действительный член Российской академии естественных наук и Российской экологической академии, эксперт ЮНЕСКО, г. Москва
Mamedov Nizamy Mustaphayevich
Doctor of Philosophy, Professor of Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation, Director of the Institute of Globalization and Sustainable Development, Full Member of Russian Academy of Natural Sciences and Russian Ecological Academy, UNESCO expert, Moscow
E-mail: nizami-mamedov@mail.ru

Маркова Дарья Михайловна
педагог-психолог МБДОУ ЦРР «Детский сад № 68», г. Владимир
Markova Darya Mikhailovna
Educational Psychologist of «Kindergarten № 68», Vladimir
E-mail: msbrightside@mail.ru

Пастушенко Людмила Михайловна
кандидат филологических наук, профессор, член-корреспондент МАНПО, профессор кафедры литературы и журналистики КамГУ им. Витуса Беринга
Pastushenko Lyudmila Mikhailovna
Candidate of Philological Sciences, Professor, Corresponding Member of IASPE, Professor of the Literature and Journalism Chair of Vitus Bering Kamchatka State University
E-mail: milochka_kam@mail.ru

Паукова Анна Борисовна
преподаватель кафедры психологии личности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), г. Москва
Paukova Anna Borisovna
Teacher of the Personality Psychology Chair of National Research University “High School of Economics”, Moscow
E-mail: apaukova@hse.ru

Проконич Олег Александрович
аспирант кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ, г. Кемерово
Prokonich Oleg Alexandrovich
Post-Graduate of the Social Psychology and Psychosocial Technologies Chair of KemSU, Кемerovo
E-mail: prokonich.oleg@mail.ru

Свешникова Наталья Олеговна
кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры политической психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета
Sveshnikova Natalya Olegovna
Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Assistant Professor of the Political Psychology Chair of Psychological Faculty of St.-Petersburg State University
E-mail: sveshnikovan@mail.ru

Серкин Владимир Павлович
профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры организационной психологии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский университет „Высшая школа экономики“», Москва
Serkin Vladimir Pavlovich
Professor, Doctor of Psychology, Professor of the Organizational Psychology Chair of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «National Research University “High School of Economics”», Moscow
E-mail: serkinv@mail.ru

Серый Андрей Викторович
доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ, г. Кемерово
Seriy Andrey Viktorovich
Doctor of Psychology, Professor of the Social Psychology and Psychosocial Technologies Chair of KemSU, Кемerovo
E-mail: grey@kemsu.ru

Сибирцева Елизавета Игоревна
кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики КамГУ им. Витуса Беринга
Sibirtseva Yelizaveta Igoryevna
Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of the Literature and Journalism Chair of Vitus Bering Kamchatka State University
E-mail: elisa@rambler.ru

Соловьева Мария Александровна
кандидат психологических наук, доцент кафедры политической психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета
Solovyova Mariya Alexandrovna
Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Assistant Professor of the Political Psychology Chair of Psychological Faculty of St.-Petersburg State University
E-mail: snau@mail.ru

Стафеева Юлия Валерьевна
кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, заведующий кафедрой педагогики КамГУ им. Витуса Беринга
Stafeyeva Yulia Valeryevna
Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor of the Pedagogy Chair, the Head of the Padagogy Chair of Vitus Bering Kamchatka State University
E-mail: yula_73@mail.ru

Степанов Станислав Александрович
доктор педагогических наук, президент Международного независимого эколого-политологического университета, профессор (Академия МНЭПУ)
Stepanov Stanislav Alexandrovich
Doctor of Pedagogy, President, Professor of International Independent University of Ecology and Political Science, Moscow
E-mail: president@mnepu.ru

Токарева Галина Альбертовна
доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики КамГУ им. Витуса Беринга
Tokaryeva Galina Albertovna
Doctor of Philology, Assistant Professor, Professor of the Literature and Journalism Chair of Vitus Bering Kamchatka State University
E-mail: tga41@yandex.ru

Чернышева Наталья Степановна
кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Владимирского государственного университета
Chernysheva Nataliya Stepanovna
Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor of the General and Pedagogical Psychology Chair of Vladimir State University
E-mail: chrnshv@yandex.ru

Чуева Елена Николаевна
кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и специальной психологии КамГУ им. Витуса Беринга
Chuyeva Elena Nikolayevna
Candidate of Psychological Sciences, Associated Professor of the General and Special Psychology Chair of Vitus Bering Kamchatka State University
E-mail: chyeva@rambler.ru

Яницкий Михаил Сергеевич
доктор психологических наук, профессор, декан социально-психологического факультета КемГУ, г. Кемерово
Yanitskiy Mikhail Sergeyevich
Doctor of Psychology, Professor, the Dean of Socio-Psychological Faculty of KemSU, Kemerovo
E-mail: dekanspf@kemsu.ru

Вестник КРАУНЦ
(Камчатской региональной ассоциации «Учебно-научный центр»)
Серия «Гуманитарные науки»
2012 № 2 (20)

Редактор Н. А. Григоренко
Технический редактор М. А. Острейко

Издательский центр
Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга
683032, Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 4
Тел. (4152) 427-078, e-mail: nio@kamgu.ru, www.kamgu.ru

Издание выполнено по заказу КРАУНЦ,
при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ
в рамках программы стратегического развития
ФГБОУ ВПО «Камчатский государственный университет
имени Витуса Беринга» на 2012–2016 гг.

Подписано в печать 14.12.2012. Формат 60×84 1/8
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman»
Усл. печ. л. 23,47. Уч.-изд. л. 20,16. Тираж 500 экз. Заказ № 3015

Отпечатано
в Камчатском государственном университете имени Витуса Беринга

Journal Collection of Scientific Works of KRASEC
(Kamchatka Regional Association «Scientific-Educational Centre»)
Section «The Humanities»
2012 № 2 (20)

Editor N. A. Grigorenko
Technical Editor M. A. Ostreyko

Publishing Centre
of Vitus Bering Kamchatka State University
683032, Petropavlovsk-Kamchatskiy, Pogranichnaya Str., 4
Tel. (4152) 427-078, e-mail: nio@kamgu.ru, www.kamgu.ru

This edition is published against the order of KRASEC,
with the financial support of the Russian Federation's Ministry of Science and Education
under the auspices of the strategic development program
of FSBEE for HPE «Vitus Bering Kamchatka State University» for 2012–2016.

Signed to print 14.12.2012. Format 60×84 1/8
Offset paper. Digital printing. Set «Times New Roman»
Conv. printer's sheet 23,47. Editions 500 copies. Order № 3015

Printed in Vitus Bering Kamchatka State University

Вестник КРАУНЦ
Гуманитарные науки

Journal Collection of Scientific Works of KRASEC
(Kamchatka Regional Association «Scientific-Educational Centre»)
The Humanities

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
BOARD OF EDITORS

Председатель
редакционной коллегии
доктор культурологии,
доцент
Ю.О. Новик

Head of Central Board of Editors
Doctor of Cultural Studies,
Assistant Professor
Yu.O. Novik

Главный редактор
кандидат
психологических наук,
доцент
А.А. Бучек

Chief Editor
Candidate of Phychological Sciences,
Assistant Professor
A.A. Buchek

Доктор
филологических наук,
доцент
Г.А. Токарева

Doctor of Philology,
Assistant Professor
G.A. Tokaryeva

Кандидат
философских наук,
доцент
Е.А. Кормочи

Candidate of Philosophic Sciences,
Assistant Professor
Ye.A. Kormochi

Кандидат
филологических наук,
доцент
В.П. Цюрупа

Candidate of Philological Sciences,
Assistant Professor
V.P. Tsurupa

Кандидат
филологических наук,
доцент
В.В. Фёдоров

Candidate of Philological Sciences,
Assistant Professor
V.V. Fyodorov

Кандидат
исторических наук
В.А. Ильина

Candidate of Historical Sciences
V.A. Ilyina

Кандидат
философских наук
В.В. Давыдов

Candidate of Philosophic Sciences
V.V. Davydov